ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА ИРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ И МИХАИЛА ТИМОФЕЕВИЧА БЕЛЯВСКИХ (1041—1945)

УДК 93/99(4/9)
ББК 633(2)622
Д63

Составители:

С.И. Антонова, В.П. Богданов, А.А. Лиманов,
Ю.А. Мошков, Е.О. Ягодкина

Ответственный редактор:
Е.О. Ягодкина

Дневники и письма Ирины Михайловны и Михаила Тимо-
Д63 феевича Белявских / Отв. ред. Е.О. Ягодкина. — М.: Издательство Московского университета, 2010. — 392 с.
ISBN 978-5-211-05806-4

В канун Великой Отечественной войны Ирина Михайловна и Михаил Тимофеевич Белявские были молодыми учителями одной из московских школ. Летом 1941 г. Михаил Тимофеевич ушел добровольцем в Красную Армию, а Ирина Михайловна с двумя дочерьми эвакуировалась на Урал. В книге публикуются их письма и дневники — яркие документы военного времени. Дневниковая тетрадь И.М. Белявской дает представление о ее жизни в первый год войны, об экономических условиях советского тыла и мыслях очень многих жен, оставшихся в тылу. Дневники М.Т. Белявского отражают формирование и закалку его характера, новое осмысление многих реалий. После войны Ирина Михайловна и Михаил Тимофеевич Белявские работали на историческом факультете Московского университета. Оба стали профессорами, известными учеными.

Для широкого круга читателей.

УДК 93/99(4/9)
ББК 633(2)622

ISBN 978-5-211-05806-4

© Исторический факультет МГУ, 2010

Введение

Михаил Тимофеевич Белявский (8.11.1913—11.02.1989) — исследователь истории России XVIII в. и Московского университета. Профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук М.Т. Белявский был также членом Бюро Археографической комиссии АН СССР, руководителем научно—методического совета Министерства высшего образования СССР, одним из основателей и членом президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК).

Он родился в селе Горки Ярцевского района Смоленской области в семье сельского священника. В 1930 г. окончил школу и с этого же времени работал учителем, учась одновременно на вечернем отделении географического факультета Московского городского педагогического института, который окончил в 1937 г. К 1941 г. он стал завучем школы. В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Награжден боевыми орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга».

Война изменила его специальность: пройдя путь от рядового до комбата и вернувшись после демобилизации в Москву, в 1948 г. М.Т. Белявский поступил в аспирантуру истфака МГУ, с которым связана вся его последующая жизнь. М.Т. Белявский учился у М.Н. Тихомирова и Н.Л. Рубинштейна. В 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию «М.В. Ломоносов и основание Московского университета», в 1963 — докторскую диссертацию «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева». С 1948 г. он начал преподавать на кафедре

истории СССР (с 1965 г. — профессор), где постоянно читал часть общего лекционного курса по отечественной истории XVIII в., спецкурсы, в том числе и курс методики работы с историческими памятниками при изучении отечественной истории. Его методические разработки всегда были проверены практикой преподавания: лекции, семинары, экзамены профессора Белявского часто были необычными по форме и надолго запоминались его ученикам.

Научные интересы М.Т. Белявского включали в себя проблемы истории общественной мысли и культуры России середины — второй половины XVIII в., в том числе и столь значимый для русского общества «крестьянский вопрос», проблемы истории сословий и сословной политики государства эпохи «просвещенного абсолютизма», историю народов России, вопросы краеведения, музееведческие сюжеты. Он участвовал в создании таких коллективных трудов, как «История Московского университета» (1955), «Очерки русской культуры XVIII века» (в 4 т.; 1986—1989).

М.Т. Белявский придавал большое значение популяризации исторических знаний. Среди главных направлений научных изысканий М.Т. Белявского следует выделить не только историю Московского университета, изучение жизни и творчества М.В. Ломоносова и других мыслителей его времени, но и имевшую для него как историка-патриота исключительное значение тему увековечения памяти деятелей прошлого и современников, сохранения памятников истории и культуры. Это направление работы ученого нашло зримое воплощение не только в публикациях, но и в его роли в создании и деятельности ВООПИиК: М.Т. Белявский был одним из основателей Общества, членом президиумов Центрального совета и Московского городского отделения, председателем секции истории советского общества, инициатором и редактором многих изданий Общества. Одним из первых он был удостоен звания Почетного члена ВООПИиК.

Основные труды М.Т. Белявского:

М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965.

Наш первый, наш московский, наш российский... М., 1970 (в соавт. с В.В. Сорокиным).

Их имена увековечены в Москве. Ученые и питомцы МГУ. М., 1980.

Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию). М., 1984.

Всё испытал и всё проник... К 275-летию М.В. Ломоносова. М., 1986.

Сословия и сословный строй // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 2. М., 1987.

Школа и образование // Там же.

Общественно-политическая мысль // Там же. Ч. 3. М., 1988 (в соавт. с Л.Г. Кислягиной).

Ирина Михайловна Белявская (26.04.(9.05) 1913—16.05.1975) — историк-славист, исследователь истории Польши XIX в.

Родилась в местечке Хойники Речицкого уезда Минской губернии (Гомельской области). По-видимому, в 1933 г. Ирина Михайловна приехала в Москву и учительствовала в одной школе с М.Т. Белявским, за которого в 1935 г. вышла замуж. К лету 1941 г. у них было две дочери.

В 1934 г. Ирина Михайловна стала студенткой первого выпуска истфака МГУ, специализировалась по новой истории, в 1939 г. стала первой аспиранткой кафедры истории южных и западных славян у профессора В.И. Пичеты. Обучение в аспирантуре было прервано в 1941 г. в связи с эвакуацией в г. Медногорск Чкаловской (ныне Оренбургской) области. В 1944 г. И.М. Белявская возвратилась в Москву и была восстановлена в аспирантуре, одновременно стала работать преподавателем. В 1950 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «А.И. Герцен и польское освободительное движение в 60-х гг. XIX в.». В 1972 г. ей было присвоено звание профессора.

Научные интересы И.М Белявской были связаны с историей Польши XIX в. Ирина Михайловна внесла большой вклад в становление и почти 30-летнее развитие полонистики в СССР. Она исследовала проблемы польского национально-освободительного движения, русско-польских связей, историографии истории зарубежных славянских народов. Значительное место в ее научном творчестве занимала публикация переписки А.И. Герцена с польскими революционными и общественными деятелями.

И.М. Белявская разрабатывала концепцию преподавания истории южных и западных славян как фундаментальной университетской дисциплины; она была в числе создателей лекционного курса по истории южных и западных славян и одним из разработчиков его первой программы; принимала активное участие в создании курса по историографии истории зарубежных славянских народов и была редактором первой программы этого курса.

Под ее руководством было защищено более 120 дипломных работ, 13 кандидатских диссертаций.

Основные труды И.М Белявской:

А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954.

Некоторые проблемы истории зарубежных славянских народов в советской исторической науке // Славянская историография. М., 1966 (в соавт. с И.Д. Очак).

Основные черты развития исторической науки в зарубежных славянских странах в послевоенный период // Там же.

Советское славяноведение в Московском университете // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1968. № 1 (в соавт. с И.А. Воронковым).

О М.Т. и И.М. Белявских существует довольно обширная литература[1], однако военный период жизни ней освещен до-

---

[1] *Белявский М.Т.* Учитель и ученики (из архива И.М. Белявской) // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978; *М.Т. Белявский* (некролог) // Вопросы истории. 1989. № 7; *Омельченко О.А.* Не должно быть забыто. Михаил Тимофеевич Белявский. 1913—1989 // Краеведы Москвы. М., 1989; *Шмидт С.О.* Историк-просветитель // К 45-летию окончания Великой Отечественной войны. Сб. ст. М., 1990; *Он же.* М.Т. Белявский (1913—1989) // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990; *Моряков В.И., Иванов А.Г.* История России в трудах профессора М.Т. Белявского // Марийский археографический вестник. 2000. № 10; *Тришкан Е.И.* Михаил Тимофеевич Белявский // Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004; *Руколь Б.М.* Памяти И.М. Белявской // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1975. № 5; *Воронков И.А.* Ирина Михайловна Белявская // Советское славяноведение. 1975. № 6; *A.G.* (Александр Гейштор) Irina Michajłowna Bielawska (9.V. 1913—16.V. 1975) // Kwartalnik Historyczny. 1975. № 2; *Рацеева М.Н.* Ирина Михайловна Белявская // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет.

вольно слабо. Эта книга — публикация писем и дневников М.Т. и И.М. Белявских военного времени из Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (далее — КБС).

Сведения о жизни Белявских в первый месяц войны очень противоречивы[1]. Лето 1941 г. семья Белявских, по-видимому, проводила у родственников, откуда М.Т. Белявский 23—26 июня добровольцем пошел на фронт, а Ирина Михайловна с дочерьми уехала в Москву. Ее родственники жили западнее р. Березены, родственники мужа также проживали в Приднепровье. Можно предположить, таким образом, что находясь в том районе, Белявский мог без официальной принадлежности к какой-либо части участвовать в боевых действиях, получить ранение и вернуться в Москву. 18 июля он был мобилизован. После госпиталя (в котором, вероятно, он находился в первой половине июля) он попадает в Рязанское пехотное училище, где 25 августа принимает присягу. И.М. Белявская с детьми после первых бомбардировок Москвы с группой из МГУ выехала в Горьковскую область, где до середины сентября жила в деревне недалеко от Арзамаса. Там она ходила на сельхозработы и пыталась устроиться на работу в школу, мечтала «пройти курсы медсестер, овладеть военными знаниями, иначе, кажется мне, сойду с ума». 25 сентября И.М. Белявская приезжает в Медногорск (Медный, как она его называла. — *Е.Я.*), куда мать мужа в июле

М., 2004; Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ имени М.В. Ломоносова И.М. Белявской. М., 2005; *Ягодкина Е.О.* Документы Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских в архиве Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ // Археографический ежегодник за 2005 год. М., 2007.

[1] В аттестационном листе на присвоение звания майора в строке «С какого времени в действующей армии» написано «запас 23.06.41», на присвоение звания капитана — «с 26.6.41», там же — первое ранение 2 июля в сражении на р. Березине. В статье-интервью с М.Т. Белявским о его боевом пути (Память должна жить // Московский университет. 1984. 1 сент. С. 3.) приведены данные, согласно которым он выехал на Березину с Белорусского вокзала в день, когда впервые исполнялась песня «Вставай, страна огромная!..» В «Подборке» (см. о ней подробнее ниже) М.Т. Белявский исправил число дневниковой записи жены о мобилизации с 18.07 на 27.06. Однако в дневнике он пишет о 18 июле как о дне первой разлуки с женой (Пятая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского, Л. 1).

вывезла детский сад из Смоленска. В Медногорске Ирина Михайловна целый месяц пытается найти работу учительницы.

В связи с наступлением немцев на Москву М.Т. Белявский, не доучившись одного месяца до получения звания лейтенанта, 24—25 октября едет в Павлово-на-Оке, где в составе бригады особого назначения готовится для партизанской работы.

И.М. Белявская 24 октября стала работать в младшей школе, а 25 ноября 1941 г. перешла на преподавание истории в Ракитянке, находящейся за 12 км от Медногорска. Там она проработала до возвращения в Москву. «Сначала я чувствовала себя несколько дико на преподавательской работе — казалась эта работа не нужной. Теперь я думаю несколько иначе — воспитание новых советских граждан, беззаветно любящих свою страну, свой народ, — тоже боевая задача», — писала она мужу 12 февраля 1942 г. Мысли о курсах медсестер и фронте не покидают Ирину Михайловну во время всего пребывания в Медногорске: «Я не нахожу себе места, мне хочется вырваться отсюда к фронту. Мне хочется, чтобы двинулась вся Россия, вся Советская Россия единым последним усилием двинулась на врага и опрокинула его...»[1] Но она с увлечением работает в школе и включается в общественную жизнь города. Летом—осенью 1942 г. Ирина Михайловна вместе со своими учениками принимает участие в полевых работах в совхозе, за что их школа получила II премию. В феврале—марте 1943 г. Ирина Михайловна организовала «Сталинградский вечер», тогда же осуществила постановку спектакля «Русские люди», который показывали в городе и окрестных селениях. Она выступает в госпитале по различным вопросам: «Решено меня пока использовать как лектора. Работаю теперь в парткабинете над темой “Любовь, дружба и семья”. Если бы ты и Виктор прислали свои мысли и мысли вашего окружения (пусть даже отрицат[ельные]) по этим вопросам...», — просила она мужа и его друга в письме от 12 июля 1943 г.

«Триумфальное шествие по Медногорску» и энтузиазм И.М. Белявской были оценены как местной прессой, так и ее учениками. «Зимний, злой, студеный день февральский... Ветер и буран, сквозь который где-то смутно виден чей-то знакомый

---

[1] Архив КБС. Фонд «Белявский М.Т.». Дело «Первая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского». Лист 34. «Из письма Иры 18.08. 1942 г.».

родной силуэт. И не жакет, и не берет — шапка-ушанка, размашистый шаг, искры привета в глазах... И т.п. и т.д. так поют ребята в песне, которую они сложили о твоей жене. Ну не сумасшедшие ли!», — пишет Ирина Михайловна мужу в письме от 16 июня 1943 г.

Сохранились сведения о бытовой стороне жизни И.М. Белявской, ее дочерей и свекрови. «О нас не беспокойся, у нас все в порядке и не стоит тебе думать о посылке для нас денег, — пишет она мужу 12 февраля 1942 г. — Зарабатываемого мной вполне и даже с избытком хватает на жизнь. Я работаю в средней школе — преподаю историю, часов у меня 28 в неделю, так что комментарии излишни». Однако из дневника Ирины Михайловны выясняется, что даже своих дочерей она была вынуждена отдать жить в детский сад свекрови: «Бедные мои маленькие доченьки — материальные условия заставили нас жить раздельно — и я не воспитываю их, не укладываю спать, не ласкаю их. Все от мала до велика переживают тяготы войны»[1]. «Мы живем в почти нормальных условиях... все мы живем в маленькой комнатушечке... Здесь бы мы тебя угостили картошкой (сами садили), хлебом...», — пишет она мужу 20 августа 1942 г., упоминая о бытовых условиях в контексте приглашения его в Медногорск. Только в июле 1943 г. они получили квартиру.

4 декабря 1941 г. бригаду особого назначения, в которой М.Т. Белявский был комвзвода, бросают в наступление в Химках. И только после месяца боев под Москвой ее используют по назначению: «В новогоднюю ночь мы по льду озера в 35 градусов мороза шли через стены елок, покрывающих холмы самой высокой части Восточноевропейской равнины. Рейд в много десятков километров по елям. <...> Если получаете мои письма, пользуйтесь картой и думайте. Точнее ничего писать не могу», — пишет он родным 5 января 1942 г. о переходе линии фронта в районе озера Селигер. 15 января М.Т. участвовал в крупном бою: «Своим поведением в бою, правда не совсем удачном для нас, я пока доволен. Ни в момент боя, ни когда я раненый бежал 4 км с донесением по глубокому снегу под пулями немцев страха абсолютно не было. Правда, в рукопашной схватке я не участвовал, а ведь это самый ответственный момент боя». После ранения он две недели добирался до госпиталя.

[1] Там же. Дело «Дневник И.М. Белявской». Лист 3.

«Я и сейчас здоров, но пуля еще не вынута и рана еще не зажила... После боя пришлось проделать многокилометровый марш в тыл до эвакуационного пункта, где я сижу и сейчас 3-й день», — пишет он семье 22 января 1942 г. Потом Михаил Тимофеевич на самолете был вывезен на «большую землю» и только в конце января добрался до госпиталя в Кинешме, где лечился полтора месяца.

После госпиталя М.Т. Белявский вернулся на Калининский (вскоре ставший Первым Прибалтийским) фронт, провел две недели в запасном полку по охране аэродрома, а 3 апреля был направлен в Калинин на фронтовые курсы младших лейтенантов. 13 июня 1942 г. получил «не младшего, а просто лейтенанта»[1] и, как имеющий хорошие преподавательские и инструкторско-методические навыки, был оставлен на курсах в должности заместителя командира взвода. 10 марта 1943 г. получил звание старшего лейтенанта и с 11 апреля назначен командиром взвода. 28 января 1944 г. становится командиром 1-й стрелковой роты курсов младших лейтенантов Первого Прибалтийского фронта; 6 августа 1944 г. ему присваивают звание капитана. С 31 января 1945 г. он — начальник учебной части Первого стрелкового батальона курсов, в мае-июне 1945 г. ему присвоено звание майора.

До августа 1944 г. курсы располагались в Калинине: «Переезжаем... Наконец. Ну мог ли я подумать, что в этом городе мне суждено прожить два с лишним года, и это в дни войны, после того, как меня судьба бросала с места на место в первые месяцы войны, а здесь приехал на несколько дней и застрял. Не жаль покидать его. Несмотря на то, что пробыл так долго, так все и считал его временной, хотя и затянувшейся обстановкой», — пишет Белявский в своем дневнике 14 июня 1944 г. В августе школа переезжает в Витебск, в октябре — в Двинск. С февраля по апрель 1945 г. известий о переездах М.Т. Белявского в архиве КБС не имеется; в апреле он находился в Восточной Пруссии, под Кенигсбергом.

Кажется, что жизнь М.Т. Белявского в школе младших лейтенантов становится спокойной, работа — исключительно пре-

---

[1] Там же. Фонд «Ответы на вопросы анкет». Дело «Подборка документов М.Т. Белявского». Лист 2. «Краткое описание боевого пути».

подавательская. Прямым текстом ни в одном документе за 1943—1944 гг. он не рассказывает о своей деятельности. Однако из интервью 1984 г. мы узнаем, что он участвовал в боях за Старицу, Великие Луки, воевал в Прибалтике и Белоруссии, а в битве под Кенигсбергом его батальон едва полностью не погиб. В 1987 г. в письме С.И. Антоновой он пишет об участии его роты в крупных боях в 1944 г. Представляется, что боевой путь М.Т. Белявского нуждается в дополнительном изучении на основании других источников.

В декабре 1943 г. Ирина Михайловна Белявская возвращается в Москву, в аспирантуру исторического факультета МГУ. В апреле 1945 г. она становится преподавателем кафедры истории южных и западных славян и заместителем декана по учебной работе. «Работать приходится чертовски», — пишет она мужу 19 мая 1945 г.

М.Т. Белявский занимался «увековечиванием памяти деятелей прошлого и современников, сохранением памятников истории и культуры»[1], поэтому он живо интересовался созданием и организацией КБС и, по словам ее основательницы, доцента истфака С.И. Антоновой, одним из первых принес туда свои материалы, которые потом не раз пополнял. Первый материал, предоставленный М.Т. Белявским в КБС в 1985 г., был ответ на письмо-анкету, рассылаемую Советом ветеранов истфака с просьбой написать воспоминания о войне. «Писать воспоминания о фронте не могу, не сердитесь за это», — ответил Белявский. Вместо этого он сделал подборку своих писем и писем и дневниковых записей жены за первый год войны. М.Т. Белявский пишет, что он «перечитывал и отбирал, ничего не добавляя, но кое-что опуская». Однако достаточно сравнения даже небольших фрагментов «подборки» с подлинниками, переданными в КБС позже, чтобы понять, что там многое не только опущено, но и перефразировано. Степень и направленность изменений еще требуется выяснить. «Подборка» ценна тем, что в ней содержатся фрагменты писем, впоследствии не переданных в архив КБС. Предваряя ее, Белявский кратко описал свой боевой путь в первый год войны и привел сведения об упоминаемых в письмах лицах. «Подборка» перепечатанных

[1] *Тришкан Е.И.* Указ. соч.

Рис. 1. Профессор Михаил Тимофеевич Белявский. Май 1985 г.

на машинке документов с рукописным письмом-объяснением хранится в фонде «Ответы на вопросы анкет»[1].

Уже в письме 1985 г., сопровождавшем «Подборку», М.Т. Белявский пишет о документах военного времени: «Перечитал и думаю, как много они говорят о том, чем жили, что думали, во что верили». Видимо, тогда же он решил передать в КБС основной массив своих материалов военного времени: дневники, письма, фотографии, рисунки, причем как свои, так и И.М. Белявской, документами которой он распоряжался после ее смерти. Приблизительно в то же время он занялся сортировкой и реставрацией документов: один из рисунков был передан в КБС в обертке от журнала за декабрь 1985 г.

Материалы, переданные Белявским, носят следы реставрации: практически все дневники и другие документы в большей или меньшей степени проклеены скотчем, ветхие документы с обратной стороны проклеены бумагой. Одна из тетрадей вместо скрепок прошита капроновыми нитками. Многие рукописные материалы М.Т. Белявский обернул в более или менее подходящие обложки. Например, четвертую и пятую дневниковые тетради он принес в КБС в меньшей по длине и более широкой обложке, состоящей из открыток с видами Москвы;

[1] «Подборка» — единственное, что вошло из материалов М.Т. и И.М. Белявских в подготовленный по материалам КБС сборник «“Мы шли навстречу ветру и судьбе...”: воспоминания, стихи, письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны». М., 2009.

под напечатанным у корешка словом «Москва» рукой Белявского написано «6 июня 1944 — 20 января 1945» и сделана подпись. Но так как запись была сделана ручкой по глянцевой обложке, некоторые буквы полностью стерлись.

Особенно тщательно М.Т. Белявский обработал первую дневниковую тетрадь: кроме прочего, там многие карандашные записи переписаны чернилами, чтобы сохранить текст. Но даже не читая карандашные оригиналы, по количеству слов видно, что автор иногда переписывал не дословно. В других тетрадях тоже встречается несколько таких записей, но не все даже плохого качества карандашные записи переписаны.

В первой же тетради больше всего утерянных листов, в других тетрадях это обычно только начальные, последние или центральные листы, которые могли быть утрачены случайно. В этой тетради некоторые листы, по-видимому, были вырваны Белявским при подготовке к передаче материалов. Четвертую тетрадь он если и просматривал, то очень бегло: так, на первой странице была поставлена дата начала написания — 6 июня, хотя записи в этой тетради велись с апреля 1944 г.

В письме С.И. Антоновой от 4 октября 1987 г., сопровождавшем материалы военного времени, М.Т. Белявский пишет, что «нашел, наконец, тетради с записями 42—43 годов, а 41 года пока так и не нашел». Если сравнить даты начала и конца написания переданных в КБС дневниковых тетрадей с реконструкцией боевого пути Михаила Тимофеевича, возникает вопрос о существовании других дневников, так как сохранившиеся тетради относятся не к периоду участия автора в активных боевых действиях, а к периоду пребывания в школе младших лейтенантов. Первые записи датируются апрелем 1942 г., временем, когда автора направили туда учиться. Записи, относящиеся к периоду с августа 1944 г. по январь 1945 г., когда школа переезжала с места на место, становятся менее подробны, не регулярны. Как уже отмечалось, имеются точные сведения, что М.Т. Белявский участвовал в боевых действиях в операции под Кенигсбергом (конец января — 9 апреля 1945 г.), и январем 1945 г. кончается его последняя дневниковая тетрадь, хранящаяся в КБС.

О письмах М.Т. Белявский пишет С.И. Антоновой: «Перекопал все письма военного времени и увидел, что за сорок с лишним лет они [стали] почти не читаемы. Дело в том, что бумага была совсем плохая, а большинство их писал карандашом

и все выцвело и не читается. Отобрал порядочно писем, которые можно прочесть». Это очень ограниченная и нерепрезентативная выборка. Все переданные письма (кроме двух писем к дочери Майе) написаны чернилами.

Дневники военной поры семьи Белявских включают в себя одну дневниковую тетрадь И.М. Белявской (июль 1941 г. — март 1942 г.) и пять тетрадей М.Т. Белявского (весна 1942 г. — январь 1945 г.).

Дневник И.М. Белявской[1] — тетрадь на 9 листах, в которой листы в линейку были скреплены не к середине тетради, как обычно, а к несуществующей ныне обложке. Она находится в ветхом состоянии. На л.1 стоит дата — 28 декабря 1941 г. — и заголовок «А писем нет». Далее — эпиграф: «Это больше чем воспоминания... Это сама жизнь... все пережитое, передуманное и перечувствованное». За ним идет текст в форме письма-ответа на письмо мужа, в котором он пишет, что живет воспоминаниями: размышления о том, живет ли она прошлым, настоящим или будущим. На другой стороне листа — дата 22 июня 1941 г., но описание, как семья Белявских узнала о войне, — в прошедшем времени. Следующая дата — 18 июля: краткое сообщение о мобилизации и прощании с мужем. Дальше, уже другими чернилами, но без даты, идет более подробное описание мыслей и чувств при прощании, рассказ о первой бомбардировке Москвы 22 июля и ее последствиях. Видимо, эти записи сделаны 23—24 июля 1941 г. 25 июля — сообщение о предстоящей эвакуации с дочерьми и дальше — краткие записи о датах переездов.

Следующие записи кратко сообщают о поиске и смене работы в Медногорске, о вечере 31 декабря 1941 г. и первых дошедших письмах от мужа. С 3 по 24 января 1942 г. начинаются датируемые, более или менее регулярные записи, располагающиеся на л.3-4: заметки о дочерях и борьбе с бураном по дороге на работу, о новых знакомых. Постоянная тема — переживания за мужа, все возрастающие из-за отсутствия писем. После такой записи от 24 января — лист воспоминаний о прежней жизни: о школьных годах и первой любви, о работе и учебе в Москве, о встрече с М.Т. Белявским и его ухаживании, свадебном путешествии и рождении дочери. Следующая запись, в конце л. 5,

[1] Архив КБС. Фонд «Белявский М.Т.». Дело «Дневник И.М. Белявской».

сделана 2 марта синим карандашом. Продолжение этой записи — на л. 8: сообщение, что муж в госпитале с легким ранением, а писем снова нет и что за февраль она не написала в дневник ни строчки, хотя поклялась писать. На л. 6 — стихотворение К. Симонова “Жди меня” и запись от 27 января в форме ответа на письмо мужа — обещание ждать и ликвидировать возникавшие до войны недоразумения в отношениях. Лист 7 — снова описание борьбы с бураном, но если первое описание кончается радостью победы, то здесь — осуждение людского преклонения перед стихией. От возмущения по поводу закрытых в буран предприятий Ирина Михайловна переходит к вопросу о трудностях с питанием, описывает помещение и пищу в столовой, от пересудов о закрытых распределителях — к возвеличиванию народа и Сталина. Листы 8, 9 — записи за март 1942 г. (последняя — 23 марта): кроме мыслей о муже — переживания, что она становится обывателем в местной среде, описание, как тяжело быть самой сильной в семье — нужно успокаивать детей и мать и некому излить свои переживания. Дневниковая тетрадь И.М. Белявской дает представление о ее жизни в первый военный год, об экономических условиях в тылу и мыслях очень многих жен, оставшихся без связи с мужьями.

Обратимся теперь к дневнику М.Т. Белявского.

Первая тетрадь[1] за апрель—сентябрь 1942 г. озаглавлена автором «Строки. Мысли. Слова, чувства...». Это толстая тетрадь в линейку, в твердой темно-серой обложке, с золотым тиснением «Блок-книжка для командира». В ней было 56 л., из которых сохранилось 40. Книжка находилась в потрепанном состоянии уже во время ее написания. Она имела карандашную нумерацию, кончающуюся 48-м листом. Листы были пронумерованы, по-видимому, не рукой автора.

Вторая дневниковая тетрадь[2], содержащая записи за сентябрь 1942 г. — август 1943 г., названа «Фронтовые заметки и выписки». Это блокнот в линейку величиной чуть меньше тетради, с перфорацией по верху и одной скрепкой (утерянной). К настоящему времени это стопка из 27 листочков, по автор-

---

[1] Там же. Дело «Первая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. “Строки. Мысли. Слова, чувства...” Апрель — сентябрь 1942 г.».

[2] Там же. Дело «Вторая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. “Фронтовые заметки и выписки”. Сентябрь 1942 — август 1943 г.».

ской нумерации не хватает 8 листов. На листах много следов от вклейки газетных вырезок, но сохранилось их две: статья о молодежном митинге и фотография Д. Шостаковича. Каждая вырезка держится на двух целых непогашенных почтовых марках по 15 коп. с изображением красноармейца.

Третья[1] — дневник за сентябрь 1943 г. — март 1944 г. представляет собой тетрадь в линейку из 36 листов без обложки. В настоящее время нет первого и двух последних листов, а от последнего осталась только верхняя треть. Имеются четыре вклейки газетных вырезок: фотография, названная М.Т. Белявским «Апофеоз Гитлера», фотография красноармейца с гармошкой на фоне московских зданий со стихотворением В. Лебедева-Кумача «Москва, Москва», две статьи И. Эренбурга и стихотворения о любви.

Четвертая дневниковая тетрадь[2] за апрель—июль 1944 г. — нелинованный блокнот из 28 листов. В настоящее время он без обложки, без первого листа, разворота в середине блокнота и трех последних листов (которые, по-видимому, не были исписаны). Таким образом, сейчас, по новой нумерации, блокнот содержит 22 листа. Вклеек газетных вырезок нет.

Пятая дневниковая тетрадь[3] М.Т. Белявского представляет собой меньше, чем обычного формата тетрадь в твердой картонной обложке. На обложке напечатано «Полевая книжка. Военное издательство народного комиссариата обороны 1944», и стоит подпись М.Т. Белявского. Внутри вклеены листы — бланки полевых записок с расписками о получении, где показаны линии сгибов и отрезов, места написания текста и адреса. В настоящее время «полевая книжка» содержит 39 л., рассыпавшихся на несколько «тетрадок».

Дневник М.Т. Белявского своеобразен. Это не последовательные записи событий дня, размышлений и т.п. Дневник содержит рубрики, которые можно условно обозначить как «Цитаты», «Некрологи», «Сводки с фронта», «Союзники», «Памятные

---

[1] Там же. Дело «Третья дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Сентябрь 1943 — март 1944 г.».

[2] Там же. Дело «Четвертая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Апрель — июль 1944 г.».

[3] Там же. Дело «Пятая дневниковая тетрадь М.Т. Белявского. Июль 1944 г. — январь 1945 г.».

даты», «Культура», «Личное», последнее он одно время пытался разделить на «Письма и семья» и «О себе и окружении». Эти разделы автор вел параллельно, на каждый из них выделял какое-то количество листов. При таком способе записей о многих событиях можно только догадываться. Сам М.Т. Белявский удивлялся, оценивая свои тетради: «Перечитал многое из записей. Как странно, что столько общественных и личных событий проскочили. Ну да ведь это не дневник, а случайные записи, то я за месяц ничего не пишу, а то за 2—3 дня исписываю целую уйму... Много хорошего в записях, но много и субъективного, неправильного. Ну да я же и не претендую на роль Нестора-летописца», — записал он в августе 1943 г. И тут же указал, каким образом в нелегкое военное время сохранились эти тетради: «Если поеду, то оставлю тетради Ире, пусть будет у нее. Жив буду — у нее целее будут, убьют — пусть делает, что хочет. Это в значительной степени мое зеркало не только внешнее, но и внутреннее, и дальше уж ее воля, что с ним сделать. А ведь чего-то будет не хватать без тетрадки и писем» (Вторая тетрадь. Л. 25).

У каждой рубрики есть свои особенности. М.Т. Белявский начинает вести тетрадь с целью записывать яркие, понравившиеся ему цитаты. Он считает их самой интересной составляющей своих тетрадей: «А все-таки приятно перечесть записи. Конечно, в моих личных записях много не разгуляешься и жемчужных зерен отыскать в них трудновато, а чужие слова такие хорошие, просто замечательные. Плохо, что я не могу записывать многое».

Тематика цитат разнообразна: это фразы из выступлений политических деятелей (Сталин, Молотов, Черчилль и др.) и военачальников (Кутузов, Суворов), цитаты из произведений классиков (Шота Руставели и М. Горький, Фейхтвангер и Короленко), отрывки из газетных статей, как советских, так и иностранных (часто — статьи И. Эренбурга). Очень много стихотворных цитат, любовной лирики. Но, конечно, преобладает военно-пропагандистская тема: о патриотизме и вере в победу, о науке ненависти и дисциплине, Сталине и партии, рабстве и свободе. Есть фразы о характере и обычаях немцев и русских. Часто в период битвы за какой-то город М.Т. Белявский собирал высказывания о нем поэтов и писателей: например, в конце 1942 г. он пишет о Сталинграде.

При цитировании М.Т. Белявский всегда указывает автора фразы, реже источник, откуда он ее выписал (обычно только при отсутствии известия об авторе). Изредка приводит дату — но не записи, а выпуска газеты или произнесения речи, поэтому часто даты идут не по порядку. Так, в первой дневниковой тетради, которую открывает рубрика «Цитаты», на л. 4 стоит дата 9/V, на л. 5 — 2/VI, а на л. 8 — 26/IV и первомайские лозунги. В следующих тетрадях, где форма рубрик уже была выработана, М.Т. Белявский оставлял первые листы под самые важные, значимые события: третью тетрадь он начинает гимном Советского Союза, четвертую — известием об открытии второго фронта. По рубрике “Цитаты” можно определить круг чтения Михаила Тимофеевича в то время, лучше понять его интересы, мысли и чувства автора.

Рубрика «Памятные даты» — чаще всего Новый год и 22 июня: даты, когда М.Т. Белявский анализировал ряд событий, вспоминал прошлое и делал прогнозы на будущее как в личной судьбе, так и в масштабах страны.

Рубрика «Некрологи» — это странички, на которых М.Т. Белявский писал о смертях значимых, по его мнению, для страны, для мира людей, иногда — о гибели людей, оставивших след в его судьбе.

Рубрика «Культура» — записи о посещении концертов и театральных постановок, впечатления от просмотренных фильмов и анализ некоторых прочитанных книг. В них автор раскрывается как тонкий критик актерской игры и заядлый театрал. В суждениях о созданных писателями характерах и сюжетных линиях он не идет за общепринятыми оценками: «“Фронт” Корнейчука. Хвалят его в газетах. Ставят Малый, Вахтанговцы, добрый десяток других театров, инсценируют для кино. А не нравится мне эта вещь. Дешево. Ходульна. Нужная и важная тема, а положения стандартны, вместо характеров штампы, язык не типичен. Серо и не талантливо» (Первая тетрадь. Л. 34.). Яркие герои вызывают восхищение, они для него пример для подражания. Так, напротив имен главных героев «Молодой гвардии» А.А. Фадеева он записал: «Эти имена помнить и хранить в сердце, как знамя в бою, как символ настоящей нашей сталинской молодежи, символ героизма, веры, стойкости. Символ Человека» (Третья тетрадь. Л. 10).

Неоднократно на этих страницах Белявский обвиняет советскую культуру: «Наше кино с его “Моряками”, “Истребителями”, “Четвертым перископом”, “Если завтра война”, фильмами о маневрах и литература с “На востоке”, “Первым ударом” и десятками мелочи во многом виноваты перед страной, т[ак] к[ак] вместо мобилизации демобилизовывали своими шапкозакидательством”, вместо того, чтобы показывать врага “сильным и коварным» (Первая тетрадь. Л. 19 об.). Несколько листов этой рубрики — перечисление созданных в стране за год и получивших правительственные премии литературных, музыкальных и художественных произведений.

К сожалению, как «Некрологи», так и записи о событиях культурной жизни датированы довольно редко. Единственная рубрика, которая им датировалась практически всегда, — это «Сводки». Здесь записи велись регулярно, в напряженные моменты — немецкое или советское наступление — практически каждый день. Автор описывает события на фронте и свои переживания, дает оценки событий и прогнозы на будущее развитие военных действий. Весной 1942 г. — это торжество победы в зимней кампании и надежды на то, что лето также принесет удачу русским, а не немцам. В период летнего наступления немцев в 1942 г. лейтмотивом были мысли «Когда же удар? Когда мы повторим Москву? Отступать дальше нельзя!» Они очень созвучны с приказом № 227 «Ни шагу назад», который М.Т. Белявский воспринял как безусловно положительный. Зима 1942—1943 гг. — переживания, а потом радость за Сталинград. Весна—лето 1943 г. — напряженное ожидание, неуверенность в том, что лето принесет удачу, воспоминания о летних кампаниях немцев прошлых лет и жгучая надежда, подкрепленная битвой на Курской дуге и перешедшая в ликование от Донбасской операции. С 1943 г. помимо такого рода описаний появляются листы с перечислением в несколько колонок городов и местечек — последовательно, по месяцам, взятых нашими войсками.

В рубрике «Союзники» М.Т. Белявский описывал речи политических лидеров Англии и США, их обещания открыть второй фронт и обстоятельства, препятствующие этому. Его возмущали вечные отговорки союзников. После начала активных действий союзников в Европе и открытия второго фронта боевые действия автор помещает между сводками с наших фронтов, а в рубрике оставляет дипломатические переговоры.

Рубрика «Личное» претерпела больше всего изменений. В первой тетради ее можно озаглавить как «Письма», но к концу второй тетради добавляются сведения о поездке к семье и новых друзьях, о событиях, связанных с работой. Рубрика содержит впечатления, а иногда и отрывки из особо запавших в душу писем, которые созвучны с его мыслями. Встречаются письма от друзей и знакомых, чаще всего с неприятными новостями: «Совершенно неожиданно получил письмо от Юрки Тюрина. Увидев письмо с незнакомым почерком, страшно обрадовался, а прочел — и сейчас окончательно выбит из колеи и хожу, как ненормальный. 28/VI убит лейтенант Венедикт Чириков. Венька убит! Лелька, Андрей, Венька... <...> Пусто становится вокруг. Круг друзей сжимается. Очень тяжело... Вспоминается вечер накануне ухода в армию, поездка в Орехово-Зуево, встречи и работа с Венькой — простым, хорошим и веселым человеком. И снова и снова думаешь и не можешь поверить в его смерть, в то что еще один из близких ушел навсегда» (Первая тетрадь. Л. 29). Так же сильно Белявский переживает и известия о ранениях или гибели своих учеников как по московской школе, так и школе младших лейтенантов.

На смену старым приходят новые друзья. Появляются записи о Викторе Карлеоне: «Единственный человек в батальоне, с которым можно поговорить по душам, чувствовать себя человеком» (Вторая тетрадь. Л. 13). Постепенно эта симпатия крепнет и перерастает в настоящую дружбу: «Война развеяла старых друзей, да и когда у меня их было много, а что взамен — один, правда, большой и настоящий. И трудно даже представить себе, что я в армии и без него, а ведь это когда-нибудь случится», — записал Белявский 30 января 1944 г. (Третья тетрадь. Л. 22).

В основном в рубрике “Личное” Михаил Тимофеевич рассказывает о письмах жены и связанных с ними переживаниях. В 1942 г. он очень тревожится, что Ирина Михайловна может оставить детей на его мать, бросить работу и сорваться на фронт: «Чувствуется, что ей окончательно невмоготу. Что человек готов на что угодно, лишь бы вырваться из этого проклятого Медного. Отсюда сумасбродные и нелепые планы. Как остановить, удержать, когда я сам чувствую, как должно быть обидно и нестерпимо сидеть в этой дыре, оторванной от живого дела...» (Первая тетрадь. Л. 29). Белявский пытается повлиять на жену, заставить ее остаться, но при этом не ранить ее чувства: «Ответ

мой большой и резкий. Отправил, а теперь мучаюсь, ведь вдруг оно обидит Иру. Это совсем не нужно мне. Нервы взвинчены, разлука долга и тяжела. И поэтому даже мелочи кажутся такими страшными», — пишет он 11 ноября 1942 г. (Вторая тетрадь. Л. 7 об.). «У меня такое чувство, что какой из 2-х путей я ни выберу, я все равно ее потеряю. Так где же больше шансов ее сохранить, там или на фронте. Мне кажется, что во втором случае я не сохраню ее ни физически, ни морально. Как же ее удержать. Очень тяжело. Если я ее потеряю, то это будет самая большая катастрофа в моей жизни. Где узел, как нащупать правильный путь? — мучается Михаил Тимофеевич над очередным "тяжелым" письмом. — Первый раз за все время не выдержал и дал прочесть Ирино письмо другому. Долго толковал с Карлеоном. Вывод его абсолютно такой же. Только еще более решительный: ни в коем случае. Это не романтика и не подвиг, а грязная и тяжелая работа, убивающая не только физически, но и морально» (Вторая тетрадь. Л. 10).

Конец ноября 1942 г. был для Белявского тяжелым не только из-за писем, но и по причине трудностей при освоении новой работы: «Не могу. Нет, не выйдет из меня настоящего военного человека. Истории последних дней снова решительно выбили меня из колеи. Черт его знает, что делать, стать другим я не могу, не умею, да и, пожалуй, не очень хочу» (Вторая тетрадь. Л. 9 об.). Пройдет меньше года, и в конце сентября 1943 г. он признает, что вынужден был — и смог измениться: «Очень интересную мысль высказал вчера ночью Виктор. Что я постепенно стал кадровым командиром, мало отличаюсь от него и совсем непохож на того, кем был в прошлом году. И это очень и очень верно: незаметно для себя я действительно стал другим и изменился не столько внешне, сколько психологически. То, чего не смогли сделать ни школа в Рязани, ни фронт, ни учеба на курсах, сделало время и положение командира, т.е. я сам почувствовал необходимость. Достаточно вспомнить ненависть к строевой и то, что я ей легко занимаюсь... Тогда я был сугубо штатским человеком, одетым временно в военную форму: сейчас я уже вполне могу считаться командиром военного времени» (Третья тетрадь. Л. 12 об.).

В те же ноябрьские дни 1942 г. свершилось и радостное событие — принятие кандидатом в члены партии: «22/XI 42. Пусть этот день будет началом новой эры в моей жизни. Сбы-

лось то, о чем я мечтал, к чему стремился, чем жил. Жаль, что я не на фронте, там было бы легче отплатить. [...] Высокое доверие, высокая честь. Нужно ее оправдать» (Вторая тетрадь. Л. 16 об.).

Мысли о фронте не раз возвращаются к Белявскому в школе младших лейтенантов, так и оставшейся для него чуждой. «До чего мне надоело здесь и сказать просто невозможно. Чувствую, что выработался, выдохся окончательно. Подвернется что-нибудь новое и окунешься в это с головой, а дальше все день за днем одно и то же. И хотя бы курсанты новые, а то ведь все те же. И никаких данных, что что-нибудь изменится. Больше того, то я хоть на топографии отдыхал, а теперь придется зарядить, как проклятому...» — пишет он в июне 1943 г. (Вторая тетрадь. Л. 9 об.). Он подает очередные рапорты об отправке его на фронт и об отпуске, поездке к семье: «2 отказа. На первый — отказ, и на второй отказ. Клетка, западня. С одной стороны говорят: раз бежишь на фронт — шкурник, с другой — раз сидишь здесь, а не на фронте — трус, маскируешься» (Вторая тетрадь. Л. 20 об.).

О неудачах на работе он пишет лишь намеками, описывает не ситуацию, а свое к ней отношение и последствия для себя: «Плохо, совсем плохо. Вот теперь по-настоящему видно, что пора на фронт... Здесь я кроме дерганья и замечаний ничего не получу. И все же я выбьюсь из сил, а взвод переломлю. Передовым он, конечно, не станет, но порядок я в нем наведу. Самое плохое, что подошел срок перехода в члены партии, а с какими глазами я туда сейчас пойду. Теперь, видимо, придется оставить до фронта, и это самое тяжелое из всей истории», — записывает он в начале ноября 1943 г. (Третья тетрадь. Л. 20).

Особенно часто мысли о фронте возникают у Белявского в напряженные дни очередного выпуска. В ноябре 1944 г. он пишет: «Я начинаю все больше думать о том, что если я сейчас не уеду с курсов, то я никогда не уеду из тупика. А ведь это для меня смерть: не только потому, что я не живу в ней, а существую, но и в первую очередь потому, что это личная смерть. Ира не будет колесить со мной или сидеть в какой-нибудь дыре, да и кто может даже ставить такой вопрос. Ведь это значит зачеркнуть ее жизнь, ее путь, ее труды, надежды, цель. Тупик. Значит, нужно уезжать, но как? Так просто меня не отпустят. Объявлять войну или нет. Нужно начинать: там если убьют, то на то и война, а жив останешься — будешь по-настоящему

жить, а здесь и жив будешь, и все равно будешь не рад этой жизни... Вот только пройдет выпуск, и ближайшие дни принесут решение этого вопроса» (Пятая тетрадь. Л. 4).

Август 1943 г. — поездка М.Т. Белявского в Медногорск к семье. Все нарастающие переживания в дневнике начались с начала июля, с известия, что жена отправила его начальству письмо с просьбой об отпуске. Реальная возможность поездки появилась в начале августа: «Ответ на рапорт, и какой ответ, это уже много шансов за отпуск. Ведь отказа нет, а требуемое будет хорошим, я в этом уверен. Ну как тут не размечтаться во всю. Голова идет кругом и дух захватывает. А вдруг...» И следом — переживания от полученного из Медногорска письма: «Что за проклятье. Хуже ничего придумать нельзя. Ира на месяц уехала в какой-то район. Только этого и не хватает, чтобы я приехал и не увидел ее. Это будет для нас такой удар, о котором и говорить страшно» (Вторая тетрадь. Л. 25). Мучительнее всего Михаил Тимофеевич всегда переносил неизвестность, ожидание: «Стал совсем “психом”. Спать не могу. Вчера провел ночь без сна. Если бы знать решение в ту или другую сторону... Ответ будет 12-13, а до этого что?» (Вторая тетрадь. Л. 26 об.). Последняя запись во второй тетради (И.М. Белявской от 28 августа 1943 г.): «...Уехал... поезд медленно отошел, а затем все быстрее и быстрее удалялся... между нами легло опять огромное пространство и время [...] Что с ним сделали эти 2 г[ода]? Какая усталость и опустошенность? И опять туда же... Знаю, что выстоит, но все это огромной ценой мозга, нервов...» (Вторая тетрадь. Л. 27 об.).

После поездки до конца 1943 г. — ожидание переезда Ирины Михайловны в Москву, ее возвращения в аспирантуру: «Как я рад, что получен вызов. Это даст жизнь Ире. Но это ж заставляет очень и очень думать о детях» (Третья тетрадь. Л. 20 об.). Как только она приехала, у Михаила Тимофеевича все более настойчивые мысли о встрече: «Замечательное, прямо вдохновенное письмо от Иры. Я так рад, что и в Москве начинается становление. А ждать все труднее, и хотя последние дни были прямо чертовскими по нагрузке и отсутствию свободного времени, тем не менее, когда опомнишься, ожидание наполняет всего. После упорных напоминаний о вызове меня начинает пугать, а вдруг она не решится ехать без пропуска. Это будет для меня катастрофой. Но не может, не должно этого быть»

(Третья тетрадь. Л. 21 об.). В связи с напряжением, все усиливающимся от ожидания, Белявский рассказывает немного и о своих делах в школе: «Сегодня пришла открытка. И снова ведь открытка, как я их не люблю. Ира приезжает в промежуток 5—10. [...] Это меня совершенно выбило из колеи. Я ничего не могу делать, за что ни возьмусь. Ни читать, ни писать, ни думать. Значит, минимум неделя. Максимум — 2 и мы увидимся. Но что судьба окончательно смеется над нами, что ли. Летом я приехал и метался, тревожась, что ее так и не найдут. А теперь, после того, как всю осень и зиму просидел на одном месте, уходим на выход, как раз в те дни, когда должна приехать Ира. [...] Будь это до такого неожиданного повышения, а оно мне, признаться, не дает покоя, я бы легко ушел с выхода, а теперь это будет не так легко сделать. [...] Вопрос самолюбия — справиться с ротой, но это придет не само и не легко. [...] Плохо, что командиры все новички и сесть с ними я могу классически. Этого я не должен допустить», — пишет он 30 января 1944 г.

10 февраля 1944 г. Ирина Михайловна приехала в Калинин и прожила там 10 дней. Несколько строк в тетради записаны ее рукой. Дальше — снова записи Михаила Тимофеевича, но совсем с другим настроением: «Вот уехала Ира... но почему-то совсем другое чувство у меня сейчас, чем когда уезжал из Медногорска... мне все кажется, что она где-то совсем рядом и со дня на день я ее снова увижу и только по недоразумению дело обходится письмами. Летом я действительно не успел снова к ней привыкнуть, а сейчас несмотря на занятость и то, что видел ее урывками, кажется, что о всем переговорил, все запомнил, понял, все ясно и светло и Ира здесь рядом. Хорошо, что Ира так просто и хорошо вошла в нашу тройку» (Третья тетрадь. Л. 30 об.).

С 30 марта и до конца дневника очень меняется характер личных записей. Белявский начинает писать стихи, из которых мы узнаем о том, что 25—28 марта он приезжал в Москву в командировку, а 18—19 июня, после известия о скором переезде школы, сорвался на день, съездил домой без командировки. Кроме стихов о любви и встречах с женой, таких как «Побег», «Трубка», Михаил Тимофеевич в этот период пишет стихи и о боевых действиях и победах, например «Севастополь» и «Началось!». Он сам удивляется своему новому увлечению. 8 апреля записывает: «Мне самому нравится только “Цветок” и отдель-

ные строчки из “Разлуки”, но все это конечно страшно слабо и может быть признано только, как попытка выражения... чувств. Попытка явно неумелая, но искренняя. [...] Странно, откуда взялась эта новая, неведомо откуда явившаяся страсть к стихам. Ведь я прекрасно знаю, что хороших стихов мне никогда не написать, а плохие я всегда переносить не мог. Так откуда же это взялось и почему. Говорят, влюбленные пишут стихи, но я когда-то, когда все данные для этого были налицо, стихов не писал, а сейчас они лезут сами в голову на каждом шагу» (Четвертая тетрадь. Л. 13.). И как подтверждение — вложенный в тетрадь листик: кусочек карты Калининской области, на обороте которой М.Т. Белявский записал одно из своих стихотворений.

Было еще несколько встреч с женой в Москве и в Калинине, и после каждой из них менялось настроение автора дневника, эти встречи вызывали не только радость, но и грусть: «Хочется верить в близкую окончательную встречу и начало новой жизни. И рядом с этим кажется, что всегда была эта проклятая война и всегда она будет, и нет ей ни конца, ни краю. Не знаю, как кому, а мне сейчас даже трудно себе представить довоенное время и тем более будущее, а в ушах звучат памятные слова, с которых начались эти три года: “Наше дело правое” и “К вам обращаюсь я, друзья мои”. Они стали нашим символом веры, нашим законом, и с ним мы прошли сквозь все невзгоды, и с ними пройдем до конца» (18 июля 1944 г.) (Пятая тетрадь. Л. 1).

Очень интересна дневниковая запись от 22 мая 1944 г. (Четвертая тетрадь. Л. 20): спор о развитии событий на войне, который вели трое друзей — с подписью каждого из них. Они составили 8 вопросов, по которым у них возникли разногласия: об открытии, сроках и месте второго фронта, о направлении удара советских войск и сроках окончания войны.

В последней дневниковой тетради среди личных записей появляются впечатления о месте проживания: «Сегодня первый раз основательно бродил по Витебску. Что же это такое. Никогда не думал, что большой город можно так разрушить. Ну, можно разрушить городок, еще легче стереть с лица земли деревню, но так разрушить большой город... это в буквальном смысле слова мертвый город» (Пятая тетрадь. Л. 2 об.). Впечатления о переезде из Полоцка в Двинск Блявский записал в стихотворной форме:

Я привык к сожженным деревушкам,
К бурьяну, покрывшему поля,
К временным малюсеньким избушкам,
К раненым и стуку костыля.
И скажу по совести — обидно
По земле латвийской проезжать,
Где трех лет войны не видно,
Где про горе тоже не слыхать.

(*Пятая тетрадь*. Л. 16 об.)

Дневник М.Т. Белявского много рассказывает нам о мыслях и чувствах, надеждах и переживаниях, увлечениях и друзьях автора. Однако в нем содержится мало сведений о работе, конкретной деятельности.

В КБС хранятся 24 письма М.Т. Белявского за февраль 1942 — май 1945 г. на 35 листах; 4 письма за 1942 год, 7 — за 1945 г., остальные — за 1943 г. Кроме того, в архиве есть письма военного времени, адресованные М.Т. Белявскому: 7 писем И.М. Белявской за январь 1942 — май 1945 г. и по одному письму от дочерей Лены и Майи[1].

Характерной чертой в переписке супругов Белявских является нумерация писем. Эта практика возникает в первый год войны, когда письма доходили очень редко, и между супругами была плохая связь: они узнают иногда друг о друге только через друзей и родственников, и поэтому мучаются вопросами не только «где находишься?» и «что делаешь?», но и «почему не пишешь?»[2] Нумерацию они начинали заново с нового года или при смене адреса. Такая система и позже давала им представление о том, сколько писем доходит: например, 9 января 1943 г. М.Т. Белявский пишет жене, что в 1942 г., когда наладилась связь, пропали только два ее письма.

Письма М.Т. Белявского во многом повторяют информацию из дневников, но в них содержится намного больше информации о его жизни: он пишет о бое и своих впечатлениях, об учениях и походах, о погодных условиях и питании, о товарищах. Однако это отдельные фрагменты, по которым очень сложно составить полное представление о его деятельности. Чаще он

[1] Архив КБС. Фонд. Белявский М.Т. Дело «Письма военных лет».

[2] Дневник И.М. Белявской. Лист 9; Дело «Подборка». Письмо М.Т. Белявского от 03.12.1941 г.

говорит, что о себе ему писать нечего и нельзя, или ограничивается общими фразами, передающими только его настроение: «У нас сейчас очень трудно. Больше я тебе ничего написать не могу, временами кажется, что не выдержишь и свернешься, но снова и снова берешь себя в руки и делаешь свое дело», — рассказывает он жене 11 июля 1943 г. Переписка Белявских также содержит сведения о жизни и работе И.М. Белявской в Медногорске и Москве в годы войны.

Письма И.М. Белявской полны чувств к мужу, веры и гордости за него: «Верю, что возвратившись на боевой пост свой, ты также смело и беззаветно, как это делал до сих пор, будешь разить проклятого изверга, — пишет она 12 февраля 1942 г. мужу в госпиталь. — Как ни волнуюсь я о тебе — никогда у меня не было мысли, чтобы ты был здесь со мной, когда там на фронте идет великая борьба. Ни ты, ни я даже мысленно не можем купить своего личного благополучия такой низкой ценой. <...> Верю, что и тебя, мой дорогой, я встречу — этой надеждой я живу, в ней я нахожу силы для жизни и работы. Я терпеливо буду ждать тебя, ждать буду каждый день и час...»

Е.О. Ягодкина

Письма

№ 1 от 22.01.1942 г.

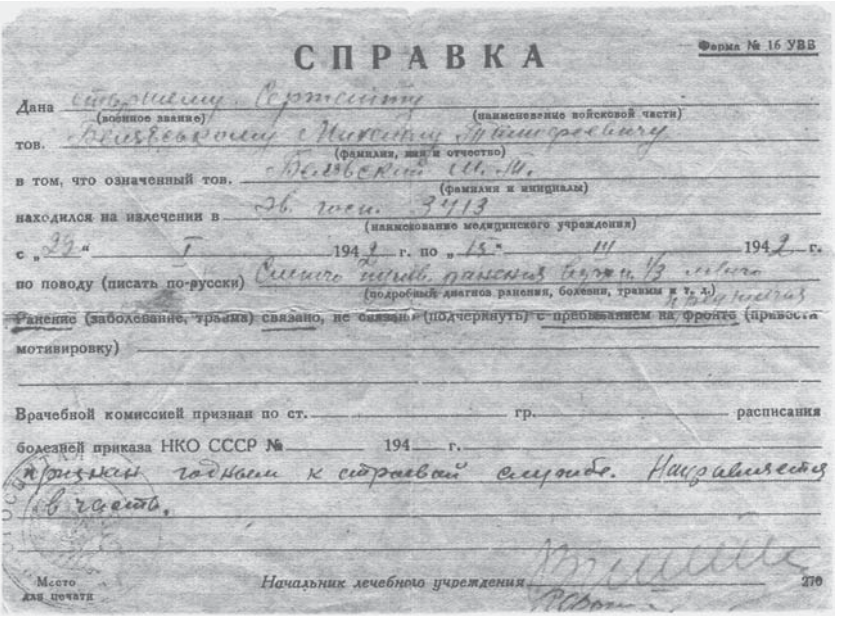
Здравствуйте, мои дорогие, любимые!

Вот уже неделя, как образ жизни моей резко изменился. На плечах нет груза, и ремень не оттягивают сумки с патронами и гранатами. После напряженной жизни, когда каждую минуту нужно было быть наготове и даже спать нужно было, не снимая снаряжения и не выпуская винтовки из рук, наступила пора полного безделья, когда весь день живешь только от завтрака к обеду и от обеда к ужину. Дело в том, что в бою 15 января меня ранили. Не беспокойтесь, ранили очень легко. Пуля немецкого автоматчика попала в левую руку ниже локтя и, не дойдя до кости, застряла в мякоти. Так что рана моя меня совершенно не беспокоит, и через несколько дней я буду снова здоров. Впрочем, это не совсем точно. Я и сейчас здоров, но пуля еще не вынута, и рана еще не зажила. После боя пришлось проделать многокилометровый марш в тыл до эвакуационного пункта, где я сижу и сейчас 3 день. Когда и куда отсюда направят, я не знаю. И сейчас сижу, как рак на мели. Своим поведением в бою, правда, не совсем удачном для нас, я пока доволен. Ни в момент боя, ни когда я раненый бежал 4 км с донесением по глубокому снегу под пулями немцев, страха абсолютно не было. Правда, в рукопашной схватке я не участвовал, а ведь это самый ответственный момент боя. Но смелости было много, и сейчас, оглядываясь, можно увидеть, что смелости часто ненужной и безрассудной.

В следующих боях у меня будет больше разумного спокойствия и выдержки. Это приобретается только опытом, а у меня, как вы знаете, его еще быть не может. Во всяком случае, все значительно проще, чем ожидаешь. И смерть очень простая штука. Так просто и незаметно умирают рядом с тобой люди, что и сказать нельзя. И трудно сказать, почему того убили, а другой жив. Я стоял во весь рост, рядом со мной лежал боец, весь зарывшись в снег, боец. И на моих глазах его убивают наповал, а я невредим. Трудно еще воспринять, что люди, с которыми я жил, несколько часов назад курил, разговаривал, лежат мертвыми, и ничто не в силах их оживить. Вы из газет знаете, что войска нашего фронта перешли в наступление и крепко жмут немцев. Уничтожают их самих, захватывают технику и боеприпасы. И проходя из одной деревни в другую по следам отступающей гнуси, все крепче сжимаешь винтовку, видя, что они делают, вернее, делали с нашей страной. Но ничего, к аккуратным могилкам, в которых немцы похоронили в наших деревнях своих убитых во время своего наступления осенью, мы прибавляем каждый день кучи падали, обмороженной и завшивевшей, только сейчас начинающей чувствовать нашу силу. Истребительная война начата, и ничего не сможет ее остановить. Возможно, что нам придется еще не раз отступать, но июня немцам уже не повторить. Я уже не говорю о техническом превосходстве нашей армии, но дело в том, что и наши бойцы и народ увидели, что немцев можно бить и бить очень крепко. Кажется, понемногу эта истина доходит и до немцев. И этот психологический перелом имеет колоссальное значение. Я не перестаю удивляться мудрости и выдержке Сталина, сумевшего в такой опаснейший момент найти правильный путь и уверенно идти по нему, какие бы удары ни обрушивались на страну. Величие Сталина в этой войне можно будет оценить только несколько лет спустя, когда можно будет смотреть на события с известного расстояния.

Что еще написать о себе. Думаю, после этого вынужденного отдыха я скоро вернусь в строй, чтобы продолжать делать то, зачем меня вооружила Родина. Чувствую себя хорошо. Ничего не обморозил, мечтаю о тех временах, когда будет малость потеплее (хотя половину зимы мы уже протянули), когда снег исчезнет с полей, а то лазить в нем по пояс довольно трудная вещь. Мечтаю о разных вкусных вещах, и вполне понимаю сей-

час Андрея, который первым делом, когда его сажали обедать, смотрел, сколько в шкафу есть хлеба. Что-то редко-редко удается насытиться. Ну а впрочем, это и лучше, нам тяжелеть нельзя.



Форма № 16 УВВ

СПРАВКА

Дана старшему сержанту
(военное звание) (наименование войсковой части)
тов. Белявскому Николаю Тимофеевичу
(фамилия, имя и отчество)
в том, что означенный тов. Белявский Н. Т.
(фамилия и инициалы)
находился на излечении в 26 гош. 3413
(наименование медицинского учреждения)
с „26" I 1942 г. по „15" III 1942 г.
по поводу (писать по-русски) Сквозное ранение бедра и 1/3 голени
(подробный диагноз ранения, болезни, травмы и т. д.)
Ранение (заболевание, травма) связано, не связано (подчеркнуть) с пребыванием на фронте (привести мотивировку)

Врачебной комиссией признан по ст. ____ гр. ____ расписания болезней приказа НКО СССР № ____ 194__ г.
признан годным к строевой службе. Направляется в часть.

Место для печати

Начальник лечебного учреждения

270

Рис. 2. Справка о пребывании М.Т. Белявского с 26 января по 15 марта 1942 г. в госпитале после ранения

Дорогие мои! Через несколько минут после того, как отправил к вам прошлое письмо, получил открытку от тети Маши от 24 декабря, где она пишет, что получила от мамы письмо и что вы все живы и здоровы, что Ира работает. Хотя это не прямо от вас, но все же большая радость знать, что у вас все обстоит благополучно. Я надеялся, что через несколько времени получу письмо прямо от вас, но судьба сулила иное. Адрес снова сменился, и попаду ли я обратно в свою часть, кто знает — маловероятно. Жаль, что меня ранили как раз накануне получки, а я только собирался послать вам немного денег. Не знаю, получу ли я за прошлое и когда. Если будет возможность, то перешлю вам, потому что здесь все равно ничего абсолютно ни

у кого купить нельзя. Государственной торговли нет, а население до последней крохи обобрано немцами.

Милые мои. Крепко, крепко вас целую. Ваши дорогие лица постоянно передо мной. Пишите. Не забывайте вашего Мишу. Я вас постоянно помню. Люблю и целую.

№ 2 от 09.08.42 г.

Здравствуйте, мои любимые!

Сегодня получил сразу 2 письма: мамино письмо от 28/VII и Ирино письмо № 32. Вообще в отношении писем судьба смилостивилась над нами, и они стали доходить быстро (10—15 дней) и доходят регулярно. Письма Иры начиная с № 23 получил все. Письма мамы, по-моему, тоже дошли все. Спасибо, мои дорогие. Вы сами знаете, какая радость в теперешней жизни получить письмо. С удовольствием читал и перечитывал строчки письма мамы, в которых она рассказывает о дочках. Хорошие, человеческие слова! Как я хочу всех вас видеть. Спасибо, дочурки, за ваши рисунки, мне очень больно, что ваше желание не могу я выполнить. Вот кончится лето, пройдет осень, снова покроется все снегом, забушуют уральские бураны, растает снег и вода хлынет на поля с гор. Зазеленеет травка, и появятся первые цветы, а когда эта травка станет желтой, увянут цветы, и снова заморосит осенний дождик, вдруг откроется дверь вашей комнаты, и вы увидите вашего папу. (Конечно, если его до этого не убьют немцы.) Видите, как долго еще осталось ждать, но вы ждите, и я приду к вам, и мы отправимся вместе в Москву. Станете вы большими, большими, такими, как мама и бабушка. И не узнаете папу. Чтобы этого не случилось, посылаю вам свою карточку. На ней я такой, как и на самом деле.

Я знаю, как вам всем тяжело, особенно сейчас, когда не радуют сообщения с фронта, а Ире вдобавок приходится переживать то страшное горе, которое пережили мы в прошлом году и от которого до сих пор в сердце осталась кровоточащая рана. Мои дорогие мама и Ируся, мы теряем близких одного за другим, мы читаем о потерях страны, мы ничего не забыли, ни отступления прошлого года, ни развалин Смоленска, ни десятка других городов, ни истерзанной Украины и Белоруссии, ни страдания ленинградцев, но мы помним не только это. Мы помним разгром немцев под Москвой, помним декабрь и январь — месяцы нашего триумфа, помним героев Севастополя

и Ленинграда[1], помним о тысячах героев, живых и погибших, помним о мужестве Красной Армии, отстаивающей свою Родину и поэтому верим, верим в перелом, верим в нашу победу, верим во встречу после войны. А если многие из нас не вернутся, то ведь война есть война, и в день победы в строю победителей рядом с живыми будут стоять и те, кто отдал жизнь за нашу победу. Поэтому не нужно опускать руки, не нужно думать о том, что все позади, что жизнь окончена. Мы еще поживем в освобожденной, счастливой и могучей стране. А пока брать пример с ленинградцев и севастопольцев, на глазах которых разрушался их любимый город, гибли близкие, а они голодали, мерзли, гибли, но стояли железной стеной за себя, за жизнь, за Родину, за Победу. Пишите обязательно все, что узнаете о родных. Как только что будет известно о Лене, сейчас же сообщите. Деньги еще не получил, как только получу, сейчас же вышлю. У вас жара, а у нас почти все время дожди. Не заметил, как прошло лето в 41 году, а вот и сейчас подходит к концу уже лето 42 г. Целую вас всех. Миша.

№ 3 от 06.10.43 г.

Здравствуйте, мои дорогие!

Что так редки стали от вас, мои хорошие, письма? То регулярно получал их от вас, а теперь приходят редко-редко. Почему совсем нет писем от Мамы? Вот уже месяц, как я от нее ничего не получал. Что случилось? Я боюсь и подумать о чем-нибудь плохом. Может быть, я тебя, мамочка, чем-нибудь обидел? Хотя, как будто, нечем было. Если это так, то еще раз прости и пиши своему сыну. Ируся, милая, пиши чаще, а то что-то очень тоскливо. Милые мои, сегодня выпал полусвободный день. Сижу дома — читаю и думаю. Думаю о том, что было ровно 5 лет тому назад. Ведь ровно 5 лет назад родилась наша Леночка. Помнишь, Ируся, как мы с тобой ночью отправлялись в это учреждение. Помнишь хлопоты, которые были связаны с вторжением в жизнь нашу еще одного, чего греха таить, не особенно желанного существа. А сейчас прошло 5 лет. Девочке нашей 5 лет. Большая стала, радость наша, и даже дикой кажется самая мысль о том, что ее могло и не быть. 5 лет, а из этих 5 лет 15 месяцев я ее не видел. Как выросли, изменились мои доченьки. Как бы хотелось увидеть их, побыть со всеми вами хоть

[1] Ленинград — название города Санкт-Петербурга в 1924—1991 гг.

совсем немного. Как жаль, что даже маленьких карточек ваших нет у меня. Хотелось бы еще разик увидеть вас. Мои хорошие, жизнь моя идет по-прежнему. Только настроение стало что-то паршивое. Хочется на фронт, надоело сидеть здесь, да и мало я приспособлен к такой жизни. Да и характер вы мой знаете. Возмущает всякий непорядок, а тут много не поговоришь. Все жду перелома, как мучительно ждали в прошлом году. Ведь сейчас положение еще тяжелее, чем в прошлом году, и удар еще нужнее. С восхищением и тревогой слежу за героической обороной Сталинграда. Москва не Марна[1], Сталинград не Верден[2]. Время другое, изменились условия, не та обстановка, другие методы войны, но мы отлично понимаем, чего хотим, когда называем Сталинград Красным Верденом. Пусть от города останутся (или уже остались) одни развалины — мы восстановим, переболеет — выстроим, Сталинград должен остаться Советским. Так же как Грозный, Баку, Тбилиси. Верю, что Сталин уже кует немцам «новую Москву», и с раздражением и злостью читаю очередные речи всех наших друзей. Ну, до каких пор это может тянуться. Есть ведь предел всему. Но переносить с зимы на весну, с весны на лето, с лета на осень, с осени на зиму можно без конца. Но когда-то ведь нужно действовать. Можно воевать до последнего солдата, но дальше что? Мало верю я всем этим Черчиллям[3], Иденам[4], Хэллам[5]. Нужно действовать. Действовать немедленно. А они все говорят, говорят, говорят. Часто

---

[1] Марна (Marne), река во Франции. В ходе Первой мировой войны на Марне произошло два крупных сражения, в ходе которых решилась судьба войны.

[2] Верден (Verdun), город во Франции. Являлся ареной грандиозной битвы Первой мировой войны между немецкой и французской армиями в середине 1916 г.

[3] Черчилль (Churchill) Уинстон (1874—1965), британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940—1945 и 1951—1955 гг., военный, журналист, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

[4] Иден (Eden) Энтони (1897—1977), британский государственный деятель, консерватор, в 1935—1938 гг. (кабинет Болдуина) и в 1940—1945 гг. (военное правительство Черчилля) — министр иностранных дел, в 1955—1957 гг. — 64-й премьер-министр Великобритании.

[5] Хэлл (Халл, Hull) Корделл (1871—1955), американский государственный деятель. Занимал пост государственного секретаря 11 лет (1933—1944), дольше, чем кто-либо другой. Лауреат Нобелевской премии мира.

это правильно, красиво, хорошо. Но ведь это только слова. А дело?.. Нет, можно надеяться только на себя, на свои силы. Будем же тверды и стойки, несмотря ни на что. Дорогая Ируся, я получил ответ на мое «личное послание». Не обижайся, родная, ничто не вечно под луной. Я знаю, дорогая, что ты только так и могла ответить. Моя Ирина не может быть иной. Но кто знает, что нас ждет впереди. Родная, и противоречия нет никакого, а есть — любовь, разлука, война. Я знаю, верю в твое ожидание и рад тому, что все мы выдержали испытания войной, что разлука не ослабила, а укрепила наши чувства, но одно дело — логика, ум и другое — тоскующее сердце, придумывающее неизвестно что. Я часто думаю, мирно текла наша жизнь и многое мы ругали, а сейчас все заслонила ненависть наша к врагу. На задний план отошли все неурядицы довоенного времени. Маленькими, случайными кажутся горести того времени. Как я рад, что мамочка, любившая поворчать, сейчас забыла обо всем, что в душе ее все победила любовь к России, народу, Сталину и что эта любовь к ним и ненависть к врагу позволила ей стойко и мужественно перенести все удары судьбы. Мы, русские, сыны великого народа, и нет нам жизни вне ее счастья, свободы, независимости. Мы любим жизнь, но лишь такою, какой мы ее создали. А другой жизни нам не нужно. Мои дорогие, [в] этот месяц не смог выслать денег, постараюсь послать [в] следующий месяц. Читали ли вы «Радугу»? Прочтите, если не читали. Пишите. Родные. Крепко вас целую. Адрес пишите точно. Ваш Миша.

№ 4 от 09.11.42 г.

Здравствуй, моя дорогая и ненаглядная!

Только собирался тебе писать, как наконец пришло письмо от тебя, которое я так мучительно и с такой болью и тревогой ждал. Я начну не с поздравления с прошедшим праздником, оно все равно опоздало, не с укоров за молчание, хотя и многих бессонных ночей оно мне стоило. Нет, не с этого! Помнишь, река, пули строчат по воде, Петька мертвый лежит на берегу, последние спутники уже под водой, не работает раненая рука, но нет, ВРЕШЬ, НЕ ВОЗЬМЕШЬ! Так почему же нас что может взять. Не должно быть. Как-то, работая со взводом на станции, я увидел пожилую женщину с седыми волосами и с глазами, полными такой тоски, горя и одновременно упорства. Лицо ее

невольно обращало внимание. Но много разных лиц пересмотрел я за это время, и, может быть, и оно бы исчезло в моей памяти. Да только мы отдыхали, курили, а она все работала и работала. Я ее спросил, мамаша, что же не отдохнете? Она посмотрела на меня пристально и ответила (этот ответ я никогда не забуду): «Двое моих сыновей убиты на фронте, мужа на моих глазах расстреляли, дочь изнасиловали и увели, а назавтра я нашла ее за деревней мертвую с изрезанной грудью», и она с гневом и недоумением смотрела на меня. Я молча пожал ей руку и принялся за работу. Какое же мы имеем право падать духом, ныть и уверять, что больше не можем. Что же тогда делать тем, у кого семья на оккупированной территории. Что делать тем, кто уже больше года живет под властью немцев.

Вешать голову нельзя в такую пору,
Унывать нельзя вдвойне!

Черт возьми, ведь считаем мы себя большевиками, и пусть в нашем грудном кармане нет красненькой книжечки. Она у нас в сердце. А шли большевики на каторгу, сидел скованный цепями Серго[1] в Петропавловке, в далеком Туруханском крае, не чета Медногорску, годы жили Сталин и Свердлов[2]. Ждали, боролись, гибли, как Иннокентий[3], Бабушкин[4] и другие, но победили.

А между прочим, ты уже год в Медногорске, значит препятствий для вступления в партию у тебя нет, жду когда тебя можно будет поздравить.

Так кто дал нам право терять себя, вешать голову, падать духом? Никто и никогда не давал и не дает нам это право. Тут я

---

[1] Серго — Георгий Константинович Орджоникидзе (1886—1937), советский государственный и партийный деятель. С 1930 г. — председатель ВСНХ, затем нарком тяжелой промышленности. С 1930 по 1937 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

[2] Свердлов Яков Михайлович (1885—1919), советский политический и государственный деятель, профессиональный революционер. Член ЦК РСДРП(б), РКП(б). Председатель ВЦИК (глава Советского государства) в ноябре 1917 — марте 1919 г.

[3] Иннокентий — Иосиф Федорович Дубровинский (1877—1913), русский революционер, большевик. Будучи безнадежно больным туберкулезом, покончил жизнь самоубийством, утопившись в Енисее.

[4] Бабушкин Иван Васильевич (1873—1906), один из первых рабочих социал-демократов. Расстрелян без суда и следствия.

как-то водил роту в театр на «Петра Крылова»[1] о тыле, о людях тыла и часто теперь думаю: и ведь в тылу бывает и потяжелее, чем на фронте, и если после победы воздвигнем памятник в честь победы, то это будет памятник не только нашей армии, разбившей врага, но и памятник тем, кто делал нам оружие и снаряды, жал и сеял хлеб, шил гимнастерки и варежки, берег и учил наших детей, писал и пел о нас и за нас! Пусть трудно, тяжело, мало надежд на просвет. Что из этого? Вот слушал я позавчера Сталина, и знаешь, не содержание доклада уравновесило меня, ведь мало в нем такого, что могло бы успокоить, а его голос. Спокойный и твердый! Он спокоен и тверд. А ведь ему труднее, чем всем нам вместе взятым. Мы не можем быть такими, как Сталин, он велик и недосягаем, но стараться быть похожим на него можно и должно.

Вдвойне тяжело было мне читать твои строки о примиренчестве к грязи и даже о возможности этого с тобой. Ты знаешь, как я тебе верил и верю. Ты была и останешься у меня единственной женщиной. Я не могу тебя убеждать и уговаривать. Это не нужно да и бесполезно. Я могу тебе лишь посоветовать, когда-то мое мнение (хотя и не всегда) кое-что для тебя значило. Подожди еще! Там впереди 2 выхода: либо я вернусь и попробуем мы зажить по-старому, только зрелые, мудрей, лучше. Либо ты будешь знать, что я не вернусь никогда. И тогда... тогда, нет, я не буду, не хочу писать об этом, мне будет, Ируся, очень и очень больно знать, что рядом с тобой кто-то есть. Не Я! Пусть он умнее, лучше, уравновешеннее меня, пусть он ничтожество, взятое в минуту тоски и горя. Пусть это кто угодно, но это не Я!

Я повторяю. Что мне это будет так больно, что я даже думать об этом не могу.

Не знаю, пережил бы я это в мирное время, сейчас переживу. Жизнь моя может принести пользу родине, и я не брошу ее зря, как хотел когда-то, нет. Но это будет жизнь с застывшей душой, окаменелым сердцем и больным умом. Поэтому хотя и бессилен я суметь что-то на таком расстоянии, я говорю тебе: Подожди, Ира!

Ну а если это тебе сейчас кажется трудным и ненужным...

Во всяком случае, знай, что для меня, кроме тебя, никого не было и не будет.

---

[1] «Петр Крылов» — спектакль театра БДТ по пьесе К. Финна. Режиссер Л. Рудник.

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто там ни судил,
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил[1].

Ты это вспомни, когда будешь решать вопрос, как дальше, со мной или без меня.

А что касается того, на Запад или на Восток, то я смотрю так. Раз я здесь занят, так нужно. Им виднее. И пусть заедают мелочи, пусть отвратителен повседневный быт, стань выше, живи дальше.

Легко планеты перекидывать, как комья,
Разрушая мировые пути.
А ты попробуй за каждой мелочью
Революцию мировую найти![2]

Так ищи же ее, грядущую победу и встречу, за хорошим уроком, удачной беседой и малым делом. Ируся, дорогая моя, хорошая, прости, что не пишу ничего о себе. Я пишу одновременно маме. Там все есть. Хорошая, если я ошибаюсь, то не сердись, прости. Я боюсь потерять тебя и поэтому могу говорить глупости. Я знаю, что встреча сейчас дальше, чем было в мае, если она будет когда-нибудь.

Мне потерять тебя нельзя. И нет, не могу. Дорогая, пиши только чаще, я жду твоих писем, как больной ждет мгновения, когда он может встать и пойти сам. Прости за резкость письма. Война обнажила нервы, и сердце колотится по открытой груди, и поэтому каждое, даже легкое прикосновение так больно.

Если есть твердость, если любишь и ждешь, ждешь наперекор всем и всему, то поймешь, что водила пером не досада, а любовь. Крепко целует тебя и дорогих девочек.

Всегда и всюду твой Миша.

9/XI 42 г.

Я перечел написанное и вижу, Ируся, что я не только спорю с тобой о тоске, но я и себя самого разношу. Что же. Клин клином вышибаю. Может быть, твое письмо ускорит мое выздоровление. Опасность у многих поднимает силы и дух. А слабость соседа возвращает силу. Миша.

---

[1] Стихи Константина Симонова, посвященные его жене, Валентине Серовой.

[2] Отрывок из поэмы А.И. Безыменского (1898—1973) «Поэтам Кузницы».

Перечитал еще раз и долго думал, а может быть, и не нужно, нельзя так писать, может быть, разорвать, а потом решил, что если я пишу Ире, то она все поймет, ошибаюсь — простит и пусть мысленно, но поцелует. Этот поцелуй я увижу во сне и горы назавтра сверну. МБ.

№ 5 от 31.12.42 г.

В вечер под новый год мне особенно приятно писать тебе, моя дорогая, на этой открытке, где на обороте написаны слова, ставшие сейчас девизом миллионов советских людей. Жди меня, и я вернусь! Ведь этот год должен стать годом победы, годом возвращения, годом счастья. Жди меня, и я вернусь! Ведь этого так желаем, так ждем мы оба. Жди меня, и я вернусь! Ведь этим мы живем, это нас двигает вперед, помогает переносить все. Жди меня, и я вернусь! Ведь в этих словах наше прошлое, настоящее и будущее. Жди меня, и я вернусь, только очень жди! Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло! Знаю, ты умеешь ждать, как никто другой! Миша.

№ 6 от 09.01.43 г.

Любимая!

Почта порадовала меня еще одним твоим письмом (50). К сожалению, радость не может быть полной: ты и в этом письме пишешь об отсутствии писем от меня, что за проклятье. Ответы на твои тяжелые письма дошли, а ответы на такие хорошие, нежные письма пропали, но почему не наоборот! Мало этого, ведь раз письма не доходят, это значит неизвестность, тревога и еще многое мучительное. И когда только настанет время, когда почтальон станет обыденной деталью жизни, а не явлением, и ожидать его будешь спокойно, а не с тревогой и нетерпением. Конечно, ни болезни, не перемены, а просто, как в Москве когда-то, опаздывая, говорили «трамвай», так теперь говорим «почта»! Жаль, что твое прошлое письмо, я уж не говорю об этом, опоздало к новому году, опоздал и тост. Но не думая и без договоренности этот тост всегда в моем сердце. В прошлогоднем письме я тебе каялся в своих новогодних прегрешениях, но от дум о тебе ничто и никогда оторвать не сможет. Послал свой портрет, Леночкин пока оставил: жаль расставаться, а кроме того, если посылать врозь, то авось хоть одно дойдет. Как то ты и все вы сейчас живете. Конечно, в каждом письме ты пишешь о том, что все идет хорошо, беспокоиться нечего, но в одном из писем мама обмолвилась, что в прошлую зиму твоим питанием

был чай и хлеб. И после этого ты смеешь посылать мне продукты. Как тебе не стыдно?!

Послал тебе, маме и девочкам по новогодней открытке. Напиши, дошли они или нет, и вообще обязательно напиши, какие [номера] моих писем пропали. Жаль бывает, когда узнаешь об этом. Повторить его невозможно, а ведь это часть сердца; к счастью, во втором году пропали только 39 и 47, а остальные дошли. Передай Маечке, что если в левом кармане у меня лежит партбилет, то в правом лежат карточки и Маечкин платок, полученный в посылке.

В конце письма у тебя очень хорошая фраза: «Совсем завертелась в школе, но это хорошо». Правильно, очень правильно. Хорошо и еще как! Помнишь Мишо из «Паденья Парижа»[1]? Одно нехорошо, что ты, много делая, а о твоей работе там писала мама, ты очень мало пишешь мне о своей работе. Пиши о ней больше, а в работе, я уверен, ты добьешься больших успехов. Как ты знаешь, мы сейчас ожидаем погон. Интересно, как мы будем в них выглядеть. Кто знает, если так пойдет дело, то ведь чего доброго — возьмем и увидимся в 43 году. Я много думаю, что мы при встрече будем говорить, не останавливаясь, или сидеть молча? А?

А приготовит, кажется, и под Ростовом Сталин фрицам «Хану». Вот человек! Вот настоящая жизнь! Будем же делать так, чтобы хоть в чем-нибудь походить на него.

Жди меня и я вернусь. Миша. 9/I 43 г.

№ 7 от 09.01.43 г.

Здравствуй, моя дорогая!

Так как не доходят письма, то попробую послать открытку, тем более, что подпись ее выражает наши мысли и желания, особенно сейчас, когда развертываются такие замечательные события на фронтах. Как обидно и досадно, что не доходят мои письма к вам, а ведь все это время часто вам писал. У меня никаких изменений нет. Сейчас ждем погон. Интересно, как это будет выглядеть. Послал вам свой «потрет», не знаю, может быть, ему повезет больше и он дойдет до вас. Как-нибудь пошлю Леночку. Жалко больно с ним расставаться. Зима, в отличие от прошлогодней, на редкость теплая, да и по малости привык к ней. Рад, если вам действительно легче, чем в прошлую. Боюсь только, что это пишется для моего успокоения. А в общем: Жди меня, и я вернусь... Миша. 9/I 43 г.

---

[1] «Падение Парижа» — роман И. Эренбурга.

№ 8 от 14.02.43 г.

Здравствуй, моя дорогая!

Я столько времени тебе, дорогая, не писал, что стыдно и начинать. Дело в том, что мы перебирались на новое место, и с переездом и оборудованием столько хлопот и дел, что буквально минуты свободной нет. Сейчас наша работа подходит к концу, и скоро будет просвет. Дико сначала было на новом месте, после города, сейчас вроде привыкли.

Столько времени не писал, что и не знаю, с чего начинать. Столько событий за это время, что голова кругом идет. Ведь за это время, по существу, закончено освобождение Кавказа, взят Курск, началось освобождение Донбасса! Причем наступление идет такими темпами, что даже не верится. И все-таки сейчас, в дни наших блестящих побед, я часто думаю и вспоминаю героев Сталинграда[1]. Чудо-людей, отстоявших город — спасших Россию. Сейчас, когда закончена ликвидация окруженной группировки Паулюса[2], ряд статей показывает часть того, что вынесли, выдержали эти люди. Без Сталинграда не было бы ни Краснодара, ни Курска, ни Лук и вообще не только наступления, а и России.

А это наше наступление — изумительнейшая вещь и, главное, пока ничего не говорит о его замедлении. В ближайшие дни я жду Ростова и Ворошиловграда[3]. Это будет последнее из занятого немцами в 1942 г., а там уже все то, на чем мы перешибли немцев. Нет, как ни говори, а несмотря ни на что «жизнь прекрасна и удивительна!»

Я себе не могу простить, что за все время я один раз усомнился и тогда, когда готовился ответный удар и какой удар!

Да, книга, о которой ты пишешь, это прекрасное изображение того, что никогда не может быть с нашей страной. А весточки «Падение Парижа» гораздо выше, и дело не только в том, что тут роман, а там публицистика. Нет, тут в полной мере, наиболее обнажено видно преимущество Советского писателя перед буржуазным журналистом, пусть очень талантливым. Все эти статьи, особенно большая, дают массу материала для

---

[1] Сталинград — название города Волгограда в 1925—1961 гг.

[2] Паулюс Фридрих Вильгельм (1890—1957), немецкий военачальник (с 1943 г. генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окруженной и капитулировавшей под Сталинградом. Автор плана Барбаросса.

[3] Ворошиловград — название города Луганска в 1935—1958 и в 1970—1991 гг.

размышлений, выводов, аналогий, но все они очень необъективны и неглубоки, я уже не говорю, что одна противоречит другой. Но книга, конечно, очень интересная и полезная...

[*письмо оборвано*]

№ 9 от 30.03.43 г.

Здравствуй, любимая!

Очень виноват перед тобой, что так долго не пишу, да так обстоятельства сложились — все некогда и некогда, а тут еще захворал малость. Это первый случай, что получил твои письма (№ 6 и 7) и не ответил сразу, а письма такие, что отвечать на них хочется.

Поздравляю вас всех с «Русскими людьми»[1], вместе с Вами радуюсь Вашему успеху. Спасибо за вырезку, одно меня огорчило, что о тебе там всего одна строчка, а мне хочется видеть о тебе целые страницы. В восторге от вашей мечты о 100.000 — прекрасная мечта, и если она сбудется, то будет чудесно, только тогда напишите и Симонову, он этого вполне достоин. Его вообще в этом году обидели. За «Жди меня» и «Убей немца» и не дать ничего — обидно. Ведь в двух этих стихотворениях целая программа Советских людей — программа общественная и личная. Я уж не говорю о его чудесных статьях. Ты их, правда, не знаешь, т. к. они печатались в Кр. Звезде. Да, за него и Эренбурга[2] в обиде, а за Ванду Василевскую[3] и Тарле[4] очень и очень рад. Не удивляйся, что я этих двух, совершенно разных людей,

---

[1] «Русские люди» — пьеса К.М. Симонова.

[2] Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967), советский писатель, поэт, переводчик с французского и испанского языков, публицист и общественный деятель. Во время гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. Эренбург был военным корреспондентом «Известий»; выступал как эссеист, прозаик. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Красная Звезда», писал для других газет и для Совинформбюро. Прославился яркими антифашистскими статьями и произведениями.

[3] Василевская Ванда Львовна (1905—1964), польская и советская писательница, поэт, драматург, сценарист и общественный деятель. Была женой писателя А.Е. Корнейчука. Во время Великой Отечественной войны полковник В. Василевская работала в Политуправлении РККА агитатором. Некоторое время она редактировала выходящую на украинском языке газету «За Советскую Украину».

[4] Тарле Евгений Викторович (1875—1955), ученый и общественный деятель, специалист в области новой и новейшей истории, д-р ист. наук, профессор, академик АН СССР, трижды лауреат Государственной премии СССР.

ставлю рядом, я и рад за каждого из них по-разному. Так что если ваша мечта осуществится, то обязательно напишите Симонову на адрес «Красной Звезды»[1]. Ты пишешь относительно вечера «Париж—Москва» — нужная и интересная вещь, но ты знаешь, может быть, потому, что я давно отошел от этого дела, но как-то в мыслях у меня не выходят вечера, мне это мыслится как доклад с вмонтированными в него отрывками из «Падения Парижа», «Я обвиняю»[2], «Декабрь под Москвой», статей к годовщине разгрома, речей Сталина 3/VIII 41 года и 6—7/XI 41 г., «Сказа про Москву» Твардовского[3], Песни о Москве из «Дня отечественной войны». Так мне кажется из моего, далеко не прекрасного далека, а впрочем, пока дойдут мои советы, ты, наверное, и вечер проведешь...

Ируся, ты знаешь, мне кажется, что вот о ком еще обязательно нужно что-то сделать, это о ЗОЕ[4]. Мне кажется, что подвиг ее, сам по себе замечательный, ее короткая изумительная жизнь стали символом мужества, преданности, воли. А сейчас это тем легче, что вышла замечательная вещь Алигер[5] «ЗОЯ». Можно еще взять книжечку Лидова[6] «Таня» и «Моя Зоя» ее матери. Ну,

---

[1] «Красная Звезда» — ежедневная газета Вооруженных Сил Российской Федерации. Издается с 1924 г., Центральный орган Министерства обороны Российской Федерации (до 1991 г. — Министерства обороны СССР).

[2] «Я обвиняю» (фр. «J'accuse») — статья французского писателя Эмиля Золя, опубликованная в ежедневной газете «Орор» (фр. «L'Aurore») 13 января 1898 г. Она написана в форме открытого письма, адресованного президенту Франции Феликсу Фору, и обвиняла французское правительство в антисемитизме и противозаконном заключении в тюрьму Альфреда Дрейфуса.

[3] Твардовский Александр Трифонович (1910—1971), русский писатель и поэт, главный редактор журнала «Новый мир». В 1941—1942 гг. работал в Воронеже в редакции газеты Юго-Западного фронта «Красная Армия». Крупнейшее произведение Твардовского — поэма «Василий Теркин» (1941—1945).

[4] «Зоя» — поэма Маргариты Алигер.

[5] Алигер Маргарита Иосифовна (1915—1992), русская советская поэтесса. В 1942 г. написала поэму «Зоя», посвященную подвигу московской школьницы Зои Космодемьянской. За эту поэму удостоена Сталинской премии второй степени.

[6] Лидов Петр Александрович (1905—1944), русский журналист, корреспондент газеты «Правда», опубликовавший в ней 27 января 1942 г. статью, посвященную подвигу Зои Космодемьянской. Журналист ездил в деревню Петрищево, лично опросив всех свидетелей трагедии. Погиб в июне 1944 г. при налете немецкой авиации на аэродром под Полтавой.

это мне так думается, а тебе там на месте, конечно, виднее, может быть, есть вещи гораздо более важные и нужные.

Как хорошо, что тебе удалось связаться с Эстер. И еще лучше, что за этим последует. Я тоже несколько дней назад нежданно-негаданно получил письмо от Певзнера. Как выяснилось, он мне летом несколько раз писал, но письма не дошли, т.к. писал он по старому адресу да и у него адрес изменился. Это пока открытка, пишет, что если она попадет ко мне, то ответит подробным письмом. Я ему, разумеется, сейчас ответил. Если у тебя весь вопрос упирался в одну рекомендацию, то отчего ты не написала ему, если он мне дал рекомендацию, то тебе и подавно даст. Его адрес М. Никитская, д. 52 кв. 10 или Берсеневская набережная, Управление делами Президиума Верховного Совета СССР. Кроме Вас я писем ни от кого не получаю. Из Москвы не отвечают. Сердятся, что ли? Кто их ведает.

Привет тебе от Виктора.

Я так же, как и ты, думал о горестях, которые для нас обоих связаны с мартом. Неужели и март 43 года принесет что-либо грустное. Кажется, хватит, и так немало жертв в нашей семье. Не верится, что люди ушли из нее навсегда, и какие любимые дорогие люди. Напиши от меня привет Мишке. Как его семья? Я не буду писать, т.к. это старый адрес, сейчас должен быть другой. Все равно письмо не дойдет. И ленинградцам всем мой горячий привет. Так и не принесла зима полного их освобождения. Что-то принесет весна и лето? Да и не только им, что-то принесет нам всем весна и лето? Зима принесла много, хотя и испортила много. Сейчас у нас распутица, снег постепенно стаивает, осталось его уже мало, грязь, вода и прочие прелести.

Дорогая, посылаю тебе письма Павленко. Не обижайся, в них[1]... правда. Крепко, крепко много раз тебя, любимая, целую. Я вижу тебя и наших детей и радуюсь тому, что вы все такие хорошие.

Еще раз целую. Миша. 30/III 43 г.

№ 10 от 22.04.43 г.

Дорогая!

Получил твое четвертое письмо. Общая сейчас у нас беда — редко писать стали друг другу. Но совсем ведь не оттого, что

[1] Два слова в рукописи расплылись.

меньше стали друг о друге думать. Нет. События так складываются, что все некогда писать, а ведь сейчас-то столько событий, сбывается то, о чем мы так мечтали, то, о чем мы даже не смели мечтать. Триумфальное наступление Красной Армии превосходит все даже самые смелые надежды. Ведь то, что гитлеровцы забрали забрали [так в тексте] за пять месяцев, мы отбили за 3, плюс Великие Луки, Курск, Харьков, Красногорск! Ведь кроме Новороссийска у Гитлера[1] ни клочка советской земли, занятой в 1942 году, не осталось, а ведь значение этого трудно переоценить. И что самое важное: НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!... Твое последнее письмо написано под впечатлением ликвидации армии Паулюса, а ведь после этого столько произошло событий. Но какие бы события ни произошли, к Сталинграду будут возвращаться годы, десятилетия, века.

И ты только подумай, что когда мы одни гоним гитлеровцев почти по всему фронту, эти идиоты умудряются отступать в Тунисе. Ведь это черт знает что такое. Вот и дождись от них второго фронта. Хотя мне кажется, что он должен быть скоро, т. к. наши победы пугают, как кажется мне, не только немцев... А загребать жар нашими руками до бесконечности нельзя. Чересчур много на это охотников. Сегодняшняя статья Корнейчука[2] в «Правде» говорит очень о многом. Так что ни говори, а не союзники это, а попутчики. И очень может статься, что недалекие попутчики. Ах, черт с ними со всеми. Мы наступаем и так наступаем, что ой как нужно держаться, чтобы не закружилась голова. А моя Ируся даже додумалась, что решила даже отпуск для меня получить.

Вот куда победы заводят...

Рад, мало даже сказать, рад твоим успехам и триумфальному шествию по Медногорску. Я же всегда говорил, что ты ж такое загибать умеешь, что [я] вовеки не «сумел». А «быстрого на-

---

[1] Гитлер Адольф (Hitler) (20.04.1889—30.04.1945), канцлер (с 1933) и президент (с 1934) Германии, создатель и руководитель нацистской партии, Верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии во Второй мировой войне, военный преступник.

[2] Корнейчук Александр Евдокимович (1905—1972), украинский писатель и политический деятель. Писал в основном статьи и пьесы на политические темы. Широкую известность получила его пьеса «Фронт» (1942), написанная по личному указанию и с правкой Сталина, где подвергались критике старые генералы — герои Гражданской войны, не умевшие воевать в новых условиях.

хальства» у нас с тобой нет, только в тех вопросах, которые касаются лично нас, а не работы, то ведь его хоть отбавляй. Мысль о Сталинградском вечере[1] прекрасная. Только о нем нельзя ничего делать плохо. Пусть все увидят, поймут, а многие и сейчас не понимают, величие и всемирное историческое значение Сталинграда. Как с «Русскими людьми», обязательно напиши мне о них. Ира, верь или не верь, но помочь тебе по московскому вопросу я совершенно бессилен. Ты думаешь, если бы я мог что-либо сделать, я не побывал бы там, ведь мне всего каких-нибудь 5 часов езды до Москвы...

Деткам скажи, пусть терпят, ждут. Пусть ждут.

Я не думаю, что скоро попадете в Москву. А соскучился я об вас всех страшно, ведь ж сколько времени прошло, и часто кажется, что было время, когда я всегда вместе с вами. Мог говорить с вами, любить и выражать эту любовь когда и как угодно. Неужели это наступит когда-нибудь снова?! О себе, собственно, писать нечего. Сейчас у нас испытания, зверски занят. И здорово холодно, сплю во всем, что есть. Пробовал в шапке, но уже успел отвыкнуть. Большое счастье, что мой друг Виктор снова со мной (не знаю, писал ли тебе об этом). Так все-таки легче. О многом вместе говорим, думаем, вспоминаем, мечтаем. Всех вас, Тебя, любимая, крепко целую. Миша.

№ 11 от 11.06.43 г.

Здравствуй, любимая!

В том, что я не пишу, виновато не только отсутствие времени. Несколько раз принимаюсь писать, но так и не могу дописать. Вот и сейчас рядом сидит Виктор и пишет письмо, а я ему говорю с завистью, легко тебе писать, ты уже в июне получаешь от Ани третье письмо, а мне уже больше месяца ни слова. Хорошо, хоть несколько дней назад пришли письма от мамы, а то совсем было тяжело. Всякое случается и всякое предполагается, что только не приходит в голову за этот месяц — и не перечислишь. На каждом походе я думал, вот вернусь, меня обязательно будет ждать письмо, а чего доброго и 2 сразу, но выход за выходом, а писем все нет. Сейчас вот уж несколько дней сидим на месте, но каждый вечер ответ мне один: «Вам ничего нет». Наверно, письма написаны и едут. Может быть их потеряла, чтоб ей ни дна, ни покрышки, почта. Ну, что ж еще может быть? Не

[1] Тематический вечер в средней школе, где преподавала И.М. Белявская.

верится, что ты так жестока, что не хочешь написать хотя бы коротко. Знать это было бы слишком тяжело. Ну, это ты и сама знаешь, и не мне говорить тебе об этом. Так что у меня сейчас, во всех отношениях, время ожидания. Жду грядущей летней бури, ожидание которой становится все томительней и напряженнее. Жду твоих писем, жду, и каждый день отсрочки несет новую боль и тревогу. Жду карточки девочек, о которой упомянула в письме мама, жду с любовью и любопытством. Жду, когда ты окажешься в Москве, и я как-нибудь вырвусь к тебе. Жду с нежностью и тревогой, любовью и горечью.

Жду большого праздника — дня нашей победы. Жду его каждой клеткой и нервом своего организма. Жду встречи со всеми вами в московской квартире, когда, сняв ремни и погоны и расстегнув воротник, я буду сидеть среди вас, слушать и говорить, молчать и смотреть, любоваться и радоваться, смеяться и плакать. Жду, когда будет закопан последний труп последнего немца на нашей земле.

Жду, когда мы снова будем жить, а не отстаивать ее.

ЖДУ!.. ЖДУ И ЖДУ!

Время делает это ожидание все более тяжелым и трудным, но не сломит и не согнет это нас. Ждем 2 года, подождем и еще и все-таки дождемся своего. Моя дорогая, вот нет от тебя писем, и не знаю я, чем ты сейчас живешь, о чем думаешь. Как у тебя с партией, как с Москвой, или это снова [несбыточная мечта]. А Виктор на днях должен получить маленький отпуск и уедет в Москву к Ане. Как я ему завидую, хотя и стараюсь не показывать этого. Он, конечно, требует, чтобы я регулярно писал от него привет тебе, а я, конечно, регулярно забываю это делать. За эти несколько дней, что находимся на месте, по малости прихожу в себя, а то на походах дошел до ручки. Сейчас перепадает хоть малость свободного времени, и хорошо, и плохо — мыслям разным отбоя нету. Я в письме маме не совсем удачно выразился о твоей работе и меня все мучит, что это тебя может обидеть, когда писал, то думал сказать, что если твою работу видят и ценят, то это тебя, как и меня, впрочем, поднимает, как на крыльях. Только не обижайся, если что не так. Кончается бумага, только давно не видно строк. Кончается письмо, такое же сумбурное, как и любящий и целующий тебя

Твой Миша.

Хотел перечесть, не выходит — темно.

№ 12 от 02.07.43 г.

Город Медногорск
Чкаловской области
Улица Свердлова дом 10
Ирине Михайловне Белявской
Полевая почта №16630«В» М. Белявский

Ира! Хорошая моя! Любимая моя! Здравствуй! Только послал тебе «ругательное» письмо за открытку и почти сейчас получил твое письмо. Как я рад, что оно большое, и пусть я не во всем согласен с тобой — не беда, это твои слова и твои мысли, и от них делается теплее на сердце и легче на душе. Размагниченность и апатия захватывает и меня. И это понятно, усталость берет свое. Но я знаю, что у меня это проходит и у тебя проходило и пройдет.

Вешать голову нельзя в такую пору,
Унывать нельзя вдвойне.
Может, кончится война нескоро,
Но придет конец ведь и войне
Вот тогда поверь счастливой карте,
Встрече, ожидаемой давно,
Будет это в мае или в марте,
Разве важно? БУДЕТ ВСЕ РАВНО!

А писать трудно бывает, это верно, все не напишешь, что думаешь, не выходит, нельзя и получается вместо больших и хороших мыслей жалкие, часто ненужные слова, а вместо хорошего, умного, страстного разговора вот такие полные сумбура, как могу.

У меня, так же, как и у тебя, вот сейчас на глазах срывается исключительно важное дело, но я могу только метаться, как тигр в клетке, и все. Так уж видно нам с тобой везет. Только одно не нравится. «Да и к чему тебя, мой хороший, тревожить»... Как не стыдно. Ведь вроде все у нас должно быть пополам, а ты! Ведь если я не пишу все, то чаще потому, что не могу писать, а не не хочу. Понимаешь!

Ну, а что касается твоих мыслей о Западе, то они могут быть только у тех, кто здесь не был и не знает, что творится здесь. Душно, правда, душно, и духоту усугубляет застой общий. В дни наступления не было такого чувства, как сейчас.

Спасибо тебе, хорошая моя, умница моя, что поняла, почему я послал тебе именно эту карточку. И за ответ спасибо. Жалко

только, что поцелуй твой не могу тебе вернуть на самом деле. Любовь и дружба, может быть, это покажется дико, но никогда они не были так нужны и сильны, как сейчас. Ты понимаешь, что я говорю о настоящем.

Наконец-то я тебя могу поздравить. Ты пишешь о моей сдержанности — ерунда. На самом деле я себя другим человеком чувствую сейчас. И за тебя рад особенно, ты настоящий большевик. Всем своим сердцем, каждой клеточкой своего организма и давным-давно ты должна была это сделать. Только не думай, что жизнь твоя морально изменится, к сожалению, мало об этом думают, и воскресенье незаметно переходит в будний день. Но сейчас, когда о тебе уже, видишь, песни складывают, тебе нужно марку держать. Вот и мне хочется поставить тебе песенку, конечно, не свою, я еще до этого не дорос и уже не дорасту.

Как будто с тобою сижу и пою я,
Уж так на войне повелось,
Что все мы солдаты живем и воюем,
Чтоб легче любимым жилось,
А ты не письмом, так открыткой обрадуй,
Хорошей любовью храня,
Живи, сероглазая, всем на отраду,
А больше всего для меня.
Каким в ней приветом меня приголубишь,
Ты все освети, озари.
Ты как меня любишь, ты как меня помнишь,
Еще и еще повтори[1].

Я не знаю, когда ты на работу уходишь, но тогда, наверно, от тебя писем не дождешься. Ты пиши и пиши. Крепко целую и девочек, и тебя любимую мою Иру — твой Миша.

Сейчас получил письмо от Мишки из-под Курска, завтра ему отвечу.

№ 13 от 11.07.43 г.

Здравствуй, моя любимая!

Сегодня большая радость: сразу 2 твоих письма (19 и 20) и, главное, не потому, что задержали письма, а потому, что пишешь

[1] Отрывок из стихотворения А. Прокофьева.

сейчас часто. Даже не знаю, как тебя благодарить за это. Сейчас у меня крайне тяжелое настроение, и в связи с этим единственное утешение и радость — твои письма. Ты молодец, что так твердо смотрела вперед. События на фронте подтверждают твой оптимизм. Здорово действуют наши. Молодцы. Похоже уже сейчас, что из летнего наступления немцев ни хрена не выйдет. Похоже на то, что это наступление принесет Гитлеру такие хлопоты, от которых он и рад не будет, что выдумал наступать. Здорово написал о лете 1943 года Эренбург: «Не будет больше праздника на немецкой улице. Они, наступая, думают об обороне. Мы, обороняясь, думаем о наступлении». Это, пожалуй, самое важное в июне 1943 года. Сегодня радио принесло первые скупые сообщения о Сицилии. Что там такое, и как будут развиваться события, но не верится, что новый [...] Стоит ли в Италии еще пробовать, там надо сразу стукать. Если это так, то прекрасно. Момент выбран классически. И для нас, и для союзников удачно. Пусть только действуют решительно. Во всяком случае, телеграмму я тебе не посылаю еще. Ты понимаешь, о чем я говорю? Не знаю, выдыхается уже немецкое наступление или нет, но уже сейчас ясно, что цель, поставленная перед этим наступлением Гитлера, выполнена не будет. И когда начинаешь анализировать общий ход войны, то ясно виден полный крах стратегических планов Германии, с какой стороны ни посмотришь. Нет, не зря, не зря прошли для нас два года!

Моя хорошая. Как я рад, что гордость моя тобой, уверенность в тебе получила еще одно подтверждение в виде всеобщего признания! Ты уже видишь, шествуешь по дороге цветов, как какой-нибудь триумфатор, а в честь твою слагают стихи. Смотри только, не залети слишком высоко, а то тогда на нас, маленьких людей, и смотреть не захочешь. Ну кто такие мы? Младшие офицеры из матушки пехоты. Недаром у Твардовского в «Василии Теркине» любят летчиков, у нас конники в почете, обратите нежный взгляд матушке-пехоте. Правда, если ты на лето останешься в городе и будешь заниматься подготовкой к лекциям, то, смотришь, нет-нет и оторвешься от конспектов и напишешь мне. Во всяком случае, у меня появляется надежда, что ты будешь писать не реже, чем сейчас. Как это хорошо будет — и не скажешь. Серьезный вопрос с тематикой лекций, даже не знаю, что тебе посоветовать по этому поводу.

Тема твоя для госпиталя важна и трудна, так как за 2 свои лежания в госпитале я ясно представляю, что из себя представляет он в этом отношении.

Плохо, на эту тему доклад делать нельзя. Мне ясно одно, что он должен быть горячим. Пусть проснется в людях то, что, находясь в этом бардаке, либо прячут, либо забывают. Пусть поворочаются ночью, вспомнят, подумают, и если проснется в душе дорогое и полетит туда и обратно десяток хороших, ласковых писем, то что же. Цель будет достигнута. Я уже поздравлял тебя в прошлых письмах. Поздравляю еще раз. Мне всегда было понятно твое упрямство по этому вопросу, и было очень обидно за тебя. Я крепко жму руку тебе, поздравляя, как самому близкому и дорогому человеку, которому многим, очень многим обязан в политическом отношении. Радуюсь и горжусь. Знаю, уверен, что теперь ты развернешься еще шире, почувствуешь себя еще увереннее. Пусть все-все видят, какая ты у меня замечательная, и если твоей самой большой ошибкой было, что ты соединила свою судьбу с моей (ведь ты могла найти гораздо лучшего), то я буду стараться всегда и всюду быть достойным твоей любви, моя любимая, дорогая, единственная. И если за 2 года войны у меня все мысли и дела вращаются вокруг центра — Тебя, то так и только так будет и дальше, сколько бы ни продолжалась эта разлука. Время бессильно что-нибудь сделать с этим. И если оно идет, неумолимо идет день за днем вперед, увеличивается расстояние между нами, предоставим событиям развиваться так, как они развиваются. Ведь в конце концов, как говорил Меринг, дело совсем не в том, чтобы радоваться по поводу событий или оплакивать их, а в том, чтобы их понимать. Может быть, здесь спорна такая бесстрастная посторонность, но много правильного. Во всяком случае, предоставим времени и истории делать свое дело, а на своем посту будем час за часом и день за днем делать свое дело, твердо выполняя свой долг перед самим собой и Родиной.

У нас сейчас очень трудно. Больше я тебе ничего написать не могу, временами кажется, что не выдержишь и свернешься, но снова и снова берешь себя в руки и делаешь свое дело. Без Виктора я, пожалуй, совсем запсиховал бы, он в этом отношении более спокоен, чем я, да и более выдержан. Вдалеке шансы на изменение есть, и сейчас они повысились, но когда это произойдет, неизвестно, ведь ждем с декабря. Больше ничего и не напишешь.

Рад за ваши огороды. С удовольствием отдали бы часть своей воды. У нас 3 недели лил дождь и жутко холодно, а сейчас 4-й день жара. Так что с удовольствием заняли бы у вас суши, нас дождь извел, все мокрое и не высыхает неделями. Вот, видишь, как расписался. Сколько исписал и ответил только на одно письмо. Ну, это, может быть, и лучше. Значит, завтра-послезавтра нужно писать другое. Крепко тебя, любимая, целую. Поцелуй за меня маму и девочек. Твой Миша. 11/VII 43.

№ 14 от 24.10.43 г.

Эту неделю совсем замотался, и все никак не выберусь тебе написать, хотя и собираюсь это сделать каждый день. У меня все по-старому. Только сейчас много ходим, много стреляем. Вот и все. Неприятности мои в основном окончились, но след от них остался. А именно, я опять не получу того, что должен был получить к празднику. Видно уж в этом моя судьба такая несчастливая. Сейчас это еще ничего, а вот если останусь жив, то после войны будет неприятно.

Хорошая моя! Если у тебя ничего не изменится, то ты получишь это письмо как раз к празднику или в дни праздника. Вот и 3-ю годовщину мы будем встречать врозь и не в своей родной Москве. Будем верить, что четвертую годовщину мы встретим уже снова все вместе. И эта наша надежда пусть будет согревать нас в грядущую, думается, последнюю военную зиму. Когда подходит праздник, мне всегда вспоминается Красная площадь и общий сбор у нас после демонстрации. Далекие, но какие дорогие дни.

Праздника жду с нетерпением: Надеюсь, что армия поднесет новый замечательный подарок Родине, и с особым нетерпением жду Сталинского доклада. Очень непохожа обстановка нынешнего года на 41 и 42. Мы услышим Сталина — ПОБЕДИТЕЛЯ...

Родная моя! Неужели все еще ничего нет из Москвы. Все уверены, что все вы в порядке, все готово. А в то же время ничего не двигается с места. Что за чертовщина. Не опускай рук. Не стесняйся. Пиши, напоминай, требуй! Это нужно не только лично тебе.

Днепровская битва, битва решающая в самом разгаре, и когда произойдет перелом, сказать трудно, но успех у Кременчуга —

это большое дело. Сегодня смотрел новую картину «Подлодка Т-9». Хорошая картина.

Моя ненаглядная! Пиши как можно чаще. Легче будет переносить сотню. Или сотни дней. Крепко целую и целую. Твой Миша.

№ 15 от 26.11.44 г.

Здравствуй, дорогая.

Видно, правду говорят, что беда не приходит одна. То были неприятности, а теперь обрушилось такое горе, что я не могу и сейчас прийти в себя. У Виктора вскрылась старая рана, он был ранен в голову, началось воспаление мозга. Три дня он пролежал, как мертвец, в полном бессознательном состоянии и сейчас лежит в психической больнице. Состояние его очень тяжелое, а главное, говорят, что даже если он будет жив, то едва ли будет нормальным. Ты только подумай, день до 10 часов занимались вместе, пришли, поговорили, а утром уж это. Был живой мертвец. Замечательный парень, умный, полный сил, жизни, надежд, только день назад получивший правительственную награду — и вдруг такая судьба. Я даже не знаю, как написать об этом его родным и Ане. Один друг был, и тот погибает на глазах жутко и нелепо. Меня дрожь берет, когда я представляю его таким, как он был эти три дня. Ты сама можешь представить, какое у меня настроение. Между прочим, вечером накануне мы сидели и писали письма (23/XI), и он сказал: «А все-таки я когда-нибудь увижу твою жену и скажу ей спасибо», помнишь свое письмо. Он тебя просто боялся и когда прочел письмо, дня два ходил расстроенный и все говорил, что ему будет стыдно при встрече с тобой, и во встречу, и близкую победу он твердо верил. Врачи пытаются выяснить, что, кроме раны, вызвало катастрофу, но ведь для этого нужно знать всю его жизнь. Вот видишь, как я тебя радую и как нас радует судьба. А ведь сейчас тебя нужно как раз поздравить с освобождением Родных мест: сначала Хойники[1], а потом и Гомель. Помнишь наше первое лето в Елче[2], робкое, прошедшее в какой-то сплошной дымке, когда столько думалось и мечталось обо всем и ничего не дума-

---

[1] Хойники (белор. Хойнікі) — город в Белоруссии, центр Хойникского района Гомельской области. Расположен в 105 км от Гомеля и 60 км от Мозыря.

[2] Елча — деревня в Ярцевском районе Смоленской области России. Входит в состав Подрощинского сельского поселения.

лось ни о чем и ни о ком. Весь мир, вся вселенная заключалась в тебе...

И второе лето в Поташине[1], и многое, многое...

Ты пишешь, что борьба совсем истрепала тебя, но я уверен, что ты своего все же добьешься, и я все-таки сделаю свой тысячный шаг тебе навстречу. Конечно, помочь тебе вызовом не могу и не из-за звания, а из-за должности.

С удовольствием бы прислал к тебе капитана, но боюсь, как бы он не проделал «умыкания» не только от Г. К., но и от меня, а уж найти тебя потом попробуй да тем более, что «в крови горит»...

Нет, на такую аферу никак не согласен.

Ну, это, конечно, все в шутку, а на самом деле я бы головы поотрывал вашим градоначальникам за эту дурацкую «репку».

Не умеем мы с тобой пользоваться волшебными палочками. И за это нас бьют дубинами и главное кто бьет!..

(*письмо обрывается*)

№ 16 от 06.01.45 г.

Москва, Б. Грузинская, д. 19, кв. 3
Белявской Ирине Михайл[овне]

П.П. 16630 М. Белявский

Вот, дорогая моя, как идет у нас жизнь и как не хватает твоих писем.

А о том, что думы о тебе заполняют меня всего и всегда, говорит следующее:

Ночное

Ты сегодня ночью
У меня была,
Мне глядела в очи,
За руку брала.
Я с тобою нежной
Ночь провел без сна,
И зимою снежной
Ворвалась весна.
И рука так ласково
На плечо легла...
Радужными красками
Ночь вдруг расцвела.

---

[1] Не удалось определить населенный пункт.

И коснулись губы
Моего лица,
Лишь белеют зубы,
Да стучат сердца.
Сладкою истомой
Весь наполнен я.
В темноте укромной
Снова ты моя.
Волосы рассыпались
Прямо мне на грудь...
Ну, куда торопишься?
У меня побудь!..
Вот мечта ночная,
Но пришел рассвет.
Комната пустая,
И тебя уж нет.
Что ж, до новой ночи
Ты придешь опять,
Поглядишь мне в очи,
Будешь целовать.

Г. Д. 30/XII 44 г.

Видишь, почти новогоднее.

И я в ответ посылаю крепкие, горячие и бессчетные поцелуи той, в ком радость, счастье и жизнь!

6/I 45 г. Миша

№ 17 от 02.04.45 г.

Здравствуй, моя любимая!

Время летит быстро, и вот уж снова набралось немало дней моего молчания. Все занят сортировкой людей. Их сейчас у нас очень много, и времени совсем нет, так же, как нет и света. А вторая причина — ожидание письма. Я не знаю, дошли ли мои прошлые письма. Одно из них я тебе послал уже с нового места очень подробное. Но я хотя и знаю, что ты даже, наверное, и в эту горячую для тебя пору писала мне хоть пару раз, а писем твоих ни разу еще не получал. А ведь уж много пролетело времени с так внезапно выпавших на нашу долю дней счастья. Многое хочется о тебе и всех вас знать и думается, что скоро я уже должен получить от вас письмо и не одно, а сразу целую пачку. Что у нас за эти дни нового? Основное, что мы приоб-

щились к событиям внешнего мира. Редакция фронтовой газеты оказалась по соседству с нами, и теперь мы [имеем] газету в тот же день. Правда, это листок, но все же сводки стали доходить до нас, а сейчас они такие богатые, что просто дух захватывает. Вот когда началось по-настоящему с 2-х сторон, и вопрос о конце стал по-настоящему. Вопрос о конце стал делом недель и дней. И верится, и не верится, что, наконец, наступает то, во что мы верили и в тяжелые дни 41, и в дни Сталинграда. Чего так ждали в дни наших побед 43 и 44 годов. Я никогда не думал, что они способны так тянуть войну на своей территории. Мне всегда думалось наоборот, что они не захотят испытать прелести войны на своей шкуре. Ну, что ж, раз они избрали другой путь, тем хуже для них. Они не привыкли к тому, что война приходит в их дом, они привыкли приносить ее другим. Теперь мы поменялись ролями.

Сногсшибательный приказ Рузвельта[1] (а главное его опубликование) потряс наше воображение и вселил в нас самые радужные мысли. Наш фронт по тому, где мы находимся, ты сама догадаешься, другой. Недавно нам салютовали за уничтожение группировки. Правда, Рокоссовский опять нас перещеголял, он ликвидировал целиком Данцигскую группировку, но она во много раз меньше нашей. Ведь сюда стащили со всей Восточной Пруссии, но и тут их бьют отчаянно. Жаль, что нет Черняховского, и не он доведет до конца начатое. Но по иронии судьбы, мы, и перейдя с одного фронта на другой, снова оказались на 100 км от основной линии фронта. Так уж нам не везет, ничего не поделаешь. Зато когда тут, так сразу далеко шагнем.

В остальном наша жизнь течет по обычному и в этом проклятом «Райхе»[2].

Посмотрел тут два фильма, «Оборона Царицына»[3], я его прежде не видел. Обычно. И «Малахов курган»[4], от которого я

---

[1] Рузвельт Франклин Делано (1882—1945), 32-й президент США (1933—1945).

[2] Неофициальное название Германии в годы нацистской диктатуры — Третий рейх.

[3] «Оборона Царицына» — советская двухсерийная историко-революционная киноэпопея работы братьев Васильевых. Первая серия — «Поход Ворошилова», вторая серия — «Оборона».

[4] «Малахов курган», фильм, снятый в 1944 г. режиссерами Александром Зархи и Иосифом Хейфицем на студиях «Ленфильм» и «Мосфильм».

матерился и выкрикивал всякие лозунги. Мне было просто стыдно за то, что на 4-м году войны могут появляться такие халтурные фильмы, появление которых еще можно было бы как-нибудь объяснить до войны.

Дорогая! Мне хочется поскорей получить от тебя письмо, знаю, что и ты, и я бессильны подогнать полевую почту.

Когда дойдет письмо, то ты уже верно будешь «ученым мужем». Мне так хочется тебя поздравить с этим большим и важным на твоем пути, с которого тебя не смогло заставить свернуть ничто, ни семейные дела и неурядицы, ни дни горя. Это уже не ступенька, а высокая площадка, на которую ты взобралась по крутым ступенькам, площадка, на которой ты не остановишься, а отдохнешь и снова пойдешь вперед и вперед. На этой площадке я и целую горячо ту, что дороже мне жизни. Мою дорогую Ирину и наших детей.

Миша. 2/IV 45 г.

***№ 18* (*начало апреля 1945 г.*)**

Здравствуй, моя любимая!

Началось! Вчера пришло твое письмо (№ 2) и сегодня следующее, дошло оно невиданно быстро, всего за какие-то 5 дней. Сейчас, вдалеке от тебя, особенно дорога каждая строка. Я все больше привыкаю к тому, что эта чужбина и родное, свое так далеко. В нашей жизни перемен пока никаких: закачиваем организацию и послезавтра начнем нормальную жизнь. Что-то мне нынче не повезло, с декабря месяца я только и делаю, что принимаю, отправляю, организую и никак не начну нормальной жизни. Это в недалеком будущем, а дальше туман, так как у нас дело идет к концу. Борьба идет непосредственно за город, и в случае удачи услышите салют в нашу честь. Будем не отставать от Рокоссовского[1]. Но ведь как кончится здесь, так нам делать здесь нечего. Сидим и гадаем, куда лежит нам путь — на запад или на восток. Мысль о возможности последнего повергает нас в страх и трепет. Теперь такой близкий конец, до кото-

---

[1] Рокоссовский Константин Константинович (1896—1968), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (5 ноября 1949). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Командовал войсками в Московской битве, Сталинградской битве, сражении на Курской дуге, в ходе освобождении Белоруссии (операция «Багратион»), разгрома Померанской группировки. Командовал Парадом Победы.

рого счет идет на недели и дни, и вдруг — на тебе, чтоб они провалились вместе со всеми своими островами. А какое великолепное наступление союзников, наконец-то. Боюсь, что только там останется все по-старому, только сменятся вывески. Там, где заняли наши, там уже этого не будет. Хотя и не все ладно, но все же лучше, чем у них. Германский вариант Греции меня никак не устраивает. Югославия или Румыния гораздо лучше.

Ты знаешь, Ирусенька, как-то не пишутся что-то у меня письма. То ли это протест против почти четырехлетней жизни в письмах, то ли ожидание, что скоро наступит время, когда письма из оси, вокруг которой строится вся жизнь, превратится в бытовое явление. Как-то с каждым днем живется из-за этого ожидания все напряженнее, и жизнь кажется пустой, ненастоящей. Будто впереди что-то большое, настоящее, а эти дни как-то протянуть нужно. И что-то с каждым днем все напряженнее ожидание конца. И не хочется сейчас ни о чем другом думать, как об этом. Сейчас у нас замечательно стало с газетами. Фронтовая в тот же день. Центральные — через 2 дня. Так что мы теперь полностью в курсе событий.

***№ 19* (*конец апреля 1945 г.*)**

Ируся! Дорогая моя! Здравствуй!

С Первым маем! Наверное, письмо мое попадет как раз к празднику. А события последних дней крепят надежду, что это будет «из праздников — праздник и торжество из торжеств». Конец! Конец! Теперь уж не годы и не месяцы, и даже не недели, а дни. Как будто это совершенно ясно, но сердце не воспринимает этого, что действительно это наступит и наступит не в далеком будущем, а завтра, послезавтра. Может, мешает этому другая сторона горизонта, где вместо восходящего солнца сгущаются тучи. Чтоб они были прокляты вместе со своими островами. Начинать все сначала?! Дрожь берет. А пока сногсшибательное шествие союзников по Германии тоже заставляет думать о многом. Демократизация Европы проходит вовсю, и чем это закончится, трудно судить. Но проблем встает много и чревато большими последствиями. Ну, ты уже знаешь, возможно, даже слышала, прогремел салют и какой салют. Так ведь К. и стоил этого, и теперь мы в буквальном смысле слова сидим у моря и ждем погоды. Что нас ждет дальше и куда лежит наш

путь-дорога, леший его знает, что будет. Нормальной работы еще не начали.

Жизнь идет нормально. Городишко постепенно стал знакомым, и кажется, что никуда мы не переезжали, все то же. Знакомое, надоевшее. Вчера не дописал письмо, принесли газеты, поспорили по поводу статьи о Эренбурге. И порешили, что в конечном итоге дело совсем не в Эренбурге, а гораздо ближе. И вообще очень много запутанного.

Как-то очень давно не приходят твои письма, наверно, у тебя сейчас больно горячее время. А хочется знать побольше. Ируся! Мне как-то, я не знаю, писал я тебе или нет, прислали, что письмо Щербакову[1] передано Советскому райкому. Не знаю, что выйдет или нет.

Очень мне не нравится, что тебе снова к диссертации придется подрабатывать.

Если тут дело только в деньгах, то этого, пожалуй, можно было бы и не делать. Т.к. нам сейчас выделяют достаточно марки, то все деньги пересылаю тебе. Так что можешь ориентироваться на 1000—1600 в месяц. Подумываем об организации игорного дома вроде Монако. Ну, это, конечно, в шутку. На самом деле, накупили по всем карточкам одеколон и, на удивление всем, используем его по прямому назначению. Остальные предпочитают использовать его как внутреннее средство.

А вообще ничем заниматься не хочется. Тут еще в мае всякие соревнования, самодеятельность и т.д. до бесконечности. Ты бы мне писала побольше о своих планах на будущее. А то я их совсем сейчас не знаю. Ведь уже 2 месяца прошло, и когда они только могли проскочить.

Надо бы написать тебе письмо с первомайским настроением, да ведь Первое мая еще далеко, и с ним связываются большие надежды.

---

[1] Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945), советский государственный и партийный деятель, генерал-полковник (1943). С 1939 г. член ЦК ВКП(б), с 22 марта 1939 г. — Оргбюро ЦК. С мая 1941 г. — секретарь ЦК ВКП(б). С 1941 г. возглавлял Московскую партийную организацию, в 1942 г. стал также начальником Главного политуправления Красной Армии, одновременно являлся начальником Совинформбюро. В 1943—1945 гг. также был зав. отделом международной информации ЦК ВКП(б). Генерал-полковник (1943).

Но Маечку, дорогую девочку, крепко-крепко целуй и поздравляй маму тоже. Я постараюсь написать ей к этому дню. Нужно идти, до свидания.

Крепко целую, твой Миша.

№ 20 от 07.05.45 г.

Здравствуй, моя любимая!

Выходит, мы один другого лучше, и ты молчишь давным-давно, и я не писал с незапамятных времен. И как это ни странно, молчим мы тогда, когда пришли дни, которых мы так долго и страстно ждали; ждали еще в дни Москвы и Сталинграда. И твердо верили, что придут эти дни. Горячо поздравляю с праздниками прошедшими и наступающими. С таким прекрасным, светлым, настоящем Маем. Значит, Москва снова светла, как когда-то. Не знал, как тебе, а я страшно обрадовался за вас, когда прочел про конец затемнения. Надоела за эти годы темнота жутко. И неожиданным был для нас парад, мы о нем узнали уже из газет. Видно, демонстрация осталась для другого, еще большего праздника.

Горячо поздравляю с Берлином. Ты знаешь, мне повезло, и я слышал берлинский приказ по радио. Мы кричали, хлопали, и многое думалось, когда Левитан читал приказ. Многое думалось и многое вспоминалось. И как-то больше всего думалось о тех товарищах и близких, которые не дожили до этого дня, о тех, которые своей смертью проложили дорогу к победе. И все прожитое за эти 4 года встало передо мной.

И еще радостней поздравляю с концом. Конец, Ируся! Конец! Пока дойдет письмо, он уже, наверное, наступит. С ним, долгожданным, горячо поздравляю тебя и всех Вас, мои дорогие.

И пусть маленьким, незаметным по сравнению с теми событиями, современниками которых мы являемся, выглядят наши личные, семейные дела, но я также горячо поздравляю со днем рождения Маечки, маминым, твоим. Всем вам — счастья, здоровья, победы, встречи. Всем вам — мои горячие, бессчетные поцелуи.

И тебе одной, не поздравление, а напоминание о майских днях 193... года (ты знаешь мою неспособность к датам). Сейчас мне особенно хочется быть с тобой рядом, как тогда. За эти годы мы стали дружить, многое ушло, и многое пришло. Но

кроме любви, большой, горячей, единственной и постоянной, чувство большой благодарности за тот год. Без тебя не было бы меня. Без тебя был тупик, конец....

Вот сейчас ты что-то давно, давно молчишь. Видно, что-то снова не ладится у тебя. А я, видно, так и останусь, наверно, нескладным, не могущим оказать помощь. Мама пишет, что никак вы не сведете концы с концами. Мне очень больно мое бессилие. И все же, чтобы не было недомолвок и всего прочего. Мама пишет о посылке. Ничего я прислать не могу и не пришлю. Я знаю, что многие и много присылают сейчас. У меня нет и не будет. Может, тебе это покажется грубо и резко, но тут я изменить ничего не могу и в прятки играть не собираюсь. Я еще раз говорю, что мое бессилие доставляет мне много горьких минут, но изменить что-либо — не в моей власти. Денег сколько есть пришлю, а больше сделать ничего не могу.

Хватит об этом. Мы сидим все там же. Дня три назад я путешествовал «на Родину», — в Советский Союз, а сейчас сидим и гадаем, что дальше. Путешествовать на Запад уже вроде некуда и незачем. Пора вроде начинать обратное движение. Как бы только этот путь не оказался слишком далеким. А путешествовать с одной границы на другую что-то никакой охоты нет. Уж очень «широка страна моя родная». Сейчас мы начали новый тур, и, как всегда, начало несет много неполадок, и вдобавок сейчас нас по ряду причин посещает чересчур много всяких гостей. Ну, и «незваный гость»....

Что еще нового у нас. Пожалуй, ничего. Все то же. Я начинаю бояться, что и полный конец ничего не изменит в нашей повседневности, а все осточертевшее за 4 года станет еще досаднее и невыносимее. И вообще во весь рост встает вопрос: что же дальше? Что дальше и как дальше и еще тысяча других проклятых вопросов. Моя дорогая, как с диссертацией, что-то мама пишет, опять с ней неполадки?

И все-таки — конец и надежда на то, что не за горами то время, когда мы будем вместе.

Крепко, крепко целую тебя, моя ненаглядная.

Твой Миша.

7/V 45 г.

№ 21 от 09.05.45 г.

ПОЗДРАВЛЯЮ С ПОБЕДОЙ!

Здравствуйте, мои дорогие!

Всю эту чудесную ночь, полную стрельбы, «ура!», слез, рукопожатий, чудных мыслей о будущем и воспоминаний о прошлом, мысленно был с вами, мои любимые.

Крепко-крепко целую!

До свидания,

Ваш Миша.

9/V 45 г. 3:20 1 день жизни

№ 22 (после 9 мая 45 г.)

Здравствуй, моя любимая!

Я тут очень замотался и довольно долго тебе не писал, моя родная. Совершилось! Никакими словами не опишешь того, что мы пережили в эти дни. Чудесное московское утро и вечер, о котором можно судить по газетам, заставляет остро завидовать вам. Дорогая, как-то даже трудно себе представить, что это конец. Что совершилось то, о чем мечталось 4 года, то, чем жили все это время, то, что нас все время двигало вперед. Сбылось! Конец! Не верится, что кровь больше не льется и не грохочут пушки, и снова началась жизнь. Жизнь, что только не вложено в это слово! Чудесная ночь, полная залпов, слез, «ура», минутного молчания, когда припоминалось все прожитое. Ночь, полная неожиданного и чудесного, прошла, и теперь особенно нестерпимо наше повседневье.

Ведь только подумать — конец, и все по-прежнему. Ничего не изменилось. Все как и было, все то же за исключением того, что пропало напряжение, которое держало и нас, и наших питомцев. Напряжение, которым держались все четыре года. Наперекор всему. Сейчас идут дела повседневья, а ведь мысли-то летят совсем в другую сторону, и трудно их повернуть обратно. Как хочется теперь возвращения, а когда оно наступит? Сколько еще ждать? Когда полностью наступит жизнь и письма перестанут быть содержанием и основой жизни? Когда же, наконец, мы будем рядом и на свою мысль получишь ответ и отзвук не через месяц, а сразу? Когда будет время, что ожидание будет вознаграждено? Как-то настроение такое неопределенно и абсолютно ничего не хочется делать.

Родная моя! Что ты молчишь? Я мысленно прикидываю сотни причин и никак не могу понять, какая же из них действует. Ведь целый месяц молчание и какой месяц — молчание. Как хочется именно сейчас от тебя иметь почаще письма. В последнем письме мама обмолвилась, что ты все хвораешь. Ира! Что такое? Почему ничего не пишешь об этом? Меня это очень и очень беспокоит. Что с тобой, Ируся? Устала ты, наверное, адски, и напряжение тоже дает себя знать. Дорогая! Как и что у тебя, ведь так давно от тебя ничего не было. И осточертела мне эта Пруссия донельзя, прямо сил нет. Как хочется к нам в РОССИЮ — В МОСКВУ!

Как у тебя диссертация? Как работа, как жизнь и как настроение, и еще тысячу других «как» и «что». Мне так хочется, чтобы можно было скорее тебя поздравить с окончательной победой на твоем фронте. То, что ты мне написала — о главе, лишний раз подтвердило то, в чем я всегда был уверен. Радуюсь за тебя, любимая, и уверен, что в целом этот [?] будет еще прекраснее. Милая, как я хочу увидеть тебя и девочек, даже и не скажешь. Просто в этом сейчас все. Дорогая! Пиши мне. Я даже не знаю, что делать, чтобы скорее кончилось все это бесконечное ожидание. И, наконец, наступила долгожданная настоящая жизнь. А какой прекрасный подарок к твоему дню рождения преподнесла Родина. Это видно потому, что я так давно ничего не могу тебе подарить. Ты мне напиши о дне Победы. Кстати, к 1 маю меня Военный совет[1] наградил часами. Я думаю, что эти будут не так несчастливы, как предыдущие.

Родная, в ожидании будущего крепко-крепко целую тебя и девочек.

До свидания,

Твой Миша.

№ 23 от 24.10.43 г.

Дорогую дочку Маечку папа поздравляет с праздником Октября. Крепко целует и надеется, что следующий праздник

---

[1] Военный совет, коллективный орган руководства войсками в видах Вооруженных Сил, военных округах (флотах), группах войск, в армиях, флотилиях и др. Председателем Военного совета является соответствующий командующий. Постоянные военные советы совещательного характера существуют в высших военных инстанциях многих государств.

будет вместе с ней в Москве на Красной площади. Будем терпеливо ждать этого дня. Поцелуй бабушку, маму и Лену. Твой ПАПА.

№ 24

Дорогую дочку Маечку

Поздравляю со днем рождения и желаю ей вырасти большой, умной, счастливой, советской девочкой.

Крепко ее целует и надеется увидеть

Отец ст. л-т М. Белявский.

№ 25

Дорогой папа. С Новым годом. Мая

№ 26 от 22.03.44 г.

Здравствуй, дорогой папочка. Прости, что долго не писала. Ты спрашивал, куда мы ходим. На день Красной Армии мы ходим в дом ученых. Нам сделали уколы против тифа и они очень болят. Папа ты спраш... как мы учимся, не по фискультуре поставили за четверть пять, а Мае по пению за четверть поставили три. А по военному делу поставили четыре. Мы читали книги не может быть и стихи и росказы о Метро. До свидания. Больше писать нечего. Крепко-крепко тебя целую Лена[1].

№ 27 от 09.01.42 г.

Здравствуй, мой дорогой и любимый!

Сотни вопросов могла бы я обратить к тебе — но это почти бесполезно, т.к. не имею никакой уверенности в том, что ты получишь мои письма. Это третье письмо по твоему новому адресу. Милый мой! Все мои мысли и чувства заняты тобой. Страшно волнуюсь за тебя, за твою жизнь. Конечно, все может быть, я это знаю... Но мысли мои, мои мечты связаны с тобой, с нашей семьей, с наступлением более счастливого, так желанного всеми времени... Я не в силах представить себе что-либо иное... Знаю, что щадить себя ты не будешь, что будешь действовать храбро, но это не значит опрометчиво. Роднуша моя, действуй осторожно и осмотрительно... Конечно, хорошо советовать, сидя за печкой, но мои советы, а, вернее, пожелания,

[1] Оригинальная орфография и пунктуация полностью сохранены.

исходят от глубокого, искреннего желания остаться тебе целому и невредимому. Этой верой я только и живу. Эта вера помогает мне преодолевать трудности, которые, конечно, ни в какое сравнение с вашими трудностями не идут. Эта вера помогает мне успокоить маму, которая совершенно расклеилась. Маечка и Леночка здоровы, хотя и перенесли ряд болезней. Все твердят о том, что кончится война и мы поедем в Москву и папа там будет и купит нам много игрушек (помнишь твое письмо ко дню рождения Леночки?).

Я преподаю историю в средней школе. Можешь себе приблизительно представить учебу в условиях военного времени. Но важны не условия! А важно то, что учеба идет вопреки всяким трудностям. И удивительной является не только энергия учителей, но и учащихся.

Хороший мой, не беспокойся о нас, живем мы хорошо — о моем положении можешь совершенно не волноваться — тревога и волнения были напрасны — ничего и не было. Пиши нам при первой же возможности — хотя бы пару слов. До свидания, дорогой мой, верю — оно будет! Целую тебя много раз за себя, дочек и маму.

Всегда твоя Ира.

Действующая армия
Полевая почтовая станция — 1640.
III батальон «Б»
Сержанту Белявскому Михаилу Тимофеевичу
Чкаловская область, г. Медногорск
Свердлова 10, Белявская И. М.

№ 28 от 12.02.42 г.

Здравствуй, мой родной, любимый Мишенька!

Сегодня я себя чувствую именинницей. Получила твое дорогое письмо, знаю, где ты и что с тобой. Признаюсь, что все эти январские дни прошли для меня в страшной тоске и тревоге за тебя и твою судьбу, порой просто не знала, что с собой делать... Сегодня я переживаю праздник, я понимаю, конечно, что это слишком относительный и временный праздник. Но людям теперь так мало надо! Очень жаль, что ни одно мое письмо, отправленное на «1640», ты не получил — когда я писала мои письма, у меня было ощущение, что пишу я просто в про-

странство... А так хотелось, чтобы ты получил хотя бы одно письмо! Может быть, это письмо будет более счастливым, нежели предыдущие. И если нормально будет идти, то ты получишь его к 24-й годовщине Красной Армии. Поздравляю тебя, мой дорогой боец, с этой славной годовщиной! Желаю тебе здоровья, сил и полного выздоровления. Верю, что, возвратившись на боевой пост свой, ты так же смело и беззаветно, как делал это до сих пор, будешь разить проклятого изверга. Как ни волнуюсь я о тебе — никогда у меня не было мысли, чтобы ты был здесь со мной, когда там, на фронте, идет великая борьба. Ни ты, ни я даже мысленно не можем купить своего личного благополучия такой низкой ценой.

Верю глубоко в нашу победу, какими бы тяжелыми ни были предстоящие испытания, верю глубоко, что будем встречать наших дорогих бойцов, мужей, братьев, сыновей, отцов победителями. Верю, что и тебя, мой дорогой, я встречу — этой надеждой я живу, в ней я нахожу силы для жизни и работы. Я терпеливо буду ждать тебя, ждать буду каждый день и час... Мое терпеливое ожидание, любовь моя будут вознаграждены. Хороший мой! О нас не беспокойся, у нас все в порядке, и не стоит тебе думать о посылке для нас денег. Зарабатываемого мной вполне и даже с избытком хватает на жизнь. Я работаю в ср.[едней] школе, преподаю историю, часов у меня 28 в неделю, так что комментарии излишни.

Сначала я чувствовала себя несколько дико на преподавательской работе. Казалась эта работа не нужной, — теперь я думаю несколько иначе — воспитание новых советских граждан, беззаветно любящих свою страну, свой народ, — тоже боевая задача. Стараюсь все зависящее от меня в этом отношении — сделать.

Жаль, что ничего не знаю о ленинградских, все попытки мои установить с ними связь окончились пока полной неудачей, что с ними — не знаю. Имела от них известия от 15/X 41 г., были все живы и здоровы. Ленька был на передовых по защите Лен-да, Коля в Балтфлоте, а Миша на военном заводе. Что теперь с каждым из них, остается предполагать.

Андрей, как обычно, не пишет, даже война не изменила его привычек. О Лене никаких сведений нет. Это страшно убивает маму, и поэтому порой она превращается в маленького обиженного ребенка, а я не умею ее утешить.

Мишенька! Так хочется с тобой поговорить о многом, а может быть, и ни о чем, а просто посидеть с тобою рядом, помолчать, приласкать тебя, посмотреть на тебя, чем ты был и чем стал. Нет, не скоро это будет, очень не скоро. Жаль, что Кинешма так далеко от нас, а то бы, честное слово, приехала к тебе, мой дорогой... Страшно жалею, что не осталась я в Москве, ведь ты там был, и я могла тебя видеть.... и Кинешма оттуда близко... Теперь уж, конечно, ничего не изменишь. Во многих своих письмах к тебе, в Павлово и на фронт я писала тебе об анекдоте, который произошел со мной. Это об «интересном моем положении». Ничего и не было. Тревога оказалась ложной и напрасной. Но, как известно, пуганая корова... то же и со мной произошло. Жаль, что тебе это доставило ненужную тревогу. О содержании этого анекдота поговорим при встрече и посмеемся же! Хочется мне вернуться в Москву. Девочки тоже об этом мечтают и все спрашивают, когда поедем — они уверены, что там, в Москве, они встретят своего папочку... Хорошо, если действительно так будет, хорошо, если все мы соберемся в Москве, на своей Грузинке[1]...! Маечка и Леночка крепко целуют своего папочку. До свидания, мой любимый и хороший. Пиши нам — я тебе пишу постоянно. Крепко тебя целую много раз... верь, что возвращаясь с работы, я всегда отправляюсь к тебе, сажусь рядом с тобой, глажу тебя по голове, держу твои руки в своих...

Всегда тебя любящая Ира.

№ 29 от 20.08.42 г.

Здравствуй, мой любимый!

Сегодня я должна была ехать на полевые работы в совхоз, где находятся учащиеся моей новой школы. К поезду я опоздала, и судьба вознаградила меня щедро за этот промах — пришло твое родное письмо, а в нем твоя фотография...

С маленькой дорогой мне фотографии глядит твое любимое лицо. Оно мне кажется таким спокойным, таким уверенным, что если это так в действительности, то я очень и очень рада за тебя. В лице твоем столько же суровости, как и уверенности. Такие побеждают и живут!

---

[1] Большая Грузинская улица в Краснопресненском районе Москвы.

Я вижу, я слышу на каждом шагу, что значит война, и все же я верю в нашу встречу, мой дорогой, мой любимый. Ради этого, ради нашей победы, ради счастья всей нашей страны — я готова вынести все тяжести.

О нас не беспокойся, мы живем в почти нормальных условиях, а девочки наши ни в чем не нуждаются и всем обеспечены. Они здоровы, выросли и окрепли. Стали чрезвычайно занятными — как-то больно, что их жизнь проходит почти мимо меня. Я их почти не видела за этот год войны. И если мне удастся выехать отсюда в ближайшем будущем, то не увижу их еще год — но я готова и эту жертву принести ради будущего счастья, если останусь, постараюсь больше заняться девочками. В конце сентября вернусь с совхоза и с 1 октября начну учебный год. Мне до безумия хочется выехать в Москву, но если не судьба...

Мишенька, прости мне за одно из моих писем, я высказала в нем искренно все, что думала и прежде, и теперь. Я не могла тебе не высказать этого, хотя и не должна была этого делать. Это письмо нарушит твое спокойствие, выбьет тебя из колеи, в которую ты уже вошел...

Я не должна была этого делать, я знаю, мне следовало бы больше подумать о тебе, чем о себе, но я не хотела, чтобы обо мне ты думал скверно, осуждал бы меня... Прости мне, родной, за это. Моя любовь к тебе так велика, верность тебе бесконечна, что это сглаживает всю мою вину перед тобой... Ты поймешь это и простишь. Ты не знаешь, как мне жаль твоего письма в колхоз. Жаль потому, что повторить его ты не в силах, я это чувствую. Прошу тебя, дорогой, если оно вернется, перешли его мне, хорошо? Мы бы тоже послали тебе свои фото, но это Медногорск, и здесь даже фотографии нет. На Западе началось некоторое оживление, и это меня радует. Жду в ближ[айшем] будущем начала перелома и конца войны, начала нашей победы.

Я уж шучу, прошу дать мне в совхоз телегр[амму,] как только откр[оется] II фронт[1].

Мишенька! Не думай о нас, как о каких-то нытиках, по твоему последнему письму видно, что ты думаешь так. Я, как это ни странно, почти совсем и почти никогда не плачу.

Я даже жалею, что не могу просто выплакать свое горе...

В общем, все мы несем свой крест без нытья.

---

[1] Второй фронт так и не был открыт в 1942 г.

Мишенька! Ольга Исидор. передает тебе привет и наилучшие пожел. И хотя все мы живем в маленькой комнатулечке, все мы с радостью приглашаем тебя и ждем тебя в нашем бедном жилище. Здесь бы мы тебя угостили картошкой (сами садим), хлебом и еще кое-чем... Приезжай, мой родной, как только станет возможным. Пусть это «вдруг отворяется дверь и входит Ваш папа»... произойдет как можно скорее... За это я буду терпеть, этого буду ждать, этим жить.

До свидания, мой родной, мой любимый. Крепко целую тебя много раз. Твоя Ирина.

Маечка и Леночка целуют своего милого родного папу и ждут его домой. Привет тебе и наилучшие пожелания от мамы.

P.S. Пиши мне на Медногорск.

Прости за несуразность моих писем.

Напиши в домоуправление по тому вопросу, о котором я писала.

№ 30 от 16.06.43 г.

Здравствуй, мой родной!

Получила твое краткое письмо и открытку. Конечно, ты тысячу раз прав, мало я тебе пишу, и дело, конечно, не в занятости. Правда, во время испытаний я была очень занята, но мою занятость, мою обстановку не сравнить с твоей. Просто переживаю какое-то странное состояние, вернее, размагниченное. Хочется так многое тебе сказать, а не написать, хочется посмотреть на тебя, тебе в глаза, приласкаться к тебе, так и настолько, что письма мои и слова мои в них кажутся такими мелкими, такими относительными, что делается горько, горько до боли...

Конечно, я не права, я должна писать и писать, но разве в состоянии, да и к чему тебя, мой хороший, тревожить... А когда живешь во власти таких дум, трудно написать что-либо другое, что невозможно выразить...

Как-то все мне казалось, что буду в Москве, но из унив. от приятельницы получила весьма неутешительные данные. Вызов откладывается на неопределенное время... А я так надеялась... так верила в возможность нашей встречи в Москве, в нашей Москве... А вот сейчас как будто что-то оборвалось... Конечно, это пройдет. Возьму себя в руки. Понимаю, что так надо. Зароюсь с головой в работу. Не беспокойся об этом. Приду в норму. И хотя я до сих пор помню, как ты меня ругал вместе

со своим другом Виктором, и признаю и тогда и теперь вашу правоту — должна сознаться, мысли об армии, о фронте, о прифронтовой полосе бродят в душе моей, манят и тревожат...

Москва была бы желанной разрядкой, но сегодня у меня Медногорск, и поэтому мысли об этом оживают... Душно мне здесь, очень душно. Скоро уеду на полевые, и все будет в порядке.

В воскресенье (13/VI 43 г.) ставили «Русских людей» в 25 км от Медного в клубе воинской части. Зав. клубом оказался москвич, заядлый театраломан (вроде тебя), человек большой культуры. Он видел «Русских» в Москве в МХАТе — остальное тебе, конечно, ясно. Какое может быть сравненье. И вот от него так повеяло Москвой, так повеяло тобой, что до сих пор хочется плакать, хочется увидеть тебя хоть на миг, до боли хочется увидеть!

Спасибо, мой хороший, за карточку, она мне дорога вдвойне — там мой любимый, а рядом с ним его большой друг, которому многим обязан не только мой любимый, но и я сама. Спасибо Вам обоим за любовь и дружбу. Это не забудется никогда.

Сегодня я переживаю большую радость — сегодня меня приняла первичная организация кандидатом — еще горком и я в организации. Наконец-то! Насколько все будет проще и ответственнее! Уж здесь хандрить себе не позволишь! Правда ведь? Рада, и все тут, знаю, что и ты разделяешь ее, от этого еще радостнее... Насколько ты был выдержаннее в этом вопросе, а я нет. Радость так и прет...

Маечка, Леночка и мама здоровы, шлют тебе большой привет и поцелуй. Маечка наша без зубка и очень от этого смешная, а Леночка, к великому своему горю, все еще в младшей группе, а ей так и хочется в старшую...

«Зимний, злой, студеный день февральский...
...ветер и буран, сквозь который
где-то смутно виден
чей-то знакомый родной силуэт
и не жакет, и не берет,
шапка-ушанка, размашистый шаг
искры привета в глазах...»[1]

---

[1] Переделка популярной в те годы песни «Таня, Танюша, Татьяна моя...» («Синий берет»).

и т.п., и т.д. Так поют ребята в песне, которую они сложили о твоей жене. Ну не сумасшедшие?

До свидания, мой дорогой, крепко тебя целую, твоя жена Ирина.

№ 31 от 12.07.43 г.

Моему любимому привет!

Мишенька, здравствуй! Только отправила свое восторженное письмо по поводу т.н. «ругательного», как прибыло твое 73-е письмо-треугольник. Рада, что получил мое большое письмо, рада, что получил его еще задолго до того, как я получила твой приказ «писать в неделю не менее 2 листов». Как видишь, сама догадалась. В своем предыдущем письме я писала, что уезжаю на полевые. В связи с некоторыми обстоятельствами в совхозе наш отъезд задерживается на 10—15 дней. Так что я дома. Следовательно, письма буду слать регулярно. Решено меня пока использовать как лектора. Работаю теперь в парткабинете над темой «Любовь, дружба и семья». Если бы ты и Виктор прислали свои мысли и мысли вашего окружения (пусть даже отрицат.) по этим вопросам. Мысли фронтовиков! Это было бы замечательно! Конечно, если это вас не затруднит.

А полевых работ жалко. Обидно за школу. В прошлом году мы имели II премию, и ты пишешь, что не сомневаешься, что в этом году мы будем иметь I-ю. К сожалению, мы не будем иметь даже III. По независящим от нас причинам это дело срывается — мы переживаем вынужденный простой. Я весьма сомневаюсь, попаду ли я на полевые, т.к. стремление использовать меня как лектора берет верх.

Может быть, ты и прав, что о Западе думают те, кто там не был, ну и я в том числе. Пусть душно, пусть застой, но сейчас его уже нет — Лед тронулся. А если нет, то тронется! Мне кажется, что человек, побывавший на Западе, хотя и устал, очень-очень выше, богаче чувствами, мыслями всех нас вместе взятых, сидящих в тылу. Я знаю по себе, что многого я не понимаю, не знаю, не вижу, не чувствую. И поэтому мысли о Западе.

Спасибо, родной, за поздравление с партией. Руку, мой товарищ и друг по партии нашей. Ты прав, что воскресенье быстро сменилось буднями, но это и не приносит мне разочарования. Ведь и для тебя и для меня этот шаг был оформлением фактического нашего лица, и поэтому нового в смысле какого-то крутого идейного перелома это и не могло дать. Ведь так?

Одним словом, я рада и за тебя, и за себя, и особенно за тебя, мой возрожденный Павел греков. И поскольку это дело прошлое — скажу тебе, что и не могла этого давным-давно сделать, т.к. ждала (ибо была твердо убеждена в этом) этого возрождения. Знаю, что будешь и теперь ругаться за это, ну, ругайся, только скажи откровенно, ты не рад, что я так ждала и верила?! Я бы на твоем месте пожелала мне ждать тебя теперь с таким же упорством и настойчивостью и дождаться. Согласен?

Может быть, 1943 год и станет годом нашей встречи. Это было бы изумительно хорошо! Ведь события, кажется, начинают разворачиваться в желаемом направлении. Наступление немецкое срывается, а союзники начали борьбу за полное овладение Сицилией[1], а там — Италия, Балканы и т.п.... Я не ура-оптимист, но и не пессимист. Борьба тяжелая, и всякие зигзаги в ней возможны — но обстановка для нас более благоприятная, чем для нашего противника. Мне думается так, а ты как считаешь?

Ты написал, что получил от брата моего письмо из-под Курска. В связи с событиями, начавшимися там с 5/VII, страшно тревожусь о нем и не успокоюсь до тех пор, пока не получу весточки от него после этих дней.

Все мы здоровы. Наслаждаемся жизнью в новой квартире. Особенно в восторге Маечка и Леночка. Теперь им хочется только папу сюда, а так все хорошо. Все мы целуем тебя крепко, крепко. Привет сердечный Виктору. До встречи, любимый, крепко тебя целую, твоя Ира.

№ 32 от 20.04.45 г.

Мой любимый!

Вчера, наконец, пришло твое письмо. Обрадовало очень. Как-то все эти дни тяжко. Крайне надо поступить на работу. Предложений много, но я несвободный человек, я связана вынужденным после долгой борьбы словом с университетом. А университет, как обычно, тянет и тянет, а жить в кредит на будущее я не могу себе позволить. Вчера меня прорвало, и я поставила вопрос ультимативно. Если до 25-го апр. они меня не оформят,

---

[1] Сицилийская операция, или операция «Хаски» (9 июля — 17 августа 1943), одна из главных военных операций Второй мировой войны, во время которой войска союзников выбили войска стран Оси (Италии и Германии) из Сицилии и захватили остров. Итальянский диктатор Бенито Муссолини был отстранен от власти. Началась высадка в Италии.

я с этого дня считаю себя свободной и устраиваюсь по своему усмотрению. Может это будет и лучше, т.к. смогу закончить диссертацию и летом, может быть, сумею защитить. Меня глубоко тронули твои поздравления с окончанием, но слишком лестные слова обо мне заставили покраснеть, ведь я еще не дошла до той площадки, о которой ты пишешь, я еще стою возле нее, правда, все же наперекор всему, даже тому, что я как-то выдохлась теперь и у меня работа двигается очень медленно, взберусь на эту площадку. Неделю тому назад делала доклад по главе. Плохо было на душе и в голове и ждала позора, но, к моему удивлению, получилось хорошо, даже, как говорят, с большой ясностью, четкостью и последовательностью мысли. А Вл. Ив.[1] обнаружил какие-то оригинальные и свежие мысли и заявил, что судя по всему этому у меня все готово и надо писание форсировать и заканчивать.

Думаю, что сделаю, а то висит это Дамокловым мечом над моей головой, и на душе не спокойно, и совесть не чиста, и тысячу других прелестных чувств.

Мишенька, милый, любовь ты моя дорогая. Как хочется, ты даже не знаешь, как хочется, чтобы ты возвращался домой поскорей. Трудно уже жить письмами, слишком долго живем письмами, так и одичать можно, да и слаб человек, очень слаб и иногда не выдерживает, раскисает, дух слабеет. Совсем по-другому было бы вдвоем с тобой, мой любимый, мой желанный и единственный... Каким богам молиться, чтоб пришел ты ко мне, к детям своим, к матери своей, чтоб пришел скоро... Мне подчас кажется, что не дождусь я этого никогда, что вот то, что теперь, будет всегда, настолько мы к этому привыкли. И не верю, что когда-нибудь не надо будет тебе писать писем, что смогу говорить с тобой, ласкать тебя всегда — сегодня, завтра, послезавтра...

Родной мой, пиши мне все-таки чаще, если можешь, я тоже буду стараться писать часто и много. У нас, как и у тебя, нет света. Тоскливо очень и гнусно от этого. На твое заявление ответили, что мы еще вполне можем жить здесь, о неудобствах написали «тысячи» «заботливых» бумажек, но дела и результатов нет. Просто противно. Вот дождаться бы только тебя, а там

---

[1] Пичета Владимир Иванович (1878—1947), историк-славист, доктор ист. наук, проф., академик АН СССР, научный руководитель И.М. Белявской.

бы мы решили, может, уехали бы из этого града. Я уже смеюсь и говорю, что по-видимому кончится тем, что придется ехать куда-нибудь на юг и засесть в идиллической обстановке посаженных лично кустов кружовника и малин...

Поздравляю, дорогой мой, тебя с 1 мая, этим дорогим для нас днем. Желаю хорошо его провести. Виктору и Ивану так же.

Целую вас всех и обнимаю. Тебя, конечно, много-много раз и только как тебя. Майя и Лена целуют своего дорогого папочку и... [?] Мама так же. Все благополучно.

Привет тебе от Коли Кронштадца... [?]

№ 33 от 19.05.45 г.

Милый, любимый мой!

Все эти дни с тобой, о тебе, о нашем будущем... Прости, что не писала. Все как-то складывалось, что не выходило с письмом. Какой-то калейдоскоп в душе, в делах, в окружении. Хотелось написать тебе огромное письмо, полное любви, признательности, благодарности за то великое и чистое, что дал ты мне... Хотелось и не писалось. Мысли, чувства прыгали и ни на чем как-то не останавливались. 9/V — День победы (нужно быть исключительно счастливым, чтоб день рождения совпал с таким днем — ты не находишь?)

День победы — каждый демонстрировал и проводил его как хотел. У нас был Коля — т.е. Николай Петрович, муж Виктории, мой двоюр. брат Коля, Петр Дон., мои б[ывшие] ученицы. Мне отчего-то в этот день было до слез тяжело. Думала о тех, кого нет среди нас и никогда не будет — о Мише, Лене, Лене и Андрее, об отце... Я все время думаю об этом, и по ночам от этих дум все сжимается внутри безысходным горем... И знаешь, война кончилась, я это знаю разумом, но я этого не чувствую сердцем. Ведь все, все по-прежнему. Так же дома, мы одни и неизвестно, когда, через сколько месяцев увидим тебя. Так же работа, работа, и неизвестно, через сколько месяцев наступит время заслуженного отдыха. Хочется отдохнуть, чтоб с радостью и творчеством вновь работать... Да мало ли чего хочется... Но обо всем этом не смею думать все эти четыре года...

Конечно, конец есть конец... и за ним рано или поздно придет долгожданная жизнь, встреча, счастье. Но как-то трудно ждать теперь... Но жду, очень, Мишенька, родной мой, целую и обнимаю тебя крепко-крепко. Верю, что скоро в действитель-

ности смогу тебя расцеловать. Правда? Тебе привет и поздравления с 9 мая ото всех — Коли, Коли, П. С., Виктории, Алины, моей мамы и твоей, от девочек и меня, от Гарика (?), Марии Сергеевны, и Алины П., и Нины, и т.д., и т.п.

Ты уже знаешь, что я зам. декана. Вот уже скоро будет месяц. И работать приходится чертовски. Конечно, моя бедная диссертация, может, и покрылась пылью. Обидно очень. Но все равно я ее закончу. Лягу костьми и сделаю. Правда, самочувствие неважное. Но как-нибудь справлюсь.

Вот в моей жизни изменения.

Ты ни о чем не беспокойся и не придавай особенного значения словам мамы о «сведении концов с концами». Ты же знаешь ее склонность к преувеличениям и гиперболе. Я сначала очень нервничала, а теперь привыкла и не придаю особого значения этим преувеличениям. У нас все благополучно и нормально. А о посылках я с тобой согласна. И прошу тебя не нервничать и не злиться. А ты просто злишься. Почему? Ладно об этом. Хватит. Мне просто все это неприятно очень. Но люди есть люди, и всякие инстинкты им не чужды, в том числе и собственнические и обдирательские. Тем более, что в атмосфере носятся заразительные микробы этих инстинктов. Надо быть очень сильным человеком, чтоб повседневно избегать заражения, особенно если в тебе самом есть такие струнки, которые влекут и тянут... Об этом точка навсегда. До свидания, любимый, до скорого свидания. Друзей наших Виктора и Ивана крепко обнимаю и целую с победой и желаю им большого и настоящего счастья. Руку твою, руку Виктора, руку Ивана, чистых и добрых друзей крепко жму — до встречи в Москве!

Еще раз тебя крепко целую и обнимаю я, мама, девочки. Девочки отличницы и перешли в следующий класс с наградами. Молодцы!

Так жду, очень, очень.

Твоя Ирина.

Ты единственный мой любимый, а чувство мое к тебе неизмеримо и неповторимо. Это так. 22/V 45 г.

Дневник И.М. Белявской

28-XII-41 ...А писем нет...
Это больше чем воспоминания...
Это сама жизнь ... все пережитое,
Передуманное и прочувствованное...

Милый, родной мой! Ты писал мне, что думаешь о прошлом, что вспоминаешь прежнее... что живешь прошлым...

Я тоже вспоминаю прошлое, но как нечто далекое и несуществовавшее.

Все, что было: Москва, аспирантура, родной дом и близкие, дорогие, родные мне лица — все это исчезло, покрылось мраком былого...

Воспоминания об этом — острая боль...

Я не хочу глядеть только в прошлое, надо жить настоящим и будущим. Настоящее — сурово, а будущее неясно и неопределенно. Помыслы и чувства дальше настоящего не идут, если же они касаются будущего, то это не больше чем мечты.

22 июня 1941. Воскресенье. Выходной день. Невинные, обычные занятия и работа выходного дня. Днем — выступление по радио В.М. Молотова[1]. Война. И сразу все то, что делалось, стало ненужным и бессмысленным... Жизнь приобрела иной

[1] Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин) (1890—1986), советский политический деятель. Глава Советского правительства в 1930—1941 гг., нарком и министр иностранных дел (1939—1949, 1953—1956).

характер. Война... и все прежнее... и выходной день, и обед, и яркое солнце, и зеленые деревья — все оно не вязалось с войной и казалось нелепым. Мы с тобой плакали... мы знали, что все то, к чему мы привыкли, привязались, все то, что любили мы — все это отошло в прошлое...

Что сулит нам будущее? Ни ты, ни я не знали. Мы плакали, потому что прощались с мирной жизнью, родным углом, прощались друг с другом, с детьми...

18 июля 1941.

Миша мобилизован. Наше прощание прошло в глубоком и тяжелом молчаньи.

Хотелось многое сказать, и не было слов... только мысли и тяжелые чувства душили меня. Сознание того, что, возможно, в последний раз сидим мы рядом у себя дома, что возможно мы уже и не встретимся — породило молчание. Хотя мы и молчали, но мысли и волнения у нас были одни, сердце билось одним чувством... И не нужно было слов...

22 июля началась бомбардировка Москвы. Утром пошла посмотреть на разрушения. Больно было смотреть на развалины, на пострадавших... В следующий день шла по Арбату... похоронила взглядом знакомые дома... долго стояла у развалин театра Вахтангова... промелькнули названия виденных здесь вещей. Вспомнила Мишу, наши совместные хождения в театр...

25/VII. Привезла девочек в Москву — собираюсь в эвакуацию.

26 июля ок. 6 ч. вечера выехали из Москвы. Прощанье с Москвой было очень тяжелым, казалось, прощаюсь на век. Куда еду, как буду жить, что буду делать? Оставалось неизвестным.

29 июля прибыли в Горьковскую обл[1]. Живем в деревне. Хожу жать. Хожу в районный центр — Чернуху попытать счастья в устройстве на учительскую работу. Там же послушаешь последние известия, прочтешь газету... С работой никаких перспектив. 9/IX выехала с детьми на ст. Сережу[2], наше «сережинское си-

---

[1] Горьковская область — в 1936—1990 гг. наименование Нижегородской области.

[2] Железнодорожная станция на одноименной реке в Нижегородской (Горьковской) области.

денье» длилось до 19/IX. 19/IX выехали, наконец, на Куйбышев[1] и оттуда на Чкалов[2], а затем на Медный[3].

25 сентября меня, Маечку и Леночку встретили.

Жизнь в Медном казалась суровой и печальной. Месяц сижу без работы — это меня очень удручает. А тут еще казус с моим «интересным положением». Сколько было волнений, переживаний — совсем было опустила руки... И все оказалось мыльным пузырем, бредовым вымыслом больного воображения!

24 октября начала работать в школе. Веду IV кл., чувствую большое и глубокое душевное угнетение... С большой радостью 25 ноября перешла на работу в ср. шк. на преподавание истории. И хоть приходится ездить за 12 км, это с избытком окупается большим моральным удовлетворением.

31 декабря вечером возвращалась на Медный. Было страшно тоскливо... Вспомнились наши с Мишей встречи нового года в Москве — как далеко все это ушло! И Миша. Где он, что с ним?

Будем ли мы еще когда нибудь вместе встречать новый год?!

Добралась домой к 10 ч. вечера — меня ждали 2 письма от Миши. Миша отбыл на фронт -одно из писем было прощальным... Прискорбно было узнать, что ни одно из наших писем он не получил...

3/I 42 г.

Пришли обратно открытки и 2 письма, посланных на Рязань... мама тоже получила свое письмо обратно. Бедный, родной мой — он, наверное, думает, что мы ему просто не пишем... Скоро, наверное, начнут возвращаться и наши Павловские[4] письма..

Неужели и направленные на фронт наши письма тоже возвратятся?

Страшно жалею — отчего я не в Москве, ведь Миша ехал через Москву...

---

[1] Куйбышев — название города Самары в 1935—1991 гг.

[2] Чкалов — название города Оренбурга в 1938—1957 гг.

[3] Так И.М. Белявская называет город Медногорск Чкаловской (Оренбургской) области.

[4] Письма из города Павлово (Павлово-на-Оке) Горьковской (Нижегородской) области.

4/I 42 г.

Выходной день... Страшная тоска, не знаешь куда себя девать. Вечером была у девочек — бедные мои маленькие доченьки — материальные условия заставили нас жить раздельно — и я не воспитываю их, не укладываю спать, не ласкаю их. Все от мала до велика переживают тяготы войны.. В этот день была для детей елка... Сколько у них было радости и веселья. И не беда, что вместо елки стоял убранный игрушками фикус. Большой фурор произвел дед-мороз, настоящий дед-мороз с мешком подарков. Малыши кричали: «добренький дедушка, хороший дедушка»... А потом кто-то из маленьких спросил: «Дедушка, а скоро мы в Смоленск поедем?»

Приятно было смотреть на радость детей, но в душе тяжелым эхом отдавался вопрос, «а скоро мы в Смоленск поедем?»[1]

А скоро ли?!

5/I. Отправила Мише открытку. Надо было отправляться на уроки в Ракитянку. Поезда нет. Иду пешком. Буран — прямо в лицо. До Никитино доехала грузовым. Осталась 6 км. Двинулась в путь — итти трудно... лицо обледенело, страшная усталость, а я иду и иду... Состязание человека со стихией. Человек победил! Учителям моя выходка кажется дикой. А мне приятно быть победителем.

6/I. Сегодня подслушала разговор учительниц — у одной учит. погиб муж на фронте. Меня передернуло... из состояния угрюмого равновесия опять впала в депрессию... Каждый день перечитываю его дорогое письмо... Да хранит тебя, родной мой, моя любовь, любовь и жизнь твоих детей!

18/I. Столько дней прошло, и я не записала ни одной строчки...

Хотелось мне записать выслушанный рассказ о замечательном человеке этой местности — о Никитине... Это один из тех замечательнейших самородков, которыми так богата наша страна, но которые встречаются довольно редко... Да, Никитин — это тип коммуниста-руководителя в самом идеальном смысле этого слова... Рассказ о Никитине меня глубоко взволновал, хочется знать больше об этом человеке...

---

[1] Смоленск был оккупирован немецко-фашистскими войсками с 16 июля 1941 по 25 сентября 1943 г.

Не было сил ничего записывать — такая тоска, что и словами не выразишь.

С бьющимся сердцем еду из Ракитянки[1], подхожу к дому... письмо...

А письма все нет...

Где же ты, милый мой, жив ли, здоров ли? Никто не скажет мне, где ты?!

24/I 42 г. И сегодня нет письма... Последнее время не нахожу себе места — страшная тоска меня одолевает, уверенность моя и выдержка начинают мне изменять... Что же с Мишей, от него нет ни звука, где он, что теперь делает, здоров ли? Я знаю, что он бы написал...

Нет сил [жить] настоящим и будущим, невольно мысли обращаются к тому, что было... Вспоминаю свою жизнь до мельчайших подробностей. Вот я в школе: мечтаю о путешествиях, окончила школу с раненым сердцем и душой... дружба, дружба, как бываешь ты жестока и извращена. Я не могла выдержать цинизма и пошлости со стороны предмета моей наивной первой любви... Много мне стоило это время — во мне начали развиваться настороженность, подозрительность и недоверие. Я часто и долго потом вспоминала эти годы — вспоминала Стаха. Я встречалась с ним после, когда была уж взрослой девушкой... я знаю, я видела, он меня любил.. он тоже знал... но мы больше не встречались и никогда не сказали о своей любви...

Москва... я учительница... встречаю иногда в школе Мишу... Меня интересует этот человек... Весной 1934, мы оба знали, что интересуем друг друга, но разъехались, не сказав друг другу ничего. Летом я готовлюсь к поступлению в университет... Приезжаю в Москву — держу экзамен... Захожу в школу и встречаю Мишу — мы оба рады... но стеснялись это проявлять...

Вот мы первый раз пошли с Мишей в кино... милый мой, как он меня приглашал? Сколько в нем было наивности и ребячества, как ему хотелось провалиться сквозь пол после высказанного приглаш[ения]. А я то? Делаю вид, что раздумываю, смогу ли я итти в кино? — А ведь сама только этого и желаю.

---

[1] Ракитянка — поселок городского типа (с 1939 г.) близ г. Медногорск в Чкаловской (Оренбургской) области. Преобразован в сельский населенный пункт в 1999 г.

А наш робкий первый поцелуй...

6 июня 1935 г. мы муж и жена — едем в «свадебное путешествие» — Сож-Припять-Днепр, Гомель, Чернигов.... Хорошо и безмятежно мы провели лето... Но я так стеснялась Миши, что не могла решиться проводить с ним время без свидетелей...

25 апреля 1936 у нас родилась Маечка — радости у нас было много... А какие милые, трогательные письма он писал мне в больницу — я плакала от счастья... Я была безмерно счастлива и ничего другого не желала — жить так всегда...

2/III. А писем снова нет!

Легкое ранение, в госпитале.

Странно, что писем нет — не знаю, что и думать...

Жди меня. *К. Симонов*[1]

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди.
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня.
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди — и с ними заодно
Выпить не спеши.

[1] Симонов Константин Михайлович (наст. имя Кирилл) (1915—1979) — советский писатель, общественный деятель. Заместитель генерального секретаря Союза писателей СССР.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: «Повезло».
Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил — будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

27/I 42 г.

Да, я терпеливо буду ждать...

Моя любовь, мое терпенье будут вознаграждены — ты вернешься, и мы снова заживем счастливо и хорошо. Недоразумениям не будет места в наших отношениях — война, переживания, связанные с войной, слишком ярко обнажили всю никчемность и пустоту этих недоразумений. Ты прав, мой милый, — это суровый урок на будущее — правда, ты говоришь «если оно будет» — Оно будет! — мы будем оба терпеливо ждать.

Вчера мне пришлось опять бороться со стихией. 6 км пути в борьбе со встречным бураном!

Буран свирепствует и сегодня — занятий в школе нет. Здесь вообще преклоняются перед бураном, буран — не работают учреждения, не идут поезда, — а рабочий должен 6 км итти до завода — выпуск вооружения не может, не должен ни на минуту прекращаться! Так отчего же поезда не идут, отчего не ходят по 5—7 дней после бурана?

Это страшно возмущает. Сейчас, когда человеческие резервы и силы так важны, так нужны — такое отношение к человеку граничит с преступлением. Подобная же преступная картина и с вопросом питания. Население работающее испытывает большие затруднения с питанием — по существу, кроме хлеба, есть нечего. Существующие столовые, по крайней мере те, в которых я бываю, не справляются со своей задачей. Грязь и теснота, очереди, ожидания по 2—3 ч. — и скудная, жалкая пища, чаще всего (за январь напр.) т.н. «затируха».

А, между тем, для «кое-кого» существует ресторан, особые закрытые распреды...

И это вызывает вполне законные нарекания, суды и пересуды. Для чего создавать озлобление в народе. В нашем прекрасном народе — который перенес немало испытаний и лишений и вынесет лишения этого военного времени с честью... Но наш народ чуток к несправедливости... Это несомненное творчество местн[ой] вл[асти]. Ни один из народов мира не претерпел столько, сколько наш народ..

Всякий, кто познает жизнь и борьбу нашего народа, будет с восхищением преклоняться перед величием его.

Наш народ будет жить! Посмотрите на сынов его — с какой беззаветной храбростью они уничтожают презренных гадов, с каким беззаветным старанием работают для фронта, для защиты отечества.

Я никогда, даже в самые тяжкие моменты этой войны — не сомневалась в нашей победе. Это ясно всякому здравомыслящему человеку. Война еще больше подняла величие Сталина[1].

За февраль не записано ни одной строчки. Как-то не хватает сил... А я ведь поклялась писать... Буду писать несмотря ни на что.

7/III 42 г.

И все же не пишется... Такая страшная тоска... писем от Миши нет. Я ничего не понимаю... почему не пишет?!

«Сердцам разбитым — мрак и тишина» (*Бальзак*[2]. Сельский врач).

8/III 42 г.

Сегодня послала на имя комиссара госпиталя открытку узнать, в чем дело... Я Мишиного молчания объяснить не могу.

---

[1] Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили) (1879—1953), советский государственный, политический и военный деятель. Генеральный секретарь Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) с 1922 г., глава Советского Правительства, Генералиссимус Советского Союза (27 июля 1945). Во время Великой Отечественной войны Сталин занимал должность Председателя Государственного Комитета обороны, наркома обороны и Верховного главнокомандующего всеми Вооруженными Силами СССР.

[2] Бальзак Оноре де (1799—1850), французский писатель. «Сельский врач» — роман 1833 г.

Закрадываются в душу всякие страхи — такие, что даже и сны вижу теперь не обыкновенные. То вижу Мишу каким-то изможденным — он идет со мною рядом и вдруг откуда ни возьмись — зверь, какое-то подобие тигра, — и этот зверь отгрызает Мише руку — а Миша молчит. Что же ты молчишь, разве тебе не больно, говорю я. То вижу Мишу в какой-то большой аудитории, я его вызываю, он идет, но как-то неохотно — идем вместе — все кругом незнакомые... И почему-то с ним мы целуемся крепко, крепко... В общем, понемногу становлюсь обывателем, дичаю и приобретаю качества человека рутины и косности...

Может быть, я немного и преувеличиваю, но частично это есть... Среда, в которой я вращаюсь, давно погрязла в этом, и это не может не отражаться на мне, унижает, что хоть я одна, но я сильнее тех, кого встречаю в школе.

Дома мне страшно тяжело... Имею дело с 3 детьми. Мама — она просто ребенок, такая же беспомощная и такая же эгоистичная, как ребенок. «Эгоизм моего горя».

И среди этих 3-х детей я одна должна быть взрослой, сильной, здоровой и всегда спокойной даже в меру веселой

Именно от этого иногда бывает невыносимо тяжело. Вот почему поездки в Ракитянку служат мне некоторой разрядкой.

Где же ты, мой хороший, что с тобой, мой родной, — мне так недостает тебя! Так трудно быть одной среди людей!

Да, да, я буду ждать, терпеливо ждать —

Я научилась ждать молча и терпеливо...

До свидания, мой ласковый, до свидания, любовь и радость моя!

14/III 1942 г.

Открытка из Москвы от Нины.

Есть приписка и от Миши, имеем письмо от 21/II, пишет, что поправляется, что скоро направится в часть 71.

Пишет в Москву, пишет Марусе — а мне ничего — немного странно.

Рада, что хоть косвенным образом удалось узнать о нем. Слишком уж тяжел был этот месяц. Ведь письмо было от 31/I!

Спасибо ему и за эти хоть и косвенные весточки. Много ли мне теперь нужно! Знать, что здоров.

23/III 42 г.

Разговор с Л.[1]

Этот разговор страшно меня взволновал.

Обладает хорошим критическим умом. Однако выводы и мысли ограничены потому, что их теряет маленький личный опыт. Если судить о всех событиях и явлениях жизни на основе своего опыта...

[1] Трудно понять, о ком идет речь.

Дневники М.Т. Белявского

Тетрадь № 1

За родину!
За честь!
За свободу!
Строки,
Мысли,
слова,
чувства...

М. Белявский. 1942 г.

Если говорить о красоте жизни, так именно беззаветная борьба за родину есть высшее проявление прекрасной жизни.

М.И. Калинин[1]

Гвозди бы делать из этих людей
Крепче бы не было в мире гвоздей![2]

Нет, не гвозди — стропила мира надо делать из этих людей, и тогда мир станет крепок и прочен, и небо будет лежать на его плечах.

Бачелис[3]

---

[1] Калинин Михаил Иванович (1875—1946), советский государственный деятель. Член Политбюро ЦК с 1926 г., с 1938 г. — Председатель Верховного Совета СССР.

[2] Отрывок из стихотворения Н.С. Тихонова «Баллада о гвоздях».

[3] Бачелис Илья Израилевич (1902—1951), советский писатель, журналист, кинодокументалист. Лауреат Сталинской премии за фильм «Москва — столица СССР» (1948). Возможно, является прототипом одного из критиков — Латунского или Лавровича — в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Мы можем лишь догадываться, где нам будет нанесен следующий удар — на северном секторе советского фронта или же на южном, против Турции, Швеции, Испании, Кипра или мальты. Не пора ли заставить Гитлера призадуматься над тем, в каком направлении его противник предупредит свои контрудары, в какой части континента они высадят свои войска. Вот для чего нужны объединенные усилия, а не абстрактные усилия, усилия в будущем. Я имею в виду объединения усилий в настоящее время для определенной цели — разгрома Гитлера на единственном фронте, на котором это возможно.

13/IV. *М.М. Литвинов*[1]

Лучше смерть, но смерть со славой,
Чем бесславных дней позор.

Шота Руставели[2]

В сравнении с той помощью, которую оказывает союзникам Советский Союз, оттягивая на себя главные силы немецко-фашистских войск, помощь союзников Советскому Союзу пока еще малоэффективна. Для расширения и улучшения этой помощи требуется лишь одно: полное и своевременное выполнение союзниками их обязательств.

И.В. Сталин

Товарищ Сталин, слышишь ли ты нас?
Ты должен слышать нас, мы это знаем.
Не мать, не сына — в этот грозный час
Тебя мы самым первым вспоминаем.
Товарищ Сталин, Сердцем и душой
С тобою до конца твои сыны.
Мы твердо верим, что придем с тобой
К победному решению войны.
Ни жертвы, ни потери, ни страданья
Народную любовь не охладят.

---

[1] Литвинов Максим Максимович (Валлах Макс) (1876—1951), советский дипломат. В 1930—1939 гг. — нарком иностранных дел СССР, в 1941—1943 гг. — зам. наркома иностранных дел СССР и одновременно посол СССР в США.

[2] Руставели Шота, грузинский поэт XII в., автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре».

Лишь укрепляют дружбу испытанья
И битвы верность русскую крепят.
Мы знаем, что на площадь выйдем,
Добыв победу собственной рукой.
Мы знаем, что еще тебя увидим
Над праздничной народною рекой.
Как счастье, мы увидим снова
Твою шинель солдатской простоты,
Твои родные, после битв суровых
Немного постаревшие черты.

К. Симонов

Какие найду для тебя слова,
Сердце мое, Москва?
Словно любовь, ты всегда нова
И хороша, Москва!
Взвившую в небо червонный стяг,
Сжатую,
Как кулак,
В черном Берлине
Тебя в гостях,
Верю,
Увидит враг:
Ты победишь,
Ибо
Ты — права,
Сталинская Москва!

П. Шубин[1]

Ни шагу назад! Только вперед!
Убьют, и то головой вперед падай.

Чапаев[2]

---

[1] Шубин Павел Николаевич (1914—1951), русский советский поэт, журналист, переводчик. В годы Великой Отечественной войны работал фронтовым корреспондентом на Волховском, Карельском направлениях, на Дальнем Востоке.

[2] Чапаев Василий Иванович (1887—1919), командир Красной Армии, участник Первой мировой и Гражданской войн. С мая 1919 г. — комбриг Особой Александрово-Гайской бригады, с июня — начальник 25-й стрелковой дивизии, участвовавшей в Бугульминской и Белебеевской операциях против армии Колчака.

Бывают и такие моменты, когда тактические успехи, блестящие по своему непосредственному эффекту, но не соответствующие стратегическим возможностям, создают неожиданную обстановку, гибельную для всей кампании.

И. Сталин

Еще раз, еще мы напряжем силы против тех поражений, которые мы понесли на Юге. Мы выдвигаем испытанные средства дисциплины, организованности и преданности.

Ленин[1]

Сейчас у нас должна быть твердая дисциплина и железная воля... Нужно сотый раз сказать себе: «Нам отступать некуда».

Киров[2]

Победа — лучший выход из трудного положения.

Сталин

Не только нельзя отступать дальше, но надо во что бы то ни стало отбросить врага назад. Надо вернуть Дон и Кубань, вернуть Северный Кавказ и Донбасс.

Ем. Ярославский[3]

Нужно воевать нам всем с честью, с уменьем, со злобой, как положено по уставу и по сердцу.

Серж Французов[4]

---

[1] Ленин Владимир Ильич (Ульянов) (1870—1924), российский и советский политический и государственный деятель, революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г., председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР и СССР. Философ, марксист, публицист. Один из самых известных политических деятелей XX в.

[2] Киров Сергей Миронович (Костриков) (1886—1934), советский государственный и политический деятель. Первый секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) и член Политбюро ЦК ВКП(б).

[3] Ярославский Емельян Михайлович (1878—1943), революционер, деятель Коммунистической партии, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР. Участвовал в подготовке официальной, принятой при Сталине версии истории партии — известного «Краткого курса истории ВКП(б)». В годы Великой Отечественной войны пламенные статьи и речи Ярославского перед фронтовиками звали бойцов Красной Армии, всех советских людей к стойкости и мужеству, полному разгрому врага.

[4] Возможно, этот афоризм рассказал М.Т. Белявскому кто-то из его фронтовых товарищей.

Назад от Сталинграда для нас дороги нет. Она закрыта величием Родины, приказом народа. Отечество требует от всех защитников города биться до последнего, но УДЕРЖАТЬ СТАЛИНГРАД.

«*Красная Звезда*». 11/IX

Я гляжу сквозь ночь глазами человека, которому близость боя и смерти дано далеко видеть. Через многие дни, ночи, месяцы гляжу я вперед и там, за горами горя, вижу нашу победу. Мы добудем ее! Через потоки крови, через муки и страдания, через грязь и ужас войны мы придем к ней. К полной и окончательной победе над врагом! Мы ее выстрадали. Мы ее завоюем.

Мы войдем в города и села, освобожденные от врага, и нас встретит торжественная тишина — тишина переполненных счастьем душ. А потом — забурлят восстановленные заводы, забурлит жизнь..... Замечательная жизнь, товарищ! Жизнь на свободной земле в братстве со всеми народами.

За такую жизнь и умереть не много. Это не смерть, а бессмертие.

Б. Горбатов[1]

Ленинградская страда внесла в характер Советского человека много нового, она, как пылающий факел, вознесла над вехами души наших людей когда-то в очень далекие и печальные дни. Максим Горький поведал миру романтическое предание о юноше, который в благородном порыве поднял свое сердце, чтобы оно, пылая, освещало дорогу людям. Как близко и дорого это благородное сказание людям города Ленина, в великих испытаниях завоевавшим свое право на бессмертие, на вечную благодарность человечества.

В. Саянов[2]

Теперь нужен не только острый меч, но и острый ум.

«*Правда*»[3]

---

[1] Горбатов Борис Леонтьевич (1908 — 1954), советский писатель, автор сценариев, секретарь Союза писателей СССР. Во время Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом.

[2] Саянов Виссарион Михайлович (1903 — 1959), русский советский писатель. В период Великой Отечественной войны был в армии, работал корреспондентом фронтовых газет, написал книги «В боях за Ленинград» (1943), «Нюрнбергский дневник» (1948).

[3] «Правда», газета, долгое время бывшая ежедневным центральным органом партии большевиков (РСДРП (б), РКП (б), ВКП (б), КПСС) и наиболее влиятельным советским изданием, фактически — главной газетой страны.

Как стоит Ленинград,
Станет наш Сталинград,
Станут русские все города.

Евг. Долматовский[1]

Партия —
Бессмертие нашего дела.
Партия — единственное,
Что мне не изменит.
<...>
Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
Вот что такое партия.
Партия и Ленин —
близнецы-братья,
кто более
матери-истории ценен?
Мы говорим Ленин,
подразумеваем —
партия,
мы говорим партия,
подразумеваем — Ленин.
Рабочего
громады класса враг —
Он враг и мой,
отъявленный и давний.
Велели нам
идти
под красный флаг
Года труда
и дни недоеданий.
Мы открывали
Маркса
каждый том,

[1] Долматовский Евгений Аронович (1915 — 1994), советский поэт, прозаик. С 1939 по 1945 г. находился в действующих частях Красной армии. В 1941 г. попал в окружение и был взят в плен, из которого бежал снова на фронт.

Как в доме
собственном
Мы открывали ставни,
Но и без чтенья
мы разбирались в том,
В каком идти,
в каком сражаться стане[1].

В. Маяковский[2]

Успокаиваться нельзя... Враг коварен, и силы у него еще много... Мы должны объединиться в одной воле, в одном чувстве, в одной мысли — победить и уничтожить врага и его армии, несущие смерть и рабство, рабство и смерть и больше ничего. Для этой великой цели нужна ненависть.

Сильная, прочная, смелая ненависть; не черная, которая разрушает души, но светлая, священная ненависть, которая объединяет и возвышает, которая родит героев на фронте и в тылу.

А. Толстой[3]

Безумство храбрых — вот мудрость жизни!

М. Горький[4]

Ни шагу назад!

И. Сталин

Русские не прежде пожелают вкусить сладости мира, как истребив коварного неприятеля, осквернившего своим нападением землю отцов наших. Священный пламень любви к отечеству согревает все состояния.

М. Кутузов[5]

---

[1] Отрывок из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (ред. военного времени).

[2] Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930), русский поэт-футурист. Реформатор поэтического языка, оказал влияние на мировую поэзию XX в.

[3] Толстой Алексей Николаевич (1883—1945), русский советский писатель, граф, академик АН СССР (1939). Член комиссии по расследованию злодеяний немецких захватчиков (1942). Автор социально-психологических, исторических и научно-фантастических романов, повестей и рассказов.

[4] Горький Алексей Максимович (Пешков) (1868—1936), русский советский писатель, литературный критик и публицист. Инициатор создания и первый председатель правления Союза писателей СССР.

[5] Кутузов Михаил Илларионович (1742—1813), русский полководец, генерал-фельдмаршал. В Отечественную войну 1812 г. — главнокомандующий русской армией (с августа).

Ни шагу назад! Стоять насмерть!

М. Кутузов

Мы должны надеяться только на себя: если мы не спасем себя, никто нас не спасет. За столом победителя всегда тесно — нет отбоя от друзей, но пусто в зачумленном доме побежденного.

И. Эренбург

В войне решает время.

Ллойд-Джордж[1]

Территория СССР не пустыня — это люди. Территория СССР — это металл, уголь, нефть, хлеб, машины, фабрики и заводы. Отступать сейчас значит загубить себя. Значит, загубить Родину.

И. Сталин

Победа может быть обеспечена лишь в результате разумного планирования и согласования действий мощных сил объединенных стран, помноженных на решимость добиться победы.

Настало время нанести удар.

Американская газета

Бой тем легче и скорее закончится победой, чем более стойкими, храбрыми, решительными покажут себя на деле рядовые красноармейцы, командный и комиссарский состав и коммунисты в первую очередь.

М.В. Фрунзе[2]

Никогда, никогда, никогда,
Коммунары не будут рабами!

В. Князев[3]

Надо Мечтать!

В. Ленин

---

[1] Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945), британский политический деятель, последний премьер-министр Великобритании от либеральной партии (1916—1922). Близкий друг Уинстона Черчилля.

[2] Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925), политический и военный деятель, участник Гражданской войны. С января 1925 г. председатель Реввоенсовета СССР и нарком по военным и морским делам.

[3] Князев Василий Васильевич (1887—1937), советский поэт, репрессирован в 1937 г.

Недалек тот день, когда Красная Армия своим могучим ударом отбросит озверелых врагов от Ленинграда, очистит от них города и села Белоруссии и Украины, Литвы и Латвии, Эстонии и Карелии, освободит Советский Крым, и на всей земле снова будут победно реять красные знамена.

И. Сталин

Оделась в сталь страна
И крепче стали сделались сердца.

У. Шекспир[1]

Гвозди бы делать из этих людей
Крепче бы не было в мире гвоздей.

Н. Тихонов[2]

Только тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!

И. Гёте

Кто к нам с мечом явился, тот от меча и погибнет. На том стояла, и стоять будет русская земля.

Александр Невский[3]

Мне наплевать
На бронзы многопудье,
Мне наплевать
На мраморную слизь.
Сочтемся славою —
Ведь мы свои же люди —
Пускай нам общим памятником будет
Построенный
В боях
Социализм![4]

В. Маяковский

---

[1] Шекспир Уильям (Shakespeare) 1564—1616), английский драматург и поэт. Крупнейший гуманист эпохи Позднего Возрождения.

[2] Тихонов Николай Семенович (1896—1979), советский писатель, поэт, публицист, общественный деятель. Во время Великой Отечественной войны работал в Политуправлении Ленинградского фронта. Писал очерки и рассказы, статьи и листовки, стихи и обращения.

[3] Александр Ярославич Невский (ок. 1220—1263), русский князь, прославившийся как полководец.

[4] Отрывок из поэмы Маяковского «Во весь голос».

Нужно помнить: что бы ни предстояло нам впереди, самые опасные, кризисные дни остались позади, на первом этапе войны.

«Красная звезда». 9/V

Москва, Москва! Коротенькое слово,
Но на войне проверены слова.
И все, что есть на свете дорогого,
Слилось в два слова: Сталин и Москва.

В. Лебедев-Кумач[1]

Немцы не понимают, что ведет наших бойцов в бой. Скажем прямо — Любовь. Любовь к семье, любовь к Родине, любовь к жизни. Нет силы выше, чем настоящая любовь. Данте сказал, что она движет небесными светилами. Мы скромно добавим, что она испепеляет железные чудовища, которые рвутся к нашим городам. Родина говорит каждому бойцу: Стой, дерись, держись и ты победишь. Стойкие побеждают, трусы гибнут. Родина будет жить, и ты будешь жить. Воин любит жизнь, как и каждый советский человек. Он не хочет умирать: в войне он ищет не смерть, но победу.

И. Эренбург

На Святой Руси петухи поют. Скоро будет день на Святой Руси...

В. Короленко[2]

Бейтесь крепче. Победа теперь недалека. Победа будет за нами!

В. Ленин

Велика Россия, а отступать дальше некуда.

Политрук Клочков (из 28)[3]

---

[1] Лебедев-Кумач Василий Иванович (1898—1949), русский советский поэт-песенник. Автор песен «Широка страна моя родная», «Москва майская», «Священная война».

[2] Короленко Владимир Галактионович (1853—1921), русский и украинский писатель. Был выдающимся публицистом и отдавал много сил кампаниям по оказанию помощи голодающим и упразднению смертной казни, воинской повинности и дискриминации по национальному признаку.

[3] Клочков (Диев) Василий Георгиевич (1911—1941), военный комиссар 4-й роты 2-го батальона 1075-го стрелкового полка 316-й стрелковой дивизии 16-й армии Западного фронта. 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково Волоколамского района Московской области во главе группы истребителей танков участвовал в отражении многочисленных атак противника, был одним из 28 погибших панфиловцев.

Быть коммунистом — значит дерзать, думать, хотеть, сметь.

В. Маяковский

Ты должен быть готов к смерти — на то война. Но ты должен думать не о смерти — о победе.

И. Эренбург

Сталин — это Ленин сегодня.

Анри Барбюс[1]

Приказ Сталина является одним из величайших документов этой войны. Приказ Сталина ясен и смел. В качестве призыва к действию приказ Сталина носит характер исторического заявления. Это призыв вождя к своему народу, не омраченный никакими сомнениями и опасениями, не вызывающий сомнения в силе своего оружия, это призывной клич человека, который является истинным вождем, знающий, по какому пути он идет.

Канадская газета

Только ясность цели, настойчивость в достижении цели и твердость характера, ломающая все и всяческие препятствия, могут обеспечить победу.

И. Сталин

Ленин рядом.
Вот
Он
Идет
И умрет с нами.
И снова
В каждом рожденном рожден,
Как сила,
Как знанье,
Как знамя[2].

В. Маяковский

Гитлер начал войну — Сталин ее кончит.

---

[1] Барбюс Анри (Barbusse) (1873—1935), французский писатель, журналист и общественный деятель в международном коммунистическом движении.

[2] Отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Комсомольская».

Советская Родина! Безграничным богатством полно это слово, это родные поля и леса, чудесные теперь в весеннем своем уборе. Их топчет, поганит ненавистный подлый враг. Изгнать его, уничтожить — зовет Родина.

Советская Родина — это родной город, родное село и с ними милое свое детство, молодость, игры и учеба, любовь и жизнь. Это село выжег подлый враг. Он разрушает родной город и поставил виселицы на его площадях. Отмстить врагу, разгромить и уничтожить его зовет Родина.

Советская Родина — это родные, это отец и мать, братья и сестры, жена и дети...

Жгучая ненависть перехватывает горло, когда вспоминаешь о зверствах фашистов, о массовых бесчеловечных расправах над беззащитными людьми, о сожженных заживо пленных и колхозниках, надругательстве над стариками, женщинами и детьми. Бить врага, бить без пощады, искупить святую кровь, искупить детские слезы зовет Родина. Советская Родина — это мой народ, его славная старина, его великое будущее. Это — родная культура, литература и искусство. Родина — это счастье, солнце, без которого нет жизни, это свобода и гордость, честь и достоинство советского гражданина, хозяина и строителя своей прекрасной страны.

На нашу Родину пала черная, зловещая тень врага — рабовладельца, душителя всего живого, выходца из средневековых могил.

Смерть же ему — носителю смерти!

«*Правда*» (*передовая*). 2/VI 42 г.

Да здравствует разум!
Да здравствует солнце!
Да скроется тьма.

А. Пушкин[1]

Мы еще увидим небо в алмазах.

А. Чехов[2]

Цель жизни — в служении революции.

М. Горький

---

[1] Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), русский поэт и писатель, родоначальник новой русской литературы, создатель русского литературного языка.

[2] Чехов Антон Павлович (1860—1904), великий русский писатель и драматург. Почти всю взрослую жизнь был практикующим врачом.

Уж близок, близок час победы
Ура, мы ломим, гнутся шведы,
Еще напор, и враг бежит!

А. Пушкин

Что смерть, лишь сон мрачней и глуше.
Зато навек повержен враг суровый.

Дж. Байрон[1]

Я ношу партбилет не в кармане... в себе...

А. Безыменский[2]

Наше дело правое!
Враг будет разбит!
Победа будет за нами!

В. Молотов

Я сын страны. Которой нет моложе.
И где никто, никто не стар!

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях[3].

Шагайте без страха по мертвым телам
Несите их знамя вперед!
Вперед, без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!

Наша правда! Бейтесь до смерти.

Д. Пожарский[4]

Но не скроют тучи солнца. Нет, не скроют.

М. Горький

---

[1] Байрон Джордж Гордон Ноэл (Byron) (1788—1824), английский поэт-романтик, пэр, с 1809 г. член палаты лордов.

[2] Безыменский Александр Ильич (1898—1973), русский советский поэт. Член КПСС с 1916 г. Участник Октябрьской революции в Петрограде. Деятель юношеского коммунистического движения.

[3] Слова видного деятеля Испанской коммунистической партии Долорес Ибаррури (1895—1989), которую товарищи по партии называли «Пассионарией» («Пламенная») за ее страстные выступления против франкистского режима.

[4] Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, русский полководец, руководил военными действиями против польских интервентов.

Просто жить — небольшое искусство.

А. Безыменский

Только в работе есть радость.

М.Э.Т.

Красуйся, град Петров и стой
Неколебимо, как Россия.

А.С. Пушкин

Трижды убийца — убивающий мысль.

Р. Роллан[1]

Часто говорят о краткости человеческой жизни. Неправда, за это время можно создать много больших и хороших дел. Если ж кто этого не делает, тому бессмертья и не нужно. Все равно он будет не жить, а существовать.

Из современного рассказа

Каждое душой любя, —
Как бы оно ни казалось мало, —
Словно дитя, подними до себя
Глядь, и оно тебя вверх подняло.

Н. Асеев[2]

Рожденный ползать летать не может!

М. Горький

Но не скроют тучи солнца, нет, не скроют!

М. Горький

Завидуем внукам и правнукам нашим, которые будут в 1940 году. Они увидят Россию стоящей во главе просвещенного мира.

По В. Белинскому

Вынесет все, и широкую ясную
Грудью дорогу проложит себе.

Н. Некрасов[3]

---

[1] Роллан Ромен (Rolland) (1866—1944), французский писатель, общественный деятель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1915).

[2] Асеев Николай Александрович (1889—1963), известный русский советский поэт. Опубликовал за свою жизнь более 70 стихотворных сборников.

[3] Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878), великий русский поэт, писатель и публицист XIX в.

Разговаривай с фашистами
Языком пожаров,
Словами пуль,
Остротами штыков!

В. Маяковский

Философы различным образом объясняли мир, дело заключается в том, чтобы переделать его.

К. Маркс

Да, враг был храбр,
Тем больше наша слава.

К. Симонов

Пусть враг силен, — любовь сильнее боли.
Любите родину и помогайте ей
В дни испытаний, мужества и воли.

Е. Благинина[1]

Русский человек по природе незлобив, он рубит в сердцах, но легко отходит и способен понять и простить. Ненависть не лежала в душе русского человека. Она не свалилась с неба. Нет, ее наш народ выстрадал. Вначале многие из нас думали, что это война, как война, что против нас такие же люди, только иначе одетые. Мы были воспитаны на великих идеях человеческого братства и солидарности. Мы верили в силу слова.... Ненависть не далась нам легко. Мы ее оплатили городами и областями, сотнями тысяч человеческих жизней. Но теперь наша ненависть созрела. Она уже не мутит голову, как молодое вино, она перешла в холодную решимость. Мы поняли, что здесь нет места для уступок и для разговоров, что дело идет о самом простом, о нашем праве дышать. Месть — это расплата той же монетой, разговор на том же языке. Но у нас нет общего языка с фашистами. Мы тоскуем не о мести — о справедливости. Железо на сильном морозе обжигает. Ненависть, доведенная до конца, становится живительной любовью. «Смерть фашистским оккупантам» — эти слова звучат, как клятва любви, как присяга на верность жизни. И кто скажет, где кончается обида на общечеловеческого врага и где начинается кровная привязанность к своей Родине.

---

[1] Благинина Елена Александровна (1903—1989), русский советский поэт.

Суровая борьба и нелегкая судьба, но не было судьбы выше этой.

И. Эренбург

Мы ушли, — но мы вернемся снова,
Мы ушли, — но не забыли Вас.
За нами последнее слово
И мы его скажем в свой час.

Н. Шестаков[1]

Очень интересна статья Калинина. Главное: уверенный, оптимистический тон. Гитлер, оказывается, говорит уже не о весеннем, а о летнем наступлении. Если это так, то пожалуй, задача февраля и марта — сорвать наступление Гитлера весной — выполнена Красной Армией с честью.

Речь Гитлера очень показательна: во-первых, ясно, что со всякой мыслью о молниеносной войне ему пришлось проститься навсегда, мало этого — открыто признать это; во-вторых, пропали бахвальство и наглость, столь свойственные его прошлым речам, и сменились неуверенностью и истеричной нервозностью; в-третьих, «Я не знаю». Это начало конца. Стоит припомнить ему песенку, написанную Л. Толстым[2]: «Гладко писано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Нет, Гитлер, на одних угрозах и кликушестве ты далеко не уедешь.

Через несколько дней после речи приказ Сталина, как он выигрывает, если поставить их рядом. Вот где видишь настоящего вождя, ведущего невиданно тяжелую борьбу за свободу и независимость страны. Вождя, который видит победу и уверенно ведет к ней страну, народ, армию.

Хотя наше отношение к террористам прекрасно известно, но не могу не радоваться смерти этой кровавой собаки Гейдриха[3]. Одним палачом меньше. Как ни говори, а его убийство

---

[1] Шестаков Николай Яковлевич (1894—1974), русский советский поэт и драматург.

[2] Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, один из самых значительных русских писателей и мыслителей. Участник обороны Севастополя. Просветитель, публицист, в конце жизни основатель нового религиозно-нравственного учения — толстовства.

[3] Гейдрих Рейнхард (Heidrich) (1904—1942), государственный и политический деятель Германии, начальник Главного управления имперской безопасности (1939—1942), заместитель имперского протектора Богемии и Моравии (1941—1942). Убит в Праге десантированными с британского самолета боевиками (этническими чехом и словаком).

свидетельствует о напряженности положения в Чехословакии, о том, что несмотря на все преследования чехи продолжают борьбу и если откроется второй фронт....

Только бы он открывался скорее.

Много значительных дат и эпизодов оставит отечественная война в памяти советского народа, запомнятся дни больших сражений, героических ударов Красной Армии, перейдут в историю числа и месяцы, когда были освобождены от захватчиков наши города, в школьных учебниках появятся хронологические таблицы, завершающиеся датой окончательного разгрома гитлеровской Германии. Мы не знаем еще всех больших дней, какие войдут впоследствии в историю: история делается лишь сейчас. Но среди всех дней войны, прошедших и предстоящих, есть один, запомнившийся по-особому...

Это были, быть может, самые тяжелые дни войны. На фронтах Красная Армия с огромными усилиями сдерживала остервенелый натиск фашистских полчищ. Немцы рвались к Москве. Столица находилась под угрозой вражеского удара. На улицах, в пригороде, у застав появились баррикады, противотанковые заграждения, подготовленные для артиллерии гнезда. Москва готовилась к обороне. Как ни велика была уверенность в том, что Москва выстоит, к Москве враг не будет допущен, — смотреть на посеревший город было тяжко.

И вот, в самые трудные дни войны, в тяжкий момент исторических испытаний, страна услышала слово вождя, полное твердости, бодрости, уверенности, величайшего подъема сил, эта твердость и уверенность вливалась в людей, ощутимая физически, казалось — легче становится дышать, любые невзгоды не так уж трудны, и силы хватит на все, все одолеть.

Этот день войдет в историю войны и в судьбу каждого отдельного человека, как день, когда советский народ, еще терзаемый войной, еще глядящий в лицо невзгодам, ощутил и взвесил на своих ладонях грядущую победу.

И. Бачелис

Нет сомнения, что немецкие войска действительно собирались и собираются наступать весной, — но Красная Армия своими действиями превратила планы немецкого командования в пустой миф. Не для фашистов пришла весна 1942 г. — для нас!

«Красная Звезда»

Германский агрессор надорвался. И как бы Гитлер ни кричал о своей силе, она подорвана при попытке поднять непосильную тяжесть.

М. Калинин

Бойцы стали злее и беспощаднее. Они научились по-настоящему ненавидеть немецко-фашистских захватчиков. Они поняли, что нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами своей души.

И. Сталин

Мы хорошо понимаем, товарищ Сталин, что победа сама не приходит, ее надо завоевать. Мы понимаем, что впереди жестокие схватки с врагом. Такие жестокие, каких, может быть, и не было до сих пор. Мы понимаем, что впереди еще много трудного, тяжелого, но это не сломит нашу волю к победе.

Приветствие женщин Сталину

Весна — пора расцвета жизни, надежд, свободы — не принесет ничего хорошего немецко-фашистским сеятелям смерти и рабства.

«*Правда*». 26/IV

Не стало больше болтовни о непобедимости немецких войск, которая имела место в начале войны и за которой скрывался страх перед немцами.

И. Сталин

Весной и летом бейте врага еще крепче, чем зимой. 1942 год должен быть годом окончательного разгрома врага.

Первомайские лозунги

Мы напрягаем все наши силы, и наша задача сейчас: приготовить Колчаку[1] не белый саван зимы, а черный саван лета.

С. Киров

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля до стен недвижного Китая
Стальной щетиною сверкая, не встанет русская земля?

---

[1] Колчак Александр Васильевич (1974—1920), российский политический деятель, вице-адмирал Российского Императорского флота (1916), полярный исследователь, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Руководитель Белого движения на востоке России.

Так высылайте же нам, витии
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов[1].

А. Пушкин

Старший брат в Советской семье — русский народ, достиг уважение других народов не самоутверждением, но самоотверженностью: он шел впереди, он идет впереди дорогой, где человека венчают не только цветы, но и пули. Вот почему таким почетом окружен русский язык и русский народ. Мы говорим в мирное время: это язык Пушкина и язык Ленина. Мы скажем теперь: это язык войны. Когда мы говорим: «Россия», мы совсем не выделяем того или иного народа. Слово «Россия» теперь не название государства, а нечто глубоко внутреннее, связывающее нас с нашей историей, Вторую отечественную с первой, молодого красноармейца с Суворовым[2], колыбели детей с могилами предков.

Мы вышли в бой, чтобы отстоять свою землю, свой дом и в этой справедливой войне мы обрели любовь и признание мира. Такова сила, таково волшебство подлинного патриотизма.

И. Эренбург

Родина, взлелеявшая нашу молодежь, говорит ей: За молодость свою, омраченную фашистскими разбойниками, за страдания наших братьев и сестер, отцов и матерей. Бейтесь храбро, беззаветно, бесстрашно во имя полной победы над врагом, посягнувшим на нашу честь, свободу и независимость.

«*Правда*». 16/V

«Русские люди» К. Симонова — это настоящая и нужная вещь. Правда, я еще не дочитал ее, но уже сейчас видно, что это большая литература, а не дешевка, вроде корнейчуковских «Партизанов»[3]. Простые советские люди разных возрастов и общественных положений, они в момент опасности выступили, как настоящие Люди, как подлинные Советские патриоты. Сафронов, чудесный старик — начштаба, отважная и вместе

---

[1] Поэма «Клеветникам России».

[2] Суворов Александр Васильевич (1730—1800), прославленный полководец, генералиссимус.

[3] «Партизаны в степях Украины» — пьеса А.Е. Корнейчука.

с тем женственная Валя (это не кожаная куртка «Оптимистической трагедии», хотя там дано все в другом плане), фельдшер Глоба, все они, живя и борясь, готовые встретить каждую минуту смерть лицом к лицу и не отступить перед ней.

Они не говорят красивых слов, не произносят пышных фраз, они борются за жизнь, за Родину, за ее Свободу и независимость. Их простота и мужество, выдержка и героизм убедительны и могут вызвать только восхищение и желание быть похожими на них. Козловский гораздо убедительнее Долгоносика — там схема, а здесь живой, подлый и гнусный человек, рядом стоит с ним и отвратительная фигура изменника Харитонова. Интересно задумана и фигура фашистского изувера Вернера, жаль, что кое-где Симонов не ушел от истинно театрального злодея. Пьеса печатается целиком в «Правде», если я не ошибаюсь, то впервые за ее существование, и это высшая оценка пьесы, которую ей дает страна, народ, Партия.

Как часто в горестной разлуке
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе.
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось.
Как много в нем отозвалось.

А.С. Пушкин

Москва
Для нас —
Не державный аркан,
Ведущий земли за нами,
Москва
Не как русскому мне дорога,
А как огневое знамя[1].

Вл. Маяковский

Россия отличается тем, что в самое трудное время у нее всегда находятся массы, которые можно было двинуть вперед, как запас, в котором находились новые силы, когда старые начинали иссякать.

В. Ленин

[1] Отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Нашему юношеству».

Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной.

Н. Островский[1]

Человек — это звучит гордо!

М. Горький

И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Горького и Чехова, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!

И. Сталин

Я пал непобежден —
Оружье цело,
Со мною кончено — но не окончен бой!

Г. Гейне[2]

Мы любим жизнь, но нам она нужна
Лишь той, которой мы ее создали.
Теперь ее в боях мы защитим,
Нет меры силам нашим, как ни мерьте!
Народ, любящий жизнь, — непобедим,
Боец, умерший за народ, бессмертен!

К. Симонов

Еще Россия не поднималась во весь свой могучий рост, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь поднимется..

Денис Давыдов[3]

Кот посеял ветер, —
Тот пожнет бурю!

В русском человеке есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годины, легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день.

А. Толстой

---

[1] Островский Николай Алексеевич (1904—1936), прозаик, автор книг «Рожденные бурей» и «Как закалялась сталь».

[2] Гейне Генрих (Heine) (1797—1856), немецкий поэт и публицист, выдающийся мастер лирической и поэтической поэзии.

[3] Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт «Пушкинской плеяды», генерал-лейтенант, партизан.

Во имя новых поколений
Мы ношу тяжкую берем.

А. Сурков[1]

Россия — очень большая страна; гораздо больше, чем на карте. Это пора понять нашим стратегам из пивных.

Из письма убитого немецкого солдата

Моя Родина, моя родная земля, мое отечество — в жизни нет горячее, глубже и священнее чувства, чем любовь к тебе.

А. Толстой

Мертвые срама не имут.

Святослав[2]

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда других не ждут,
Изменив вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет.
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: повезло.
Не понять, не ждавшим, им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой.
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

К. Симонов

---

[1] Сурков Алексей Александрович (1899—1983), русский советский поэт. Автор стихов, ставших народными песнями: «Бьется в тесной печурке огонь», «Конармейская» и др.

[2] Святослав Игоревич (942—972), великий князь киевский (945—972), прославившийся как полководец.

Если я не вернусь, дорогая,
Нежным письмам твоим не внемля,
Не подумай, что это другая.
Это значит — сырая земля.
Только Вам я всем сердцем и внемлю.
Только Вами и счастлив я был;
Лишь тебя да родимую землю
Я всем сердцем, ты знаешь, любил.
Но вернусь... И на письма отвечу.
Нет, я верю, не дуб в полутьме,
Не разлука, а нежная встреча
Смелых ждет на родимой земле!

И. Уткин[1]

Не пылит дорога,
Не шумят кусты.
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

Г. Гейне

Не странное ли дело, что так вот привязываешься к такому маленькому существу. Без него словно и нет ничего. Вот я — живой и здоровый, и вдруг я готов всем пожертвовать ради какой-то маленькой твари, которой я даже не знаю. Существо, которое пока ничто, но которое чем-то будет, может быть... И ради этого, может быть, я стану расточать мое «Я есть Я». Да ведь в том-то и дело, что это «может-быть» — это мой лучший цветок, тот, ради которого я живу. Когда черви обгложут мои кости и сам я истлею на жирном погосте, я воскресну в другом «Я», которое будет красивее, лучше и счастливее, потому что он ногами станет мне на плечи и будет видеть дальше, шагая над моими костями. О, вы, исшедшие из меня, вы, что будете впитывать свет, который уже не омоет мои глаза, вашими глазами я вбираю урожай грядущих дней и ночей, я вижу смену годов и веков, я наслаждаюсь и тем, что мне неведомо, и тем, что я предчувствую. Все это проходит мимо меня; но сам я иду вперед; иду все дальше, иду все выше, несомый вами. Дальше нивы моей, дальше моей жизни тянутся борозды; они обнима-

[1] Уткин Иосиф Павлович (1903—1944), советский поэт и журналист. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн.

ют землю; они охватывают пространство подобно Млечному Пути, они покрывают сетью весь лазурный свод.

Вы моя надежда, вы мое желание, вы мои семена, которые я кидаю в грядущие времена!

Р. Роллан

Ты давал клятву, ты присягал умереть или отстоять за то, чтобы многие семьи наших хороших людей могли собраться и зажить спокойной жизнью. Я верю, что ты будешь таким воином — смелым и суровым, любящим и разящим, ненавидящим и спасающим.

Из письма Иры

Хорошая, любимая, родная,
Мы друг от друга далеко живем.
Гляжу на карточку, припоминаю,
Как раз перед войной снялись вдвоем.
Война бушует все сильней над нами,
Но нас не разлучила и война.
Хранить в сердцах с великими словами
Простые наших милых имена.

Чем путь труднее,
Чем дорога круче,
Тем вспоминаем милых мы нежней.
Они нас твердости солдатской учат
Простою женской верностью своей.

Ст. Щипачев[1]

Только до слуха коснется
Песня, что милая пела,
Сердце запоет, забьется.
Вырваться хочет из тела.
К лесу тоска меня гонит,
Спрятаться б в чашах дремучих.
Хочется слез мне горючих,
В них мое горе потонет.

Г. Гейне

---

[1] Щипачев Степан Петрович (1898—1980), советский поэт. Писал стихи о любви, о природе, однако наиболее известен гражданской лирикой. Обладатель Сталинской премии (1949, 1951).

Минувших дней очарованье
Зачем опять воскресло ты?
Кот разбудил воспоминанье
И задремавшие мечты?

В. Жуковский[1]

Друг другу встретиться мы обещали
В шесть часов вечера после войны.

Е. Долматовский

Илья Эренбург получил Сталинскую премию за «Падение Парижа». Как я рад, что не ошибся в оценке этого романа, и как жаль, что в свое время не успел окончить о нем статьи. Насколько я не любил его раньше, настолько высоко ставлю сейчас. «Падение Парижа» входит наравне с «Чапаевым», «Разгромом», «Тихим Доном», «Цусимой», «Как закалялась сталь» и др. в золотой фонд советской литературы. Ряд его статей периода Отечественной войны — великолепны. После Р. и К. блеснули прекрасные, страстные статьи Ванды Василевской, а во время Отечественной войны И. Эренбург и А. Толстой поднялись до уровня настоящей большевистской публицистики.

Но перед Эренбургом, особенно Эренбургом маленьких статей в «Кр. Звезде», большая опасность, очень вредящая его статьям — конечно, «Карфаген должен быть разрушен», но бить в одну точку совсем не значит изо дня в день повторять самого себя, а это у него налицо.

Вчера, наконец, посмотрел «Разгром немецких войск под Москвой»[2]. Хорошо, интересно, нужно. А все не то. На деле проще и одновременно сложнее. Я видел мало, но больше не может пока кино, несмотря на все свои старания, передать настоящей войны, всей полноты героизма и отваги воинов, мудрости руководства, и это очень жаль.

---

[1] Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), знаменитый русский поэт, переводчик, литературный критик.

[2] «Разгром немецких войск под Москвой», советский документальный фильм о битве за Москву, режиссеры Леонид Варламов и Илья Копалин. Производство Центральной студии кинохроники, октябрь 1941 — январь 1942 г. Премия «Оскар» (1943).

М. Шолохов[1]. «Наука ненависти»:

Тема, которая десятки раз разбиралась в печати, — ничего нового. Так почему же так волнует и трогает эта короткая повесть? Чувствуешь настоящую, святую ненависть, чувствуешь любовь, гнев и силу. Она заставляет думать и не дает себя забыть то, что так хорошо в публицистических статьях выразили И. Эренбург и А. Толстой, что Шолохов дал в художественной форме. И его песня о ненависти звучит не только как симфония гнева, но как поэма о любви к жизни и стране, где шла вперед светлой дорогой человеческая жизнь. Мы еще увидим эту жизнь, она поднимется, как молодая поросль на месте срезанной артиллерией шолоховской рощи. Поднимется и лишь изувеченные дубы и сосны будут напоминать о бурях шумящей молодой зелени. Так будет, а пока ненависть и еще раз ненависть!

Каждый удар Красной Армии — это не только удар по гитлеровской армии, это одновременно с тем удар по стене недоверия и клеветы, десятилетия окружавшей Советский Союз, его Армию, его строй.

По Л. Фейхтвагнеру[2]

Эта сволочь взорвали Киево-Печерскую лавру и сожгли дом Верховного совета УССР. Крещатик и Владимирская горка покрыты виселицами. Ну погоди, будет и на нашей улице праздник. Наступит же день расплаты, когда мы рассчитаемся за все.

Брянск и Орджоникидзеград[3] превращены в развалины, а сейчас эти мерзавцы снова прорвались на Восток, громят, жгут, разрушают новые города и села.

Месть! Смерть! Победа!

...Руки миллионов
сложив в древко,
красным знаменем

---

[1] Шолохов Михаил Александрович (1905—1984), русский советский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1965 г. — за роман «Тихий Дон»), классик русской литературы.

[2] Фейхтвангер Лион (Feuchtwanger) (1884—1958), немецкий романист и драматург.

[3] Орджоникидзеград — с 1936 по 1943 г. — название города Бежица, ныне Бежицкий район г. Брянска.

Красная площадь
вверх
вздымается страшным рывком.
С этого знамени,
с каждой складки
снова живой
взывает Ленин:
— Пролетарии,
стройтесь к последней схватке!
Рабы,
разгибайте спины и колени!
Армия пролетариев,
встань стройна!
Да здравствует
революция,
радостная и скорая!
Это —
единственная
великая война
из всех,
какие
знала история[1].

В. Маяковский

Хочешь жить?
До самой смерти?
Бейся,
Задержи врага
И победи!

С. Кирсанов[2]

Вот я смотрю и не могу оторваться от этих маленьких кусочков бумаги с лицами моих дорогих. Ира — нет предела любви к тебе. За этот год я даже не подумал ни об одной женщине. Самая мысль о возможности этого мне отвратительна. Я абсолютно уверен в том же и со стороны Иры. Как же выходило, что наша жизнь перемежалась такими частыми неурядицами, что

[1] Отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

[2] Кирсанов Семен Исаакович (Кортчик) (1906—1972), советский поэт. Футурист, ученик Маяковского и Хлебникова.

неоднократно ставился вопрос о смерти? Как объяснить эту несообразность. Кажется, виной тут особенности моего-таки тяжелого характера и нежелание Иры считаться с ними. Я уверен, что сейчас все они на 99% отпадут. Столько любви, не пылкой, юношеской, рассчитанной на внешние эффекты (кстати, Ира этого изменения форм любви никогда не понимала), а мудрой, горящей ровным, но немеркнущим пламенем. Дочки мои! Как мало уделял я вам внимания, но совсем не от недостатка любви. Сейчас я хочу вас видеть больше всех. Я представляю вас в свой последний приезд в детсад, когда вы, одинаково одетые, глазели на грузовик; Маю, катающуюся на велосипеде, Лену, вытянув палец, что-то доказывающую. Игры на диване, мороженое, первые ваши шаги, которые причиняли ваши болезни. Боюсь, что с вами не суждено мне больше увидеться. Мама! Сколько горя и страданий сразу. Смерть отца, вероятная гибель Андрея и Лени (хотя я других стараюсь уверить в обратном, но сам совершенно теряю надежду). Тревога за последнего, сожженный Смоленск, как все это тяжело переживать на закате жизни. Леня — он был (или, во всяком случае, был бы) выше меня. У него было то, отсутствие чего погубило меня, — система, постоянство и уверенность в своих силах.

Андрей — пусть он неорганизован, до известной степени анархичен, вернее, упрям. После этой переделки из него вышел бы настоящий человек. Итак, 2-х я уже никогда не увижу, 3-х, наверное, никогда не увижу, а Иру?..

Как я ругал и порицал Савича когда-то за подобный поступок, а сейчас сам умоляю ее приехать. Пусть это эгоизм, я не в силах его победить.

И, наконец, последний дожил до 30 лет, мало что сделав, во всяком случае, гораздо меньше, чем мог бы сделать. Любил, увлекался, дурачился, но на самом деле был замкнут и застенчив. С упоением делал то, что нравилось, и спустя рукава повседневное. Вызывал своим языком и Дон-Кихотством (сейчас я это ясно вижу) появление многочисленных врагов. Они и одна ошибка (черт его знает, ошибка ли это) отравили ему добрую половину жизни.

Мало заботился о себе и пытался сказать, что его богатство «души, изваянные им», но не уверен в этом, так как и здесь неоднократно ошибался.

Несмотря на все недостатки, был умным и культурным человеком (хотя и в значительной мере поверхностным). Беззаветно любил свою Родину, Партию, Сталина, и это искупает многое.

22-го июня — год!

Год, сколько в этом слове, сколько за этим словом....

Обычный летний, слегка пасмурный день, воскресенье. Страна живет жизнью выходного дня. 12 часов — речь Молотова. Война! Наступают страшные, незабываемые дни; дни, когда боялся открыть новую газету или услышать ставшие известными 7 слов в сводке по радио. Дни идут одни за другими, положение все труднее. Когда же перелом? А пока... пока мы вынуждены уничтожать свою гордость, свою любовь. Пылают поля золотистой пшеницы, в огне фермы, колхозы. То, ради чего мы все себе отказывали, недоедали, то, чем мы гордились: домны Криворожья, Днепропетровска, Запорожья, доки Николаева, красавец Днепрогэс, Киев... Все летит на воздух, чтобы не достаться немцам.

А немцы все идут вперед. Они захватили Прибалтику и подобрались к Ленинграду. Они заняли Белоруссию, Смоленскую, Орловскую, Курскую области. Пала Одесса после 2-х месяцев героической борьбы. Немцы ворвались в Крым, и только город моряков устоял перед этим натиском. Заняли Харьков, Сталино[1], заняли Донбасс. Когда же перелом, дальше отступать нельзя. Но должен же быть перелом, не может быть, что был прав этот пройдоха и убийца Адольф. Нет! Русский народ победить нельзя. А они рвутся к Москве, стараются окружить и взять Тулу, берут Ростов. Должен быть перелом. 6 ноября 1941 года. Об этом дне трудно и сейчас писать спокойно. Сталин, находясь в осажденной Москве, которую немцы хвалились взять через несколько дней, спокойно и мудро говорил о победе. Какая сила, какая уверенность в себе, какая мудрость.

Великий Сталин. Сколько силы каждому из нас прибавил этот доклад. Страна увидела впереди победу. А враг все ближе подходил к Москве. Взят Калинин[2]. И вдруг как гром — немцы бегут, немцы бегут, бросая все. Так 6-м декабря начались месяцы триумфа, декабрь и январь. За эти месяцы освобождена

---

[1] Сталино — так в 1924—1961 гг. назывался город Донецк.

[2] Калинин — так в 1931—1990 гг. назывался город Тверь.

большая территория, но успехи быстро кружат голову. Люди думали, что так же будет и в феврале, и в марте, и в мае. Немцы опомнились и создали в тылу очень крепкую линию обороны. Зимние действия Красной Армии сорвали планы немецкого командования и весеннее наступление, о котором столько кричала вся эта сволочь, так и умерло, не родившись. Сейчас, после падения Керчи, бои идут только на Харьковском направлении, а весь фронт застыл. Как это ни неожиданно, но так же, как 25 лет тому назад, закопались в землю, ведут охоту друг на друга, в отдельных местах бои местного значения. Прошел год. Сколько страданий, крови, трупов, калек, развалин, пепелищ...

Прошел год. Что мы потеряли и что приобрели за этот год?

Потеряли руду Керчи, Кривого Рога, нефть Борислава, уголь Донбасса (не весь), алюминий Запорожья, хлеб, сахар, мясо Украины, картофель, лен, лес Белоруссии, фрукты, табак Крыма. Мы потеряли много чудесных советских людей. Мы потеряли сотни городов и тысячи фабрик (обратно мы получим одни развалины).

Что мы приобрели?

Большую, крепкую армию, научившуюся бить немцев, научившуюся уничтожать все, начиная от фрицев и кончая танками и самолетами. Промышленность в глубоком тылу, где ей ничего не страшно (это не Кельн и не Эссен), которая может дать фронту все, что надо, сочувствие и симпатии всего мира, договор с Англией и США. Твердую уверенность в том, что скоро будет создан 2 фронт. Уверенность, что враг будет разбит и этого ждать уже не так долго.

С такими итогами жить можно.

Сегодня вторая годовщина: год назад И.В. Сталин выступал по радио. Он указал путь борьбы советскому народу, Армии, партизанам. Показал, какая смертельная опасность перед нами, но одновременно с этим указал и путь в будущее.

И снова, как в прошлом году, мы ждем и ждали. Когда же день решающего удара. В прошлом году мы ждали, когда остановим. Сейчас ждем, когда погоним. Конечно, из весеннего наступления у Гитлера вышел «пшик», но все-таки Керчь, Купянск, теперь Севастополь. Правда, это Пирровы победы, так недолго «напобеждаться до смерти», и они скорее показывают не силу, а слабость германской армии и то, что ни мощные удары германского кулака по отдельным участкам нашего фронта,

ни применение огромных масс техники уже не страшны нашей Красной Армии. Все это так, но когда же удар!?

И воевать по-настоящему научились, и ненавидеть, и любить. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются.

М. Шолохов

Что за черт?! Вместо наступления у них опять катастрофа. Ливийский разгром[1] чреват большими последствиями. Проклятая английская медлительность и самоуспокоенность могут стоить Суэца, а это уже будет подлинной катастрофой. Как они умеют задним числом объяснять все и как плохо бывают готовы, когда это нужно. Так было в Сингапуре[2], Голландской Индии[3], Бирме[4] и еще черт знает где. Неужели они и здесь умудрятся повторить свои печальные опыты?

Опять большая и умная речь Черчилля о египетской катастрофе, ее причинах и последствиях, и о себе. Признаться, меня начинают раздражать эти умные и обстоятельные речи, где все выглядит нормальным. И Дюнкерк[5], и Ковентри[6], и Сингапур, и Голландская Индия. Быть мастером эвакуации хорошо, хорошо, если человек видит корни поражения, хорошо, когда он, несмотря на удары, сыплющиеся на него один за другим, сохраняет спокойствие и оптимизм, но нельзя же это тянуть до бесконечности. Вместо того, чтобы уметь объяснить свои поражения и отступления, пора перейти к наступлению и победам. Спекулировать на стойкости и мужестве Красной Армии до бесконечности нельзя. Этим можно дать только лишний козырь в руки «Чемберленов» и тому подобным.

---

[1] В январе 1942 г. британская армия была разгромлена Роммелем в Ливии.

[2] Во время Второй мировой войны Япония выиграла битву за Сингапур (1942), которую неподготовленные англичане проиграли несмотря на значительное превосходство в живой силе.

[3] Голландская Индия — название Индонезии в колониальный период (до 1945). В ходе операции в Голландской Индии территория колонии к марту 1942 г. была полностью захвачена японскими войсками.

[4] Бирма — название Мьянмы до 1989 г.

[5] Из Дюнкерка была осуществлена эвакуация вооруженных сил антигитлеровской коалиции в мае—июне 1940 г.

[6] Город Ковентри подвергся массовым разрушениям в ходе массовых авианалетов немецко-фашистской авиации.

Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели.
И весь, как сон, прошел твой век.

Г. Державин[1]

Трудись, покуда служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь.
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь.

Н. Некрасов

Все мы немножко лошади.
Каждый из нас по-своему лошадь.

В. Маяковский

Человек — дробь, числитель которой его достоинства, а знаменатель — его мнение о себе.

По Л. Толстому

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей.
Из-за них вы, слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы людей?

Н. Некрасов

Сердце имеет свои законы — правда; но не такие, из которых легко было бы составить полный систематический кодекс. Сродство натур, нравственная симпатия, сродство понятий могут и даже должны играть большую роль в любви разумных существ; но кто в любви отвергает элемент чисто непосредственный, влечение индивидуальное, невольную прихоть сердца, тот не понимает любви. Если бы выбор в любви решался только волей и разумом, тогда и любовь не была бы чувством и страстью. Присутствие элемента непосредственности видно и в самой разумной любви, потому что из нескольких равнодостойных лиц выбирается одно и выбор этот основан на невольном движении сердца.

В. Белинский[2]

---

[1] Державин Гаврила Романович (1743—1816), русский поэт эпохи Просвещения, представитель классицизма, а также государственный деятель.

[2] Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), русский демократический критик и публицист.

Мало ли людей, начиная жизнь, думают окончить ее, как Александр Великий и лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками[1].

М. Лермонтов[2]

«Кто владеет Севастополем, тот владеет Черным морем!»

Полгода! 2-й раз этот город оправдывает свое гордое имя. Сейчас ему еще труднее, чем во времена Толстого, а он стоит и будет стоять, показывая миру образец мужества, стойкости, презрения к врагу и смерти. Слава тебе, Севастополь!

Снова страшные дни настали для Севастополя. Беззаветная храбрость, чудеса героизма вступили в поединок со смертью. Третье наступление превращает дни Севастополя в ад, но не верится, что его возьмут. Наперекор всему, гордый в своих развалинах, под тысячами бомб и снарядов, истекая драгоценной кровью своих чудо-богатырей, ежедневно совершая подвиги, о которых надо писать тома и складывать песни, он стоит на крошечном кусочке советской земли, стоит город-мученик, город-герой, вот уже 25 дней, стоит, как чудо, как наша гордость и слава. Сердце не верит, что падет этот наш оплот, он показал и еще покажет всему миру, на что способны Советские люди.

4/VII. 42 г.

Пал Севастополь! Разумом понимаешь, что и так герои сделали невозможное. 8 месяцев они на крохотном куске земли высоко держали наше знамя. Но сердце не верит этому, как не верилось когда-то и Толстому. 2 осада Севастополя войдет в историю как образец невиданного героизма и наравне с 1 осадой прославит навеки русских людей и русское оружие. Пусть он пал, слава ему. Слава героям Севастополя!

Какое бы событие ни увенчало эти операции, одно можно сказать с достоверностью: осада Севастополя не будет иметь себе равных в истории.

И это писалось, когда Севастополь был окружен только с 3 сторон и мог свободно сообщаться с Россией, когда не было такой артиллерии, не было минометов, танков, не было авиации. Что же сказать о 250 днях теперешней обороны, из которых по-

---

[1] В дореволюционной России — чин 9 класса.

[2] Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), русский поэт и писатель. Ввел в русскую поэзию стих, отмеченный небывалой энергией мысли и мелодичностью.

следние 25 дней были днями огня и смерти, и люди, советские люди 250 дней выжили в этом аду и не только выжили, но и нанесли немцам колоссальные потери. Пусть Севастополь пал, слава его не померкнет в веках.

Мы побили немцев, но мы их недобили. Накопив силы, немцы снова двинулись на восток. Глядя на карту, мы сейчас чувствуем священную тревогу. Отечество в опасности. Преступно не видеть угрозы, и преступно растеряться от угрозы. Враг идет на Сталинград, на Ростов, на Кавказ. Но мы выстояли одни целый год. Мы выстоим одни еще. Теперь ждать недолго. Мы видим опасность, и она придает нам силы. Отечество в опасности! Друзья, все на немцев!

И. Эренбург. 14/VII

Все тяжелей и тяжелей обстановка. Видно, силу удара недооценили и не только я. Воронеж, Лисичанск, Богучар, Дон — к ним прикованы взоры, внимание и надежды всей страны, всего мира (это не преувеличение). Выстоять, как выстояли осенью, отбить, как отбили зимой. Иначе смерть и рабство. Лучше жить стоя, чем умирать на коленях. Выстоять и отбить — в это верю, на это надеюсь, этого жду. Наперекор всем их успехам.

Вслед за Коном[1] — Вера Фигнер[2]. Последние могикане революционного движения прошлого столетия. С ними в могилу ушла целая эпоха. Современники Маркса, Желябова[3], Перовской[4], Варынского[5]. Витязи «Народной воли»[6] и Пролетариата,

---

[1] Кон Феликс Яковлевич (1864—1941), деятель польского, российского и международного революционного движения. Редактор газеты «Красная Звезда» (1925—1928).

[2] Фигнер Вера Николаевна (1852—1942), русская революционерка, террористка, член Исполнительного комитета «Народной воли», позднее эсерка.

[3] Желябов Андрей Иванович (1851—1881), русский революционер-народник, член Исполнительного комитета «Народной воли», участник убийства Александра II.

[4] Перовская Софья Львовна (1853—1881), русская революционерка, террористка, одна из руководителей «Народной воли». Участница убийства Александра II.

[5] Варынский Людвиг Северинович (1856—1889), польский революционер, основатель Интернациональной социально-революционной партии «Пролетариат» (в 1882). Умер в камере в Шлиссельбурге.

[6] «Народная воля» — революционная народническая организация, возникшая в 1879 г., после раскола партии «Земля и воля» и поставившая основной целью принуждение правительства к демократическим реформам.

они пережили Парижскую коммуну[1], народовольчество, Шлиссельбург; Фигнер — Якутию, Кон — 3 революции, и хотя один до смерти сохранил страсть и волю настоящего революционера, сумел найти свое место в строю Ленинско-Сталинской партии, а вторая отошла от всякой общественной жизни, — память о них обоих светла и благородна.

Умер Янка Купала[2]...

Рад за Нестерова[3]. Работа этого «юного старика» вызывает удивление и восхищение. Его ответ полон достоинства и благородства.

Погиб на фронте Евгений Петров[4] — какая потеря для современной литературы. «12 стульев», «Одноэтажная Америка» навсегда останутся любимыми книгами советского читателя.

Сегодня услышал о гибели Афиногенова[5] во время бомбежки Ленинграда. Правда, последние годы он здорово сник и увял, утратив совершенно ту роль, которую когда-то играл как автор «Чудака» и «Страха», но все же услышать о его смерти тяжело и обидно. «Все тяжелее груз наследства, все уже круг твоих друзей...»

Харьков, Курск, Воронеж, Волхов, Ржев... Чересчур много. Не слишком ли нас успокоила зима и весна. Ведь Ленин и Сталин учили не зазнаваться, не успокаиваться на достигнутом, не кичиться победой. Если это так, то плохо, если не так, — очень рад, что ошибаюсь.

---

[1] Парижская коммуна (фр. Commune de Paris) — революционное правительство Парижа в 1871 г., когда вскоре после заключения перемирия с Пруссией в Париже начались волнения, вылившиеся в революцию и установление самоуправления. Парижская коммуна считается первым образцом диктатуры пролетариата в истории.

[2] Купала Янка (Иван Доминикович Луцевич) (1882—1942), классик белорусской литературы (в том числе и белорусской советской), народный поэт Белоруссии (с 1925).

[3] Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), российский и советский художник. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1942).

[4] Петров Евгений Петрович (Катаев) (1903—1942), советский писатель, соавтор Ильи Ильфа. Погиб 2 июля 1942 г., самолет, на котором он возвращался в Москву из Севастополя, был сбит немецким истребителем над территорией Ростовской области.

[5] Афиногенов Александр Николаевич (1904—1941), советский драматург, погиб в здании ЦК во время бомбежки.

Давно уже длится эта проклятая война. Кто из нас забудет тот день, когда на нас напали немцы. Жили мы до войны своей жизнью, были у нас и радости и горести. Но кто теперь не улыбнется, вспомнив огорчения довоенных дней. Немцы оторвали нас от любимого дела, от родного дома, от семьи, от детей. Немцы осквернили нашу страну, раскидали семьи. Мы хотим как можно скорее покончить с народным горем. Идут часы истории, но от нас зависит, как они пойдут.

И. Эренбург

Что эти гадины сделали с Петергофом! Вспоминается время, когда мы с Ирой любовались на эту дивную неповторимую красоту. А сейчас... Руины! Все разрушено, сожжено, разграблено.

Вместе со счетом за развалины Минска и Смоленска, Истры и Чернигова, за оскверненную Ясную Поляну и Пушкинские Горы, за стонущий Киев, за мучения Севастополя, за нашу святую землю, покрытую пеплом и кровью, мы предъявим счет и за Петергоф. Пусть это будет частью счета за все муки и кровь Ленинграда, пусть это будет частью счета за страдание Родины. Мы не сродни фашистским «цивилизаторам», и мы не разрушим ни музеев, ни памятников Германии, но отомстим за все.

В мире есть царь,
Этот царь беспощаден —
Голод названье ему.

Н. Некрасов

Ведь вот человек. Завтра, быть может, убьют, а у него одна забота, чтобы у солдата при отдании чести мизинец приходился в точности против глаза. Боже ты мой, к чему вся эта чепуха.

Сперва — грязь казармы, подлость офицеров под маской заботливости, гнусная еда и отвратительные койки, затем ужасная теснота в набитых до отказа вонючих вагонах, изнеможение и усталость от усиленных переходов и с каждым днем новая надежда на то, что наконец все это кончится, что, авось, не придется попасть в бой. И ни с кем ничего плохого не случится... Надежда на то, что завтра все кончится, не позволяет солдатам взбунтоваться или покончить с собой; а то, что жизнь становится все более скотской и превращается в ад, содействует тому, что солдат перестает бояться смерти и становится равнодушным к опасностям.

Ярослав Гашек[1]

---

[1] Гашек Ярослав (Hašek) (1883—1823), чешский писатель-сатирик, драматург, фельетонист, журналист, комиссар Красной Армии, автор «Похождений бравого солдата Швейка».

Какая убийственная характеристика австрийской армии — конечно, теперь она иная, но я думаю, 3/4 осталось.

Вот посмотрел сейчас «Моряк», и все больше окрепло убеждение в том, что наше кино с его «Моряками», «Истребителями», «Четвертым перископом», «Если завтра война», фильмами о маневрах и литература с «На востоке», «Первым ударом» и десятками мелочи во многом виноваты перед страной, так как вместо мобилизации демобилизовала своим шапкозакидательством. А сколько раз партия предупреждала о том, что врага нужно показывать сильным и коварным. Большой долг и большая ошибка.

У всякого человека своя история, а в каждой истории — свои критические моменты: и о человеке можно безошибочно судить, только смотря по тому, как он действовал, каким он являлся в эти моменты. Когда на весах судьбы лежали его и жизнь, и честь и счастье. И чем человек выше, тем история его грандиознее, критические моменты ужаснее, а выход из них торжественнее и поразительнее. Так и у всякого народа...

В.Г. Белинский

Русский человек боится и привязывается легко; но уважение его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому.

И. Тургенев[1]

Кто напуган, тот наполовину побит.

А. Суворов

Я человек, и ничего человеческое мне не чуждо.

К. Маркс[2]

Орлам случается и ниже кур спускаться,
Но курам к облакам ни разу не подняться.

И. Крылов[3]

---

[1] Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), русский писатель, член-корр. Петербургской АН (1860).

[2] Маркс Карл (Marx) (1818—1883), немецкий экономист, основоположник научного коммунизма.

[3] Крылов Иван Андреевич (1769—1844), великий русский баснописец. Здесь приведен отрывок из басни «Орел и куры» (1809). Не путать с военным корреспондентом Петром Крыловым, о котором речь пойдет позже.

Солдат, раненый в деле, считает его проигранным и ужасно кровопролитным.

Лев Толстой

Табак на войне то же, что деньги в жизни.

По Реглеру[1]

Само собой и у тебя, как и у всякого, есть блажь за пазухой, и ты ее при случае показываешь, когда тебе нужны свободные руки и легкая голова для работы. Как у любого француза, у тебя так прочно сидит в башке чувство порядка и рассудок, что ты забавы ради можешь и покуролесить; можно это только простофилям, которые смотрят на это разинув рты, вздумали бы тебе подражать.

Р. Роллан

Коллонтай награждена орденом Трудового Красного Знамени. Молодец. Это, кажется, единственный человек из оппозиции, сумевший преодолеть свои ошибки и стать по-настоящему на линию партии Ленина—Сталина.

Я
много
в теплых странах плутал.
Но только в этой зиме
понятной
стала
мне
теплота
любовей,
дружб
и семей.
<...>
Землю, где воздух,
как сладкий морс,
бросишь,
И мчишь, колеся, —
но землю,
с которою вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.
<...>

[1] Реглер Густав (Regler) (1898—1963), немецкий писатель-антифашист, эмигрант, сражавшийся в составе интербригады в Испании.

Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал, —
нельзя
никогда
забыть![1]

В. Маяковский

Не говори с тоской: «их нет»
А с благодарностью: «Были».

В. Жуковский

Увы, утешится жена,
И друга лучший друг забудет...
И жизнь, как посмотришь
С холодным вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка.

М. Лермонтов

Год! Сегодня год, как я в армии. Как сейчас стоит перед глазами пасмурный, с моросившим дождиком, день, когда я, одев вещевой мешок на плечи, отправился на мобилизационный пункт. Последние минуты на диване дома, когда мы с Ирой сидели и молчали. Слов не было, да и не нужны они были. Все было ясно без слов.

А затем месяцы учебы, надежд, ожиданий, разочарований, тревог и неудач, боев и госпиталя, переездов и переходов. Многому научил и во многом изменил меня этот год. Много пришлось пережить трудностей, но сколько из них перестали быть трудностями. Как светлый день промелькнуло 18 марта, — Москва и несколько часов, проведенные с ней.

---

[1] Отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Хорошо».

Месяцы тревог и неизвестности о семье тоже, к счастью, остались позади. Год не видел я никого из близких, и за этот год потерял 2-х братьев. Тяжесть потери заслонила борьба и жертвы всей страны. Сейчас начиная второй год, думаешь: скоро и ты отправишься за ними. И пока, пока я мыслю, следовательно, существую «всем смертям назло».

«Немцы при вступлении в город разрушили 75% города. Весь центр Смоленска буквально стерт с лица земли. Немцы разрушили городской театр, Д.К.А.[1], дом учителя, горсовет и другие здания».

Сволочи! Мы рассчитаемся с вами за Смоленск! Больно читать это о месте, где знаком не только каждый дом, но и каждый камень...

Такие минуты помнят 10 лет и мстят за них всю жизнь. Горе тому, кто прощает такие минуты.

Герцен[2]

Если враг не сдается, его уничтожают.

Горький

Пускай у нас чуть-чуть погнулись плечи
И в волосах чуть больше седины,
Мы, как бойцы, идем боям навстречу,
Как воины, мы слышим клич весны.

Настанет час, отцы вернутся к детям,
И цветом яблонь зацветут сады.
Шуми, весна! Труби, походный ветер!
Бурлите в море ладожские льды!

Н. Браун[3]

И если враг нашу радость живую
Отнять захочет в упорном бою,
Тогда мы песню споем боевую
И встанем грудью за родину свою.

В. Лебедев-Кумач

---

[1] Дом Красной Армии.

[2] Герцен Александр Иванович (1812—1870), русский писатель, публицист, философ, революционер. В лондонской эмиграции основал Вольную русскую типографию и с 1857 г. издавал еженедельную газету «Колокол».

[3] Браун Николай Леопольдович (1902—1975), русский советский поэт. Во время войны служил во флоте, позднее был назначен военным корреспондентом в осажденный Ленинград.

М.М. Громов получил звание генерал-майора, а Голубев и Федюнинский — генерал-лейтенанта[1].

Наш народ закалился за год войны. Он узнал горечь осеннего отступления, он узнал гордость зимних побед. Он понял, что разбить немцев нелегко и понял, что разбить немцев можно.

Нас постигла военная неудача: немецкие танки прорвались к степям Средней России. Над Родиной снова сгрудились грозовые тучи. Народ, переживший победы у Ростова, у Калинина, у Можайска, не хочет тешить себя иллюзиями. Он видит опасность, и он говорит: ОТОБЬЕМ!

<...>

Мы отобьем немцев: мы отбили их в самые страшные месяцы осени. Тогда враг был сильнее. Он шел вперед, уверенный в своей победе: он помнил Седан, Дюнкерк, Крит. Теперь враг не тот. На его щеке клеймо декабрьского разгрома.

Гитлер хотел наступать весной. Бойцы под Харьковом вмешались в немецкие планы. Севастопольцы вырвали у Гитлера драгоценный июнь. Гитлер начал свой поход поздно. Нужно его заставить рано кончить. Настали снова грозные дни. Это возврат немецкой лихорадки, но второй приступ слабее первого. Мы выдержали первый. Мы должны выдержать второй. Немец видит перед собой непроходимую стену: это наша армия. Немец ищет в стене слабое место. Он хочет пройти. Мы его не пропустим. Мы отгоним его от захваченных в эти дни городов. Не за тот или другой город началась битва — за Россию. Опять на нее занес свою гнусную руку Гитлер. Бойцы, вы отбили немца в трудные дни декабря, когда он подошел к пригородам Москвы. Отбейте его сейчас. Битва только-только разгорается и слышно в грозовой ночи: отобьем.

И. Эренбург

Прошлым летом Гитлер бодро перешел Неман. Он рычал: «На том берегу победа». Ему труднее было перейти Днепр. Он подбадривал своих солдат: «На том берегу мир». Теперь он рвется на левый берег Дона да кричит: «На том берегу спасение». Но на том берегу немцев ждет смерть.

---

[1] Громов Михаил Михайлович (1899—1985), советскаий летчик и военачальник, Герой Советского Союза, профессор, генерал-полковник авиации; Голубев Константин Дмитриевич (1896—1956), советский военачальник; Федюнинский Иван Иванович (1900—1977), советский военачальник, генерал армии, Герой Советского Союза.

Обезумев, немцы лезут вперед — на наши поля, к нашим городам, в самую глубь России. Они попали на еще невытоптанные поля. Они шарят по еще неразграбленным городам. Плачут женщины Тима, Старого Оскола, Валуек. Горят десятки русских сел. Новое горе принес проклятый немец России. Раненый гад, он кусается еще злее. Он не хочет просто погибнуть, он хочет превратить перед этим весь мир в пустыню. В самое сердце России, в ее заповедники забрались гнусные воры. Надо их отучить от набегов: Кончено! Сорок первый не повторится.

Мы хотели победы среди живой земли, а не победы среди пустыни. За жизнь, друзья! За наши поля, за наших детей!

И. Эренбург

Что же нам делать, если не наступать. У нас нет выбора.

Показания пленного

Борьба за Францию — это борьба за Европу, за ее освобождение. Борьба за Францию идет. Французский народ, имея перед собой героический пример борьбы советского народа, всеми силами сопротивляется нажиму оккупантов, в твердой надежде, что ни одна возможность нанесения удара Гитлеру не будет упущена, что разгоревшаяся борьба за Францию перерастет в ближайшем будущем в битву за Францию.

Я. Викторов[1]

Все это очень хорошо, только скорее, меньше подсчета километров территории, мощности заводов, речей и прочего и больше действия. Скорее и решительнее! Победа может отодвинуться далеко, если этого не будет.

Промедление смерти подобно.

Петр Великий[2]

Люблю тебя, родимый край,
За то, что даже и упав, ты
Или пируя через край,
Не притупишь исканья правды,
За то, что ты, святая гать,
Идущая через трясину;

---

[1] Трудно установить, о ком идет речь.

[2] Петр Алексеевич (1672—1725), русский царь, первый российский император, государственный, культурный и военный деятель России.

За то, что воспринять Россию —
Не человечество ль принять?
Пускай рыданья и гробы
Чернят простор моей отчизны —
Бессмертно трепетанье жизни!
Зовуща
Русская
Труба!

И. Сельвинский[1]

В минуты тоски и горя —
Я вижу твои глаза.
И в каждой строке дорогого письма
Я вижу твои глаза.
И когда возвращаюсь с работы
Я вижу твои глаза.
И долгие ночи без сна
Я вижу твои глаза.

О потерях немцев в районе Воронежа можно судить по результатам действия одного нашего соединения. За 10 дней боев на участке, занимаемом этим соединением, немцы потеряли убитыми и ранеными более 35 000 солдат и офицеров. Кроме того, войска нашего соединения уничтожили 135 полевых и 106 противотанковых орудий, 157 танков, 100 станковых пулеметов, 11 броневиков, 115 автомашин, 220 повозок.

Сводка Совинформбюро. 15/VII

Какие бои! Сколько мужества и стойкости нужно, чтобы остановить эту лавину. И все же мы должны их не только остановить, но и разбить. И мы это сделаем.

Миллерово! Как это неожиданно, как это опасно. Положение становится все более тяжелым. Враг грозит многому, если его сейчас не задержат, то это может привести к страшным последствиям. Остановить! Чтобы это ни стоило! Всю волю, мужество, силы на разгром врага! Дон должен устоять!

Нет, кажется, стоп. Сообщения газет и радио говорят, что за 2 последние дня немцы в районе Воронежа остановлены. Наши

[1] Сельвинский Илья Львович (1899—1968), советский писатель, поэт и драматург, представитель литературного течения конструктивизма.

части все время контролируют противника и кое-где вышибают его с захваченных позиций и занятых населенных пунктов. Кажется, устояли, вынесли удар. Можно только восхищаться героизмом бойцов, отстаивающих Воронеж. Часто бывает просто стыдно, что я не с ними, а сижу здесь, в тылу. Ну, да, командованию виднее, где я больше нужен.

17/VII

Что за мать твою так, только чуть-чуть начал проясняться горизонт, как новый удар и какой удар. Сдали Ворошиловград... Экономические и стратегические последствия этого слишком тяжелы, чтобы спокойно писать об этом. Потери, потеряли, но так дальше нельзя. Нельзя ни шагу назад. За спиной Волга и Кавказ. Пустить туда немцев значит затруднить ведение войны в десятки раз. Когда же конец отступлению? Неужели лето 1941 года повторяется. Так тяжело на сердце, что и не скажешь. Рядом Ростов, Сталинград[1]... Выстоять! Выстоять, что бы это ни стоило, иначе смерть Родине, ее свободе и независимости.

Каждый понимает, что нынешние бои — это не подготовка к будущим походам. Это решающие шаги, которые ведут либо к победе, либо к поражению.

Немецкая газета

Под Воронежем остановили, но на юге он продолжает двигаться на Восток. Когда же его остановят. Остановить необходимо, иначе смерть.

22/VII

13 месяцев войны. 13 месяцев крови, огня, мук и ужаса, 13 месяцев героизма, надежд и самопожертвования. Сколько же до победы. Мы верим, что она будет.

2 ночи подряд наш налет на Кенигсберг[2]. Прекрасно. Пусть чувствует Германия на своей территории тяжесть войны, но почему прекратились налеты, английские налеты? Нужно бить с 2-х сторон, а этого нет. Почему? Когда же удар? Он необходим нам, как воздух.

300 самолетов совершили налет на Дуйсбург! Очень хорошо.

---

[1] Сталинград — название города Волгограда в 1925—1961 гг.

[2] Кенигсберг — название города Калининграда до 1946 г.

Больше! Сильней! Чаще! Скорей! Нельзя давать им ни одной минуты, только тогда победа не отвернет от нас свое лицо.

Ворошиловград, а теперь Новочеркасск. Удар за ударом. Дальше отступать нельзя. Нельзя пустить немцев за Дон. Выстоят ли? Нужно выстоять!

Бои идут в районе Ростова. Все хуже, все тяжелее положение. Неужели они снова войдут в Ростов. Не верю! Не могу допустить!

А дело еще хуже. Судя по статьям, Ростова не удержать, и для Сталинграда создалась непосредственная опасность — ведь Цимлянская от него рядом, а на этом направлении наши войска все еще вынуждены отходить. Неужели пустят его за Дон?

25/VII

Бои идут в Ростове. Под Цимлянской. Через Дон не пускают.

Ростов и Новочеркасск оставлены нашими войсками, а я до последней минуты надеялся, что там произойдет по крайней мере то, что произошло под Воронежем. Как тяжело, и все же необходимо выстоять.

26/VII

Этой сволочи удалось переправиться через Дон у Ростова и Цимлянской. Страшная угроза над Северным Кавказом и Сталинградом. Война уже перекинулась на территорию Сталинградской области. Когда же удар?

30/VII

Неправда, друг не умирает,
Лишь рядом быть перестает.
Он хлеб с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет.
Но все, что было между вами,
Все, что за вами следом шло,
С его останками в могилу
Улечься рядом не смогло.
Наследник гнева и презренья,
С тех пор как друга потерял,
Двойного слуха ты и зренья
Пожизненным владельцем стал.
Любовь мы завещаем детям,
Воспоминанья — сыновьям,

Но по полям войны сожженным
Идти завещано друзьям.
Никто еще не знает средства
От неожиданных смертей.
Все тяжелее круг наследства,
Все у́же круг твоих друзей.

К. Симонов

В страхе я думал сначала:
Нет, не выжить мне никак,
А ведь вынес... и не мало —
Но не спрашивайте: как?

Г. Гейне

Мать будет плакать много горьких дней,
Победа сына не воротит ей.
Но сыну было — пусть узнает мать —
Лицом на запад легче умирать.

К. Симонов

Вспомним — мы были тогда молодыми. Многого мы не понимали, у нас были седые люди с детской душой. Теперь у нас и дети все понимают. Мы выросли на сто лет. Ничто так не возвышает народ, как большое испытание. Нашу верность проверили каленым железом. Нашу гордость испытали танками и бомбами. Легко мы расстались с уютом и покоем. Шли месяцы. Враг двигался вперед. Люди молчали. Но молча они думали об одном: мы выстоим!

И. Эренбург

После годичного перерыва попал на концерт джаза железнодорожников п/у Покрасс[1]. Хорошо.

Особенно сильное впечатление произвели: «Москва, Москва!», «Баллада о 28» и «Мой любимый», когда исполнялась последняя вещь, то у меня комок подступил к горлу. А «Москва» великолепна. И музыка, и слова. От всей души хохотал, слушая «пупурю», «Раз»... и «Ну». Заставила задуматься и тронула за сердце «Баллада о 28». А все напомнило дни, когда я ходил на концерт не один.

---

[1] Оркестр Центрального дома культуры железнодорожников под управлением братьев Дм. и Дан. Покрасс.

Как мне нравится Тоидзевский[1] плакат. Это лучший плакат за время войны. Сколько силы и страсти чувствуешь. Образ Матери-Родины передан блестяще. Лицо женщины изумительно. Она действительно зовет на «смерть, на жизнь и на праздник».

Гобсек! Перечел, и снова безмолвен, и покорен именем Бальзака, показавшего в лице одного ростовщика всю сущность власти денег во всей ее гнусности и подлости. Гнилость, которая пронизывает буржуазное общество сверху донизу. Несколько страничек рассказа стоят многих и многих томов писак прошлого и настоящего. Величие Бальзака покоряет и изумляет. Его мастерство остается непревзойденным во французской литературе.

На экраны вышел «Пархоменко»[2]. Газеты очень хвалят. Очень своевременный фильм. Сильно хочется посмотреть его. Ведь участвуют в нем артисты, к которым питаешь особую симпатию: Чирков, Боголюбов, Алейников, Каюков[3], а это обещает многое. Жив буду, авось увижу.

Смотрел «Ленинград в борьбе», гораздо лучше «Разгрома немцев под Москвой», полнее и правдивее (это не совсем удачное слово, но лучшего слова не подберу). Я не поклонник Ленинграда, но каким родным и дорогим показался он мне. Великий город, город, каждый камень которого связан с историей страны, ее культурой. Город декабристов и Пушкина, Гоголя, народовольцев, Некрасова и Чернышевского, Репина и Горького, город трех революций, город Ленина и Кирова, город-мученик, город-герой!

Отрезанный от страны, окруженный врагами, без воды и света, трамвая и топлива, без хлеба и продовольствия, разрушаемый бомбами и снарядами, полупревращенный в развали-

---

[1] Тоидзе Ираклий Моисеевич (1902—1985), график и живописец. Народный художник Грузинской ССР (1980). В годы войны художник выполнил ряд плакатов, в том числе получивший всемирную известность лист «Родина-Мать зовет!» (1941).

[2] «Александр Пархоменко», киноповесть 1942 г. о герое Гражданской войны Александре Яковлевиче Пархоменко

[3] Каюков Степан Яковлевич (1898—1960), советский актер театра и кино, народный артист РСФСР (1949).

ны и пепелища он жил, работал, защищался, истекая кровью и пылая в огне пожарищ, и не пустил врага в свои улицы и сады, дома и музеи. Гибли его защитники от пуль и голода, а он стоял и стоит, показывая всем пример мужества и самоотверженности. Отрезанный от нас он окружен любовью всей страны и через линию фронта к нему протянута мощная рука поддержки. Суровый и мужественный фильм. Пусть пылает Петергоф, рушатся от бомб дома и дворцы, пусть снаряды коверкают музеи и театры, пусть падают те, кто его защищает. Он выстоит, наперекор всему. Мы восстановим, выстроим заново свой любимый город, но врагу его не сдадим. Россия не Франция, и Ленинград не Париж и не Афины. Пусть кровь и развалины, голод и смерть, но не бывать немцам в городе Ленина. Окончится война, с презрением и ненавистью мы будем называть этих выродков и с восхищением и гордостью говорить о городе Ленина и его людях и защитниках. Их подвиг, их дела бессмертны.

Да, друг, нам нечего скрывать,
Что этот час нелегок,
Бои жестокие опять
И бомбы на дорогах,
И пыль на нежных листьях лоз,
И женщина у хаты.
В ее глазах, как капля слез,
Немой вопрос: куда ты?
И ты стоишь с лицом, как медь,
И отвечать не в силе.
<...>
Идет проклятых танков вал
К прозрачных рек истоку.
Но нам все это не впервой,
Трудны войны законы,
И этот вой над головой,
И раненого стоны.
Еще один на сердце шрам
И седина, наверно,
Но не печаль подруга нам,
А седина и верность.
Оружие крепко у нас
И ярости немало,

Нам надо выстоять сейчас —
Отчизна приказала.
И раз уж наша правда зло
В сраженьях разбивала,
А то, что нынче тяжело,
Так тяжелей бывало.

Е. Долматовский

Пощады нет и, мстя, мы твердо знаем:
Она пройдет, смертельная пурга,
Последний залп на Рейне и Дунае
Сразит на смерть проклятого врага!

Н. Тихонов

Хоть мало нас, но мы славяне,
Удар наш меток и тяжел.

Н. Языков[1]

Передышки не будет и не может быть, такова эта беспощадная борьба, охватившая весь мир и идущая день и ночь...

Вс. Вишневский[2]

Он воевать в училище учился,
Но научился только на войне.

Ст. Щипачев

Открыл повесть о Сурикове и не мог оторваться, опоздал на концерт и, вернувшись, читал до часу, хотя очень устал за день. А ведь почти ничего нового, только отдельные факты и штрихи, а все остальное давно знакомо. Никак не могу оторваться от всего, что касается этого труженика и, я бы сказал, мученика искусства. Картины его всегда стояли перед глазами. Я как сейчас вижу и Морозову, и юродивого, Урусову, попа, странника, нищенку, сани, снег, бегущего мальчика, Данилыча, «дикого» стрельца, плачущую женщину, телеги, грязь, возок в Снежном городке, дуги, Василия Блаженного.

---

[1] Языков Николай Михайлович (1803—1847), русский поэт, славянофил.

[2] Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951), советский драматург. Участник Первой мировой, Гражданской, русско-финской и Великой Отечественной войн, корреспондент газеты «Правда». Участник обороны Ленинграда.

Картины его написаны потом труда и кровью сердца. Мало картин, которые я так же люблю, как суриковские. Это целое откровение. Великое, национальное искусство. Вот почему мне дорога каждая строчка о нем.

Дочитываю «Кожемякина» и как-то по-новому вижу Горького. Если прежде Горький для меня был романтиком Мальвы, Челкаша, Данко, Буревестника и реалистом «Детства», «В людях», «По Руси», то сейчас определенный период его творчества смыкается с чеховской «Палатой № 6». Тупость и идиотизм жизни в условиях царской России «Скучно!». Дикие и кончающиеся крахом попытки вырваться из болота, безысходная тоска, люди, мало отличающиеся от скотов. Все это как-то по-новому заставляет воспринимать его вещи. Мысль, может быть, и не совсем верная, но интересно ее развить.

Джаз Утесова[1]. Давно я его не видел; много смеялся, а кончилось и на душе пусто — дешевка.

С совершенно исключительной силой Эм. Каминка[2], как я обрадовался, когда его увидел на сцене, как будто кого из близких увидел, прочел стихотворение Симонова «Убей его». В газете оно показалось мне сухим, а тут я был окончательно покорен его страстностью и силой.

«Парень из нашего города»[3], конечно, слабее «Русских людей» (как вырос и окреп Симонов за время войны), но не плохо. Правда, война примитивнее этой большой войны. Исполнение очень серенькое, стремление все время смешить публику многое портит.

«Народ бессмертен» Гроссмана[4] закончен печатаньем. Отрывками я его прочел, но сейчас надо попытаться прочесть весь.

---

[1] Утесов Леонид Осипович (1895—1982), российский и советский артист эстрады, певец и киноактер, руководитель оркестра, народный артист СССР (1965).

[2] Каминка Эммануил Исаакович (1902—1972), советский артист, мастер художественного слова, заслуженный артист России (1947).

[3] «Парень из нашего города» — пьеса К.М. Симонова.

[4] Гроссман Василий Семенович (1905—1964), советский писатель. С первых дней Великой Отечественной войны и до победы был специальным корреспондентом газеты «Красная Звезда». Работал на Белорусском и Украинском фронтах. В 1942 г. написал повесть «Народ бессмертен», ставшую первым крупным произведением о войне.

Много интересного и правдивого. Нет, кажется, шапкозакидательства, а я его сейчас совершенно не переношу.

«Русские люди» Симонова. Как я рвался на них, и какое разочарование. Все, абсолютно все испорчено отвратительной игрой тех, на ком держится пьеса. Сафронов, Валя, комштаба играют ниже всякой критики. Валя играет — любовь, Сафронов — партизана, Васин — без души. Вдвойне обидно, что в пьесе, которая называется «Русские люди», единственными исполнителями, играющими прилично, являются немцы и их прихвостни. Эпизодические роли сделаны лучше. Правда, и силы симоновской пьесы местами побеждают фальшь игры, но, к сожалению, очень редко. А МХАТ готовит Р.Л., ну, как пишется, «когда побьем захватчиков, тогда зайдем».

2 последних письма Иры не дают мне покоя. Она думает, что я могу что-то сделать, а я бессилен. Зачем я разбудил эти несбыточные мечты, чем слаще мечты, тем горче разочарование, крах этих надежд, а он неминуемо произойдет. Как тяжело, что это не может сбыться.

После долгих откладываний и колебаний написал Ире все. Крах наших надежд на встречу тяжел, и ей, тяжелее, чем мне, но что поделаешь. Будем верить и ждать.

А то, что нынче тяжело
Так тяжелей бывало...

Открытка Иры. Большое личное горе. Огромное, небывало тяжелое горе страны. Пробовал, думал — нет, не могу отвечать. Пусть переболит лучше пока в себе личное. Может быть хоть немного уменьшится общее горе.

31/VII

Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края
И закуришь, и с колечком дыма
Вылетает грусть твоя...

Хорошие письма идут из Медногорска. Радуешься, что твои близкие оказались на высоте. Что они не только родные, но и настоящие советские люди, для которых интересы Родины прежде всего. Мужество, с которым Ира восприняла крах своих надежд, — трогает. Как хороши строчки маминого письма

о девочках. Родные мои, суждено ли мне хоть раз еще увидеть вас. Кажется, нет. Мясорубка работает вовсю.

Мне потерять тебя нельзя!..

Совершенно неожиданно получил письмо от Юрки Тюрина. Увидев письмо с незнакомым почерком, страшно обрадовался, а прочел и сейчас окончательно выбит из колеи и хожу, как ненормальный.

28/VI убит лейтенант Венедикт Чириков. Венька убит!

Лелька, Андрей, Венька... Пусто становится вокруг. Круг друзей сжимается. Очень тяжело.

Второе, что также расстроило, это то, что Юрка узнал адрес от моих учеников. Значит, они его знают, знают, но не пишут. «Бывали хуже времена, но не было гнусней»...

Вспоминается вечер накануне ухода в армию, поездка в Орехово-Зуево, встреча и работа с Венькой — простым, хорошим и веселым человеком. И снова, и снова думаешь, и не можешь поверить в его смерть, в то, что еще один из близких ушел навсегда.

Письмо Иры № 34. Чувствуется, что ей окончательно невмоготу, что человек готов на что угодно, лишь бы вырваться из этого проклятого Медного[1]. Отсюда сумасбродные и нелепые планы. Как остановить, удержать, когда я сам чувствую, как должно быть обидно и нестерпимо сидеть в этой дыре, оторванной от живого дела именно тогда, когда открыт широчайший, невиданный простор для работы по специальности, простор, о котором нельзя было и мечтать.

Мне стыдно, что как я теперь вижу, не без моего, хотя и косвенного участия происходит поднятие меня на пьедестал. Это ненужное и даже вредное представление, и его нужно разбить. Удивило и взволновало упоминание об Ане Бейтлин. Страшно глупо тогда получилось.

І вражой злою кров'ю
Волю окропіте.

Т. Шевченко[2]

---

[1] Т.е. Медногорска.

[2] Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), популярный украинский поэт и художник.

Шаг назад — это сожженное село, шаг назад — это сданный город, шаг назад — это трупы матерей и детей, шаг назад — это твоя смерть, шаг назад — это смерть Родины.

Генерал-майор Воронцов[1]

Слава героям Севастопольской обороны! Они — достойные наследники наших великих предков. Суворовский натиск и кутузовская мудрость сочеталась в их подвигах, завоевавших бессмертие!

«*Правда*» (передовая). 31/VII

Врага надо остановить не где-нибудь, за тридевять земель, а тут же, на этих рубежах, где идут бои. Врага надо остановить не когда-нибудь, а немедленно.

«*Красная Звезда*» (передовая). 8/VIII

«Стойкость — победившая смерть» — так совершенно справедливо озаглавила «Красная Звезда» передовую о бессмертном подвиге 4-х ПТэровцев[2].

Это совершенно невиданная стойкость, образец мужества и героизма. Но и этого мало: это мужество, стойкость, героизм, соединенные с изумительным мастерством. Вот кто по-настоящему выполняет приказ Сталина. «Слава, слава, слава героям»...

В мирное время каждый человек может быть средним человеком. На войне каждый должен быть большим человеком.

И. Эренбург

Глаз ли померкнет орлий,
В старое ль станет пялиться.

В. Маяковский

Убей его!

Если дорог тебе твой дом,
Где ты русским выкормлен был,
Под бревенчатым потолком,

---

[1] Трудно понять, какого конкретно генерала Воронцова имеет в виду автор.

[2] 13 августа 1942 г., в ходе сражений на Дону, четыре гвардейца — заместитель политрука роты Беликов, солдаты Алейников, Самойлов и ныне Герой Советского Союза Петр Болото, имея два противотанковых ружья, отбили атаку 30 танков, уничтожив 15 из них.

Где ты в люльке, качаясь, плыл,
Если дороги в доме том
Тебе стены, печь и углы,
Дедом, прадедом и отцом
В нем исхоженные полы,
Если мил тебе бедный сад
С майским цветом, с жужжанием пчел,
И под липой, сто лет назад
В землю вкопанный дедом стол,
Если ты не хочешь, чтоб пол
В твоем доме немец топтал,
Чтоб он сел за дедовский стол
И деревья в саду сломал...
Если мать тебе дорога,
Тебя выкормившая грудь,
Где давно уж нет молока,
Только можно щекой прильнуть,
Если вынести нету сил,
Чтобы немец, ее застав,
По щекам морщинистым бил,
Косы на руку намотав,
Чтобы те же руки ее,
Что несли тебя в колыбель,
Немцу мыли его белье
И стелили ему постель...
Если ты отца не забыл,
Что качал тебя на руках,
Что хорошим солдатом был
И пропал в карпатских снегах,
Что погиб за Волгу, за Дон,
За отчизны твоей судьбу,
Если ты не хочешь, чтоб он
Перевертывался в гробу,
Чтоб солдатский портрет в крестах
Немец взял и на пол сорвал,
И у матери на глазах
На лицо ему наступал...
Если жаль тебе, чтоб старик,
Старый школьный учитель твой,
Перед школой в петле поник
Гордой старческой головой,

Чтоб за все, что он воспитал
И в друзьях твоих и в тебе,
Немец руки ему сломал
И повесил бы на столбе...
Если ты не хочешь отдать
Ту, с которой вдвоем ходил,
Ту, что долго поцеловать
Ты не смел, так ее любил,
Чтобы немцы ее живьем
Взяли силой, зажав в углу,
И распяли ее втроем
Обнаженную на полу,
Чтоб досталось трем этим псам,
В стонах, в ненависти, в крови,
Все, что свято берег ты сам,
Всею силой мужской любви...
Если ты не хочешь отдать
Немцу, с черным его ружьем,
Дом, где жил ты, жену и мать,
Все, что Родиной мы зовем,
Знай — никто ее не спасет,
Если ты ее не спасешь,
Знай — никто его не убьет,
Если ты его не убьешь.
И пока его не убил,
То молчи о своей любви —
Край, где рос ты, и дом, где жил,
Своей Родиной не зови.
Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед —
Это брат и сосед твой мстят,
А тебе оправданья нет.
За чужой спиной не сидят,
Из чужой винтовки не мстят,
Если немца убил твой брат, —
Это он, а не ты, солдат.
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты на земле лежал,
Не в твоем дому чтобы стон —
А в его — по мертвом стоял.
Так хотел он, его вина —

Пусть горит его дом, а не твой,
И пускай не твоя жена,
А его — пусть будет вдовой.
Пусть исплачется не твоя,
А его родившая мать,
Не твоя, а его семья
Понапрасну будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

К. Симонов

Вспомни, товарищ....

Когда тебе станет тяжко
В упорном и долгом бою,
Возьми себя в руки, товарищ,
И вспомни свою семью.
Отца своего седого
И мать, если мать жива,
Ты вспомни его простые
Напутственные слова.
Она твои письма прячет
И, пусть со слезами, пусть,
Тобой гордясь, соседям
Читает их наизусть.
Ты вспомни еще, товарищ,
Жену, если есть жена,
Как ждет она, не дождется,
Как любит тебя она.
Как в доме твоем семейном
Заметна ее рука,
Как люди ее называют
Женою фронтовика.
Ты вспомни, товарищ, сына
И дочь, если дети есть,
Портрет твой в военной форме —
Их гордость, их детская честь.
Они тебе пишут письма
И видят тебя во сне,

Они говорят сегодня:
— У нас отец на войне!
Ты вспомни о них, товарищ,
В тяжелый и трудный час,
Когда ты на поле боя
Как будто в последний раз.
Они в твои силы верят,
И в храбрость твою, и в честь,
И в то, что ты твердо знаешь
Горячее слово: месть».
И если ты это вспомнишь,
То силы к тебе придут,
И штык твой станет острее
За несколько этих минут.
И немец, бравший Варшаву,
Входивший маршем в Париж,
Погибнет в степях России,
А ты в бою —
Победишь!

Сергей Михалков[1]

100 тысяч демонстрантов в Марселе — это не шутка. Европейский вулкан неспокоен — мы слышим подземный гул. Пусть же скорее происходит взрыв.

План Сталина — полностью и окончательно разгромить нацистов. И русские армии войдут в Европу на такое расстояние, на какое необходимо для осуществления этой задачи...

То, что считалось безопасным в руках царского правительства, было найдено небезопасным в руках его преемника. Все эти изменения не только сокращали территорию Советского Союза, но были откровенно рассчитаны на то, чтобы ослабить его в стратегическом отношении. Это означает, что Советское правительство должно претендовать на те границы, которые оно защищало от нападения Германии — границы июня 1941 года.

Опасаются ли русские коалиции союзников против СССР после поражения Германии?

---

[1] Михалков Сергей Владимирович (1913—2009), автор слов трех гимнов СССР и России, русский поэт и писатель, баснописец.

Было бы преувеличением полагать, что существуют опасения по этому поводу, но необходимо понять, что вся прошлая история внешних отношений России не может быть забыта. После начала войны положение Сталина в его стране стало неизмеримо прочнее, и он доказал, что является таким большим человеком, каким его всегда считали многие люди. Единственные возросшие трудности России связаны с потерями в людях и в территории.

Стаффорд Криппс[1]

Слова, слова, слова!

У. Шекспир

Дегтяреву[2] и Костикову[3] присвоено звание генерал-майоров, и это совершенно правильно. Они сделали для победы над врагами не меньше, чем генералы на фронте. Немцы бьют нас техникой. Мы должны противопоставить и уже противопоставили им свою, а Дегтярев и Костиков, бесспорно, одни из самых виднейших представителей техники, ее творцов.

Страшно не понравилась речь Хэлла. Создается такое впечатление, что зверь — сильный и свирепый — напал на стадо в то время как один бросился на его защиту и мужественно дерется с этим зверем. Он покрыт ранами, кровь покрывает лицо и одежду и стекает, смешиваясь с потом на землю. Он отбил не один прыжок зверя и уже изучил его приемы. И вот, пока один дерется со зверем, другие пастухи сидят в стороне и единодушно утверждают, что вместе взятые, они легко справятся со зверем, что все необходимое для его уничтожения у них есть. Сидят, обмениваясь сочувственными и восхищенными репликами по адресу бойца, говорят, что скоро помогут ему. А пока ограничиваются тем, что время от времени подбрасывают ему оружие. А пока сидят и обсуждают, что они сделают со зверем, когда он

---

[1] Криппс (Cripps) Ричард Стаффорд (1889—1952), английский государственный деятель, лейборист. Посол Великобритании в СССР (май 1940 — январь 1942). От имени Великобритании подписал в июле 1941 г. соглашение с СССР о совместных действиях в войне против фашистской Германии.

[2] Дегтярев Василий Алексеевич (1879—1949), советский конструктор стрелкового оружия.

[3] Костиков Андрей Григорьевич (1899—1950), ученый, математик, ракетостроитель, один из разработчиков «Катюши».

будет убит, и как оградить себя от подобных нападений в будущем, беседуют мирно, неспешно. А у бойца все больше ран, все меньше крови в жилах и меньше на земле. Израненный, рассвирепевший зверь все яростнее бросается на него, и он с нетерпением ждет вступления в битву. Держись, богатырь! Надейся на свои силы. Ты победишь! А «друзья»... Друзья, друзья они, но рассчитывай на себя.

2 крупных налета на Гамбург, а сегодня огромных размеров нападение на Дюссельдорф. Давно пора. Но это не все. Этого мало. Ведь бои идут в Сальске. Неужели у нас нет сил остановить его. Как вода и воздух, нужен второй фронт, а его все нет.

3/VIII

Мы не можем ждать, пока будет застегнута последняя пуговица на мундире последнего солдата. Время никогда не бывает нейтральным. Время всегда сражается на стороне той армии, которая его использует.

Американская газета

Посмотрел на карту и чуть не заплакал с досады: как далеко за Доном Сальск и Кущевская. Перерезана последняя дорога с Кавказом. Остановить. Иначе смерть.

Началось, судя по фронтовой газете, наступление на нашем фронте. Рассказывают много хорошего, да и по газете видно, что оно развивается нормально. Правильно. Спасти юг может не только героизм и самоотверженность войск Южного фронта, но и помощь других фронтов. Сражаясь на Волхове, под Ржевом, Белым, Гжатском, Брянском, Сычевкой, они будут биться за Кубань, Сталинград, Баку. Верится, что выстоим «всем смертям на зло».

А они все идут на Дон, Сальск, Белая Глина, и формулировки сводок таковы, что нет надежды на перелом в этом направлении. Как это тяжело. Но не впадать в уныние. Без нытья и жалоб отбить должны или погибнуть. Другого выхода нет.

Быстрота: атаковать неприятеля, где бы он ни встретился... Где тревога — туда и дорога; где ура, туда и пора. Голова хвоста не ждет. Натиск: сам погибай, а товарища выручай.

Суворов

Котельниково! Дон, значит, перестал быть рубежом, за которым идет борьба. Неужели теперь очередь Кубани и Волги? Нет, дальше отступать некуда.

6/VIII

Армавир! Кубань... Последний рубеж. На нем нужно удержаться. Неужели конец Кавказу? Не верю. Не могу верить.

8/VIII

Россия

От моря до моря — долины,
Долины, чей голос высок,
Песок, наступивший на глину,
Иль глина нашла на песок.

Россия! За каждой избою
Звезда молодая встает,
Березы собрались гурьбою,
В черемухах ветер поет!

В ней каждый пригорок обласкан
Отрадою вешней поры,
Россия, где песня и сказка
Не выйдут вовек из игры!

Россия, где собраны в стаю
Простертые к солнцу края,
Россия, как воля простая,
Родная Россия моя!

Россия ручьев и затонов,
Где в воду глядят ивняки,
Россия широкого Дона
И Волги, великой реки!

Россия железа и стали
С полками в походном строю,
Которые в мужестве встали
За эту Россию мою!

Александр Прокофьев[1]

---

[1] Прокофьев Александр Андреевич (1900—1971), русский советский поэт. Во время русско-финской и Великой Отечественной войн военный журналист, член писательской группы при политуправлении Ленинградского фронта.

Бои в районе Майкопа, значит немцам овладеть переправами через Кубань без серьезных боев. Упущен такой рубеж, немцы прорвались к нефти. Хуже, кажется, и не выдумаешь. Читаешь и не веришь, слушаешь и не понимаешь, веришь и теряешь надежду. Где же и когда же конец этому. Ну нет, мы повторим Москву, иначе смерть.

11/VIII

Краснодар....

12/VIII

Черкесск — бои переходят уже в горы; неужели и это не конец наступлений. Порадовало хоть одно: под Котельниковым немцы остановлены. Значит, попробуем к Волге не пустить. Но ЮГ! ЮГ!...

13/VIII

Бои в районе Минеральных Вод. Неужели войдут в горы. Закавказье отдавать немцам! Солнечные сады и поля Грузии. Черное золото Баку лить в брюхо немецких танков и самолетов! Никогда!

16/VIII 42 г.

В человеке все должно быть прекрасно, и одежда, и лицо, и душа, и мысли.

А. Чехов

Моя радость и гордость — новый русский человек. Товарищ! Знай и верь, что ты самый необходимый человек на земле. Делая свое маленькое дело, ты можешь создавать действительно новый мир. Учись и учи!

М. Горький

Много писалось о материнской любви и мало писалось о любви отца. Она стыдливее, она прикрыта мужской стойкостью и ее не сразу разглядишь. Но вот на фронте отцовская любовь творит чудеса. Бойцы знают, что где-то далеко ребятишки доверчиво спрашивают маму: «Папа скоро вернется? Папа побьет немцев?» Для них война — это игра. Они безгранично верят в отца: отец все может. Если отец пошел, чтобы побить немцев, — он их побьет. И на плечах отца вся ответственность за детские игры, за спокойное дыхание трехлетнего мальчика в детской кроватке, за жизнь, за теплоту, за целость семьи.

И. Эренбург

Товарищ! Очень хочется жить. Жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой. Но не всякой жизнью хочу я жить, не на всякую жизнь я согласен. До сих пор я был хозяином своей судьбы. Мы выбирали себе профессию по душе и подругу по сердцу. Но вот пришел немец. Он топчет твое Сегодня и крадет твое Завтра. Я такой жизни не хочу. Нет, лучше смерть, чем такая жизнь. Лучше умереть героем, чем жить рабом. И когда мы победим, мы каждого спросим: что ты для победы сделал? Мы ничего не забудем. Мы никого не простим.

Б. Горбатов

Стало сердце, как твердый камень,
Счет обиды моей не мал.
Я ведь этими вот руками
Трупы маленьких поднимал.

Гнев мне сердце сжимает яро.
Дай, судьба, мне веку и сил!
Я из дымной прорвы пожара
Братьев раненых выносил.

Смерть! Гони их по мертвому кругу,
Жаль их тысячью острых жал!
Я ведь этими пальцами другу
В миг кончины веки смежал.

Ненавижу я их глубоко
За часы полночной тоски
И за то, что в огне до срока
Побелели мои виски.

Ненавижу за пустошь пашен,
Где войной урожай сожжен,
За тоску и тревогу наших
Одиноких солдатских жен.

Осквернен мой дом пруссаками,
Мутит разум их пьяный смех.
Я бы этими вот руками
Задушил их, проклятых, всех.

Всех их с камнем пустил бы в воду,
Бил, пока есть свинец в стволе,
Чтоб ни племени их, ни роду
Не осталось на нашей земле.

Ал. Сурков

Ненавидеть, это значит лучше,
Жарче, чем когда-либо, любить.
Ненавидеть ненавистью жгучей —
Это значит, —
Бить, товарищ, бить!

Ненавидеть, это значит видеть
Родину в ее святой борьбе,
В страстном гневе, в пламенной обиде
Руки простирающей к тебе.

Елена Рыбина

Попков[1] пишет статью «Ленинградцы». Конечно, это не все, но и это много. Когда же конец страданиям этого великого города?

Шостакович — «7-я симфония»
Л. Леонов — «Нашествие»
И. Эренбург — «Падение Парижа»
М. Шолохов — «Наука ненависти», «Они сражались за Родину»
К. Симонов — «Русские люди»
В. Марецкая[2] — «Товарищ N»
А. Сурков — «Декабрь под Москвой»
К. Симонов — «Лирический дневник» (не все)
И. Эренбург — Статьи и памфлеты
Н. Тихонов — Ленинградские рассказы, «Киров с нами»
Р. Кармен[3] и Соловцев — «Ленинград в борьбе»
И. Тоидзде — «Родина зовет»
И. Пырьев и В. Ванин[4] — «Секретарь райкома»
В. Гросман — «Народ бессмертен», «Жизнь», «Направление главного удара»

---

[1] Попков Петр Сергеевич (1903—1950), советский партийный деятель. Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Расстрелян по «Ленинградскому делу».

[2] Марецкая Вера Петровна (1906—1978), советская актриса театра и кино. Народная артистка СССР (1949).

[3] Кармен Роман Лазаревич (1906—1978), советский кинооператор и кинодокументалист, фронтовой кинооператор.

[4] Пырьев Иван Александрович (1901—1968), советский кинорежиссер и Ванин Василий Васильевич (1898—1951) советский актер, принявшие участие в съемках фильма «Секретарь райкома».

Ванда Василевская — «Радуга»
Б. Горбатов — «Письма товарищу», «Семья Тараса», «Алексей Куликов»
Л. Соболев[1] — «Морская душа»[2].

«Война» Эренбурга. С удовольствием перечитываю читанное и смакую, читаемое впервые. И все-таки И. Эренбург не избежал общей ошибки: зима ему, как и всем, вскружила голову, и только сейчас он поднялся небывало высоко.

«Пархоменко» — Очень хорошие артисты, блестящие сцены, очень приятно вновь увидеть своих любимцев Чиркова, Алейникова, Каюкова. Страшный и неожиданный образ Махно дает Чирков, обаятелен, как всегда, Алейников. Хорош, но неглубок Боголюбов (Ворошилов). Малоудачен Каюков. А в целом фильм хотя и смотрится с большим интересом, несмотря на прекрасную игру Хвыли, образ, созданный им, гораздо беднее, чем должно быть. Картина рассыпается на отдельные мало связанные между собой эпизоды. Одним словом, это не «Чапаев», «Невский», «Петр», «Депутат Балтики»[3], а рядовая картина.

Говорят, что время — враг. Неправда! Время снимает шелуху, так исчезают неискренние горести, надуманные страсти, а подлинные чувства остаются...

Эренбург. «Падение Парижа»

Еще одно письмо. И снова я морально подавлен. Заприев был ранен, и в госпитале ему ампутировали правую ногу. Слезы навертываются, когда вспомню этого мальчика, по существу школьника, и прочту его письмо, полное крика и боли. Он мне напоминал моих учеников, и его привязаность ко мне была во многом ученической, а сейчас, навеки калека, он уже выбыл из строя совсем и наполовину из жизни...

Я не нахожу себе места, мне хочется вырваться отсюда к фронту. Мне хочется, чтобы двинулась вся Россия, вся Советская Россия единым последним усилием двинулась на врага и опрокинула его....

---

[1] Соболев Леонид Сергеевич (1898—1971), русский советский писатель. Участвовал в русско-финской войне. В годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом газеты «Правда».

[2] Список произведений, особенно понравившихся М.Т. Белявскому.

[3] Популярные кинофильмы 1930-х гг.

Разве мы можем думать теперь о личном. Не будет Родины, не будет жизни.

Из письма Иры. 18/VIII 42 г.

Самая ужасная боль — это та, которую нельзя высказать.

Шолом-Алейхем[1]

«Дело Артамоновых» — сила горьковской вещи потерялась, утрачена и основная мысль книги. Рядовая картина. Рошаль, потеряв свой язык, сбился на «Грозу», «Булычева», «Головлева» и другие произведения искусства.

«Фронт» Корнейчука. Хвалят его в газетах. Ставит «Малый», вахтанговцы, добрый десяток других театров, инсценируют для кино. А не нравится мне эта вещь. Дешево. Ходульно. Нужная и важная тема, а положения стандартны, вместо характеров — штампы, язык не типичен. Серо и не талантливо.

Русский народ медленно запрягает, но быстро ездит.

Бисмарк[2]

Сначала германский империализм невероятно раздулся на 3/4 Европы, а потом он тут же лопнул, распространяя ужасное зловоние.

В.И. Ленин

Германский офицер всей своей складной, выпяченной грудью, посадкой, устоем, выбритым подбородком и тычет в меня: Я герой! Мне было бы легче, если бы вместо того он сказал: я разбойник и сейчас начну тебя свежевать.

М. Салтыков-Щедрин[3]

Берлин ни для чего другого не нужен, как для человекоубийства.

М. Салтыков-Щедрин

Можно обманывать некоторых все время, можно обманывать всех некоторое время, но никому еще не удавалось обманывать всех все время.

Линкольн[4]

---

[1] Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович) (1859 — 1916), еврейский писатель, драматург и просветитель, один из основоположников литературы на языке идиш.

[2] Бисмарк Отто фон (Bismarck) (1815—1898), германский государственный деятель, первый канцлер Германской империи.

[3] Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), русский писатель-сатирик, администратор.

[4] Линкольн Авраам (1809—1865), 16-й президент США (1861—1865).

Как кстати эти слова, когда читаешь речи Черчилля и Гарримана[1]. Кого они хотят обмануть, скоро ли кончится вся эта комедия? Как гнусно заявление относительно рейда на Дьепп: «несмотря на тяжелые потери, мы еще неоднократно предпримем подобные рейды». <...> Не рейды, а второй фронт — вот, что нам нужно. Что толку в похвалах Сталину и Красной Армии, когда нет помощи. Величие Сталина и доблесть нашей Армии не нуждаются в подтверждении со стороны всех этих господ, как аксиома не требует доказательств. Давным-давно уж пора кончить болтовню и приступить к делу, иначе может быть поздно. Кровь, Огонь, Смерть, Горе, а они болтают, обещают, собираются, делают визиты, договариваются, «а воз и ныне там».

12/IX

Как не вовремя началась эта заваруха в Индии. Хотя это, казалось бы, от нас далеко и нас мало касается, но на самом деле это крайне вредно и опасно для нас теперь, у наших дорогих союзников, которые и без того побили своей медлительностью и нерешительностью все рекорды и нормы, есть действительный повод отложить открытие второго фронта.

Происходи все это 2—3 года назад, мы могли бы только приветствовать подобное положение, а сейчас....

Странное создалось положение: мы на стороне английских полисменов, разгоняющих национально-освободительные демонстрации.

Политика Ганди и Неру[2] — это путь ко второму Мюнхену, под покровом национально-освободительного движения.

Самое настоящее капитулянтство.

Английская политика «кнута и пряника» потерпела полный крах, как и следовало ожидать. Поймать второй раз на тот же пряник не удалось (первый раз его только пообещали и не дали, а качество то его относительное). Развели обычную для Англии торговлю, да так и не сторговались. Теперь схватились за кнут, и едва ли его испугаются. Боюсь, как бы на случай вторжения Японии не получилось в Индии то, что произошло во Фран-

---

[1] Гарриман Уильям Аверелл (1891—1986), американский промышленник, государственный деятель и дипломат. В 1943—1946 гг. — посол США в СССР.

[2] Ганди Мохандас Карамчанд (1869—1948) и Неру Джавахарлал (1889—1964), деятели национально-освободительного движения Индии.

ции, где правительство не столько боялось армии противника, сколько своих собственных солдат. Потеря Индии, после падения Гонконга, Сингапура, Филиппин, Малайи[1], Голландской Индии может послужить таким ударом, от которого не оправишься. Как все это некстати.

Рейд на Дьепп. Масштабы довольно крупные. Если отбросить детали, то меня больше всего интересует одно: что это, разведка боем, репетиция будущей высадки или просто ход для того, чтобы успокоить общественное мнение, требующее сейчас уж очень настойчиво открытия второго фронта. Ведь рейд дает на месяц пищу для разговоров и обсуждений, создает видимость дела. А «воз и ныне там».

Гитлеровский империализм огнем и мечом прошелся по большинству стран Западной Европы и поработил их. Если даже не считать большого количества финских войск на севере, то гитлеровцы мобилизовали в вассальных странах — Италии, Венгрии, Румынии, Словакии до 70 дивизий и бригад и бросили эти войска против СССР. Путем угроз и подкупа немцы усиленно вербуют из всякого сброда отряды во Франции, Бельгии, Дании, Голландии, Испании. Они насильно мобилизуют в армию поляков и чехов.

Кроме того, немцы сосредоточили всю свою армию, все свои войска против СССР. Только в июле и августе немцы перебросили 22 дивизии на советско-германский фронт из Франции, Бельгии и Голландии.

Г. Александров[2]

За последние дни, судя по газетам, сопротивление на Юге возрастает. Правда, еще отходим, но темпы отхода не те. Только бы остановить и не пропустить в Закавказье. Без нефти это будет не война. Под Сталинградом держатся неплохо. Воронежцы

---

[1] В истории «Британская Малайя» — обобщенное название существовавшей в XVIII-XX вв. совокупности британских колоний (Стрейтс-Сетлментс) и находившихся под протекцией Великобритании формально независимых Федеративных Штатов Малайи и нефедеративных государств. Позднее была преобразована в Малайский Союз. В наше время является западной частью Малайзии.

[2] Александров Георгий Федорович (1908—1961), директор Института философии АН СССР в 1947—1954 гг., министр культуры СССР в 1954—1955 гг.

молодцы. Как-то нажимают на других фронтах. Насколько я могу судить по тем скудным сведениям, которые у меня есть, наступление на нашем фронте продолжается.

25/VIII 42 г.

31/VII 42 г.

То, что мы узнали сегодня, так страшно и так тяжело, что не скажешь. Какой стыд, какой позор, стыдно смотреть людям в глаза. Так и кажется, что они говорят: «Это ты, ты — виновник того, что произошло». Приказ суров и беспощаден, прост и ясен, глубок и мудр. Сказать короче: настоящий сталинский приказ. «Ни шагу назад!» За спиной Родина. Отступим — смерть Родине. Отступишь — смерть тебе и проклятие современников, презрение потомков. Порядок и дисциплина, стойкость и мужество, битва до победы, стойкость до последней капли крови. «Ни шагу назад!»

Уничтожать без сожаления и пощады трусов и шкурников, паникеров. Лучше 50 храбрых, чем 100 храбрецов + 1 трус.

Мы сражаемся за жизнь, свободу, семью, Родину. Трус сейчас — это изменник всему этому, предатель Родины. Наказание — Смерть! «Ни шагу назад».

Разговоры о щипаных воронах, наших ресурсах, величии и прочем — преступление. Печать, радио, плакаты, кино — снова приняли желаемое за действительное положение вещей и немало повредили этим. Сейчас, кажется, спохватились. Хорошо, если не поздно. «Ни шагу назад!» Многие опустились, обзавелись жирком благодушия, обросли мхом и гнилью распущенности и мещанства. Немедленно сбросить все это. Сталинский приказ звучит как жизненный закон Родины: «Ни шагу назад!»

В истории России много тяжелых страниц, но и они озарены глубоко человеческим чувством. Любовь к жизни делает нас стойкими в часы смертельной опасности. У каждого бойца где-то остались близкие ему люди: жена, дети, старая мать или добрый друг. Идя против смерти, боец защищает жизнь близких ему людей. Боец защищает жизнь Родины, ее прошлую славу и ее надежду, ее могилы и ее колосья.

Россия не уклонилась от боя. Когда враг напал на наши мирные города, народ возмутился. Он пошел на все жертвы. 13 месяцев мы одни сражаемся против Германии и ее вассалов. В этой войне мы многое потеряли, но мы сохранили главное: един-

ство, волю, решимость. Недооценивать силы врага — это значит помогать врагу. Германия — страна развитой военной индустрии и немец — образец механической дисциплины. В годы Первой мировой войны против Германии воевало 6 великих держав и все же понадобилось 4 года, чтобы повалить Германию.

Перед нами сильный и коварный враг. Может быть, наивные люди в глубоком тылу еще недавно думали, что немцы добиты. Немцы получили зимой только первый урок. Мы излечились от сладостных иллюзий, что немецкий народ «проснется и поймет». Невелика ему честь, если он проснется, увидев свое поражение. Конечно, зима оставила в сердце немца горький привкус, но гитлеровский солдат не способен задумываться ни над целями войны, ни над будущим Германии. Не будет парадоксом сказать, что страх придает им смелость. Мы должны победить в этой жестокой борьбе. Нужно теперь понять, что враг не мешкает, что теперь в смертельной опасности и жизнь нашей страны, и жизнь наших близких. Забудем обо всем, кроме одной мысли: спасти Россию, спасти Родину!

И. Эренбург

Помни! Пусть это будет твоим «кредо», твоим законом жизни. Помни обо всем, ничего не упускай и не забывай. Много хорошего написал за время войны Эренбург, но здесь с огромной силой и страстью, с предельной ясностью, неумолимой железной логикой изложено то, что должно стать единственной мыслью, основным законом, любимой мечтой и желанием до тех пор, пока враг находится на нашей земле. Я не делаю выписок, для этого придется выписать статью целиком. Помни, не забывай и делай!

Сдан Майкоп — еще один удар, да и какой, правда, немцы, судя по сводке, нефти не получат, но и мы ее не получили. Под Клетской, Котельниковым, Воронежем держатся. Когда же остановят здесь?

17/VIII

С нашего Фронта опять хорошие известия: за один день занято 27 населенных пунктов. Как хочется узнать, как обстоит дело со Ржевом, Сычевкой, Старой Руссой, Белым. Нужно бить его на всех фронтах, пока он наступает на Юге.

18/VIII

Наши части оставили Краснодар, Новороссийск, Туапсе. Сочи обойден с фланга. Где же конец? И все же наперекор всему я верю и жду второй Москвы, надеюсь дожить и скоро увидеть, как гитлеровская сволочь покатится обратно, и юг, пусть окровавленный, покрытый потом, окутанный дымом пожарищ, со слезами на глазах и сжатыми кулаками вытолкнет вон шайку насильников и убийц, как бы хорошо ни была она вооружена.

20/VIII

Визит Черчилля и Гарримана. Туманное коммюнике, решительные заявления Черчилля и Гарримана. Подъемные статьи газет. Все очень хорошо, но когда же второй фронт. Давно пора. Промедление — смерть.

Америка будет стоять вместе с русскими рука об руку на фронте.

Гарриман

Мы полны решимости продолжать борьбу рука об руку, какие бы страдания, какие бы трудности нас ни ожидали, продолжать борьбу рука об руку, как товарищи и братья, до тех пор, пока последние остатки гитлеровского режима не будут превращены в прах, оставшись в памяти примером и предупреждением для будущих времен.

Черчилль

Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости **вести со всей силой и энергией** до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Англо-советское коммюнике. 19/VII

Со всей решимостью и энергией — именно это — то и нужно и именно этого то и нет. Неужели снова пойдут месяцы мучительного ожидания решительных действий? Неужели это только слова?

Хорошо действуют югославские партизаны, но все это не то. Партизанское движение — большая сила, но только в сочетании с действиями регулярной армии, этого-то в Европе и нет. Откройся второй фронт, и в огне партизанской борьбы запылает не только Югославия, а вся Европа. Сезам, откройся!...

Алексей Сурков

ПОРА!

Сгущаются ночные тени.
Не сесть и не разжечь костра.
В душе обида поражений
Еще свежа, еще остра.

Мы слишком долго отступали
Сквозь этот черный, грозный год.
И кровь друзей, что в битвах пали,
Сердца стыдом и болью жжет.

Путем от Прута и от Буга
Нас на Восток гнала гроза.
Ну как мы взглянем друг на друга?
Как глянем родине в глаза?

На всем пути дымятся хаты,
На всех полях войны печать.
Что ж мы молчим? Ведь мы солдаты.
Нам надо кровью отвечать.

Пора! Уже в донских станицах
Пытает немец нашу честь.
Ведь порох есть в пороховницах,
И злоба есть, и сила есть.

Пора! Бестрепетно и смело
Пойдем вперед сквозь кровь и дым.
И Ленина святое дело
На поруганье не дадим.

За то, что нам всего дороже,
За боль и горечь всех скорбей,
Рукой, не ведающей дрожи,
Ты малодушного убей.

Иди под пулей и снарядом.
Пусть все зальет кровавый дождь,
Ты не один. С тобою рядом
Друзья и Родина, и вождь[1].

---

[1] Современная редакция стихотворения отличается от вышеприведенной. В частности, кроме нескольких отредактированных фраз, в современной редакции отсутствует последнее четверостишие, где говорится о вожде.

Битва за Сталинград достигла небывалых размеров. Снова Сталинград решает судьбу России. Сдача его означает разрезание армии на 2 части. Рассекает Волгу, фактически отрезает бакинскую нефть и делает победу если не невозможной, то во всяком случае в десятки раз более трудной. Сталинград сдавать ни в коем случае нельзя.

Бомбежки Берлина, Кенигсберга, Варшавы, Бухареста и др. Интересна цель и успех. Как бы хорошо бить по этим городам. Так били по Кельну, Ростоку и другим городам. Пусть те, кто начал войну, те, кто принес столько горя и страданий, те, кто покрыл нашу землю огнем и кровью, на своей гнусной шкуре чувствует, что несет с собой война. Но этого мало. Мало. Это не все, это даже не главное....

Немцы ворвались на окраины Сталинграда! Неужели то же, что и всегда? Больно и горько. Хочется, сжав кулаки, броситься в бой. Какого черта я здесь сижу? Когда эта проклятая сволочь будет остановлена? Если возьмут Сталинград, то это катастрофа.

3 день ожесточенные уличные бои. Видно, что это не форма, а существо. Борьба идет за каждую улицу, каждый дом. Пусть город будет разрушен, но он должен остаться советским. На Волге остановить. К Волге не пустить. Если не выйдет, умереть, но Сталинград немцам не сдавать.

20/IX 42 г.

Великое слово

Товарищи, все, кто стране верны,
Стать в трудный час солдатами сумели,
Все, кто впервые в первый день войны
Как я, шинель солдатскую надели,

И ты, конечно, ты, моя любовь,
Ты, нежная, далекая, родная,
Которую в последний день я вновь,
Как всякий день, сегодня вспоминаю.

Да, мир жесток и сломан наш уют.
И пол земли горит в огне пожаров,
Но также все на Спасской башне бьют
Часы двенадцать медленных ударов.

И тот же все, над грохотом атак,
Над вековой кремлевскою стеною
В свободном небе самый гордый флаг
Горит над самой гордою землею.

Все вынесших, ничто нас не согнет,
В нас мужество взлелеяли походы.
В огне боев прожившим трудный год,
Нам этот год зачтется за три года.

Год сорок первый — год больших утрат,
Не раз мы с горем были в нем знакомы.
Не все из нас придут домой назад,
Не всех ушедших вновь дождутся дома.

Какое ж слово все-таки найти,
Чтоб было всех нужней оно и выше,
Чтоб всех, кто разлучен, под ним свести,
Как под одною новогодней крышей?

Да, мы нашли его! Да, вот оно,
Звучащее, как праздник и награда.
Пусть в этот день оно у нас одно:
Раз есть оно — других нам слов не надо.

Победа! — в дальнем Мурманске гремит,
Победа! — Степь колышет над Ростовом...
Победа! — вот что нас соединит,
Всю нашу жизнь одним расскажет словом.

Как на мече, на нем соединим
Мы в дружной клятве крепнущие руки.
Мы в эти дни навек соединились с ним
И никогда не будем с ним в разлуке.

К. Симонов

Сталинград бьется, как герой. Бои идут за каждую улицу, каждый дом. Ясно, что от города останутся одни развалины. Пусть. И над развалинами Сталинграда не должно быть свастики. Сталинград должен устоять.

23/IX

Сталинград бьется. Битва идет за каждый дом. То, что там творится, можно сравнить только с Севастополем. Огонь, бомбы, пули, развалины, кровь и стоны... И все же в этом аду нужно выстоять. Умереть, а не отходить.

Он стеснялся выражать вслух обычными словами то, что переполняло его сердце.

В. Ильенков[1]

Будь хоть бедой в моей судьбе,
Но кто нас ни судил, —
Я сам пожизненно к тебе
Себя приговорил.

К. Симонов

Статьи эти будут жить еще долго, будут жить и тогда, когда враги, которых они бьют, будут уже навсегда уничтожены. И тогда читатель, перелистывая книгу Эренбурга, скажет: «Вот писатель, который нашел свое место, свой пост в великой обороне России, сумел быть нужным своей стране в час грозного исторического испытания».

Книпович[2]

Смотрел в кино «Парень из нашего города»[3]. Гораздо лучше, чем в театре. Тема разлуки и ожидания разрослась. Крючков-Лухонин великолепен. Жаль, что друзья его отступили на второй план. Хороша подруга. Когда она читала «Жди меня», я рыдал, буквально рыдал. Я и сейчас целиком под влиянием этого чудесного стихотворения. Это стихотворение — морально-бытовая программа советских людей: и тех, что на фронте, и тех, что остались в тылу. «Жди меня, и я вернусь, только очень жди! Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло!»

Все будет хорошо. Все должно быть хорошо. Без веры в это жене солдата нельзя жить, по Симонову. Почему так долго нет ниоткуда писем? Это тревожит и гнетет.

Изумительной силы вещь Ванды Василевской печатается в «Известиях». Сначала «Радуга» показалась довольно серой,

---

[1] Ильенков Василий Павлович (1897—1967), русский советский писатель.

[2] Книпович Евгения Федоровна (1898—1989), советский литературовед, критик.

[3] «Парень из нашего города», художественный фильм (1942), черно-белый по мотивам одноименной пьесы Константина Симонова. Режиссеры Б.Г. Иванов и А.Б. Столпер.

хотя и интересной вещью, но чем дальше, тем сильнее. А вот 2 номера — исключительной силы страницы. Сколько силы, гнева и страсти. Смерть и похороны мальчика, убитого при попытке передать хлеб Олене, допрос Олены, и, наконец, мысли и переживания Малаши в тюрьме в качестве заложницы принадлежат к лучшим страницам, написанным за время войны.

Поруганная, изнасилованная немцами Малаша чувствует, что носит под сердцем Фрица. Вырвать его нельзя. Жить незачем. Даже победа не спасет. Опозорена навеки...

Люди обречены на смерть, она неизбежна, а где-то чуть шевелится надежда на своих.

«Чапаев» который раз! И снова тоже впечатляет, хотя знаешь не только содержание фильма, а все слова и действия, каждое движение наизусть, смотришь и не можешь оторваться от этой замечательной картины.

Симонов говорит в своих стихах о том, как мы учимся сохранять в дни войны большое человеческое чувство, и как все самое лучшее в нас: верность, дружба, мужество за время войны осозналось неизмеримо глубже, острее, стало неизмеримо дороже.

В. Ермилов[1]

С каждым днем уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодеет.

Н. Некрасов

Знаю, ты тоскуешь, дорогая,
На крыльцо выходишь, ждешь меня.
Только письма греют, помогая
Жить надеждой завтрашнего дня.

Этих «завтра» накопилось много,
Как дождинок в облаке седом.
А на картах — дальняя дорога,
И разлука, и казенный дом...

---

[1] Ермилов Владимир Владимирович (1904—1965), советский литературовед, критик. Автор статей о Максиме Горьком, В.В. Маяковском, А.Г. Малышкине, монографий о творчестве А.П. Чехова (1949, 1954), Ф.М. Достоевского (1949, 1956), Н.В. Гоголя (1953, 1959), Л.Н. Толстого (1963).

И без околичностей понятно,
Что в такие дни душа жива,
Почему все чаще в письмах пятна
Размывают бодрые слова.

Уставать нельзя в такую пору.
Вешать голову нельзя вдвойне.
Может, кончится война нескоро,
Но придет ведь и войне конец.

Вот тогда поверь счастливой карте,
Встрече, ожидаемой давно.
Будет это в мае или в марте,
Разве важно? Будет все равно!

А. Сурков

Поцеловать бы руку и уйти
Обратно к этим стоптанным лугам,
Да нам пока заказаны пути
С полей войны к родимым очагам.

А. Сурков

Мама сообщила то, что ей удалось узнать про Леню. Ранен и не мог двигаться, находясь в окружении.... Это не требует пояснений. Что дальше? Смерть, плен или партизанство. Так ничтожно мало шансов на последнее, и так этого хочется. Неужели все-таки я остался один. Проклятая война! Но мы наперекор смерти дойдем до конца по этому пути, как бы он ни был тяжел. Пусть редеют ряды, пусть нет героев; они уже отдали свои жизни за Родину, пусть тяжело, мы будем идти одни и придем, придем к Победе.

11/IX 42 г.

Совершенно неожиданно узнал наше отношение к событиям в Индии. Я так и думал, хотя был не уверен в своей правоте. Теперешние действия англичан могут быть чреваты такими последствиями, что и не расхлебаешь потом. Нет, как черного ни мой, он останется черным. Империалист останется империалистом. Вспоминается, хотя это к Индии непосредственно не относится, хорошая статья корр. Звавича о Черчилле...

Под Моздоком убит Клейст[1]. Одним палачом меньше. А хорошо, кажется, держатся под Моздоком. Молодцы! Ведь это ворота на Грозный, а этим все сказано.

Германия, Германия!
Вокруг тебя растут зло, ужас и страдание.
Как кругом мощным гор, ты ими стеснена.
И близится к тебе зловещая стена!
Настанет страшный день, когда твой блеск потухнет,
И грозно на тебя гроза проклятий рухнет.

Но будет то не столько месть за кровь,
Тобой пролитую, за преступление века,
Как месть за то, что ты презрела человека,
В позорных помыслах своих презрев любовь.
Что было сделано народами в веках
Ты хочешь растоптать во прах.
Ты хочешь сокрушить огнем, железом, кровью
То братство всех племен, что спаяно Любовью.

Эм. Верхарн[2]

Тетрадь № 2

Вперед и-выше! Это мое старое и, может быть, единственное, что у меня есть.

М. Горький

Победа наступит, я в этом уверен, тем скорее, чем скорее будет нанесен врагу одновременный, совместный удар и с Востока, и с Запада.

И. Сталин

---

[1] Клейст Эвальд фон (Kleist) (1881—1954), немецкий фельдмаршал. Во время вторжения в СССР командовал танковой армией на южном направлении. Умер в советском плену.

[2] Верхарн Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт. В годы Первой мировой войны живущий в то время во Франции поэт написал несколько патриотических стихов о трагедии маленькой Бельгии, ставшей жертвой агрессора.

Лето 1943 г. не походит на лето 1942 г. — между ними лежит Сталинград. Прошлым летом наша армия жила одной мечтой: остановить врага. Сейчас даже обороняясь, мы больше не скажем «выстоять». Даже обороняясь, мы теперь говорим, враг не выстоит, враг будет разбит.

И. Эренбург. 10/... [*неразборчиво*]

Разбившись о твердость
Советских войск
Враги
Подчинятся силе!
Еще напор, —
Победа близка,
Сомкнитесь последним
Усильем![1]

В. Маяковский

Они верили — не в свою силу, но в силу календаря. Мы сильны теперь не только правдой, мы сильны теперь силой.

И. Эренбург

Разгневанные массы человечества, в походе они идут вперед, приближаясь к своей конечной цели — к Берлину и к Токио. В Оси появилась первая трещина — преступный разложившийся фашистский режим Италии разваливается.

Рузвельт

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу нашей Родины.

И. Сталин

Сегодня, 5 августа, в 24 часа столица нашей Родины — Москва будет салютовать нашим доблестным войскам, освободившим Орел и Белгород двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

И. Сталин

Дело прочно, когда под ним струится кровь...[2]

Самое дорогое у человека — это жизнь, она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно

---

[1] Отрывок из стихотворения В.В. Маяковского «Неделя фронта — неделя победы».

[2] Эти слова принадлежат Н.А. Некрасову (поэма «Поэт и гражданин»).

за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества.

Н. Островский

Ты знаешь сам, какое наступило время, в ком чувство долга не остыло, кто сердцем неподкупно прям, в ком дарованы сила, меткость, тому теперь не должно спать...

Некрасов

Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе, и никуда иначе.

Н. Островский

Восток свое слово сказал, теперь дело за Западом.

Н. Тихонов

Враг уже испытал силу наших ударов под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник.

Сталин. 7/XI

Правду не скроешь, она — правда — свое возьмет!

Совинформбюро

Мы работали год не даром: мы подвели фундамент, мы подошли к решительным боям, которые действительно будут решительными.

В. Ленин

Наша оборона оказалась крепче немецкого наступления, а наше наступление сильнее немецкой обороны.

По А. Толстому

Сталин поздравил Армию и полководцев и объявил им благодарность. Что может быть выше и дороже этого. Ведь только на 20-м месяце войны мы заслужили эту награду.

Слышишь, фашистская Германия! Ты создала эрзацы тканей, эрзацы пищи, металлов, эрзацы науки, совести, морали.

Теперь ты показала эрзац победы.

Ем. Ярославский

Сталинская армия победы,
Славой окруженная
Вперед!

Шевелева[1]

Смерть вместе с немцами отступает на Запад. И жизнь идет по пятам вслед за уходящей на запад войной.

Евг. Кригер[2]

Что касается солдата Красной Армии, то это слово следует писать с большой буквы.

Американская газета

Моя семья ждет не писем — она ждет меня. Она ждет, чтобы я пришел и освободил ее от немцев. Чтобы я убил немцев, стоящих на моей дороге, и победителем прошел по всей земле, захваченной немцами.

Л-т Лебедев

Иди в огонь за честь отчизны.
За убежденья, за любовь....
Иди и гибни безупречно,
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Н. Некрасов

Будет и на нашей улице праздник.

И. Сталин

О, край родной! Такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей.

Ф. Тютчев[3]

Женщина — великое слово. В нем нежность и гордость, в нем чистота девушки, в нем самоотверженность, в нем подвиг матери.

Илья Эренбург

---

[1] Трудно сказать, о ком идет речь.

[2] Кригер Евгений Генрихович (1906—1983), русский советский писатель и журналист. Участник Великой Отечественной войны. Работал спецкором «Известий» (1932—1973).

[3] Тютчев Федор Иванович (1803—1873), русский поэт, дипломат, консервативный публицист, член-корр. Петербургской АН с 1857 г.

Мертвых похоронить. Живые — вперед!

Генерал Чинчинадзе

У нас с Америкой разное время, и когда в Нью-Йорке говорят: «еще рано», в Москве говорят: «ПОРА!»

Конферансье

Если кто хоть раз в Москве побудет,
А потом уедет на года,
Никогда Москву не позабудет,
Разлюбить не сможет никогда!

В. Гусев[1]

Война подобна открытой бочке, в которую падают капли событий. Посторонний наблюдатель не знает, повышается ли уровень воды в бочке и с какой скоростью она наполняется. Это он замечает лишь в тот момент, когда она польется через край.

Геббельс[2]

Неплохо сказано. Только люди не так уж глупы. А кроме того, вода-то польется совсем не туда, куда вы ждете, господин Геббельс, да и польется тогда, когда Вы ее не будете ждать.

Иногда мне кажется, что у нас снаружи броня из изумительной стали, а что внутри? Дерьмо!

Немецкий офицер

Бездействие является самой худшей стратегией! Русские вновь остановили немцев у Сталинграда, как это они сделали в прошлом году под Москвой, наступление Гитлера потеряло свой темп. Блестящая русская стратегия создает исключительно опасное положение для немцев, если им не удастся захватить Сталинград. Если мы воспользуемся этой ситуацией, то германская армия потерпит поражение. Русские сознают это и говорят нам об этом.

Дороти Томпсон[3]

---

[1] Гусев Виктор Михайлович (1909—1944), известный советский поэт и драматург, автор слов песен «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Полюшко-поле», сценария к кинофильму «Свинарка и пастух» и др.

[2] Геббельс Йозеф Пауль (Goebbels) (1897—1945), государственный деятель нацистской Германии, рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии (1933—1945), имперский руководитель пропаганды НСДАП (с 1929 г.).

[3] Томпсон Дороти (Thompson) (1893—1961), известная американская журналистка, которая в течение многих лет работала в Германии.

Если сопоставить статью английского журналиста о 12 фронтах, вчерашний ответ тов. Сталина и сегодняшнюю карикатуру в «Правде», то ясно, что это звенья единой цепи и что надежду на скорое открытие второго фронта придется бросить. И это союзники, которые обязались вести борьбу с врагом со всей решительностью и всеми средствами? Нет, как черного кобеля ни мой, он все равно останется черным, а Англия останется Англией. Тяжело, неприятно, но неизбежно.

7/X

Ответы Черчилля и заявление Уэллеса[1] по поводу письма тов. Сталина производят весьма странное впечатление. Трудно понять суть. Ясно одно: всякие мечты об открытии 2 фронта придется на 42 год бросить. Хуже того, нет ли сходства с переговорами штабов летом 1939 г.?

Пока Красная Армия не получит поддержки с Запада и вынуждена принимать на себя всю тяжесть германских ударов, она не смеет рисковать. Ее стратегические планы должны быть рассчитаны на длительный период. Но если бы второй фронт возник сейчас или в ближайшем будущем, прямым следствием этого явился бы переход русской армии к активным стратегическим действиям при использовании всех сил.

Макс Вернер[2]. 1/IX 42 г.

Разгром немцев в Египте. Судя по всему, удар исключительной силы. Около 30 т. пленных. Марсиа-Марфух взят. Армия вышла к ливийской границе.

Если это сопоставить с высадкой американских войск в Северной Африке, то ясно, что здесь ограничиваться полумерами нельзя. В ноябре если англичане и американцы будут действовать решительно, Африка должна была быть очищена от немцев и итальянцев. Боюсь, что, как и всегда, они не доведут до конца начатого.

11/XI

---

[1] Уэллес Сэмнер (Welles) (1892—1961), американский дипломат. Помощник госсекретаря США (1937— 1943).

[2] Вернер Макс (Шифрин) (1901—1951), американский военный обозреватель. Родился в России, в 1923 г. эмигрировал в Германию, в 1933 г. — во Францию, в 1939 г. — в США.

Конечно, это не Второй фронт, но хоть что-нибудь делается, а с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Оказывается, масштабы операций в Северной Африке значительно крупнее, чем можно было думать. Оран, Касабланка, Алжир и все города на с[еверо]-зап[адном] побережье Африки в руках американцев. Дарлан[1] взят в плен и отдал приказ о прекращении сопротивления. Ответные мероприятия Гитлера обещают упорную борьбу. И нам это может быть только на руку.

13/XI

Военные добродетели суть: отважность для солдата, храбрость для офицера, мужество для генерала.

А. Суворов

Никогда Сталинград не был так велик и прекрасен, как теперь, когда обращенный в развалины, он торжественно славится свободолюбивыми народами мира.

В. Гроссман

Многое хотелось записать в эти дни, да все некогда, а было, что записать. Ответы Сталина — важнейшее событие последних дней. Замечательное подтверждение слов Сталина в его докладе дала жизнь. Масштаб событий в Северной Африке вырос совсем в ином свете. Ясно, что это не второй фронт, то во всяком случае видно, что рано или поздно он будет действительно. Алжир и Марокко — в руках Америки. Развертывание борьбы за Тунис. Союзники должны любой ценой выйти к Тунису и Бизерте. Кто их захватит, тот будет иметь трамплин, с которого можно прыгнуть либо в Триполитанию, либо в Алжир. На Востоке англичане взяли Тобрук, Эль-Аламейн, Дерну и подходят к Бенгази. Удастся ли Роммелю[2] остановить их? Как ни потрепана его армия, но если она успеет закрепиться, то сшибить ее будет нелегко. Особенно если учесть, что немцы тоже не спят и подбрасывают подкрепления. Ликвидация Ливийского фронта может иметь далеко идущие последствия. Жалко будет, если союзники не смогут этого осуществить. Очень не нравится воз-

---

[1] Дарлан Франсуа (Darlan) (1881—1942), французский адмирал флота, один из лидеров вишистского режима в 1940—1942 гг.

[2] Роммель Эрвин (Rommel) (1891—1944), немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командующий войсками гитлеровской оси в Северной Африке.

ня вокруг Дарлана и прочей сволочи из Виши[1]. Фактор времени — важная вещь, но как бы он не привел черт знает куда.

20/XI

Передовая «Красной Звезды» почти дословно излагает известный документ, вернее, часть его. 2 месяца — положение изменилось, но не совсем так, как нужно. Стойкость возросла, но враг все еще движется и основная задача — «ни шагу назад» — не выполнена. А ведь дальше отступать некуда.

29/IX 42 г.

Снова наступление на нашем фронте. Нужен крепкий, крепкий удар. Неужели и сейчас этот проклятый город не возьмут. Неужели и сейчас дело кончится несколькими населенными пунктами. Нельзя этого. Битва за Сталинград должна идти от Ледовитого океана до Каспия. Битва суровая и беспощадная, не на жизнь, а на смерть.

[?]/IX

Сталинград стоит. Часто думается: уж если немцы ворвались в город, то его не удержать, а с другой стороны, стоит же Воронеж, держался же почти 2 года Мадрид.

30/IX

Серия международных обзоров, обзоров положения на Тихом океане, в Африке, цель одна: доказать, что сейчас наиболее благоприятный момент для открытия II фронта. Мы тащим, требуем, а они говорят о чем угодно, только не о втором фронте, а что делают, так и вообще не поймешь. Будет ли этому когда конец?

1/X

А Индия кипит совершенно очевидно, что тут торговля, кнут, полумеры могут толкнуть Индию в объятия Японии.

Тихонов — Статья о защите городов. Много интересного и правильного о защите городов, стойкости и упорстве. Вскользь мысли о сданных городах и причинах их сдачи. Ясно одно: если бы была проявлена такая стойкость, как при обороне Ленинграда, Севастополя, Сталинграда, Колпина, Сестрорецка, Во-

[1] Виши (Vichy), резиденция коллаборационистского правительства во главе с маршалом Петеном (это правительство получило название «режим Виши»).

ронежа, то фашисты не были бы на Волге. Вывод один: «Ни шагу назад!»

Сталинград стоит. Ряд статей сравнивает Сталинград и Верден. Условия другие, время не то, оружие новое. Москва не Марна, Сталинград не Верден. Это ясно. Исторические аналогии — опасная вещь и не всегда удачная. Но превратить Сталинград в Красный Верден второй раз — вот наша задача. Пусть мало общего, пусть это Символ Неприступности. Мы понимаем, о чем идет речь. Обстановка небывало тяжелая. Тем больше ответственность, тем важнее выполнить эту задачу.

5/X 42 г.

В Сталинграде бои за поселок С.Т.З. Положение все осложняется, за последний день не отошли ни на шаг.

8/X

Сдали заводской поселок. Еще труднее стало. И все же нужно отстоять Сталинград во что бы это ни стало.

18/X

Сталинград держится. Идет борьба за заводской район.

25/X

В Сталинграде тяжело, но он стоит. Сквозь огонь и пули идет слава, сила, мужество защитников. Сейчас там очень трудно. Немцы снова двигаются. Правда, очень и очень медленно. Резко ухудшилось положение на Кавказе. Видно, снова прорыв. Как все это плохо и не скажешь. Неужели не будет им повторения декабря 41 года? Неужели только они могут повторить 41 год.

С нетерпением жду 6-го ноября. Ведь в этот день должен выступать Сталин. В прошлом году его речь была светом среди бесконечной тьмы.

31/X

7-го ноября объявлено выходным днем. Значит, шансы на доклад Сталина увеличиваются. Как я его жду.

Опять пугает Нальчик, а что если это второй Ростов?

2/XI

Положение на фронте несколько улучшилось. Вопрос только в том, что это бессилье или подготовка к новому удару.

Положение в районе Нальчика резко ухудшилось.

11/XI

Снова наступление на Сталинград. Затишье то было перед новой бурей.

14/XI

Тяжелое положение в Сталинграде. Удары по заводскому району все сильнее. Вдобавок ко всему ледоход на Волге.

20/IX

Сообщение об ударе по немцам под Орджоникидзе[1]. Радостная вещь, только этого мало, верю, что будет им еще вторая Москва. Меньшее положения не изменит.

Наступление под Сталинградом. Колоссальные оценки количества убитых. Трофеи без конца и 40 тысяч (сорок тысяч). Ведь этого не было под Москвой. Сердце поет само. Руки тянутся к работе. Вот и преддверие праздника. Нет, это еще не праздник, до него еще далеко. Но вот он там, за горами горя, мы видим его сквозь дым и мглу, чувствуем его приближение. Я боюсь только, чтобы не получилось того, что вышло с наступлением на нашем фронте. Кроме того, очень важно сразу ликвидировать опорные пункты врага. Второй Ржев нам абсолютно не нужен. Но как бы там ни было, наступление есть наступление, а удар есть удар. Честь и слава защитникам Сталинграда. Без их беспредельного героизма это наступление было бы немыслимо. Так же, как без подвига панфиловцев и тысяч безымянных героев, немыслим был бы разгром немцев под Москвой.

25/XI

Последний рассказ Тихонова о смерти рабочего-ленинградца на посту приоткрывает завесу над героическими буднями города-героя. Мы можем только догадываться о том, что вынес и выносит сейчас этот город. Честь и слава защитникам и работникам города. Вот уже год отбиваются от врага.

Во всех газетах статья о «Фронте» Корнейчука. Руководящая статья, подчеркивается значительность и своевременность темы. С этим я безоговорочно согласен, но с художественной стороны считал и считаю ее низкой. Важная идея в наивной и дешевой форме.

---

[1] Орджоникидзе — название города Владикавказа в периоды 1931—1944 и 1954—1990 гг.

«Киров с нами» — великолепнейшая вещь, простая, суровая, мужественная. Нет ходульных, трескучих фраз. Сильная, глубокая вещь. «Воздушный корабль» Лермонтова приходит на ум, но там полководец одинок, бессилен, покинут всеми, а здесь убитый вождь живет, бьется и ведет ленинградцев на бой. Суровый, решительный бой.

29/XI

«Радуга» В. Василевской совершенно исключительная вещь, она смело может быть поставлена в ряд с «Тихим Доном», «Как закалялась сталь» и другими классическими вещами советской литературы. Как-то было больно, что твои любимые писатели выцвели во время войны. В памяти вставали прекрасные, страстные статьи В. Василевской, и все думалось, почему она молчит. Почему так редки ее вещи? И вдруг «Радуга». Сегодня Поспелов[1] и Ильичев[2] посвятили «Радуге» целую страницу в «Правде». Оценка исключительно высокая. Подчеркивается страстность и взволнованность вещи. «Радуга» написана «кровью сердца». Простые советские люди, живущие и борющиеся на территории, оккупированной немцами, люди, которых война подняла на высоту большого мужества и героизма, сделала настоящими патриотами.

Трагедия Олены Костюк, прототипом которой послужила Дрейман. Голая, изнемогающая от боли, за несколько часов до родов она, под смех и улюлюканье палачей, окровавленными ногами бежит по снегу. На ее глазах убивают ребенка, она гибнет сама. Но ни слова. И не о себе думает в последнюю минуту, а об убитом сыне. — «Не могла я поступить иначе», — разговаривает она с ним. Полный и сильный образ. Малючиха [?]. Сына ее убивают, когда он пытается передать хлеб Олене. Берут заложников. Похороны сына под полом. Мучительные думы о том, не пойти ли и сказать немцам, чей сын убит, и тем спасти заложников. Великолепный ответ Грохачихе [?], муж которой ждет смерти в застенке. Потрясающей силы сцены

---

[1] Поспелов Петр Николаевич (1898—1979), советский партийный и научный деятель, академик. Главный редактор газеты «Правда», директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

[2] Ильичев Леонид Федорович (1906—1990), советский государственный и партийный деятель, академик АН СССР с 1962 г., секретарь ЦК КПСС в 1961—1965 гг.

прохождения пленных красноармейцев через деревню, пролета над деревней первого советского самолета. Исключительной силы достигает В. Василевская, передавая мучительные думы опозоренной немцами красавицы Малаши. Правилен, не шаблонен героический конец Малаши.

На какую бы тему она ни писала, пишет страстно и взволнованно, все слова идут из самого сердца. Глубокий патриотизм, любовь к Родине, к народу, жгучая ненависть к угнетателям народа питают ее творчество. Повесть «Радуга» — образец социалистического реализма. В ней заключена большая художественная правда. Правда о простых советских людях, их благородной и большой душе. Правда о враге — злобном, кровожадном, лютом. Правда о грядущей нашей победе над немецкими оккупантами.

Поспелов и Ильичев

Высокая, справедливая оценка, данная «Правдой».

Я вижу и слышу на каждом шагу, что такое война, и все-таки я верю в нашу встречу, мой дорогой. Ради этого, ради нашей победы, ради счастья нашей страны я готова вынести все тяжести.

Из письма Иры

Получил письмо от мамы, ЧТО СОБИРАЕТСЯ ПРИЕХАТЬ ИРА. Фраза эта перевернула меня. Не знаю, что думать, что предполагать. Надеяться, мечтать, или это, как и тот раз, только несбыточная мечта. Боюсь и подумать о том, что это возможно. Слишком верилось прошлый раз и слишком горьким было разочарование. А вдруг...

А тут, как назло, ни одной строчки от Иры.

28/IX 42 г.

Ответ на 34 письмо. Хорошее, дорогое письмо. От Иры, конечно, только такой ответ мог прийти. Как все далеко, как давно все это было, что временами даже не верится в реальность прошлого, в возможность возвращения. Это так же трудно, как дважды увидеть один и тот же сон. Далекий и прекрасный сон. Тетя Маня что-то напутала, в письме Иры ни слова об этом нет. Милая моя, хорошая, увидимся ли мы когда в своей родной, свободной и снова счастливой стране?

Сегодня моей дорогой Леночке 5 лет. Как незаметно прошли эти пять лет. Девочке пять лет, из них я не видел ее почти полтора года. Проклятая война, затеянная этим убийцей Гитлером,

сколько ты унесла жертв, разбила семей. Моя дорогая девочка, всей душой, всем сердцем я с тобой, любимая. Я помню твое зарождение, беготню и неудавшиеся хлопоты, рождение, первые шаги, твое милое пухлое личико и ручки. Помню, как ты приносила мне газету, папиросу, как я после получки угощал вас с Маей чем-нибудь вкусным. Помню радость твою и слезы. Помню тебя в последнюю встречу нашу. Все в прошлом. Жизнь кончена! Да здравствует жизнь! «Не я увижу твой могучий рост» — это больно, но знаю, верю, что он будет на освобожденной Земле.

Почему вот уже месяц ничего нет от мамы? Что это может значить? Нужно написать ей отдельное письмо.

6/X

Наконец получил письмо от мамы: очень уж долго оно шло. Тяжелое у нее настроение, а как его поднять?

За эти 3 дня в госпитале многое, многое передумал. Плохо, так можно потерять последние надежды.

14/X

Только работа адовая может отвлечь, и не так больно ранит отсутствие писем. После наладившейся было связи это особенно тяжело. Я знаю, что письма написаны, но если они идут так долго и, пожалуй, не дойдут совсем, то это так неприятно, что и не скажешь. В редкие свободные минуты мысли о них не выходят из головы.

30/X 42 г.

Дни идут, а писем все нет и нет, что же это такое?

2/XI

Мама прислала 2 письма, а от Иры все нет ничего.

Мама — чудачка, обиделась за «ворчливость», ведь я об этом писал совсем в другом смысле, с целью показать свою гордость ей, а она этого не поняла. Почему молчит Ира.

8/XI

Я всегда верил и верю ей безгранично, но как мне будет больно, если это произойдет... Сама мысль об этом страшна.

Письмо от Иры — тяжелое письмо, с большой тревогой и болью я читал его. Ответ мой большой и резкий. Отправил, а теперь мучаюсь, ведь вдруг оно обидит Иру. Это совсем не нужно мне. Нервы взвинчены, разлука долга и тяжела, и поэтому даже

мелочи кажутся такими страшными. Ночь любовался Леной. Прекрасно нарисовал ее Печуров[1]. Сегодня или завтра пошлю. Как хочется увидеть их хотя бы на новой карточке, но и этого нельзя, к сожалению. Когда я их увижу?

11/XI

Чем прекраснее события, тем короче мои записи.

А. Беляков[2]

Всякий союз — это союз лошади и всадника.

Бисмарк

Может быть, маленький красный флажок над взятием сгоревшего дома — это и есть счастье?

К. Симонов

Немец не будет плохо воевать. Он будет хорошо воевать до того часа, когда он перестанет воевать — побежит. До этого немца нужно довести пулями, снарядами, бомбами, минами. Немец еще недостаточно расшатан, нужно его еще больше расшатать. Он кончится сразу — машина останется.

И. Эренбург

Немцы хотят, чтобы Италия превратилась в поле битвы, в предполье борьбы, они хотят, чтобы разрушительные действия войны происходили в течение максимально долгого срока, как можно дальше от немецкой территории...

В интересах как самой Италии, так и союзников, чтобы безусловная капитуляция Италии была бы обеспечена сразу, а не по частям.

Черчилль. 29/III 43 г.

Если единство, взаимное понимание и взаимное доверие необходимы для того, чтобы выиграть войну, то они еще более необходимы, чтобы выиграть мир.

Дэвис[3]

---

[1] Курсант М.Т. Белявского, «сын полка», превосходно рисовал.

[2] Беляков Александр Васильевич (1897—1982), знаменитый штурман, который вместе с В.П. Чкаловым и Г.Ф. Байдуковым совершил беспосадочные перелеты Москва — остров Удд (июнь 1936) и Москва — Северный полюс — Портленд (Ванкувер, США) (июнь 1937).

[3] Дэвис Джозеф Эдвард (Davies) (1876—1958), посол США в СССР в 1936—1938 гг. Организатор и почетный председатель Национального совета американо-советской дружбы.

Гитлер проиграет войну. Мы говорили об этом, потому что верили в великую историю русского народа. Тогда у нас была уверенность, сейчас кризис гитлеровской Германии — факт. ГИТЛЕР ВЫИГРАТЬ ВОЙНУ УЖЕ НЕ МОЖЕТ. Быть может, бури еще не раз заволокут небо над землей, но вехи уже поставлены и путь намечен.

А. Толстой

Близится день нового салюта в честь Красной Армии, во славу всем потрудившимся ради свободы и счастья Родины нашей.

А. Толстой

Я спросил у пленного фельдфебеля: «Почему вы так держитесь за развалины небольшого города?». Он ответил: «Господи, Бог ты мой, это только называется Ржев, а на самом деле это ворота, так дойти можно и до Берлина»... Ворота и на Запад, и на Восток.

И. Эренбург

Это борьба не за развалины Ржева, а за мир.

Пленный немец

Потеря Ржева равносильна потере половины Берлина.

А. Гитлер

Русские вернутся. Русские всегда возвращаются.

Л. Леонов[1]

Очень жить я хочу, долго жить. До тех пор, пока я последнего из них своими глазами мертвого не увижу. Самого последнего и мертвым. Вот здесь, под ногами у меня.

К. Симонов

Мысленно мы видим немца. Все на нем эрзац, и он сам эрзац. Он еще воюет, он будет воевать, но он знает, что нутро у него вискозное, а скоро будет бумажное.

Д. Заславский[2]

---

[1] Леонов Леонид Максимович (1899—1994), советский писатель. Герой Социалистического труда (1967), с 1972 г. — академик АН СССР.

[2] Заславский Давид Иосифович (1880—1965), российский публицист, литературовед, критик и партийный деятель. Входил в состав Еврейского антифашистского комитета.

Кому суждено быть подбитым, тот далеко не упадет.

Д. Заславский

Кажется, война двинулась в путь.

И. Эренбург

Мы убедились, что русские могут наступать и летом.

Пленный

Факты свидетельствуют неумолимо. ВОЙНА ПРОИГРАНА. Ценой неслыханных жертв и лишений Германия может еще на некоторое время оттянуть войну. Продолжение безнадежной войны было бы, однако, равносильно гибели нации. НО ГЕРМАНИЯ НЕ ДОЛЖНА УМЕРЕТЬ. Быть или не быть немецкому отечеству, стоит сейчас вопрос.

Манифест «Свободной Германии». 21/III

Наступление — это огонь, двигающийся вперед, так же, как оборона — огонь останавливающий.

Ф. Эрр[1]

Арест Эррио[2]. Как-то по-новому смотришь на него после книги [?]. Благородный поступок, но зверя этим не убьешь. Нужна борьба.

Огромная речь Черчилля — обстоятельная, но туманная, хорошая, но плохая, речь под искренность. Откровенность. Двойственное впечатление производит речь. Хороша и, пожалуй, правильна та часть речи, где говорится о Египте и вторжении в Северную Африку. Правильно то, что к операциям в Европе необходима тщательная подготовка, иначе «совершив дюжину Дьеппов[3] в день, мы получили бы через неделю пару Дюнкерков». Но не верю я в искренность заявлений о России, о создании II фронта, о количестве немецких сил, оттянутых англичанами. «Проблемы победы более приятны, чем проблемы поражения, но они не менее трудны» (*Черчилль*). Этими проблемами давно пора заняться.

14/XI 42 г.

---

[1] Эрр Фредерик Жорж (1855—1933), французский артиллерийский генерал.

[2] Эррио Эдуар (Herriot) (1872—1957), французский государственный и политический деятель, лидер партии радикалов и радикал-социалистов, писатель, историк, публицист, академик.

[3] В августе 1942 г. Дьепп стал местом высадки морского десанта союзников.

Продвижение в Африке явно замедляется, чего доброго старая история повторится, хотя условия-то сейчас другие.

21/XI 42 г.

Взяты Бенгази и Аджидабия. В ближайшее время должна развернуться битва за Тунис и Бизерту. Исход этой битвы решит, кто является хозяином Африки, а следовательно, и Средиземного моря. Битва должна быть жестокой. Гитлер и Муссолини, конечно, понимают ее значение, и ясно, что они бросят туда значительные подкрепления. У Эль-Аламейна тоже остановка. Все больше не нравится сделка с Дарланом и всей этой сволочью из Виши.

Правильно сказал Стокс: Имеет ли смысл приносить в борьбе такие жертвы для того, чтобы весь мир был полон дарланами? Ведь этот вопрос задают чехи, и норвежцы, и поляки, не говоря уже о французах.

27/XI

Прошло 2 месяца, и вот снова. Не могу. Нет, не выйдет из меня военного человека. Истории последних дней решительно выбили меня из колеи. Черт его знает, что делать, стать другим я не могу, не умею, да и, пожалуй, не очень хочу. Не быть же мне в самом деле У-м или С-м. Это было бы слишком просто, но одновременно для меня слишком трудно. Плохо. Самочувствие отвратительное, возвращаются худшие московские времена. «Унывать нельзя в такую пору, вешать голову нельзя вдвойне». Все это я знаю прекрасно, и тем не менее... А в общем, скверно. Одно хорошо: С-в, это не М-й, хоть в этом облегчение.

28/XI 42 г.

Последнее событие во взводе оставило крайне неприятное чувство. А ведь вообще-то говоря, скорбеть тут не из-за чего, но так уж ведь устроена человеческая натура. Самолюбие остается самолюбием.

21/XI 43 г.

До чего мне надоело здесь, и сказать просто невозможно. Чувствую, что выработался, выдохся окончательно. Подвернется что-нибудь новое, и окунешься в это с головой, а дальше все день за днем одно и то же. И хотя бы курсанты новые, а то ведь все те же. И никаких данных, что что-нибудь изменится. Больше того, то я хоть на топографии отдыхал, а теперь при-

дется зарядить как проклятому. Вот. И получается «Перпетуум мобиле», а пора бы ему уж остановиться. Трение, пожалуй, вполне достаточное, и вдобавок, что бы я делал без Виктора...

13/VI

В землянке

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко, далеко.
Между нами леса и снега.
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти четыре шага.

Но суровое время пройдет.
Снова встречусь, родная, с тобой.
И мы снова, как прежде, вдвоем
Песню счастья с тобою споем.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Нам ушедшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви[1].

43 письмо Иры. Бессонная ночь, гора некуренного табаку и отчаяние, вот что получилось в ответ. Просидел полночи над ответным письмом и сегодня утром отправил. Но чувствую, что это не то — нет убедительности. Что происходит с ней на самом деле? Вот в чем вопрос. Как снова привести ее в равновесие, хотя бы относительное. Как удержать от того шага, который она собирается сделать? У меня такое чувство, что какой из 2-х путей я ни выберу, я все равно ее потеряю. Так где же больше шансов ее сохранить — там или на фронте. Мне кажется, что во втором случае я не сохраню ее ни физически, ни морально. Как же ее удержать.

Очень тяжело. Если я ее потеряю, то это будет самая большая катастрофа в моей жизни. Где же узел, как нащупать правильный путь?

14/XI 42 г.

---

[1] Стихотворение А.А. Суркова «В землянке». Отличается от современной редакции.

Первый раз за все время не выдержал и дал прочесть Ирино письмо другому. Долго толковал с Карлеоном. Вывод его абсолютно такой же, только еще более решительный: ни в коем случае! Это не романтика и не подвиг, а грязная и тяжелая работа, убивающая не только физически, но и морально.

15/XI

Умер Поляков[1]. Его «В тылу врага» было откровением для нас и я как сейчас помню рязанские чтения и нетерпеливые ожидания № «Красной Звезды», в которой печаталось «В тылу врага».

Умер М.В. Нестеров — последний представитель славной плеяды великих русских художников.

Марина Раскова[2]... Этим сказано все. Многое связано с этим именем. Тревога, поиски, триумфальное возвращение, Раскова в школе — чудесная встреча. «Записки штурмана». И вот сейчас ее нет...

10/I

Вот вслед за Расковой Кравченко. Долгое время ничего о нем не было слышно, и вдруг такое известие.

Здесь вспоминается еще больше об этом чудесном парне генерале Кравченко.

Умер Немирович-Данченко[3]... И с его смертью ушла в могилу целая эпоха не только русского, а и мирового театра. Как-то дико, когда умирают такие большие люди, как Ленин, Горький, настолько к ним привык, что, кажется, они всегда были и всегда будут жить. А с другой стороны, у таких великих людей особенно сильно чувствуешь и видишь, как в их деле он [театр] продолжает жить и после смерти. Так и с Немировичем. Разве смерть его и Станиславского заставит умереть МХАТ и все, что

---

[1] Поляков Александр Филатович (1908—1942), журналист, писатель, корреспондент газеты «Красная Звезда». Участник Великой Отечественной войны.

[2] Раскова Марина Михайловна (1912—1943), советская летчица-штурман, майор; одна из первых женщин, удостоенная звания Герой Советского Союза. Погибла в авиакатастрофе близ Саратова в сложных метеоусловиях при перелете на фронт после переформирования.

[3] Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943), драматург и театральный режиссер, один из основателей Московского художественного театра.

Рис. 3. Портрет М.Т. Белявского, выполненный сыном полка Печуровым. 1942 г.

они сделали. Нет, конечно, нет. Созданное детище их будет жить вечным памятником своим создателям.

Умер М. М. Климов[1]. Любимов-Ланской[2] и Телешева[3].

Успех велик, успех несомненен, но все живут одной мыслью — враг окружен, ему нельзя дать уйти, его нужно уничтожить, не должно быть ни тени легкомыслия, преждевременного успокоения. Мы верим, что Сталинградское наступление будет достойно великой Сталинградской обороны.

Гроссман. 1/XII

В «Красной Звезде» напечатана карта Сталинградского р-на. Положение гораздо лучше, чем думал. Крепко получается. Нужно только довести операцию до конца.

2/XII

Африка — это не место для остановки. Африка — это не прочная позиция, а трамплин.

Черчилль. 1/XII

Все-таки с наступлением получается, кажется, то, чего я и боялся. Обидно, если это так. Не довести до конца такую опера-

---

[1] Климов Михаил Михайлович (1880—1942), советский актер театра и кино, народный артист СССР (1937).

[2] Любимов-Ланской Евсей Осипович (Гелибтер) (1883—1943), российский и советский актер, театральный режиссер, народный артист РСФСР (1933).

[3] Телешева Елизавета Сергеевна (1892—1943), русская актриса, режиссер, педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1933).

цию, так подготовленную, разработанную и так начатую — это уже совсем плохо. Чего мне хотелось от этого наступления — окружение и уничтожение Сталинградской группировки и взятие Ржева. Это не мало, но и не так много, если вспомнишь, сколько нам нужно освобождать.

9/XII 42 г.

В Африке американцы впервые отступили в борьбе за Тунис. А ведь исключительно важно выйти на побережье и разрезать Тунис и Бизерту. Зря они тянут. Ведь чем дольше тянуть, тем сильнее укрепляются немцы и тем труднее будет их оттуда выбить. Снова фактор времени многое решает, и снова он играет на руку не нам.

10/XII

Новое поражение Роммеля — Эль-Аламейн оставлен, часть немецкой армии окружена. Борьба за Тунис вовсю. Крепко бьют Италию с воздуха. Визг и вопли Муссолини говорят очень о многом.

20/XII

Мы видим улицы, где мы ходили,
И школы — в детстве мы учились в них,
Мы видим женщин, тех, что мы любили,
Мы видим матерей своих седых.

Опять всю ночь над нами крутит вьюга,
И в скалах эхо выстрелов гремит.
Но день придет: от севера до юга
Крылатая победа пролетит.

Мы верим, что среди друзей московских
Еще пройдем по площадям твоим,
В молчании еще у стен кремлевских
Мы, слушая куранты, постоим.

В твоих стенах еще, сойдясь с друзьями,
Победный тост поднимем над столом.
И павших, тех, что нет уж между нами,
Мы благодарным словом помянем.

Мы верим в это! Мы сидим в землянке,
Снег заметает мерзлую траву.
Нам не до сна. Свеча горит в жестянке.
Мы слушаем по радио Москву.

К. Симонов

Дом всех родней. Стучит береза в раму,
Столетнее скрипучее крыльцо.
Издалека идешь. Сейчас ты крикнешь:
— Мама! —

И расцелуешь милое лицо.
Ты дома, дома. Ты страдал и выжил.
И трудный путь уже не трудный путь,
И все в цвету, и сердце к сердцу ближе.
Нельзя.
И так уже не вздохнуть!

А. Прокофьев

Штыком, железными кулаками учит крестьян немецкий солдат тому, что такое этот солдат. Он не знает, не подозревает даже, что учит людей еще одному — чем была Советская власть, что в любом селе, где хоть на один день потоками слез и кровь положило свой след немецкое хозяйничанье, навсегда, навеки из поколения в поколение не будет недовольных, ленивых, равнодушных к советской власти людей.

Ванда Василевская

Как странно, что именно сейчас, когда, наконец, произошло то, чего я так мучительно ждал, когда, наконец, настала вторая «Москва», я фактически перестал записывать. А события замечательные. Сталинградское сообщение говорит о крупнейшей стратегической, а не тактической победе Армии, Страны, Сталина. Удар исключительной силы, правда, на Украине и под Миллеровым остановка, но на Дону и в Калмыкии дела развиваются блестяще. Сталинградцы спасли Россию, это можно сказать с полной ответственностью. Наконец-то крупная победа и на нашем фронте. Великие Луки. Хорошо, что действует и Кавказ. Правда, ожидать там наступления сталинградскими темпами нельзя, но это лучше, чем ничего. Хорошо бы за зиму сыграть вничью — это будет крупным поражением Гитлера. Теперь все дело в том, чтобы ликвидировать Сталинградскую группировку. Повторение Старой Руссы никого не устраивает. Только надеяться на быстрое ее уничтожение, конечно, нельзя. Да, сквозь горы горя, кровь и дым мы видим тот большой праздник, что будет и на нашей улице.

2/I 43 г.

В Москве пущена III очередь метро[1]. Простое, небольшое событие. Ярче, чем сотни речей и деклараций, оно подчеркивает нашу уверенность в том, что Москва, наша любимая Москва, была, есть и будет Советской. Когда-нибудь после победы, мчась к заводу Сталина, гуляя по подземному дворцу, мы с волнением и уважением будем думать: это сделано в дни войны.

4/I 43 г.

Одна из причин конечного поражения немцев в 1918 году заключалась в бессмысленном перерасходовании ими своих отборных дивизий под Верденом. Людендорфу[2] так и не удалось перевязать эту кровоточившую рану немецкой армии. Еще до последнего наступления Красной Армии немцы, объясняя причины своих тяжелых неудач под Сталинградом, назвали этот волжский город Красным Верденом. Но, как известно, Верден — первоклассная крепость, а Сталинград ею никогда не был. Обыкновенный город был превращен в неприступную твердыню великим геройством его защитников. В этом смысле оборона Сталинграда является венцом советской тактики защиты городов. Пусть этот прекрасный город, столица южного Поволжья, славившийся своими великолепными зданиями и заводами, отличными парками, превращен в груду развалин, — прежнего Сталинграда нет, но жив и вечно будет жить непокоренный Сталинград, оставшийся в истории нашего отечества синонимом стойкости, доблести и отваги.

«*Красная Звезда*». 26/XI

Исход битвы за Сталинград — это ключ всей кампании 1942 года. Удастся немцам ограничиться только потерями, пусть огромными, или Красная Армия окружит и уничтожит Сталинградскую группировку — в этом все дело.

27/XI

Статья Гроссмана о людях, защищавших Сталинград. Это что-то сверхчеловеческое. Советское, Сталинское! Да, только такие люди могли выстоять и выстояли в этом аду. Пройдут годы и века, и легендой встанет перед потомками Сталинград

---

[1] Открыта станция «Завод имени Сталина» («Автозаводская»).

[2] Людендорф Эрих (Luedendorff) (1865—1935), немецкий генерал-полковник. Автор концепции «тотальной войны». Участвовал в гитлеровском «Пивном путче».

и его люди. Люди, которые займут свое место среди бессмертных защитников Трои и Карфагена.

28/XI

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Ф. Тютчев

Уходит Карлеон. Единственный человек в батальоне, с которым можно поговорить по душам, чувствовать себя человеком. Для меня это большая потеря. Опять я остаюсь совершенно один. Заприев, Корытин, теперь Карлеон.

21/XI

От незнания к знанию один шаг, а от знания к умению целая верста.

В большой России, в маленьком селеньи
За сотни верст от фронта в отдаленьи,
Но ближе многих, может быть, к войне
Седая мать по-своему воюет
И по ночам о сыновьях тоскует,
И молится о них наедине.

Сергей Михалков

Мы любим говорить о счастьи будущих поколений, о счастьи наших детей, о нашем общем счастьи, когда через 15 лет мы построим коммунистическое государство, где всего будет вдоволь для всех, но мы редко говорили о нашем сегодняшнем счастьи и никогда не думали о нем. Человеку свойственно сетовать на свои даже самые маленькие несчастья и в то же время не замечать, когда он счастлив.

Евгений Петров

Я об этом так и не записал, но Виктор снова здесь, настолько это хорошо здесь, даже и не скажешь. Что бы я делал без него, не представляю.

Разве здесь мы не бываем счастливы? Разве мы здесь не любим, не страдаем, не радуемся? В миллионы раз сильнее, чем раньше. Все тут как бы в сгустке очень концентрированно: ра-

дость — так радость до слез, горе — так горе до смерти, любовь — так любовь без края, дружба — так дружба навек. Тут все быстро и ясно.

Может быть, раньше человек целую жизнь что-нибудь там бы делал в каком-нибудь учреждении, и только лет через двадцать оказалось бы, что он плохой человек, или наоборот, жил бы он и жил, никто его и не замечал, а там смотришь к концу жизни: вроде ничего себе человечишко, был недурен. А тут выводят тебя на такое место, что все сразу вывернется.

Каждый человек зачем-нибудь на свет родится: один для того, чтобы всю жизнь какое-нибудь полезное дело делать: хотя бы марки на конверты клеить, другой затем только, чтобы один раз стать во весь рост и крикнуть: «Вперед!» Это ничего не значит, что он мало прожил. Важно, что он сделал, что в общую человеческую книгу ляжет хотя бы запятой, точкой или одной буквочкой... И я поставил свою запятую.

А. Каплер[1]

Трус не любит свою жизнь, он не борется за нее, он просто боится ее потерять.

Леонид Соболев

Внешне грубоватый и насмешливый характер русского человека — только оболочка, защитная, застенчивая оболочка нежности, доверчивости, любви необыкновенной.

В. Кожевников[2]

Ненависть — не слово,
Это — сила,
Бьющий безошибочно огонь.

М. Алигер

Алексей Максимович Горький сказал однажды: «Превосходная должность на земле — быть человеком!» И, вспомнив его слова, юный летчик-истребитель Герой Советского Союза Виктор Талалихин воскликнул страстно с трибуны антифашистского митинга молодежи:

---

[1] Каплер Алексей Яковлевич (1903—1979), советский кинорежиссер, сценарист, актер, телеведущий программы «Кинопанорама».

[2] Кожевников Вадим Михайлович (1909—1984), русский советский писатель. В годы Великой Отечественной войны был военным корреспондентом газеты «Правда».

— Превосходная должность на земле — быть молодым советским человеком, и, смело глядя в лицо смерти, уничтожать гитлеровских двуногих зверей, которые мешают жить честным людям...

Повторите сегодня эти слова, юноши и девушки Советского Союза, и улыбнитесь так же гордо и ясно, как улыбнулся юный летчик, всей своей боевой биографией доказавший беззаветную преданность родине. Улыбнитесь, молодые друзья, хотя время, переживаемое нашим народом, — время суровое, тяжелое. Отложены в сторону утехи и радости. Молодость нахмурила брови. Молодость день и ночь дерется с ненавистным врагом родины, с подлым врагом всего человечества — с немцами, с разбойниками, вползшими в цветущий, радостный сад.

И как дерется! Не на жизнь, а на смерть. Нет, именно на жизнь, ради жизни, ради счастья[1]. Наша молодежь хочет жить, она любит жизнь. Она хочет строить, творить, дерзать, радоваться. И поэтому она стоит насмерть, защищая до последней возможности, до последнего своего дыхания свои права, свое будущее.

Чудесно и неожиданно идет наступление на С. Кавказе. Я считал, что там наступление пойдет такими темпами, как в заводском р-не Сталинграда, и вдруг ошибка. Какая приятная ошибка. Чаще бы мне так ошибаться. Моздок, Нальчик, Прохладный — прекрасно. Район Пятигорска, если так пойдет дело, долго не устоит. А что будет, если наши выйдут к Ростову, а дело идет к этому.

10/I 43 г.

Полностью освобожден весь Минераловодский р-н, правда, дальше — стоп, но и это неожиданно и велико.

14/I 43 г.

Наступление на Кавказе идет прекрасно. Невинномысск, Буденновск, Петровская, Черкесск, Ставрополь — Восточный Кавказ весь в наших руках. Чувствую, будет им здесь хана. Наступление на Воронежском фронте прекрасное, — одни Валуйки чего стоят. Но как бы то ни было, как ни богат 1943 год событиями, все же крупнейшее событие нового года — это прорыв блокады Ленинграда. Значение этого события трудно переоценить. Герои Ленинграда достойны высших наград. Они стоят

[1] Выделенные фрагменты из газетной вырезки подчеркнуты красным карандашом.

рядом со сталинградцами, и верится, что их наступление будет достойно обороны.

22/I 43 г.

Освобождение Кавказа подходит к концу. — Майкоп, Тихорецк, Армавир, Кущевская, Ейск и, наконец, Батайск. Что же осталось у них в руках? Новороссийск и Краснодар. Снова котел, и снова им будет «хана». Безусловно, хотя сопротивление их и возрастает.

10/II 43 г.

Полная ликвидация Сталинградской группировки. Ну, что кроме Канн поставить рядом. Седан[1] и Ульм[2], все это отходит на задний план. Нужно отойти на расстояние, по меньшей мере, нескольких лет, чтобы полностью понять все значение битвы за Сталинград. Сейчас, в дни побед, я часто думаю о тех Людях, что выстояли, отстояли Сталинград, отстояли Россию. Сталинград останется в веках, и люди его, овеянные славой, станут синонимом чуда богатырской стойкости, выносливости, мужества. Фамилии Жуков[3], Рокоссовский, Воронов[4], Чуйков[5], Гуртьев[6], Родимцев[7] священны для каждого русского.

7/II

---

[1] Седан (Sedan), город в северо-восточной Франции, арена двух известных сражений. 2 сентября 1870 г. во время Франко-прусской войны под Седаном произошло сражение, где попал в плен император Наполеон III. Через 70 лет, в 1940 г., Седан стал вновь местом успеха немецкого оружия: во время Второй мировой войны гитлеровцы прорвали под Седаном французский фронт, обошли линию Мажино и устремились к Парижу.

[2] Ульм (Ulm), место сражения, состоявшегося 16—19 октября 1805 г. между французскими войсками под командованием Наполеона Бонапарта и австрийской армией под руководством генерала Карла Макка, результатом которого была капитуляция австрийской армии.

[3] Жуков Георгий Константинович (1896—1974), советский военачальник, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза.

[4] Воронов Николай Николаевич (1899—1968), советский военачальник, Главный маршал артиллерии (1944). Возглавлял артиллерию Красной Армии в период Великой Отечественной войны.

[5] Чуйков Василий Иванович (1900—1982), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1955), во время Великой Отечественной войны — командующий 62-й армии, особо отличившейся в Сталинградской битве.

[6] Гуртьев Леонтий Николаевич (1891—1943), советский военачальник, генерал-майор, Герой Советского Союза. Погиб под Орлом.

[7] Родимцев Александр Ильич (1905—1977), советский военачальник, генерал-полковник, дважды Герой Советского Союза.

Курск, Белгород, Краматорск! Действительность перескочила через все наши мечты. Это уже явно больше, чем ничья. То, что осталось у немцев от лета, едва ли долго удержится, а ведь мы принялись за то, что у нас забрано еще в 1941 году. Неужели это всерьез начало конца? Весь вопрос в том, где они сумеют остановиться.

10/II

Это писалось всего неделю назад, а сейчас Ростов, Ворошиловград, Харьков! Черт знает что, просто голова кружится. Теперь можно поверить, что всерьез занимается заря и вместо узенькой беленькой полоски алеет весь край неба. Скоро рассвет, а там и день, день!

17/II

Эти «туареги» снова отступают в Тунисе. Ну что за мать твою так!.. Ведь это нужно уметь. Так второго фронта никогда не дождешься. Если их начинает опять лупить Роммель, то где же они рискнут сунуться в Европу? Снова оттяжка, который раз!

21/II

В прошлом году зима, а сейчас, кажется, весна сорвет наше наступление. После Сум точка. В Донбассе почти месяц стоим, немцы цепляются за Тамань, как бешеные, но оттуда-то их должны выпереть.

24/II 43 г.

Взят Ржев. Больше об этом и писать ничего не нужно, достаточно двух слов: взят Ржев. Сколько раз этого ждали, как этого хотели, сколько пролили крови, и вот наконец РЖЕВ ВЗЯТ!

4/II 43 г.[1]

Сычевка и Гжатск взяты нашими. Калининский клин начинают расширять в обе стороны — и к Руссе, и к Вязьме. Это очень хорошо. Хотя я и не жду больших успехов на этом фронте.

9/III

10/III — черный день войны. Впервые после ноября мы услышали эти ненавистные слова. Ясно, что рано или поздно это должно было случиться. Ясно, что война дальше — это не сплошная цепь побед. Все это прекрасно известно, и все-таки как тяжело и досадно. Весь вопрос теперь в том, где мы это

[1] Перепутана дата. Дело произошло в марте.

снова остановим. Весь вопрос теперь в том, что несет с собой весна и лето. Сегодняшний день снова отодвинул конец войны на много-много месяцев. Да. Тяжело такое горькое похмелье, после такого веселого пира...

10/III

Сданы Харьков и Белгород. Как это тяжело и обидно. Нас здесь ждали полтора года, а мы снова ушли. Жизнь, начавшая восстанавливаться снова, уступила место смерти. Конечно, это совсем не лето 42, но кто знает, что принесет с собой лето 43 г. А на Западном фронте Вязьма, Издешково, Белый. Хотя это и не Харьков, но все же говорит о многом. Скверно, что Северо-Западный фронт больше Демянска ничего не сделал.

Сколько больших событий произошло за это время. Наступление в Тунисе и явно приближающаяся, после взятия Габеса, Сиракса [?], Суся, Матера [?] развязка, разрыв с Польшей Сикорского, бомбардировки Германии, невиданные даже в нынешней войне бомбардировки и воздушные бои на Кубани, и, наконец, взятие Крымской.

Гнусна вся эта польская история, а главное кто и с какими целями стоит за всей этой историей. Крепко начали долбить Германию с воздуха, но этого мало. Эренбург на днях писал: «Немцы узнали, что война летает, скоро они узнают, что она плавает и ходит». Вот это бы произошло скорей.

А силой все-таки силен враг, и готовится он к лету крепко. Кто будет наносить удар? Если прошлое лето началось Керчью, то нынешнее начинается Крымской. Неплохо, но это только блеск далекой молнии приближающейся бури страшной силы.

7/V

Тунис и Бизерта взяты союзниками. Только теперь, когда подошла к концу африканская история, видишь в полном объеме ее значение. И у меня это как раз совпало с «Победой в пустыне». Нужный фильм по содержанию, блестящий по технике. Что ж поделаешь, если наши [...] этого не понимают. Победа исключительно велика, ведь это конец 4-хлетней войне в Африке, а ведь цели ее у Гитлера были очень большие, переход инициативы в руки Англии и Америки, твердый и решительный, но это не все. «Для нас победы в Африке — большой и хороший день. Он хорош тем, что он принесет. За тридцать шесть часов война сразу подошла к дверям Европы» (*И. Эренбург*).

После месячного перерыва со дня взятия Туниса и Бизерты хоть маленькое наступление: взята Пантеллерия: с двух сторон можно оценивать это событие. Если это камень посреди воды, пользуясь которым, легче прыгнуть в Сицилию — прекрасно. Если второй Дьепп, то несмотря на его значение, ну его к черту. Год назад я написал, да здравствует второй фронт. Но его все нет, и неизвестно, когда он будет. А нужен он ой как крепко. Ожидание бури, о которой так хорошо написал Эренбург, становится все томительнее и напряженнее. До сих пор лето приносило нам несчастье. 41 год. 42 год, и только зима приносила реванш. Неужели не возьмемся как следует летом 43. Если бы лето 43 продолжило зиму 43 года, как было бы хорошо. И все-таки, что бы ни было, а все же планы Гитлера, его стратегия явно терпит крах. Утрата инициативы, я говорю не об отдельном участке фронта, а в масштабе всей войны, вырисовывается все яснее. Если наш удар полностью сольется с ударом с Запада, вот тогда будет большой настоящий успех, который решит исход битвы. Все труднее становится ждать, все тяжелее людям жить, но они готовы на все ради победы, и невиданный даже у нас успех займа — лучшее тому доказательство. Часто думается, где будет удар, и кажется мне, будущее покажет, верно это или нет. Если они — Орел—Курск—Тула—Москва со вспомогательным направлением на Украину. Если мы — Ленинград—Смоленск—Брянск. Тучи закрыли зарю и нужен ветер, буря, чтобы хлынул дождь, и солнце засияло над омытой и зазеленевшей землей.

13/VI 43 г.

22/XI 42 г. Пусть этот день будет началом новой эры в моей жизни. Сбылось то, о чем я мечтал, к чему стремился, чем жил. Жаль, что я не на фронте, там легче было бы отплатить. Да. Ира оказалась права — «Павел Греков» не остановился для меня 3 действием, 4 пришло и для меня. Высокое доверие — высокая честь. Нужно ее оправдать.

В эти дни с особой теплотой вспоминается мне Тася Тахман. Ее прямоты, честности и веры в меня я никогда не забуду. Спасибо, Тася!

Нельзя ведь никогда забывать и О.Д.Л., он хорошо знал меня, и его рекомендация поэтому особенно дорога для меня.

Вчерашний разговор опять выбил меня из колеи. Черт его

знает. Мне как-нибудь это должно быть безразлично, а выходит неприятно.

27/XI

Ира! Я не могу! Мне нужно тебя. Так можно с ума сойти. Почему ты молчишь? Почему так редки твои письма? Они мне нужны, как воздух, особенно сейчас. Я знаю, что это еще не будет ответ на 2 моих письма, но как я жду этот ответ.

28/XI

Месяц не было писем от Иры, оказывается, 2 пропало, ну а все это время чем я жил? Работой, доводившей до одурения. Да, нелепая, беспочвенная мысль о встрече. Ну, ведь знаю же, что это невозможно, и все-таки думается и думается об этом и днем и ночью. Особенно когда видишь, как уезжают другие. Будь семья в Москве, я бы уже видел их, но кто знает, может быть это и лучше.

13/VI 43 г.

2 года войны — как много и долго и одновременно, как кажется недавно был этот июньский день 41 года. Моря крови, горя, слез, горы трупов, груды развалин, голод, разруха, смерть — вот что принесли нашей стране эти два года, десятки миллионов людей в рабстве. Киев, Минск, Одесса, Смоленск, Харьков, Сталино, Запорожье, и сколько еще городов, в которых хозяйничают немцы, где ушла жизнь и паучья свастика стала хозяйкой. Украина и Белоруссия, Смоленщина и Карелия все еще в цепях. Ленинград все еще в кольце, правда, прорванном в одном месте. Москва — суровая, злая, отбившая врага от своих стен, но все еще не сбросившая военной одежды, и тыл, выбившийся из сил, теряющий силы, но не волю к борьбе, тыл, в котором наша сила и возможность победы.

Год назад я подвел итоги. Территориально изменилось малое, мы потеряли Севастополь, Новороссийск, Керчь, отбили Курск, Луки, Ржев, Вязьму, разорвали в Шлиссельбурге кольцо. Формально ничья. Но ведь было лето 42 года, когда немцы вышли к Волге и Кавказу, когда страна была на волосок от гибели, но была зима и осень, когда очистили Поволжье и Дон, Северный Кавказ и УЧО [?]. Был Сталинград, и была Африка. И это самое важное. Прошел май, на исходе июнь — на фронте тихо. Грозовая туча лета 43 года только висит на горизонте. Она не пройдет мимо — нет. Разразится страшная буря, но когда и где? Душно, нет ветра, не видно солнца, воздух тяжел, пейзаж

страшен. Мы выстояли летом 41 и 42 годов. Что бы ни несло нам лето 43, мы выдержим и его. Правда, усталость чувствуется все сильнее, особенно в тылу. Но все равно, «будет и на нашей улице праздник».

Из «Войны и мира»

Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а держались чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с телом.

Когда человек видит умирающее животное, ужас охватывает его, но когда умирает человек и человек любимый, то кроме ужаса перед уничтожением жизни чувствуется разрыв и духовная рана, которая так же, как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится внешнего раздражающего прикосновения.

Нет на свете положения, в котором человек был бы счастлив и вполне свободен, как нет и положения, в котором он был бы несчастлив и несвободен. Он узнал, что есть граница страданий и граница свободы и что эта граница очень близко.

Пьер почувствовал всю тяжесть физических лишений и напряжений только тогда, когда эти лишения и напряжения кончились.

Мы думаем, что как нас выкинет из привычной дорожки, все пропало: а тут начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много.

Лев Толстой

Хорошо умереть в глубокой старости молодым.

К. Тренёв[1]

Вслед за горем и страданьем
Облегчение придет.

М. Алигер

И тогда не было,
И потом не было!

Леди Гамильтон[2]

---

[1] Тренёв Константин Андреевич (1876 — 1945), российский советский писатель и драматург.

[2] Возможно, цитата из американского кинофильма «Леди Гамильтон» (1941) режиссера А. Корда.

И услыхал весь мир слова
Великие, простые:
— Врага отбросила Москва,
И спасена Россия!
А враг ее и всех людей —
Не перед кем, а перед ней
Подался вспять впервые.

Забыл, как звать: «Моя Москва»,
Забыл, как петь: «Москва моя».
Нет, ты возьми ее сперва,
Москву-то! — Вещь упрямая.
С непобедимой головой
Москва над той рекой-Москвой
Стоит, гудит. Та самая!

А. Твардовский

Я жму ваши крепкие братские руки.
Я верю, что их еще можно пожать.
Я верю, что вновь после долгой разлуки
Увидят нас жёны, и сёстры, и мать.
А ежели что по-иному случится, —
За это вперед поручиться нельзя...
Родные мои, говорить не годится
И думать о том, мои братья-друзья.

Ты слишком большая душа, чтобы быть одной. Мне жалко, если ты будешь одна, и никто не знает, какая ты замечательная.

Вот только не езди со вторым мужем в те места, где мы бывали с тобой. Что мое, то моим и останется. И что твое было со мной, пусть так и сохранится в памяти, и не повторится. Но ты сама поймешь, где не надо бывать, и если на тех местах, где мы встречались, новые цветы выросли, так уж пусть и врастут в мою память.

Живется тебе трудновато, ты меня не обманывай. Мы тут все письмами делимся, как табаком или хлебом, и я знаю — все жены пишут, что живут отлично, вроде как и войны нет. Знаю, что врешь, но спасибо тебе, так и надо. Советская женщина все понимает. Если встречу смерть, обходить стороной не стану, а мой характер ты, кажется, знаешь.

П. Павленко[1]

---

[1] Павленко Петр Андреевич (1899—1951), советский писатель, бригадный комиссар, неоднократный лауреат Сталинской премии.

Если бы каждый боец убил хотя бы по одному немцу, война давно бы кончилась.

Шолохов. «Они сражались за родину»

Воюем-то мы все вместе, а умирать приходится всем врозь, хотя бы и одновременно, а врозь. Бьют нас? Значит, поделом бьют. Воюйте лучше, сукины сыны! Уцепись за каждую кочку на своей земле, учитесь бить врага так, чтобы он заикал смертельной икотой. А если не умеете, — не обижайтесь, что вам морду в кровь бьют и что жители на вас неласково смотрят. Чего ради они будут нас с хлебом-солью встречать. Говори спасибо, что хоть в глаза не плюют и то хорошо. Вот ты объясни мне: почему немец сядет в какой-нибудь деревушке, и деревушка-то с чирей величиной, а выковыриваешь его оттуда с великим трудом, а мы иной раз из города почти без боя, мелкой трусцой уходим. Брать-то их нам придется, или дядя за нас возьмет.

Прорваться он прорвался, но кто его отсюда выводить будет, когда мы соберемся с силами и ударим. Если уж сейчас отступаем и убьем, то при наступлении вдесятеро больнее бить будем! Худо ли, хорошо ли, но мы отступаем, а им и отступать не придется, не на чем будет.

Воюем-то мы вместе, а умирать будем порознь, и смерть у каждого из нас своя особенная, вроде вещевого мешка с инициалами, написанными чернильным карандашом. Свидание со смертью — наука серьезная. Состоится оно или нет, а все равно сердце бьется, как у влюбленного, и даже при свиданиях ты чувствуешь себя так, будто вас только двое на белом свете, ТЫ И ОНА...

Дети, брат, сейчас — главная штука. В них самый корень жизни, я так понимаю, им придется налаживать порушенную жизнь, война-то разгорелась нешуточная...

Они уже увидели, что война летает, скоро они узнают, что она плавает, а затем — что она ходит.

И. Эренбург

Африка закончена. Предстоит Европа.

Из «Зари»:

Мы настолько изменились за 2 суровых года, что нежно, но отрешенно мы смотрим на довоенные дни. Мы стали и проще.

И сложнее. Многое из того, что нам казалось понятным, привычным, конкретным, оставлено, забыть как иллюзии. Многое, что мы считали ирреальным, иллюзорным, облеклось во плоть, позволило нам выстоять, отбить удары врага.

Казалось, что армию, прошедшую от Ла-Манша до Волги, ничто не может остановить. Ее остановили пятьсот метров и совесть России.

Велика ночь, нависшая над Европой, но теперь, после двух лет боев мы видим полосу света. Мы видим зарю победы.

Конечно, и до войны мы любили Россию. Но можно ли познать чувства в полноте обладания? Мы пели песни о широте и величии России. Мы хотели выразить любовь масштабами: от Черного моря до Белого или от Тихого океана до Карпат. Но ведь Россия больше, чем Россия, душа народа больше понятия территории и всех богатств. В годы войны мы поняли, что Россию, которой, кажется, тесно на огромной карте мира, можно уместить в сердце.

Немцы были убеждены, что они изготовляют войну на экспорт. Смерть им представлялась иностранной без права въезда в Рейх. Теперь война подошла к Германии.

И. Эренбург. 21/VI 43 г.

Тунисом наши союзники откликнулись на Сталинград.

«*Правда*»

Они должна быть привратниками, но кто знает, не предпочтут ли они раскрыть настежь двери, нежели прикрывать вход в Германию своими телами?

И. Эренбург

Между нами, русскими, едва ли найдется много людей, которые бы не имели любви к своей нации... Нелепа даже мысль о возможности иноземного ига.

Чернышевский[1]

Народ этот убежден, что дома у себя он непобедим.

Герцен

---

[1] Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889), русский философ-утопист, революционер, редактор, литературный критик, публицист и писатель.

Москва, Москва,
Люблю тебя как сын,
Как русский — сильно, пламенно и нежно!

М. Лермонтов

По сердцу — прост, по чувству — добр,
Ты в счастьи тих, в несчастьи — бодр...

Г. Державин

Как хочется услышать из эфира только 2 слова: «Говорит Москва!» Только это...

А. Поляков

В конце каждой войны — мир.

Н. Кружков[1]

Надо другу ради друга не страшиться испытаний,
Сердцем сердцу откликаться и мостить любовью путь.

Ш. Руставели

Канун блистательных побед
Есть боевой канун наигрознейшей схватки.

Д. Бедный[2]

Богатыри, добьем израненного гада!
За нами Родина стоит.
Победа — доблести награда.

Д. Бедный

Два года войны. Как быстро пролетело время. Как медленно оно прошло, день за днем, нагромождая событие на событие.

Н. Тихонов

Остановиться нельзя, отдыхать некогда.

Н. Тихонов

Как плохо с Горьким.

---

[1] Кружков Ник. — военный корреспондент в годы Великой Отечественной войны.

[2] Бедный Демьян (Е.А. Придворов) (1883—1945), русский советский писатель, поэт, публицист и общественный деятель. По одной из версий, прототип Михаила Берлиоза из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».

Им мало четырехтонных фугасок. Здесь нужен суд. Здесь дело не обойдется без пехоты.

И. Эренбург

Однако дело не в том, чтобы радоваться по поводу событий или оплакивать их, а в том, чтобы правильно понимать их.

Ф. Меринг[1]

Верю в тебя, дорогая подруга моя...

Пройдут годы, дети и внуки будут вспоминать эту небывалую войну и то, что было в наше время. Надо, чтобы они знали, что и в эти годы не умирала любовь и была наградой тому, кто не знал страха смерти, был верен Родине и своей любви.

Л. Никулин[2]

Твой голос всюду слышал я...
Не потому ль и выжил я.
Люби ж меня, та самая,
Мечта моя, краса моя.

Не тревожься, брось тоску, усталость.
Пусть не шепчет о разлуке пуля[3],
Ты со мной совсем не расставалась,
Ты всегда со мной везде была.

И теперь, когда взгруснется малость,
Я шепчу в тревожный час ночной,
Ты со мной совсем не расставалась,
Ты всегда, везде была со мной.

Н. Рыленков[4]

Не знаю, как будет дальше, но сейчас я буквально схожу с ума. Очень давно я так не волновался, как волнуюсь сейчас, а ведь это только начало, что будет в ожидании ответа. Как это неожиданно. Если бы я просил сам, то надежды у меня было бы

---

[1] Меринг Франц (Mehring) (1846—1919), деятель немецкого рабочего движения, философ, историк и литературный критик, марксист.

[2] Никулин Лев Вениаминович (Ольконицкий) (1891—1967), советский писатель. Один из основателей журнала «Иностранная литература».

[3] Неразборчиво в рукописи дневника.

[4] Рыленков Николай Иванович (1909—1969), русский советский поэт.

очень мало, а тут?! Конечно, шансы и сейчас не особенно велики, но все же не то. Неужели сбудется то, о чем я едва смел мечтать. Это будет чудесный сон наяву, до того чудесный, что я сейчас начинаю бредить. Мало подходящий момент в материальном отношении для поездки, но какая это ерунда по сравнению с событием.

Ира, милая, ненаглядная Ира, неужели я увижу тебя, буду сидеть, говорить с тобой, гладить твои волосы, тебя всю, смотреть в твои глаза. Неужели я увижу своих дочурок. Девочки мои! Радость и любовь моя. Неужели нам суждено встретиться. Мамочка, неужели ты увидишь хоть одного из своих сыновей. Неужели все это будет, и правда, что «жди меня, и я вернусь»...

Из всего этого, конечно, ничего не выйдет. Этого и нужно было ждать. Ответа еще нет, но сейчас он мне представляется возможным только в одном направлении. Решено, как только получаю отказ, то сразу же пишу второй рапорт. Что теперь может удерживать в Калинине?

Абсолютно ничего. Так работать, не понимая основного и разглаживая то, что с таким трудом добиваются другие, заниматься тем, чем не хочешь, против воли и ума — ко всем чертям.

3/VII 43 г.

Уж очень крут поворот, вполне возможно, что он и необходим, но очень тяжел. Мы его переживаем, как переживают фронтовики, прошедшие тяжесть гражданской войны, наступление нэпа. Союзники — хорошая вещь, но не слишком ли мы во многом им уступаем. Ведь дело идет не о пустяковых, второстепенных вопросах, а об основных принципах, на которых мы воспитываем многие годы, которые были нашим «символом веры», и вдруг полный отказ от них, хотя бы и вынужденный и временный.

2 отказа — на первый — отказ и на второй — отказ. Клетка, западня. С одной стороны говорят, раз бежишь на фронт — шкурник, а с другой — раз сидишь здесь, а не на фронте, — трус, маскируешься. Настроение самое гнусное. Начинаю бояться, как бы чего не выкинуть, боюсь, что где-нибудь не сдержусь и сорвусь.

11/XII

Вдобавок к гнусным делам и беспорядкам в б-не, доводящим до бешенства, и отчаянию от сознания собственного бес-

силия прибавилась горечь наградных [?] обид. И дело в значительной мере в принципе. Хотя, может быть это и к лучшему.

6 июля — кажется, началось. Лето 1943 года началось в войне. Сейчас абсолютно ничего нельзя сказать, что произошло и как будут развиваться события. Пока ясно одно: — началось.

10 июля — пять дней наступления немцев и грандиозных боев. За четыре дня 1800 танков и свыше 500 самолетов, 4,5 тысячи солдат. Сейчас уже вырисовывается план немцев по разгрому и окружению войск Курской петли, но вырисовывается и другое — сопротивление наших войск небывало сильное. Немцы потеряли уже силу внезапности. Сказать, как будут развиваться события дальше, трудно, но если наша оборона устоит, то это — явление, значение которого переоценить нельзя. Характерен трюк немецкого информбюро о якобы нашем наступлении, по сравнению с громом литавр, которые сопровождали все прошлые наступления немцев, получается здорово. Сегодня первая статья о наступлении. Не эпизод, не хроника, а статья. Статья замечательная, радующая. Пишет Эренбург. Только бы это не было повторением весны 1942 года. Похмелье было чересчур тяжелым и обошлось слишком дорого.

11 июля. Очень уверенный тон статей. Эренбург из статьи в статью повторяет, и это звучит как рефрен: Не будет праздника на немецкой улице! Наступая, они думают об обороне, мы, обороняясь, думаем о наступлении.

Многое сказано. Положение не изменилось.

Сицилия! Но я лучше подужду немного писать об этом, уж очень долго мы этого ждали, и ошибиться в этом будет слишком тяжело.

16 июля. Наступление немцев сорвано сначала упорной обороной, которую они так и не могли сорвать, а затем и жуткими потерями. Слава воинам и командирам К.А.[1]

Сегодня сообщение о контрударе. Такого сообщения сейчас даже бы не ждали. Не скажешь сейчас, как будут развиваться события и какова сила удара. Но факт срыва наступления немцев налицо.

21 июля От немецкого наступления не осталось и следа. Теперь по всему фронту немецкого наступления хозяева мы. Даже на Белгородском направлении наши активные действия. Трудно оценить место и масштаб нашего наступления под Орлом. Бо-

[1] Красной Армии

юсь ошибиться, но сдается, что мы хотим проделать под Орлом то, что так и не удалось немцам под Курском. Льгов и Мценск говорят, что это невозможно. Что же. Летний Сталинград — очень и очень хорошая штука.

На Сицилии события развиваются нормально — скоро половина ее будет в руках союзников. «Не будет больше праздника на немецкой улице» (*Эренбург*).

23 июля. Болхов и итоги десятидневных боев. Большие трофеи. От Орла 15 км. Взяты Палермо, Марсала, Трапани, Этна.

26 июля. Приказ Сталина. Замечательный приказ, и как приятно его услышать, особенно если вспомнить, что мы слышали в прошлом году в это время. Тогда буквально не знали, куда от стыда деваться, а сейчас? И дело не только в том, что отбили немецкое наступление, а в том, что отбили его летом. Лето стало наше. Лето. Психологически это стоит Сталинграда. Очень хочется, чтобы наступление стало достойным обороны. Отставка Муссолини, и в связи с этим самые безудержные мечты. Это, конечно, уже очень много и одновременно с ним ой как мало еще для того, чтобы мечты осуществились. Во всяком случае, планов и слов по этому поводу наворочено черт знает сколько. И все потому, что уж очень велико ожидание, очень велика усталость.

29 июля. События в Италии развертываются быстро. Отставка Муссолини, роспуск фашистской партии, манифест, демонстрации и забастовки. Речи Черчилля и Рузвельта говорят о том, что назревают большие события. В той или другой форме Италия выйдет из войны, мне это кажется очевидным, весь вопрос в том, когда и как это произойдет. А как быстро могут завершиться события с выходом Италии из строя. Наше наступление под Орлом продолжается, но к Орлу продвигаются туго. Интересно, что значат бои местного значения, которые попеременно происходят по всему почти фронту от Новороссийска до Ленинграда. Что это, попытки наступать, прощупывание противника или стремление его дезориентировать. Мигаловская обстановка говорит о том, что что-то большое готовится либо происходит по соседству с нами. Как хочется большого наступления, вроде зимнего наступления, конечно, это нахально, но, как говорится, аппетит приходит во время еды. Да и не мудрено, уж очень долго мы ждем, и великому терпению есть предел. Хороша речь Рузвельта, твердая и уверенная, без обычных дипломатических уверток, даже удивляет своей ясностью. Но и Рузвельт считает победу в 1943 немыслимой. Сколько же

еще ждать. Он, безусловно, прав о сложности подготовки крупных операций, и все-таки над ним не каплет.

3 августа. Бадольо[1] не делает никаких шагов к миру, но в то же время совершенно бессилен что-либо сделать с Италией, а Италия кипит, как котел. Предупреждение союзников о конце передышки должно сыграть свою роль. Что-то должно произойти, и произойти очень серьезное. Под Орлом у нас пункты не только южнее, но и юго-западнее Орла.

5 августа. Наши войска ворвались в Орел. Теперь нужно ждать, что сегодня или завтра передадут о взятии Орла. Это очень большая победа нашей армии и Сталинской стратегии. Прорыв на белорусском направлении. Кто знает, может быть, и там будет успех. А в Мигалово действуем во как. Так никогда не было.

Музыка[2]
Коваль — «Емельян Пугачев»
Хачатурян — «Гаяне»
Шебалин — «Славянский квартет»
Прокофьев — «7 Соната»
Ашрафи — «Героическая симфония»
Иванов-Радкевич — марши
Соловьев-Седой — песни
Ойстрах
Софроницкий
Оборин[3] — концертно-исполнительская деятельность.

---

[1] Бадольо Пьетро (1871—1956), премьер-министр, который принял власть над страной после свержения Муссолини в 1943 г., объявил нейтралитет и вывел Италию из Второй мировой войны.

[2] Далее перечисляются лауреаты Сталинской премии.

[3] Коваль Мариан Викторович (1907—1971), советский композитор, народный артист РСФСР; Хачатурян Арам Ильич (1903—1978), советский композитор, дирижер, педагог; Шебалин Виссарион Яковлевич (1902—1963), русский советский композитор и педагог; Прокофьев Сергей Сергеевич (1891—1953), русский композитор, пианист, дирижер; Ашрафи Мухтар (1912—1975), узбекский советский композитор; Иванов-Радкевич Николай Павлович (1904—1962), советский композитор; Соловьев-Седой Василий Павлович (1907 — 1979), советский композитор; Ойстрах Давид Федорович (1908—1974), советский скрипач, дирижер и педагог; Софроницкий Владимир Владимирович (1901—1961), русский советский пианист и педагог; Оборин Лев Николаевич (1907—1974), российский пианист, педагог.

Живопись

Герасимов — «Гимн Октябрю»
Яковлев — портреты
Жуков — рисунки
Шмаринов[1] — «Не забудем, не простим».

Скульптура

Манизер — «Зоя»
Мерабишвили — «Шота в Тбилиси»
Мухина[2] — портреты героев.

Драма

Симонов Р.Н. — «Дундич и Бужуак» [?]
Попов А.О. — «Давным-давно»
Алиев[3] — «Мехеббет».

Опера

Мелик-Пашаев
Захаров
Вильямс
Батурин
Кругликова
Шпиллер — «Вильгельм Телль»
Пазовский — «Иван Сусанин»

---

[1] Герасимов Александр Михайлович (1881—1963), советский художник; Яковлев Борис Николаевич (1890—1972), советский живописец, народный художник РСФСР (1962); Жуков Николай Николаевич (1908—1973), советский живописец, иллюстратор, график; Шмаринов Дементий Алексеевич (1907—1999), график, автор классических иллюстраций к роману Л.Н. Толстого «Война и мир», народный художник СССР.

[2] Манизер Матвей Генрихович (1891—1966), скульптор, народный художник СССР (1958); Мерабишвили Константин Михайлович (1906—1993), грузинский скульптор, народный художник Грузии (1958); Мухина Вера Игнатьевна (1889—1953), русский скульптор, народный художник СССР.

[3] Симонов Рубен Николаевич (1899—1968), советский актер и режиссер, художественный руководитель театра им. Вахтангова; Попов Алексей Дмитриевич (1892—1961), советский режиссер и актер, теоретик театра и педагог; Алиев Мирза Ага Али оглы (1883—1954), азербайджанский советский актер, народный артист СССР (1949).

Баратов
Федоровский[1] — Емельян Пугачев I.

Кино

Чиаурели
Хорава
Анджапаридзе — «Саакадзе»
Габрилович
Райзман
Караваева — «Машенька»
Пырьев
Ванин — «Секретарь райкома»
Варламов и др. — «Сталинград»
Соловцов — «Ленинград в борьбе»
Беляев[2] и др. — «Черноморцы».

---

[1] Мелик-Пашаев Александр Шамильевич (1905—1964), советский дирижер, народный артист СССР (1951); Захаров Ростислав Владимирович (1907—1984), русский балетмейстер, режиссер и педагог; Вильямс Петр Владимирович (1902—1947), театральный художник, живописец, график; Батурин Александр Иосифович (1904—1983), оперный певец (бас-баритон), народный артист России (1947); Кругликова Елена Дмитриевна (1907—1982), советская певица (лирическое сопрано), народная артистка России (1947); Шпиллер Наталья Дмитриевна (1909—1995), советская певица (лирическое сопрано), народная артистка России (1947); Пазовский Арий Моисеевич (1887—1953), советский дирижер, народный артист СССР (1940); Баратов Леонид Васильевич (1895—1964), советский режиссер, народный артист России (1958); Федоровский Федор Федорович (1883—1955), художник театра, Народный художник СССР (1951).

[2] Чиаурели Михаил Едишерович (1894—1974), советский кинорежиссер, народный артист СССР (1948); Хорава Акакий Алексеевич (1895—1972), грузинский советский актер, народный артист СССР (1936); Анджапаридзе Вера Ивлиановна (1900—1987), грузинская советская актриса, народная артистка СССР (1950); Габрилович Евгений Иосифович (1899—1993), сценарист, заслуженный деятель искусств России (1969); Райзман Юлий Яковлевич (1903—1994), кинорежиссер, народный артист СССР (1964); Караваева Валентина Ивановна (1921—1997), советская актриса театра и кино; Варламов Леонид Васильевич (1907—1962), режиссер, сценарист; Соловцов Валерий Михайлович (1904—1977), советский актер и режиссер; Беляев Василий Николаевич (1903—1967), советский кинооператор и режиссер.

«Она защищает Родину». Сценарий и постановка для Эрмлера[1] слабые. Но совершенно изумительный образ товарища «N» дает Марецкая. Это одно из лучших ее достижений. Своей игрой она заставляет забыть о штампованных образах и фальшивых положениях, а там, где режиссер и сценарий приходят к ней на помощь, там она выше всяких похвал. Остальные рядом с ней очень бледны. Запоминается только Пельтцер и отчасти Алейников[2], хотя он ничего абсолютно нового и не дает.

Краснодарский процесс[3] — это что-то совершенно невероятное, чудовищное даже для немцев. Даже привыкнув ко всему, не веришь, что люди могли это сделать. По кошмарности преступление это превосходит любую Варфоломеевскую ночь.

Для того, чтобы найти, надо не только глядеть и глядеть внимательно, но надо и знать, куда глядеть... Надо и уметь искать, надо провидеть невидимое, ощутить переходящее, как бы настоящее, пробовать, не падать духом при неудачах и трудностях, настаивать и много трудиться.

Менделеев[4]

«Лермонтов» — исключительно плохо. Ни игры, ни идеи, ни содержания, и это фильм не о ком-нибудь, а о Лермонтове к 100-летию.

А Герасимов, Мухина, Меркуров[5], Иогансон[6] — народные художники СССР.

Бывает так: сил и возможностей уже нет, и уже никто не вправе требовать, чтобы ты выполнял задание, ибо оно невыполнимо. И вот тогда ты делаешь последнее усилие, за кото-

---

[1] Эрмлер Фридрих Маркович (1897—1967), выдающийся советский кинорежиссер.

[2] Пельтцер Татьяна Ивановна (1904—1992), советская актриса театра и кино; Алейников Петр Мартынович (1914—1965), советский киноактер.

[3] Судебный процесс по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории города Краснодара и Краснодарского края, проходивший с 14 по 17 июля 1943 г.

[4] Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907), русский ученый и общественный деятель.

[5] Меркуров Сергей Дмитриевич (Меркулов) (1881—1952), советский скульптор.

[6] Иогансон Борис Владимирович (1893—1973), русский советский художник и педагог, один из ведущих представителей направления социалистического реализма в живописи,

рым победа или смерть. И пусть даже шансы распределены не поровну. Ты совершаешь это последнее, быть может, смертельное усилие, чтобы умереть во имя жизни своей и других или жить со славой, а не с вечным укором себе самому.

В. Черевков[1]

Пули свистят, когда они пролетают мимо.

К. Паустовский[2]

Погибли Апанасенко[3] и Гуртьев. Над одним ореол гражданской войны и 1 конной, а другой стал известен стране и миру по «Направлению главного удара». Овеянный Сталинградской славой он был символом неколебимой стойкости и неколебимого мужества. Слепая смерть, сколько раз смотрел он ей в глаза под Сталинградом и ни на секунду не дрогнул, и вдруг гибель под Орлом, как дико и нелепо.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

Не подарок, так белье
Собрала, быть может...
И что дольше без нее,
То она дороже.

И дороже этот час,
Памятный, особый,
Взгляд последний этих глаз,
Что забудь — попробуй.

Обойдись в пути большом,
Глупой славы ради,
Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде.

---

[1] Черевков Василий Дмитриевич (1856 — начало XX в.), русский врач-писатель. Участвовал в революционном движении. Более 12 лет жил на Дальнем Востоке.

[2] Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968), русский советский писатель. В годы Великой Отечественной войны работал военным корреспондентом на Южном фронте и писал рассказы.

[3] Апанасенко Иосиф Родионович (1890—1943), советский военачальник, генерал армии. Погиб в боях под Белгородом.

С губ шершавых не сойдет,
Сердцем не утрачен
Поцелуй последний тот
Губ от слез горячих.

Бедных тех родимых губ,
Слабых и печальных...
Как он памятен и люб,
Поцелуй прощальный.

В трудный час, в веселый час
Пред бедой любою —
Он из каждого из нас
При себе, с собою.

Он про всякий день, друзья,
Бережно хранится.
И с товарищем нельзя
Этим поделиться.

Не проси, он мой, он весь -
Мой, святой и скромный,
У тебя он тоже есть,
Ты подумай, вспомни.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.

Да, друзья, любовь жены, —
Кто не знал — проверьте, —
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

Ты, любовь, сквозь все прошла,
Силы не теряя,
И, глядишь, тебя нашла
На переднем крае.

Ты ей только не перечь,
Той любви, что вправе
Ободрить, предостеречь,
Осудить, прославить.

Вновь достань листок письма,
Перечти сначала,
Пусть в землянке полутьма,
Ну-ка, где она сама
То письмо писала?

Да, друзья, любовь жены, -
Что придет в конверте, -
На войне сильней войны
И, быть может, смерти.

И недаром нету, друг,
Письмеца дороже,
Что из тех далеких рук,
Дорогих усталых рук
В трещинках по коже.

И не зря взываю я
К женам настоящим:
— Жены, милые друзья,
Вы пишите чаще.

Не ленитесь к письмецу
Приписать, что надо.
Генералу ли, бойцу,
Это — как награда.

Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви — далекий.

И ее большому дню
Сроки близки ныне.
А к чему я речь клоню?
Вот к чему, родные.

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то...

А. Твардовский. «Василий Теркин». Ч. II «О любви»[1]

---

[1] Куплеты, выделенные курсивом, отсутствуют в современной редакции поэмы. Имеются также другие, менее значительные различия.

Как будто с тобою сижу и пою я
Уж так на войне повелось,
Что все мы солдаты живем и воюем,
Чтоб легче любимым жилось.

А ты не письмом, так открыткой обрадуй,
Хорошей любовью храня.
Живи, сероглазая, всем на отраду,
Но больше всего для меня.

Каким в ней приветом меня приголубишь,
Ты все освети, озари.
Ты как меня помнишь, ты как меня любишь
Еще и еще повтори.

Ведь если и здесь, без тоски и кручины
Мне песню сложить довелось,
То только по старым и веским причинам,
Чтоб легче любимым жилось.

А. Прокофьев

Как хорошо получилась Ира у Печурова. В ней, несмотря на недостатки, передано то, что он реже всего умеет передавать. Содержание человека. Она еще моложе, и столько в лице лукавого мальчишеского озорства, напоминающего о таких далеких, подернутых дымкой мечты днях, днях дорогих и незабываемых, никогда и нигде, что просто оторваться трудно. Сейчас пока никого нет, она на столе, и я пишу ли, читаю ли, просто курю, а нет-нет и посмотрю на нее и [...] как будто мы перебросились быстрым, незаметным и непонятным для других, но много нам говорящим взглядом.

Я по свету немало хаживал,
Жил в землянке, в окопах, в тайге.
Похоронен был дважды заживо,
Знал разлуку, любил в тоске.

И всегда я привык гордиться,
Повторяя родные слова:
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

День придет и разгонит тучи,
Вновь родная страна зацветет.
Я приеду в мой город могучий,
Где любимый Сталин живет.

Я увижу родные лица,
Расскажу, как вдали тосковал.
Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

Мы запомним суровую осень,
Грохот танков и отблеск штыков,
И в сердцах будут жить 28
Самых славных твоих сынов.

И врагу никогда не добиться,
Чтоб склонилась твоя голова,
Золотая моя столица!
Дорогая моя Москва!

Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой;
Я люблю твою Красную площадь
И кремлевских курантов бой.

В городах и далеких селах
О тебе не умолкнет молва,
Золотая моя столица!
Дорогая моя Москва![1]

Ответ на рапорт, и какой ответ. Это уже много шансов за отпуск. Ведь отказа нет, а требуемое будет хорошим, я в этом уверен. Ну как тут не размечтаться вовсю. Голова идет кругом, и дух захватывает. А вдруг...

5/VIII

Что за проклятие. Хуже нечего придумать. Голова идет кругом, и дух захватывает. Нельзя. Ира на месяц уехала в какой-то район. Только этого и не хватает, чтобы я приехал и не увидел ее. Это будет для нас такой удар, о котором и говорить страшно. И все же, когда подумаешь об этом, то все не верится, что

[1] Это — военная редакция песни И. Дунаевского «Моя Москва», она отличается одним «сталинским» куплетом от современной. «Сталинский» куплет различается в военной и послевоенной редакции.

уеду и увижу. Неужели это возможно? А как нелепо и тяжело будет, если после телеграммы и все-таки не приеду.

Письмо от Виктора. Обязательно нужно поговорить, так я не имею права уехать.

8/VIII

Сегодня от волнения никуда не пошел, сижу, пишу письма. Перечитал многое из записей. Как странно, что столько общественных и личных событий проскочили. Ну да, ведь это не дневник, а случайные записи, то я за месяц ничего не пишу, а то за 2-3 дня исписываю целую уйму. Интересно, что сначала из-за дружбы с Виктором у меня по существу пропала потребность писать, и сейчас именно она толкает меня на это. Много хорошего в записях, но много и субъективного, неправильного. Ну да, я же и не претендую на роль Нестора-летописца. А все-таки приятно перечесть записи. Конечно, в моих личных записях не разгуляешься, и жемчужных зерен отыскать в них трудновато, а чужие слова такие хорошие, такие замечательные. Плохо, что я не могу записывать многое. Если поеду, то оставлю тетради Ире, пусть будет у нее. Жив буду, то целее будет; убьют, пусть делает, что хочет. Это в значительной степени мое зеркало, не только внешнее, но и внутреннее, и дальше уж ее воля, что с ним делать. А ведь чего-то будет не хватать без тетрадки и писем.

8 августа. Орел, Белгород, а теперь Золочев, Кромы, Краматорская, этого я никак не ожидал. Орел — это ждали все, а наступление на Харьковском и Донбасском направлении — это чудесный сюрприз, а ведь как близко подошли к Харькову, а ведь направления основных ударов — те же, что и зимой. Нужно очищать Донбасс. Пока это не будет сделано, победа не будет прочной, т.к. фланги все время открыты. Приказ Сталина великолепен, и салют замечателен. Как хочется, чтобы повторилось начало 43 года, мало сейчас на это шансов, а где-то в глубине все время эти надежды. Почему бездействуют союзники? Они упускают Италию из рук. Растерянность, беспорядок пройдет, и все станет на место, и тогда снова затяжка.

9 августа. С Краматорской оказалась липа, но взятие Грайворонова и Богодухова создает прекраснейшие предпосылки для наступления на Харьков. Стремительность удара изумительная, а линия фронта изогнута так, что ставит под угрозу

всю харьковскую группировку, так что мечты у меня самые радужные.

11 августа. Нарышкина и Хотынец под Брянском, Тростенец и ряд районных центров на Харьковском направлении. К Харькову подошли на 25 км. Не удержать его немцам. Вот это удар!

Надо только открыть душу, этот чистый родник у подрастающего человека, и какие там богатства! И как мы иногда грубо тычим, оскверняем чистоту этого родника. Вот это особенно мне больно.

Ты же знаешь, что я жду тебя, просто жду все время, и сколько бы это ни длилось, буду ждать.

Если не суждено нам жить вместе, моя душа, все качества тебе, а если тебя не будет со мной, то никому одному.

Но что это за мечты? Они такие малотребовательные, что если бы не война, они в разряд мечтаний и не попали бы.

Я буду тосковать по тебе, пока не увижу рядом с собой.

Не будет Родины, не будет жизни. Мне хочется, чтобы двинулась вся Россия, единым последним усилием ринулась на врага и опрокинула его.

Такие побеждают и живут.

Наша разлука была испытанием для наших чувств. Чувства наши обогатились, очистились от ненужного, наносного. Вот почему так страстно хочется встретиться с тобой.

Ты пишешь, что никто не знает, встретимся ли мы, а я знаю. Знаю, что встретимся обязательно, встретимся и будем жить, да еще как жить. Какая-то у меня живет спокойная уверенность в этом. И если обманусь, то только во времени.

Я солдат, отвечаю я. Где будет приказано, там и работать буду. Не думай, что из-за долгой разлуки я могу находить только ласковые слова.

Ничего не поделаешь — поэты любят видеть в человеке красивое. Наша любовь вполне заслуживает право делиться не только легким, но и тяжелым.

Терпи, сожмись крепче в самом себе, тогда стерпишь...

Я очень люблю людей, и не хотел бы никого мучать, но нельзя быть сентиментальным, и нельзя скрывать грозную правду в пестрых словечках красивенькой лжи....

Меня особенно сводило с ума отношение к женщине; начитавшись романов, я смотрел на женщину как на самое лучшее и значительное в жизни...

Наблюдение за пороками людей — единственная забава, которой можно пользоваться бесплатно...

Умеет жить человек — на него злятся, ему завидуют, не умеет — его презирают.

М. Горький. «В людях»

Стал совсем «психом». Спать не могу. Вчера провел ночь без сна. Если бы знать решение в ту или другую сторону. Чего только я не передумал и о чем не перемучался в эту ночь. Сегодня рапорт с добавлением пошел в штаб. Ответ будет 12—13, а до этого что?

Какие только предположения не появятся и что только не выдумаешь. Получил новую маленькую карточку Иры. Я даже не знаю, что сказать о ней. Она, безусловно, она. Но что новое, как его определить, не знаю. Видна большая усталость и суровость, не внешняя напускная нахмуренность, а внутренняя суровость, строгость. По маленькой карточке трудно судить, но, во всяком случае, всякие опасения излишни. Неужели я ее увижу, и неужели я ее все-таки не увижу?!

Письмо от Ани мне совсем не понравилось. Это искусственное письмо, и хотя это совершенно понятно, но я на него обязательно отвечу, и очень резко отвечу. Трудно писать, когда я на ее стороне, и в то же время вполне понимаю письмо Виктора. А занять в этом вопросе нейтральную позицию я не могу и не хочу.

9/VIII

Пришли карточки девочек. Какие они стали большие и новые. Прямо не узнать. После карточек мне еще сильнее хочется их увидеть. А ответа все нет, так с ума можно сойти. Если в начале у меня была твердая уверенность в удаче, то чем больше идет время, тем меньше остается у меня этой уверенности, и приходит тоска и тоска. Неужели опять отказ?!

11/VIII

16 августа. Рузаевка. Ведь это только подумать, что только произошло за эти дни. Ночной отъезд. День в Москве, и сейчас без конца тянущийся путь. Вот и сейчас я не верю, что увижу всех, просто не верю. День в Москве кажется сном, в котором начнешь разбираться гораздо позже. Будешь думать, осмысли-

вать, а сейчас события нагромождают факт за фактом, и они где-то там откладываются. Когда ходил по Москве, то чередовались 2 впечатления. То, что я вообще никуда отсюда не уезжал, и вот я по делу вышел куда-то, а сейчас вернусь обратно домой. То казалось, что все это какое-то недоразумение, и не может быть, что это Москва и я снова в ней. Люди Москвы меня поразили, если не сказать больше. Жаль, что я видел мало людей. Поговорить с многими хотелось бы, но время не дало. Внешне Москва и та и не та. Хотя я, кроме метро мало где и был, даже на Красной площади и не побывал. Но ведь ходить по Москве — наказание, и не гулять совершенно невозможно. Поезд ползет, а в голове сейчас одна мысль — где Ира. Успели ли ее вызвать...

28/VIII 43 г.

Уехал любимый, желанный, родной...

Теперь уж до конца... А когда конец?!

Где-то мы встретимся и как? Встретимся обязательно — в это верю.

Уехал... поезд медленно отошел, а затем все быстрее и быстрее удалялся... Между нами легло опять огромное пространство и время. Зачем я плакала? Знаю, что не надо, верю, что встретимся, но не могла не плакать... Что с ним сделали эти 2 г.? Какая усталость и опустошенность? И опять туда же... Знаю, что выстоит, но все это огромной ценой мозга, нервов..

Смотрю на портрет... Ведь вот только час тому назад был рядом, говорил, целовал... И уже нет...

Вспоминаются слова Эренбурга: «Мы ненавидим немцев не только за то, что они разрушают наши города, мы их ненавидим за то, что из всех слов, которым богат человек, нам осталось одно слово: убей; из всех пестрых цветов жизни они оставили один защитный цвет. Они отняли у молодости лучшие годы, они разорвали объятья, они разорили гнезда!..» И он, и я это понимаем. И он, и я будем действовать со священным чувством ненависти. С ненавистью — к борьбе и победе, к счастью, чтоб сомкнулись объятья, ожили гнезда!!![1]

---

[1] Эта запись сделана И.М. Белявской.

Тетрадь № 3

1943—1944

Мы не видим лица победы, но мы стоим в преддверии года, потрясенные ее величием. Ты слышишь плеск крыльев? Ты слышишь плеск крыльев? Теперь уже недолго...

И. Эренбург. 1/I 1944 г.

Как говорит народная пословица, «укоротишь — не воротишь». Пусть себе «сокращают», «укорачивают». Наша армия и наш народ уверены, что гитлеровцы досокращаются до того, что самая короткая линия фронта для немецкой армии будет проходить по реке Шпрее, на которой стоит Берлин.

А. Щербаков

Если вы в такой же степени полны нетерпения, как и я, выиграть войну и покончить с ней, то больше нам не о чем беспокоиться.

Д. Эйзенхауэр[1]

Гимн Советского Союза

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!
Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И Ленин великий нам путь озарил.
Нас вырастил Сталин — на верность народу
На труд и на подвиги нас вдохновил.
Славься, Отечество наше свободное,
Счастья народов надежный оплот!

---

[1] Эйзенхауэр Дэвид Дуайт (Eisenhower) (1890—1969), американский государственный и военный деятель, генерал армии, 34-й президент Соединенных Штатов Америки (1953—1961).

Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!
Мы армию нашу растили в сраженьях,
Захватчиков подлых с дороги сметем!
Мы в битвах решаем судьбу поколений,
Мы к славе Отчизну свою приведем![1]
Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

Впервые исполнено 1 января 1944 г.

Помните, любите, изучайте Ильича, нашего вождя.

Боритесь и побеждайте врагов, внутренних и внешних по Ильичу.

Стройте новую жизнь, новый быт, новую культуру по Ильичу.

Никогда не отказывайтесь от малого в работе, ибо из малого строится великое, — в этом один из важных заветов Ильича.

И. Сталин

Дух народа, как и дух частного человека, выказывается вполне только в критические минуты, по которым одним можно безошибочно судить не только о его силе, но и о молодости и свежести его сил... Россия есть страна будущего, и не увлекаясь ни детскими фантазиями, ни ложным патриотизмом, можно сказать, что есть факты, превращающие это предчувствие в убеждение.

В. Белинский

Мы выступам в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, в стране, где неуклонно и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

М. Горький

Нет такой силы, которая могла бы уничтожить душу народа, народа, любящего свою отчизну, свою свободу, свою независимость.

М. Калинин

---

[1] В оригинале — поведем.

Мы добились коренного перелома в войне в пользу нашей страны, и война теперь идет к окончательной развязке.

И. Сталин

Сквозь огонь и дымный туман сражений мы видим, как на горизонте встает горячее солнце того дня, который будет последним для наших врагов. Этот день впереди, и мы идем ему навстречу под нашим боевым, простреленным во многих битвах, Октябрьским знаменем.

«*Красная Звезда*» (*передовая*). 10/XI.

Если битва под Сталинградом предвещает закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставит ее перед катастрофой.

И. Сталин

Война вступила в ту стадию, когда дело идет к полному изгнанию оккупантов с советской земли и о ликвидации фашистского нового порядка в Европе.

И. Сталин

Победа недалека, товарищи! Дыхание ее чувствует каждый советский человек.

Генерал армии А. Ерёменко[1]

Мы не празднуем, мы наступаем.

И. Эренбург

Мы пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга.

Никакая сила в мире не сможет помешать нам уничтожать германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха.

Наше наступление будет беспощадным и нарастающим.

Декларация Рузвельта, Сталина, Черчилля

Мы русские. Мы все одолеем...

А. Суворов

---

[1] Еременко Андрей Иванович (1892—1970), Маршал Советского Союза, один из виднейших полководцев Великой Отечественной войны.

Он глядел далеко вперед и сквозь дым видел и Сталинград января 1943, и разгром армии Паулюса, и славный штурм Орла и Харькова, и сегодняшний день — день очередной победы, и завтрашний день, день победы, полной, сияющей. Он сказал нам, армии и народу:

— Будет и на нашей улице праздник!

Б. Горбатов

Будет время и прикажет Сталин:
— Победившей Родине — салют!

С. Маршак[1]

Здравствуй, город древней русской славы,
Здравствуй, город юности моей!

М. Исаковский[2]

В этот торжественный час я думаю о нашем большом товарище. О нем теперь говорит весь мир. В дни испытаний он стал солдатом Родины, ее первым солдатом. Он слил свою душу с душой Красной Армии. Он был с ней в самые тяжкие часы. Бойцы не только знали, они сердцем чувствовали: Сталин с нами. Они чувствовали прошлым летом: ему тяжелее всех. В этой большой человеческой близости, в глубоком доверии, в любви была тайна той выдержки, которая изумила весь мир. Сейчас мы знаем: Сталин рад. Сталин привел Красную Армию в Смоленск. Сталин поведет ее дальше.

И. Эренбург

Когда, торжествуя над ворогом нашим,
Страна храбрецов своих дарит салютом
То нет на земле ничего вдохновеннее,
Чем эти величественные мгновения.

Н. Асеев

---

[1] Маршак Самуил Яковлевич (1887—1964), еврейский советский поэт, переводчик, драматург, литературный критик.

[2] Исаковский Михаил Васильевич (1900 — 1973), русский советский поэт, автор текстов песен «В лесу прифронтовом», «Летят перелетные птицы», «Враги сожгли родную хату».

Молотову, Берия, Маленкову, Микояну, Тевосяну, Коробову, Вахрушеву[1] — присвоено звание Героев Социалистического Труда. Это очень хорошо и очень правильно, ибо трудно даже представить, сколько они сделали для победы, столько, что как их не награди, все будет мало. И не награда украшает их и делает, а они награду. Так же, как Сталин не стал выше, потому что ему присвоили звание маршала, а звание маршала стало выше, потому что его носит сам Сталин. Вот так же и здесь.

Сегодня советские войска стоят ближе к немецкой границе, чем немецкие захватчики к Москве.

Каждому ясно, что теперь очередь за Крымом, правобережной Украиной, за Киевом... От Сталинграда до Киева немцы отступили более чем на 1000 км.

Ем. Ярославский

Мы все переживаем удивительное чувство «воскрешения времени», наши армии движутся теми путями, которыми отступали они на восток осенью 1941 г. Мы освобождали города, отданные немцам в страшные август, сентябрь, октябрь 1941 г. Мы идем на запад не только в пространстве, но и во времени. Мы шагаем по сентябрю 1941 г. Недалек тот день, когда Красная Армия дойдет до границ, злодейски нарушенных фашистами, торжественно вернет нашему народу и человечеству рассветный час июня двадцать второго дня, тот час, когда моторы германских самолетов[2] <...> и хрустнули пограничные столбы под ударами тяжелолобых танков. В тот день мы окончательно скажем, что фашизму не дано править колесом времен, мы поставим на место календарь и часы истории, мы скажем: украденное зверем время возвращено человеку, разуму, творчеству, труду, истории.

В. Гросман

---

[1] Берия Лаврентий Павлович (1899—1953), советский государственный и политический деятель, Маршал Советского Союза (1945); Маленков Георгий Максимилианович (1902—1988), советский государственный и партийный деятель, председатель Совета Министров СССР (1953—1955); Микоян Анастас Иванович (1895—1978), советский политический деятель; Тевосян Иван Федорович (1902—1958), советский государственный и партийный деятель; Коробов Павел Иванович (1902—1965), инженер, зам. министра черной металлургии СССР; Вахрушев Василий Васильевич (1902—1947), советский партийный и государственный деятель.

[2] Так в рукописи дневника, неумышленный пропуск.

Нет еще на земле силы способней оживить наших погибших матерей и сыновей, нет силы, которая могла бы разгладить морщины, вернуть зрение глазам, ослепшим от слез, вернуть молодость тем, чьи волосы поседели. И, должно быть, последний день войны будет не только днем торжества, радости и победы, но и днем слез и печали. Когда вспомнят всех павших в бою, всех замученных, заживо сожженных, затоптанных в землю, погибших в неволе, умерших с голода за колючей проволокой германских концлагерей.

В. Гросман

Днепр теперь больше чем река и для них. Здесь решается вопрос о сроках развязки боев.

Со времени Орла и Белгорода не было таких упорных боев.

Великие дни мы переживаем. Днепр, Киев.

И. Эренбург

Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая, да как!

А. Сурков

Мы не смеем умереть, мы, старшие, не сказав себе перед смертью: этого не повторится.

И. Эренбург

Нет счастья без Родины, свободной, сильной Родины. Нет и быть не может.

Евг. Петров

Победа идет.

Вс. Иванов[1]

Остановись мгновенье! — ты прекрасно...

И. Гёте[2]

Любил я часто,
Часто ненавидел
И более всего страдал.

М. Лермонтов

---

[1] Иванов Всеволод Вячеславович (1895—1963), советский писатель.

[2] Гете Иоганн Вольфганг (Goethe) (1749—1832), немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.

Нет друга, так ищи, а нашел, так береги.

Надо жить во имя жизни,
За живущих жизнь отдать!

Ш. Руставели

Это было большое ожидание, — в нем сроков нет, — это была вера.

Б. Горбатов

Взглянув в глаза,
Сказали мы: живем!
И смерть от нас сегодня отступила.
Мы выпили пайковое вино,
Оно в нас силы снова пробудило.
Запели о далеком и родном,
Любуясь жизнью, ласковой и милой
И так всегда:
У смерти на краю
Нам стала жизнь во много раз дороже,
А кто ни разу не бывал в бою,
Тот жизнь любить
Так пламенно не может.

л-т Кузьмин

Вперед, друзья! Помните об Украине!

танкист Харченко

Иные бойцы только сейчас вдруг осознали смысл своего существования, своих страданий и ран, смысл всех атак, бессонных ночей и тяжелых походов, великий смысл всех побед и жертв в жестокой войне. Все для людей, родных и близких.

В. Ильенков

И в торжественные годины, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право назвать себя гражданином.

М. Салтыков-Щедрин

Надо иметь сердце из стали, тогда можно одеть кольчугу из дерева и ты не будешь бояться в бою.

Ш. Руставели

Клянусь солнцем своей родины, я не вернусь больше в лоно своих родных, не войду под свою кровлю, пока не выгоню последнего врага за пределы моей Родины.

Армянский полководец X в. Марзнип[1]

Содействовать славе своего отечества, не преходящей, а вечной, — что может быть выше и вожделенней этого.

Н. Чернышевский

Я люблю Россию до боли сердечной и даже не могу помыслить себя где-либо кроме России.

М. Салтыков-Щедрин

Из «Изгнания врага» *И. Эренбурга*. 9/IX 43 г.

То, что сейчас происходит, это не одно из сражений, это воистину изгнание врага. Впервые всем нашим существом мы ощущаем начало конца.

Весной еще Германия могла казаться некоторым победительницей, теперь все видят, что она обречена.

Красная Армия продолжает свой путь. Перед ней Днепр. Перед ней жизнь. Были отступление, контрнаступление, оборона, наступление. А теперь? Теперь — изгнание врага.

Пора кончать.

Есть вещи пострашнее выстрелов и быть выносливым годами много труднее, чем несколько часов храбрым.

Н. Тихонов

Война придет умирать на свою родину, она родилась в Германии, в ней она и умрет.

И. Эренбург

Остановись на мгновение. Сотри пот со лба. Слышишь ты эти залпы. По твоей щеке ползет слеза. Ее стыдиться не надо. Слеза счастья. Нет для воина выше счастья, чем это: освобождать родную землю. Нет для воина награды выше, чем эта: благодарность народа. Слышишь ли ты салюты Москвы, товарищ. Это в твою честь. Слышишь ли ты, как стучит благодарное сердце родины. Это награда тебе за твой солдатский труд, за твою воинскую доблесть, за твою воинскую доблесть, за верность долгу, присяге, родине. Это твое солдатское счастье. Ты его заслужил, товарищ.

Б. Горбатов

---

[1] Не удалось определить, о ком идет речь.

Они за все ответят. Ответит и хозяин мертвого Кубе[1] еще живой Гитлер.

И. Эренбург

Из «Сумерок фрицев»

Напрасно Геббельс упрекает немцев: от Вислы еще далеко до Одера. Есть и нечто другое: фриц. Фриц идет теперь к отчаянию, и, может быть, до отчаяния ближе, чем до Одера.

Рухнет Германия, как бы внезапно: у немцев блитцы бывают в начале и в конце.

Нужно бить немца. Бить всюду. Не давать ему опомниться. Ударить по Германии с Запада. Гнать фрицев из России. Развязка может наступить скорее, чем мы того ждем.

И. Эренбург

Из «Смоленска»

Смоленск — не только название древнего русского города. Смоленск — не только веха истории. Смоленск — судьба этой войны.

Два года из Смоленска немцы грозили России.

Напрасно чудаки спрашивают: «Где немцы остановятся». Немцы бы рады остановиться. Не затем они положили миллионы жизней, чтобы отдать захваченную немецкую землю, но они не могут остановиться. В этом значение Смоленска: ворота открылись в другую сторону. Война идет теперь не по немецкой указке. Войну теперь ведет Красная Армия.

Идет изгнание захватчиков, и невольно при слове Смоленск мы вспоминаем других захватчиков. Я не сравню бесноватого с Наполеоном. Но Россия остается Россией. Расплата только начинается. Будут у Гитлера и его Березина, и его гекатомбы заколотых, зарубленных, замерзших немцев.

Два года мы ждали этого часа. Два года мы думали об одном. Горели города. Гибли смелые люди. Молчали вдовы. Каменели матери. Два года... И вот она перед нами, торжествующая справедливость. Смоленск наш!

В этот торжественный час вспомним о погибших. Есть у каждого из нас родные и друзья, отдавшие душу за Родину. Вспомним самого скромного, самого неприметного, о подвиге

---

[1] Кубе Вильгельм (Kube) (1887—1943), руководитель оккупационной администрации Генерального комиссариата Белоруссии, был убит белорусскими партизанами.

которого может быть никто не знает. Вспомним и скажем: он тоже привел нас в Смоленск. Он тоже пробил путь к свободе.

И. Эренбург

Нет, ленинградцев не смутят никакие обстрелы. А с финнами у нас будут особые разговоры. Ибо у нас особые счеты.

Н. Тихонов

Вот и сейчас снова в изумлении с чувством восхищения и одновременно удивления думаешь о сотнях тысяч простых советских людей, каждый из которых герой и каждый из которых ленинградец. Вот где настоящее чудо света. Только наш советский Ленинград и только наши советские люди способны на это. Ведь это настоящий эпос, и легендарный подвиг города-героя не умрет в веках. Ох, и рассчитаемся мы с финнами за его муки, страдания, разрушения.

Но нынешняя зима, думается, должна принести ему, наконец, полное освобождение.

27/XII 43 г.

Почти день в день с годовщиной прорыва блокады Ленинграда снова неожиданно для нас (а в то же время столько времени изо дня в день в течение многих месяцев ждали этого и верили в то, что это неминуемо будет) отбросил врагов от стен Ленинграда еще на одном направлении. Мы знаем, что значит прорыв, да еще под Ленинградом, где каждый километр труднее десятков км. в другом месте. Как хочется, чтобы этот город-герой наконец вздохнул свободнее, чтобы враги были окончательно отброшены от его гордых, неприступных и прекрасных стен. Знаем, как это нечеловечески трудно сделать, но ведь и оборона Ленинграда в течение 2 ½ лет нечеловечески трудна. Так пусть же наступление будет достойно обороны, как Сталинградское наступление достойно Сталинградской обороны.

19/I [44 г.]

Бой Ленинграда за все 28 месяцев беспримерной осады был нацелен на Мгу.

В. Вишневский, Н. Тихонов

Эти строки как нельзя лучше раскрывают то, что нам раньше было неизвестно. А именно направление главного удара на Ленинград и направление главного удара Ленинграда, и те

6 битв, которые выиграли [защитники] Ленинграда. Дорога Киршин — Мга — Ленинград очищена от немцев. Это огромная победа Ленинграда, но мы ждем теперь полной победы: тут и Тосно, и Пушкин, и Красногвардейск, и Любань. Тут страшное желание, чтобы ни одного немца не осталось под Ленинградом и город на 29-м месяце борьбы вздохнул широко и свободно.

23/I 44 г.

Как-то неожиданно и стремительно развернулось наступление в Донбассе, то чуть не месяцами стандартная фраза, а то сразу пачками Ворошиловск, Серго, Никитовка, Дебальцево, Енакиев, Горловка, Каганович... Врезались в самое сердце Донбасса, и если нам удастся удержать темп, то вылетят они оттуда ко всем чертям, и притом довольно скоро вылетят. О значении очищения Донбасса говорить не нужно, да и едва ли остановятся они тогда раньше Днепра.

5/IX

Артемовск, Константиновка, Славянск, Краматорская, Макеевка, или, иначе говоря, все, кроме Сталино. Скоро мы услышим прекрасные слова: Донбасс очищен полностью. Взят Конотоп, и стрела, появившаяся на месте Курской дуги все сильнее вытягивается своим острием в сторону Киева.

7/IX

Изумительная по быстроте и значению операция в Донбассе закончена. Донбасс очищен полностью. Только позже, на известном расстоянии мы поймем полностью значение этого события. Мариуполь и Волковиха — такие темпы редки даже для зимы 42—43 г., и ведь это не Донские или Кубанские степи, а Донбасс с его непрерывными городами, густейшей сетью ж./д. и всем прочим.

Капитуляция Италии — наконец-то. Это исключительно важное событие в ходе всей войны. Оккупацию Северной Италии немцами следовало ожидать, я это — определенно считал, но Рим, по-моему, проворонили. Во всяком случае, сражаться-то будут немцы, значит в той или другой степени, а часть сил застрянет в Италии. Но тянуть эту историю нельзя. Понимают ли это союзники? Ведь от решительности их действий зависит буквально все.

12/IX 43 г.

Взят Нежин, и [совершен] прекрасный рывок к Запорожью, к Брянску. С трех сторон подошли вплотную. Одни направления чего стоят: Киевское, Запорожское, Мелитопольское... Замечательно, только бы не застряли, как под Полтавой и Харьковом, а так наступление на этих направлениях развивается замечательно. Вот сейчас И.В. Сталину будет что сказать 7 ноября. Ведь черт знает где были бы.

10/IX 43 г.

Очень не нравится похищение Муссолини, он может стать сильным орудием в руках немцев. Очень уж много они захватили в Италии. Столько можно было и не давать.

[Взят] Новороссийск, давно пора было вырвать эту занозу и вот наконец-то. Теперь-то уж должны их окончательно выпереть.

Ты слышишь, Киев! Нежин наш! шапка Комсомольской Правды.

Брянск и Осипенко[1]. Каждый день гремят залпы славы, и Москва салютует славным своим сыновьям. Брянск — самый важный узел на западе. Крепость на Десне в наших руках. Ну что же, прибавится еще одно направлени на центр огромной дуги, на флангах которой Велиж и Киев — на Гомель. Хочется верить, что после блестящих успехов на Украине подходит очередь и Советской Белоруси. Минск ждет нас не меньше, чем Киев. И пусть до него гораздо дальше, но мы придем и туда.

18/IX 43 г.

Полтавское направление...

Ногайск, Павлоград, Миргород, Днепропетровское направление.

19/IX

Что-то скажешь, 700, 1200, 850 населенных пунктов — вот результаты трех дней наступления. Движение к Днепру стремительно и не на одном фронте, а по всему фронту.

Духовщина, Ярцево, Велиж. Наступает наш фронт и взятие Ярцева поднимает очень многое в душе. Ворота на Смоленск открыты — вперед!

21/IX

Чернигов! Гомельское направление... Синельниково.

21/IX

---

[1] Осипенко — название города Бердянск с 1939 по 1958 г.

Союзники — на подступах к Неаполю. Как неожиданно это сообщение. О том, что их оттуда вышибли, ведь ничего не сообщалось. Как ни говори, а ясно, что в своем стремлении занять Италию без боя, союзники перемудрили и упустили Италию. Дали немцам приготовиться к захвату, способствовали тому, что итальянская армия капитулировала не только перед ними, но и перед немцами. Не проявили должного размаха и темпа в десантных операциях. Десант нужно было высаживать не [только] на мысе [апеннинского] сапога, а и в Неаполе, и в Риме, и в Генуе. Мы знаем, что значит вышибать немцев с захваченного, тем более что пусть плохая, но помощь некоторой части итальянской армии обеспечена немцам. Будет долгая возня, которой можно было [бы] избежать, и которая спасла бы тысячи людей там и у нас, приблизив окончательный разгром. Теперь это затянется на много месяцев. Единственный выход — завязав борьбу в Италии, высаживаться на Западе. Вот тогда ошибка будет в значительной мере исправлена.

22/IX

Золотоноша и Переяслав — это совершенно неожиданный выход непосредственно к Днепру. Другое дело — Н-Московск, Стародуб, Почен, Демидов, Анапа. Выход на линию Днепра, не к Днепру, а на линию Днепра не только решенный вопрос, но вопрос буквально считанных дней. Что произойдет на этой линии, как будут развиваться события дальше — в этом гвоздь вопроса о войне и победе. Что представляет собой Днепр в планах немецкого командования — временную задержку, или решающий рубеж. Как хочется услышать сейчас нашу подробную оценку создавшегося положения. Ну, до 6 ноября осталось полтора месяца. Впервые И.В. [Сталин] будет делать доклад в момент, когда праздник вступил на наши улицы. Да, только он и еще раз он мог вдохнуть в нас такую уверенность в победе и только он смог провести нас через все невзгоды и опасности, выстоять и наперекор всему победить. Сталин, Сталин и еще раз СТАЛИН!

25/IX

Полтава и быстрое движение к Днепру на Полтавском и Киевском направлениях. Стремительное движение к Гомелю — Унеча. Мглин, Новозыбков, Клинцы, а самое главное, что переполняет душу и переплескивает через край чувства, ее

переполняющие — СМОЛЕНСК. Ждал, думал, любил, и даже растерялся, когда услышал. В спорах сам думал, а, может быть, действительно местничество оказалось сильнее рассудка и я переоцениваю его значение, и вдруг такой приказ и такие статьи. 20 залпов в третий раз послала Москва своим сыновьям, своему постоянному стражу, тому, кто первый принимает самые сложные удары. Статьи просто изумительные. Эренбург написал исключительно сильную даже для него статью. Мысли в первый раз выражены так ясно и определенно. Да, это уже праздник, и не узенькая полоска зари, как после Сталинграда, и весь Восток пламенеет, и из-за горизонта уже показался багровый край солнца, которого уже не скрыть никакими тучами. Сейчас я по-настоящему понял, почему это не обычное наступление, а изгнание врага. К Днепру вышли на всем фронте. Скоро левобережье Днепра станет снова Советским.

30/IX

К Днепру на ряде участков вышли в буквальном смысле слова. И кр[оме] Днепропетровска, в наших руках. На Тамани взят Темрюк. Теперь полное очищение Кубани — вопрос буквально нескольких дней. Все острее стоит вопрос о том, что произойдет на линии Днепра. Если вспомнить слова Гельсикова[1] о т.н. «Восточном вале по Днепру», то это особенно важно. В чем дело на Запорожском и Мелитопольском направлениях. Почему там остановка?

Наши войска вступили на территорию Белоруссии. Первые районы Могилевщины: Мстиславль и Климовичи. Вспоминаеся как были освобождены в январе первые километры Украины в Ворошиловградской области, а сейчас целиком освобождены Ворошиловградская, Сталинская, Харьковская, Сумская, Полтавская и Черниговская — 6, да в РСФСР — две — Смоленская и Орловская, да по половине Запорожской и Днепропетровской. Почему остановка на Днепре — вполне понятно, но почему на Мелитопольском больше недели ничего не сообщают, это плохо.

29/IX

Французские войска заняли, по существу, всю Корсику. Это может очень много значить. Конечно, если те будут действовать, а не сидеть на ней. В Италии все топчутся у Неаполя.

---

[1] Возможно, кто-то из сослуживцев М.Т. Белявского.

Взята Варница — значит, нашу армию отделяет от Киева только Днепр, Кременчуг и Рудня. Могилевское и Витебское направления.

30/IX

Кричев, Чириков, Ветка — бои перешли непосредственно к городам Гомелю, Витебску и Могилеву... И думается, что если не все три, то, во всяком случае, два из них будут скоро взяты. Сейчас наступают решающие дни. Они, эти дни, решат, что же такое Днепр и для нас, и для них, и следовательно определят направление и ход следующего этапа войны. Я не жду там быстрого развития операции. Ведь это невероятно трудно и страшно ответственно, и один неверный шаг может испортить все, что было достигнуто за несколько месяцев, и дать Гитлеру в руки козырь, с которым он, конечно, никак не выиграет, но затянет игру. Союзники наконец взяли Неаполь. Теперь в полном объеме может развернуться борьба за Рим. Это может сыграть огромную роль в политическом отношении.

2/X

Кончился сентябрь — месяц побед. Январь, Февраль, Сентябрь — вот три месяца славы и побед, которые принес нам замечательный 43 год. Вспоминается обстановка год тому назад, когда страна переживала самые тяжелые кризисные дни. Когда сталинградцы своим мужеством и своей кровью готовили страну к наступлению года побед. Три месяца до конца года. Наступит ли снова затишье, или станут они месяцами новых побед.

2/X

Разведка и огневой бой на Днепровских направлениях. Бои за улучшение своих позиций на белорусских направлениях. Очевидно снова пауза, как весной. Причины ее вполне понятны. Весь вопрос теперь в том, как долго она продлится и что за ней последует. А все же мне казалось, что к Днепру выйдут по всей линии, и Гомель, и Витебск возьмут сейчас.

5/X

Подтянув тылы, Красная Армия перешла в наступление по всему фронту ОТ ВИТЕБСКА ДО ТАМАНИ, ДНЕПР ФОРСИРОВАН В 3-Х МЕСТАХ. НЕВЕЛЬ, ТАМАНЬ, КИРИШИ...

День назад я говорил о конце периода и весенней паузе, и вдруг — такое известие. Такое неожиданное, сказочное. Форсирован Днепр — это значит, что наступление продолжается.

Невель и Кириши говорят, что наступление начинается. Начинается, и на новых фронтах. И аукнется скоро, загремит весь фронт от Балтийского до Черного моря. Верится в салют освобожденному Киеву и торжествующему Ленинграду. Действительно, некоторые чудаки спрашивают...

Стыдно. Я редко так ошибался за время войны. Но лето 42 многому научило и от многого отучило. Северный Кавказ, по существу, свободен. Неоднократные упоминания газет о Крыме. А ведь от Невеля до границы меньше 150 км. Рывок, подобный рывку Рокоссовского и Толбухина[1], и мы будем в Прибалтике. Если бы война шагала к Германии с Запада такими шагами, как она шагает с Востока. Ведь оттуда совсем не так далеко идти.

8/X 43 г.

Северный Кавказ и Таманский полуостров очищены полностью, и страна отметила это 20 залпами. На повестку дня стал Крым.

Добруш под Гомелем. На Днепровских направлениях расширение плацдармов. Да там и трудно сейчас несколько времени, пока не перебросят значительного количества войск и не расширят значительно плацдарма ждать большого наступления и больших операций. И все же так хочется, чтобы это произошло скорее. Как досадно, что Волховский фронт ограничился Кириши. Это конечно очень важно, но одновременно с этим еще очень мало. До доклада Сталина осталось уже меньше месяца. Как хочется, чтобы к его выступлению был взят Киев. С особым, неведомым в 41 и 42 году чувством ждешь этого выступления. Тогда Сталин указывал нам причины наших неуспехов, поддерживал и укреплял нашу веру, наполнял нас силой и мужеством. Сейчас мы услышим Сталина — победителя.

11/X

Ново-Белица — от Гомеля отделяет только Сож.

Гомель — первый областной город Белоруссии и первый из городов же Белоруссии, где развернулись настоящие бои в 1941 г.

Прорыв укрепленной линии под Мелитополем и Запорожьем, форсирование Сожи и бои в Мелитополе и Гомеле. Чувствуется,

---

[1] Толбухин Федор Иванович (1894—1949), выдающийся советский военачальник, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза.

что должен быть снова [совершен] рывок на Юге, а это рывок к Крыму и Нижнему Днепру. В ближайшие дни нужно ждать приказов, именно приказов, а не приказа. Цифры подбитых танков и самолетов говорят об ожесточенных боях. Думается, что не так долго до того, как мы услышим [об освобождении] Киева.

13 октября — это большая дата в истории войны. Италия объявила войну Германии. Это совершенно неожиданное событие будет иметь исключительно важное значение. Я уж не говорю о чисто военном его значении, но политическое значение этого события исключительно. В корне меняется вся политическая и стратегическая обстановка на юге Европы. Крысы начинают бежать с тонущего корабля.

Запорожье — очень большая победа. И все же тогда я не ошибся, когда думал, что наступает новый этап в ходе войны. Бои за Днепр — это не бои за тот или другой город, пусть даже такой как Киев, это бои за исход войны и сроки ее окончания. Не уступят они правобережья — длительная остановка. Сломим мы их — погоним, как гнали до Днепра. Вот, как представляются мне развивающиеся события. Их можно сравнить с тем, что происходило год назад на Волге у Сталинграда, когда решалась судьба войны. Как жаль, что на северо-западных фронтах рывка не получилось.

17/X

Днепр форсирован у устья Сожи, взят Лоев. Под Кременчугом плацдарм значительно расширен, а в Мелитополе все на месте.

18/X

Пятихатки. Думается, что это начало большого наступления за Днепром, и теперь не усидеть немцам ни в Днепропетровске, ни Днепровской петле. Пошли бои за плацдармы на правобережье, сейчас начнутся бои за его очищение.

20/X

Днепровская битва продолжается с неослабевающей силой, но о ней нам известно только, что днепровский вал противника прорван, несмотря ни на что, и что все попытки врага сбросить нас обратно провалились. Все остальное в тумане.

Наконец после стольких дней горячей битвы взят Мелитополь.

24/X

Криворожское направление... Давно уж не было направлений, и вдруг Криворожское. Мало этого: 9 км от Кривого Рога. Если этот небывало дерзкий маневр удастся завершить, то ведь это означает окружение и уничтожение Днепропетровской группировки и выход на простор за Днепром.

25/X

Это писалось несколько минут тому назад, а сейчас приказ Сталина Днепропетровск и Днепродзержинск наши. Это не просто крупный город снова стал советским. Это значит, что Днепр, как Восточный Вал немцев, о котором они столько трещали, не существует. Это значит, что мы не только прочно стали на правом берегу Днепра, это значит, что правобережье будет нашим. Битва за Днепр выиграна [Красной] Армией, Советским Союзом, Сталиным.

25/X

20 залпов дала в их честь Родина:
Харьков,
Донбасс,
Смоленск,
Северный Кавказ,
Мелитополь,
Запорожье,
Днепропетровск.

На Мелитопольском направлении, кажется, погнали [врага]. На остальных ничего.

28/X

Вышли к Перекопу — взяли Геническ, за Днепром ничего нового.

31/X

Левобережье [Днепра] на юге очищено полностью. Каховка, Скадовск, Голая пристань, но наша краса и гордость — Киев, — которую мы надеялись увидеть к празднику снова в своей семье, — все еще у немцев.

5/XI

Киев!!! Когда уже казалось, что мечта так и не осуществится, за несколько часов до сталинского доклада — Киев. Что может быть прекраснее этого подарка к празднику. Любовь и гордость

наша — Киев — снова у нас. Посмотрим, что теперь запоют и где остановятся фрицы.

7/XI

Темпы движения за Киевом блестящие. Васильков, Фастов, Радомысл, Иванков. Красная Армия сразу оказалась у стен Житомира. Войска в Житомирской области. Обогнала нас все-таки Украина. И обидно, и одновременно радостно.

12/XI

Вот что, ждать не получается: сколько времени ждем Витебска, Орши, Гомеля, Кривого Рога, а все нет, и вдруг нежданно-негаданно — Житомир. Прорыв смелый, глубокий, рискованный и если удастся расширить его, как расширили Бахмачско-Нежинский клин, то результаты могут оказаться очень и очень большими.

15/XI

Клин на Житомирском направлении на север расширяется очень хорошо. Малин, Каганович, Речица. Плохо, что он не расширяется на юг, и что в излучине Днепра остановки продолжаются. Гомелю со взятием Речицы должен прийти конец, и так эта заноза просидела слишком долго.

18/XI

Оставлен Житомир. Это первый удар после Харькова. Хотя простого взгляда на карту достаточно, чтобы понять причину, это не горечь великая. Одно утешение, что на других направлениях наступают. Вот с Керчью только ни черта не выходит, и на что они надеются в Гомеле?

В памяти человечества навсегда остался образ, который в психологии одних перекликался с образами Атиллы, Тамерлана и Чингиз-Хана, в душе других — с тенями Александра Македонского и Юлия Цезаря, но который по мере роста исторических исследований все более и более вытесняется в его неповторимом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности.

Е. Тарле

Ежели по совести разобраться, то теперь каждый не только старый солдат, но и последний ратник столько заслужили, что осыпь их алмазами, то они все еще не будут достаточно награж-

дены. Ну, да что и говорить; истинная награда не в крестах или алмазах, а в совести нашей.

М. Кутузов

Законы истории естественны, как жизнь, и неумолимы, как смерть — НАША жизнь, ИХ смерть.

С. Голубов[1]

Есть такая порода людей, которые никогда ничего не боятся — это дураки; они боятся не вследствие бесстрашия, а вследствие глупости.

Г. Гейне

Я вижу лишь одно: страдания человека.

И. Гёте

Мыслить — значит страдать.

Стендаль[2]

Горе человеку трудолюбивому, если он не принадлежит ни к какой клике; ему ставят в вину даже самые мелкие мимолетные его успехи, и высокая добродетель восторжествует, ограбив его.

Стендаль

Придет же он наконец, этот день. И, во всяком случае, канун недалек от следующего за ним дня: всего-то какая-нибудь ночь разделяет их.

Н. Добролюбов[3]

Порицать, бранить имеет право только тот, кто любит.

И. Тургенев

Каждое наступление, если оно не приводит непосредственно к миру, неизбежно кончается обороной.

К. Клаузевиц[4]

---

[1] Голубов Сергей Николаевич (1894—1962), русский советский писатель, исторический романист.

[2] Стендаль (Анри Бейль) (1783—1842), французский писатель, один из основоположников французского реалистического романа XIX в.

[3] Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), русский литературный критик рубежа 1850-х и 1860-х гг., публицист, революционный демократ.

[4] Клаузевиц Карл фон (Clausewitz) (1780—1831), известный военный писатель, произведший своими сочинениями полный переворот в теории войны.

«Молодая гвардия»[1] — что может быть более достойного этого славного имени, чем группа краснодонских юношей. Сколько воли, мужества, стойкости, преданности, что даже не верится, что все это сделали, все это вынесли, вынесли, не отступив, не дрогнув, не испытанные борцы, не прошедшие суровую жизненную школу борцы, а юноши, почти дети, как их правильно назвала мать Олега Кошевого. Их выдержка и презрение к смерти даже в последние минуты после страшных пыток, просто изумительны. Избитые и изувеченные, они, словно алое знамя, пронесли по городу в последнем пути свою молодую горячую веру, и «Замучен тяжелой неволей» прозвучал как гимн грядущей победы. Многие тысячи героев рождены Отечественной войной, но их подвиг настолько ярок, что, действительно, заслуживает бессмертия в буквальном смысле этого слова. О них должен знать каждый, им стремиться подражать. И как герои «Как закалялась сталь» стали символом комсомольцев в Гражданской войне, так и молодогвардейцы вместе с Зоей [Космодемьянской] и Лизой Чайкиной будут символом беззаветного героизма молодежи в Отечественной войне.

И капли крови горячей Вашей,
Как искры, вспыхнут во мраке жизни
И много смелых сердец зажгут.

М. Горький

Эти слова на могиле молодогвардейцев.

От пули еще можно спрятаться,
А от смеха убежища не найдешь.

Остапенко — молодогвардеец

Олег Кошевой,
Сергей Тюленин,
Люба Шевцова,

---

[1] «Молодая гвардия» (1942—1943) — подпольная антифашистская комсомольская организация, действовавшая в годы Великой Отечественной войны в городе Краснодон Луганской области.

Ульяна Громова,
Иван Земнухов[1].

Эти имена будем помнить и хранить в сердце, как знамя в бою, как символ настоящей нашей сталинской молодежи, символ героизма, веры, стойкости. Символ Человека.

Мы не жили на коленях и умрем стоя.

Олег Кошевой

Они никогда
Не забудутся нами.
Бессмертная слава,
Как вечное солнце,
Восходит, сияя
Над их именами.

С. Кирсанов

Может быть, эта ассоциация и покажется странной и неоправданной, но для меня герои «Семьи Тараса» ассоциируются с героями «Молодой Гвардии». Разные люди, разные люди, разные дела, но все же это звенья единой цепи. Цепи, которую никогда и никому не разбить. Ну разве можно превратить их в рабов! Да, никогда! и то, и другое с исключительной яркостью показывает, каких людей воспитала Советская власть, Партия. Веру, Надежду и Любовь этих людей в свою власть, свою партию, своего Сталина. Сколько тысяч таких безвестных героев борется, живет, гибнет и побеждает. Сколько мужества и веры нужно иметь, чтобы вести эту нечеловеческую борьбу не неделю, не месяцы, а годы. Это посильнее тех часов и минут, когда человек совершает героический подвиг. И мысль Тихонова о годах ожидания тут как нельзя кстати. Герои, изо дня в день боровшиеся в тылу у немцев, побеждавшие все, и в первую очередь самих себя, свои мучительные думы и сомнения, достойны самых высших наград, любви, заботы и признательности к своим верным сынам от Родины.

---

[1] Молодогвардейцы: Остапенко Семен Маркович (1927—1943); Кошевой Олег Васильевич (1926—1943); Тюленин Сергей Гаврилович (1925—1943); Шевцова Любовь Григорьевна (1924—1943); Громова Ульяна Матвеевна (1924—1943); Земнухов Иван Александрович (1923—1943).

О вторжении на Балканы

Оно может быть осуществлено, но к чему это приведет? По чему это ударит? Взгляните также на железные дороги. В чем смысл этого, когда от Парижа нас отделяет только канал?

Генерал Фуллер[1]

Очень интересно происходящее в Москве совещание Идена, Хэлла и Молотова. Ясно, что решения их будут иметь огромное значение в развитии событий. Визит Черчилля — за этим последовала Африка, что последует за этим?

Иден и Хэлл прибыли в Москву.

Опубликованы итоги Московского совещания. Наша печать и печать союзников подчеркивает успех конференций и ее исключительное значение. Может быть, надо быть дипломатом, чтобы понять ее решения, но я честно говоря, ничего не понял. Очень уж туманна и неконкретна основная декларация об ответственности. Может быть, ее так высоко оценивают, как демонстрацию единства в канун грядущей победы. Во всяком случае, будущее покажет.

Свидание Сталина, Рузвельта, Черчилля в Тегеране. Свидание, о котором говорят с начала войны. Первое свидание всей тройки в момент явного перелома в войне заставляет предположить многое. И многого ожидать. А главное, — ожидать открытия настоящего второго фронта, призрак которого то появляется, то снова исчезает и которым уже много времени нас увлекают, но который все еще остается вопросом будущего, а не настоящего.

7/XII

Декларация Сталина, Рузвельта, Черчилля — прекрасна. Это первый за все время войны такой предельно ясный и конкретный документ. Я только слышал его, и не помню точно слов, но фразы о масштабах и сроках, о разгроме на суше, об ударах с юга, востока и запада, обещают столько, что уже чувствуешь приближение конца и дня, который мы назовем днем

[1] Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарлз (1878—1966), английский военный историк и теоретик, генерал-майор (1930). Участник англо-бурской войны 1899—1902 гг. и Первой мировой войны 1914—1918 гг. В 1940—1950-х гг. издал ряд работ по истории Второй мировой войны.

победы и мира. Твердость, уверенность и конкретность декларации не оставляет никаких сомнений, сколько надежд и мыслей.

7/XII

Клаузевиц о мощных ударах:

Два обыкновенных шага легче сделать, чем один прыжок. Но не станем же мы, если нам нужно перескочить через ров, шагать до половины его, чтобы упасть на дно.

Для хорошего солдата нет ни тыла, ни флангов, а везде фронт, где неприятель.

А. Суворов

Когда смотрел Александра Невского, то зверства немцев в Пскове казались преувеличенными, и это, думалось, законное преувеличение. Искусство имеет на это право. Да и времена какие. Ведь 700 лет назад нравы были грубы и дики. Культура, Человек, Гуманность — эти понятия были еще неизвестны участникам событий тех времен. Что же сказать, когда читаешь отчет о харьковском процессе. Как будто человечество отбросили на много-много столетий назад, и не было великих просветителей, Гёте, Толстой, Гегель[1], Маркс, Ленин не жили на свете, и мир снова живет по законам войны Атиллы или Чингисхана. Все, к чему продвинулся мир за многие сотни лет, это техника убийства людей. Можно понять и объяснить беспощадные расправы с нами — активными борцами — но чем объяснить планомерное убийство — истребление населения оккупированных районов. Планомерное, хладнокровное [уничтожение] населения — в каждом из городов. Варфоломеевская ночь вызывала ужас и отвращение и стала нарицательным именем в веках, но это же детская игра по сравнению с тем, что они делают. Это действительно война жизни и смерти, человека и душегубки. Душегубка стала символом Германии, ее олицетворением. Вот что взяли они от культуры и прогресса. Душегубка — гнусное творение гнусных выродков. И трое, стоявших перед судом трибунала, как это единодушно отметила наша печать, страшны именно своей обычностью. Можно было бы найти фигуры покрупнее. Пленных у нас достаточно.

---

[1] Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel) (1770—1831), немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма.

Но они именно тем и страшны, что обычны — КАК ВСЕ и ВСЕ, КАК ОНИ. И не одних троих убийц и одного предателя судил харьковский суд. Это перед судом стояли тысячи. Это символ будущего возмездия стране душегубки и душегубам.

21/XII

Из «Исповеди врага»

Мы попались на удочку своей же пропаганды. Теперь мы шатаемся, как в Первую мировую войну.

Воистину счастливы идиоты и обманутые.

Если русским удастся выбросить нас из своей страны, сила России еще возрастет. Тогда никто не сможет с ними справиться в течение многих десятилетий.

То, что мы сейчас теряем, мы не вернем никогда. Все надеются на одно: на давно обещанный удар по Англии. Если этого не случится — конец.

Воодушевление и порыв переходят на сторону русских. Мы слишком долго играли с огнем и думали, что он будет гореть только для нас. Нам так долго преподносили искаженное представление о мире, что мы стали принимать иллюзию за правду.

30/XII

Война — наша профессия, и смерть — элемент нашей профессии.

Е. Габрилович

Это правильные, но очень уж прямые и страшные слова, заставляющие думать о многом.

Умирая, Гёте воскликнул: «Света!»

Час перед рассветом кажется особенно темным. Бесы взяли свое. А теперь?.. Теперь светает.

В эпоху благоденствия народы часто бывают слепы. Они принимают сон за мудрость и вежливость за любовь. В годы великих бедствий народы находят себя. Есть сотни километров и есть один шаг, который отделяет славу от гибели и гибель от славы. В 1943 году Россия сделала этот шаг: она предрешила исход войны. Впереди много жестоких битв, но самое трудное — этот один шаг — Сталинград, Прохоровка, Поныри — сделан.

1944 — эта цифра кажется непривычной. Но я ее вижу начертанной на граните и мраморе — ГОД ПОБЕДЫ. Эта клятва

наша и всего человечества. ЗЕМЛЯ СТОСКОВАЛАСЬ ПО КОЛОСЬЯМ, И СЕРДЦЕ СТОСКОВАЛОСЬ ПО СЧАСТЬЮ.

«*Красная Звезда*». 1/I 44 г.

20—28 августа: Это так много, что об этом можно думать и вспоминать без конца, а что можно записать. Какими жалкими покажутся любые слова. Вот промелькнули дни встречи и снова потянутся дни, недели, месяцы. А может быть, и опять годы разлуки, ожидания, тоски, годы писем. Никак не могу заставить себя начать писать письма. После того, что было в эти дни, и снова письма.

Ну да, я здесь, а Клава где?..

С. Кирсанов

Какая-то апатия и безразличие. Никак я не войду в русло и не знаю даже, как я начну занятия. А как подумаешь, что снова за старое, и это минимум до февраля, а максимум черт его знает докуда, просто страх берет. Хоть бы скорее начали приходить письма от Иры. Как трудно писать сейчас.

Как долго нет письма от Иры. Мучительно хочется снова увидеть маленький конвертик с дорогими буквами.

Прекрасное письмо от Иры, первое после новой разлуки. С большой любовью и чувством, но одновременно с большой тревогой. Конечно, со стороны виднее, но неужели опустошенность действительно такая большая. Не верится мне в это. Изменения есть, и большие, но неужели я действительно так изменился в эту сторону.

Очень интересную мысль высказал вчера ночью Виктор.

Что я постепенно стал кадровым командиром, мало отличаюсь от него и совсем не похож на того, кем был в прошлом году. И это очень и очень верно — незаметно для себя я действительно стал другим и изменился не столько внешне, сколько психологически. То, чего не смогли сделать ни школа в Рязани, ни фронт, ни учеба на курсах, сделало время и положение командира, т.е. я сам почувствовал необходимость. Достаточно вспомнить ненависть к строевой и то, что я ей легко занимаюсь. Во мне многое в прошлом году напоминало Колчина. Конечно далеко не все, но многое. Сейчас же я больше похож на Виктора или Кимчиника[1], чем на него. Тогда я был сугубо штат-

[1] Видимо, кто-то из сослуживцев М.Т. Белявского.

ским человеком, временно одетым в военную форму; сейчас я уже вполне могу считаться командиром военного времени.

22/IX

Почему нет письма от Иры. Так быстро пришло первое, а следующих все нет и нет. Меня временами охватывает жуткая тоска. Мне необходимы ее письма, как хлеб и вода. Я не могу без них жить. Выпадает лучшая частица моего «Я».

Половина истории Виктора кончилась, и кончилась совершенно неожиданно. Этого никак не ожидал. И мне именно сейчас ее особенно жалко. Что за черт, я так отчаянно спорил с рой, и все-таки после приезда ушел от всякой активной роли в этой истории. Видно, права песенка о Гале[1].

Писем все нет и нет я больше так не могу. Какие только мысли не приходят. Если бы я не получил первого, я думал бы о том, что Ира ждет моего письма и поэтому не пишет, но ведь первое письмо пришло 2 недели назад, а потом ни слова. В чем дело? Почему молчание.

27/IX

Как страшны и неожиданны строки Ани о моем «нейтралитете». Неужели это можно почувствовать на расстоянии?

Каждый день я жду вечера, с надеждой наконец получить письмо от Иры, а его все нет и нет. Почему так быстро пришло первое, и так долго нет следующего. Это меня совершенно расстраивает. А тут еще, как нарочно, Виктору письма приходят чуть не каждый день.

Письмо от Иры, и не одно, а два, и замечательные письма. Прямо душа стала на место. Но как, даже на работе, она смогла столько времени не писать? Уж очень тяжело мне достались эти дни.

И вот я гляжу в тишине и печали
На милую карточку в светлом овале,
Гляжу с нетерпением жадно, как в детстве,
Гляжу, и никак не могу наглядеться!..
Я помню любви нашей краткой начало,
Я помню, как робко меня ты встречала.

---

[1] Непонятно, о какой песне идет речь; очень неразборчиво написано.

И взгляд, и походку, и голос твой помню,
И сладко от этого, и не легко мне.
Мы мало любили, но крепко любили
И верили в счастье, и счастливы были
И не было в мыслях меж нами такого,
Чего не могли мы понять с полуслова.
Я помню тебя загорелой, проворной,
Упрямой такой, и такой непокорной.
Я помню и верю, что нет перемены
В горячей душе, не терпящей измены.

Сергей Васильев[1]

...Любовь моя, счастье,
Подружка родная.
Мы встретимся снова, —
Я верю, я знаю.
Я верю, я знаю, —
Мы встретимся снова
И снова друг друга
Поймем с полуслова.

За наших 100 дней!

Ира

Они просидели до утра, рядышком, словно это была их первая ночь. Но о любви они не говорили. Они вообще говорили мало, но каждый знал, о чем думает, или молчит, другой и о чем старается не думать. И из слов, сказанных в эту ночь, немного уцелело в памяти Степана, — да и не было их, значительных слов! — но навеки запомнилась рука Вали, теплая и спокойная, как лежала эта рука на его плече и успокаивала, и ободряла. И благословляла: «Иди».

Б. Горбатов

Идешь к любимому человеку из великого отдаления, которое могло быть воплощено в верстах и во времени и в чувствах, — всей исстрадавшейся душой стремился к нему, и бесконечно думаешь о встрече, о тех словах, ласковых и нежных, которые

[1] Васильев Сергей Александрович (1911—1975), русский поэт. В годы Великой Отечественной войны в качестве военного корреспондента воевал в Подмосковье, участвовал в освобождении Украины и Крыма, прошел через Польшу и Германию.

нужно сказать... Но ты пришел, и радость встречи так велика, что никакие слова не в силах выразить ее, ни высказать то, что ты пережил и передумал в разлуке и ты стоишь молча и только глаза твои говорят за тебя: посмотри на меня, я долго шел к тебе, но я пришел...

Л. Первомайский[1]

После отчаянного и тоскливого письма, вдруг такое восторженное и пламенное письмо. Неужели эта несчастная записка могла всерьез расстроить Иру. Ведь я ей не придавал и не придаю абсолютно никакого значения. А сейчас просто забыл о ней. Как жалко, что у Иры могло остаться такое впечатление. Но вот сейчас такое письмо, что его даже читать неудобно. Что обо мне — преувеличенно, это ясно. Но что может быть приятнее и дороже этих строк большой и пламенной любви, и она поет и кричит, шепчет и ласкает каждой строкой и буквой.

13/X

Вчерашний вечер замечателен не только прекрасной сводкой и войной Италии с Германией. Маленький, но знаменательный факт: Москва передавала последние известия в 11:30, и в 12 прозвучал такой знакомый и дорогой бой кремлевских курантов. В двенадцать ночи, с курантами. Последний раз ведь это было до войны в 1941 г. Как много этим сказано. Ведь несколько месяцев назад это было невозможно.

14/X

Две фотографии очень сильно подействовали на меня: одну я назвал: «Апофеоз Гитлера». Исключительной силы фотография: она прямо смыкается с Верещагинским[2] «Апофеозом войны» — груды разбитой немецкой техники, трупы «завоевателей», которые омерзительно раскинулись уже навек на нашей чудесной земле, и высокая трава уже не скроет их от возмездия, а над всем этим, как зловещая туча, как неизбежная судьба всей армии убийц, воронье. Лом, трупы, воронье!.. Вот что получила и будет еще получать во все возрастающей степени Германия Гитлера. Вот его апофеоз. Апофеоз четырех лет войны за владычество [над] миром.

---

[1] Первомайский Леонид Соломонович (Гуревич) (1908—1973), украинский советский писатель. Психологический роман «Дикий мед» (1963) посвящен Великой Отечественной войне.

[2] Верещагин Василий Васильевич (1842—1904), русский живописец, известный баталист. Автор картины «Апофеоз войны».

И совсем другие чувства вызывает песня Лебедева-Кумача о Москве, напечатанная на фоне тающей в дымке Москвы. Именно эта дымка усиливает впечатление далекой, но такой бесконечно дорогой и любимой Столицы, и слова о Москве звучат с особой силой. Они и так очень хороши, а тут — просто чудесны.

Сегодня снова встала перед миром символом веры, мужества и победы, символом нашей советской молодежи Зоя Космодемьянская, во всем своем немеркнущем величии. Только в своем тупоумии палачи могли снять эту героическую смерть. И это не просто обличение. Это симфония веры, гнева и мужества. И в дни подготовки к своему юбилею комсомол говорит своей молодежи: вот какие люди в наших рядах — будьте все такими! И нас никто и никогда не победит! Таких людей сможет вырасти только наша страна, только наш Сталин.

25/X

«Во имя Родины»[1] по «Русским людям» — гораздо слабее пьесы. И режиссер крупный, и играют Крючков, Грибков, Тяпкина, Жаров, а фильм — просто серый. Образов русских людей, больших и простых, маленьких, но великих, нет. Один Жаров создал образ, но ведь этого чересчур мало.

11/IX

«Насреддин в Бухаре»[2]. Смотришь с интересом, и много смеешься. Но ничего общего с Насреддином это не имеет. Правильнее бы назвать «Остап Бендер при дворе бухарского эмира». И в этом вина в первую очередь Свердлина; создавшего явно не тот образ.

19/IX

Ольга Лепешинская и Габович[3]. Не хотел идти, зная, что не понимаю и не люблю балета. И конечно, меня оставило совершенно равнодушным то, что должно было особенно нравиться,

---

[1] «Во имя Родины», кинофильм режиссера В.И. Пудовкина (1943) по мотивам пьесы К.М. Симонова «Русские люди».

[2] Насреддин в Бухаре, советский фильм-комедия (1943) режиссера Я.А. Протазанова по мотивам романа Леонида Соловьева «Возмутитель спокойствия» и народным восточным сказкам о Ходже Насреддине.

[3] Лепешинская Ольга Васильевна (1916—2008), советская балерина; Габович Михаил Маркович (1905—1965), танцовщик, педагог, народный артист РСФСР (1951). Работал в Большом театре, звезда советского балета.

с удовольствием посмотрел «Молдованеску» и «Кто его знает», но это же не балет. И совсем расчувствовался, слушая «Сентиментальный вальс» в исполнении Ресимовича[1].

21/X

«Пехотинцы» Симонова — замечательная вещь: просто и сильно написано о буднях воина. Так мог написать только тот, кто прожил долго с войной, и для кого она стала обычной жизнью. Мне кажется, что во многом Симонов перекликается с «Огнем» Барбюса. Неудивительно, что статью не поняли те, кто ищет красивых фраз, ярких поступков и прочего, но в том то и дело, что в «Пехотинцах» и показан самый настоящий героизм, настолько вошедший в плоть и кровь, что стал бытом. Замечательно, без декларации и барабанного боя показаны изменившаяся наша армия, ее сила, вера и мощь. И в этих изменениях очень во многом — корни наших побед.

27/IX 43 г.

Совершенно изумительной силы вторая часть «Семьи Тараса». Пока только три отрывка, но столько в них внутренней силы и большой жизненной правды. Просто и сильно, без дешевых эффектов и ультразлодеев дает Горбатов ужас жизни при немцах. Именно, не прихода, или ухода немцев, что обычно в статьях и кино, а именно жизни. Мы часто забываем, что целых два года живут люди под немецким гнетом. Образы колючей проволоки и тачек на дорогах потрясающи. Возвращение Андрея, приход Лукерьи, старики у разбитых танков, Тарас с тачкой — изумительные сцены. Это смело можно поставить в ряд только с лучшими вещами, созданными за время войны, но и вообще с лучшими вещами русской литературы.

28/XI

Максакова[2]. В ее песнях, простой и чарующей манере исполнения встала передо мной Москва.

После первых спокойных и уверенных писем, это письмо такое тревожное, нервное, что становится страшно. Да, нелегко пережить крах мечты, которой жил и которую лелеял 2 года. Крах, когда казалось все говорило за ее близкое осуществление. Как понять отсутствие вызова, объяснить никак не могу.

---

[1] Неразборчиво написана фамилия.

[2] Максакова Мария Петровна (1902—1974), советская оперная певица (меццо-сопрано), солистка Большого театра.

Но как вдвойне тяжело Ире сейчас в этой дыре, это я вполне понимаю и чувствую.

9/X

Закончена вторая часть «Тараса». Она заставила о многом подумать, многое пересмотреть и увидеть по-другому. Многому научила и многому еще научит.

Страницы со Степаном — уход в подполье, разговор с трусом, пасечником, старостой — замечательны. Мысли о народе молчанцем забыть нельзя, по-новому встал в конце Андрей, и хотя и убедительно, но все же схематично и еще слабее молодежь — Настя и Андрей. Много хорошего, но полнокровной жизни не дал им Горбатов. И вышли у него они сугубо второстепенными и временами. Валька, которому Степан приказывает идти в полицию, представляется лучше нее. Как-то наспех дано изгнание немцев. Никифор, только появившийся в книге на последних страницах принес изумительную сцену в госпитале и страницу о возвращении домой. Горем и страданиями полна книга, муки народа, растоптанного, борящегося, но непокоренного, дала книга не слезы и грусть, но мужество, ненависть и любовь, и поэтому воспринимаешь ее как оптимистическую вещь, книгу веры, книгу победы.

«Подлодка Т-9»[1] — хороший фильм о мужественных советских людях, и Жаков очень хорош, и смотрится с интересом. И все же есть в нем те черты, которые свойственны были «морякам», «истребителям» и прочему, хотя и в гораздо меньшей мере.

«Мечта»[2] — давно ни один из фильмов не производил на меня подобного впечатления. Исключительный фильм, таких умных, глубоких фильмов, где повседневная жизнь маленьких рядовых людей поднята и дает картину жизни целой страны очень немного — это как «Палата № 6». Сценарий Габриловича прекрасен, Ансамбль артистов так хорош, что трудно кого-либо выделить. Забываешь об игре и думаешь о жизни, а нелепость человеческой жизни, ее бессмысленность даны замечательно, и как в Горбатовских «Непокоренных» чувствуешь, что «Жить

---

[1] «Подводная лодка Т-9» — советский кинофильм (1943) режиссера А.Г. Иванова. В главной роли — Жаков Олег Петрович (1905—1988), советский актер, народный артист СССР (1969).

[2] «Мечта» — советский кинофильм (1941) режиссеров Е.И. Габриловича и М.И. Ромма.

было невозможно». И это показано не зверствами, а жизнью. Показано просто, сильно и глубоко. Раневская дала образ исключительной силы, и так же, как в одном пане Станиславе Астангова вся Польша — надутая, пустая и нищая, — так и в ней все местечковые торговцы, символы прекрасны. «Мечта» мелкая, ничтожная и несбыточная, и тупик Польши. Вполне понятно, почему фильм многим не нравится. Они либо ничего не поняли, либо запомнили только как облики пана Станислава, либо как[1]. Давно не переживал в кино такого удовольствия.

А «Два бойца»[2], так расхваленный нашей печатью, показался обычным хорошим фильмом, и только. Смотрим с удовольствием: Андреев и Бернес, хорошие песни Богословского запоминаются. И все же это обычный фильм, а не событие, как можно было думать.

«Жди меня»[3] — фильм сильнее пьесы и по духу ближе к стихотворению, чем к пьесе. Очень волнующий фильм. Много хорошего, и сам фильм хороший, но никак не выдающийся. Игре Серовой[4] не хватает глубины и силы чувства. Суховато получилась Лиза, а конец она совсем испортила. Лобовое противопоставление паре, каких очень много сейчас, не подчеркнула силы и глубины Ермоловых, а только повредила фильму. Свердлин — Вайнштейн — очень хорош. Блинов, Тяпкина, Герага хорошо играют, но не они решают в фильме. А фильм мог быть сильнее. Музыка Крюкова слаба.

С какой потрясающей силой сделан фильм: «За нашу Советскую Украину»[5] — это эпос, страшный и мужественный. С каким тактом и силой дано вступление — довоенная Украина. Захватывает целиком то, от чего мы отвыкли за два с полови-

---

[1] Очень неразборчиво написаны два слова.

[2] «Два бойца» — советский кинофильм (1943), снятый режиссером Л.Д. Луковым в условиях эвакуации во время Великой Отечественной войны, по повести Л.И. Славина «Мои земляки».

[3] «Жди меня» — художественный фильм. Снят режиссером А.Б. Столпером на Центральной Объединенной киностудии во время Великой Отечественной войны. По мотивам произведений К.М. Симонова.

[4] Серова Валентина Васильевна (1917—1975), советская актриса, жена К.М. Симонова, которой он посвятил стихотворение «Жди меня».

[5] «Битва за нашу Советскую Украину» — документальный фильм (1943), снятый совместно Ю.И. Солнцевой, А.П. Довженко, Я. Авдеенко.

ной года войны и со всей полнотой чувствуешь, как прекрасна была наша жизнь, счастье которой у нас отняли немцы. И когда звучит как былина обращение Харьковских мертвецов к нам, живым, чувствуешь, как шевелятся волосы. Чувствуешь в полной мере то, что нам несли и от чего спасена наша Родина.

13/XII

Перечел «Верноподданного» Манна[1], и мне он понравился еще больше, чем прежде. Вот и тот немец, который потом через годы превратился в немца, захватывающего Европу. Жгущего, насилующего, убивающего. Фашизм, гитлеровское человеконенавистничество пало на благодатную почву. Вот и разгадка тому вопросу, как Гитлер смог так переменить свой народ за какие-нибудь десять лет. Все это было, только было запрятано вглубь, а сейчас поднялось и расцвело пышным цветом.

16/I

Ведь вот предвидел же это, и поэтому не хотел идти, сходил и теперь каюсь. Ну разве можно такому театру, как калининский, браться за «Кремлевские куранты»[2]? Пьеса безнадежно испорчена. Утрачен стержень, идея, центральный образ пьесы — Ленин, и поэтому все остальное фальшиво, неубедительно, дешево. Игра Забелина выручает многие сцены, но они повисают в воздухе. Так как все его перестройки не оправданы не в пьесе, а в постановке. Такие пьесы ставить третьеразрядным театрам я бы категорически воспретил.

22/I 44 г.

«Фронт»[3]. Посмотрел и затрудняюсь сказать что-нибудь определенное. С одной стороны, боюсь, что влияет предубеждение против этой вещи. Но фильм лучше пьесы. И все-таки все очень упрощено. И хотя все как будто играют совсем неплохо и Бабочкин, и Крючков, и Чирков, и Граня. А никак не захватывает вещь. Все ясно с первой минуты. Может быть, это и неправильно, и неудачно. Но все же — это «Недоросль» наших

---

[1] Манн Генрих (Mann) (1871—1950), немецкий писатель-прозаик и общественный деятель, старший брат Томаса Манна. «Верноподданный» — роман 1918 г.

[2] «Кремлевские куранты» — пьеса Н.Ф. Погодина (1941).

[3] «Фронт» — советский фильм (1943), снятый режиссерами Г.Н. Васильевым и С.Д. Васильевым по мотивам пьесы А.Е. Корнейчука.

дней по способу писать. Ходячие идеи, а впрочем трудно даже судить беспристрастно.

24/I

И этот год ты встретишь без меня,
Когда б понять ты до конца сумела.
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ко мне бы ты на крыльях прилетела.
Отныне были б мы вдвоем везде,
Метель твоим мне голосом мне[1] пела
И отразившись в ледяной воде
Твое лицо бы на меня смотрело.
Когда бы знала ты, как я люблю тебя,
Ты надо мной всю ночь до пробужденья
Стояла б тут, в землянке, где я сплю,
Одну себя впуская в сновиденья
Незримая сама — смотри, как я живу,
Как вида никому не подавая,
Тебя на помощь[2] я зову,
Всегда, когда в опасности бываю.
Незримая, смотри, как я пишу
Листки своих ночных нелепых писем,
Как я слова беспомощно ищу,
Как нестерпимо я от них зависим.
Я здесь ни с кем тоскою делиться не хочу
Свое ты редко здесь услышишь имя,
Но если я молчу, я о тебе молчу
И воздух населен весь лицами твоими
Они кругом меня, куда ни кинусь я
Все ты в мои глаза глядишь неутомимо
Да, ты поняла бы, как я люблю тебя
Когда б хоть день со мной ты прожила незримо,
Но ты и этот год встречаешь без меня
Подумай, как я без тебя тоскую.
Представь, как мы сегодня у огня
Пьем перед боем наспех, вкруговую.
Пусть в эту ночь с тобой я буду наравне
Пусть я хоть так на шаг к тебе приближусь

[1] В оригинале: Метель твоим бы голосом мне пела.

[2] Такой пропуск — в тексте дневника. Этого четверостишия нет в современной редакции стихотворения.

В тот миг, когда привиделась ты мне,
Пусть в тот же миг и я тебе привижусь.
Да так привижусь, чтоб с тобой потом
Мы в старости всю жизнь припоминали
И все-таки не вспомним о том,
Что этот год не вместе мы встречали.

Константин Симонов. Далекому другу

Из «Семьи Тараса» *Бориса Горбатова*

Вот дом, и нет дома. Все здесь с виду осталось прежним — а прежней жизни нет. И дома нет. И покоя нет. И счастья нет, как и не было...

Нет, не вырвался он из плена. Вот она — колючая проволока. По прежнему и он в плену, и семья в плену, и весь город в плену у немцев. Душа его в плену. Все окутано колючей проволокой, колючки впились в его душу.

В этом деле беспартийных нет. Теперь все партийные. Немцы выучили.

Были, были муки. И сомнения были, холодные, колючие. Бывало, схватывало за горло отчаяние. Все было. Но зато были и минуты восторга, необыкновенно полного счастья, когда вдруг, где-нибудь на дороге встретишь незнакомого, но родного человека, и он расскажет пред тобой, доверяясь, все богатства русской души.

Если бы каждое ненавидящее немцев русское сердце швырнуло во врага одну гранату — только одну — тогда от немецкой армии мокрого места не осталось бы. Но голая ненависть не бросает гранат. Гранаты кидает мужество.

Она и в горе хороша, родная земля, в горе ее бережнее любишь.

Тропинок, тупичков много, а дорог только две: немцы или Россия.

Совесть надо иметь, а говорить о ней не надо.

Человек проходит сквозь муку, как сталь сквозь огонь и когда становится человеком. А мы сначала одели красные галстуки, потом комсомольские значки. Очень просто. И стали мечтать о жизни. И как мы о ней сыто мечтали, что даже вспомнить стыдно.

Просто так вошли в комсомол, без мучений, поисков, выбора и многие без раздумья.

Это не мне — это костылям моим. Это крови моей пролитой почет. И он, и его костыли принадлежали истории.

Живи. Живи ради жизни.

Нашему народу верить можно! Ничего, ничего, брат, живем! Эх, работы сколько! Работы! А костыли — что ж? Костыли скоро долой. Потому что такова жизнь: раны заживают. Они заживают.

Взят наконец Гомель! Это большая и долгожданная победа, за которой может быстро последовать полное освобождение Левобережья в среднем течении. После взятия Пропойска и Гомеля двигаются быстро, жаль только, что этих центров нет на карте и трудно представить точную картину.

22/XI

Коростень. Это еще хуже Житомира. Тут уже дело не в том, что не успели закрепиться. Немцы хотят повторить с Киевом [вариант] Харькова. Это будет удар во всех отношениях и затяжка войны еще надолго. Плохо, что ничего не получается на других фронтах.

3/XII

Малость подвинулись у Кременчуга — взята Александрия, но это еще очень и очень мало. Нужно во что бы то ни стало ликвидировать днепровскую петлю, тогда дело пойдет по-другому.

7/XII

Знаменка, а там ожесточенные бои и ежедневно около сотни перебитых танков, и наши очень медленно, но отступают Должен же быть этому конец. Одно успокаивает, что, наверное, бережем силы и резервы для решающего наступления одновременно с союзниками. Если это так, то это совершенно неважно.

12/XII

Черкассы — Конев единственный, кто продолжает наступать на Киевском направлении кажется стоп. Если их уже измотали и ударная сила немецкого контрудара сломлена, то лучше ничего не надо. Нужно только начинать под Ленинградом, иначе эта сволочь разрушит город. Только этого не хватало после двух с лишним лет героической обороны. И на что только эти прохвосты рассчитывают.

14/XII

На фронте полная пауза, на сколько и почему, кто знает... Но не может быть, чтобы зима прошла спокойно, но уже если так били летом, то уж зимой по традиции должны гнать. Жду большего. Только успел написать, как сообщение о прорыве южнее Невеля на нашем фронте. Что это — тактический успех или стратегический прорыв, который решит судьбу Полоцка и Витебска, — покажет будущее. Но и это радость. Вперед!

19/XII

И все-таки Невельский прорыв не принес желанного — это тактический успех, и выхода на оперативный простор не получилось. Успеха развить не удалось, а я уже начал мечтать о Витебске и Полоцке. Ну когда же начало зимнего наступления? Не верится, что зима будет спокойной. После лета, декларации, истосковавшееся и заждавшееся сердце не соглашается ни на какие отсрочки. И поэтому хватаемся за каждый повод, и приносит это только разочарование. Не знаю, как дальше, но пока декабрь — самый бедный месяц, а я думал — он повторяет сентябрь.

23/XII

После того, как уже казалось, что всякое наступление под Невелем прекратилось, вдруг — Городок. Он важен не сам по себе — это духовщина Витебска.

Во всяком случае, может ей стать. На украинских направлениях и под Жлобиным ожесточенные контратаки.

24/XII

К Витебску все ближе и ближе и жду его взятия до нового года, но что главное, так это действия Первого Украинского фронта, перемолов ударный кулак немцев, Ватутин снова наступает, и наступает именно там, где немцы рвались к Киеву. Радомышль взят обратно. То, что беспокоило больше всего, отпало. Теперь только взять обратно Житомир, и это будет повторение Курска, а ничего не выходит у немцев с наступлением.

27/XII

С большим удовольствием услышал о потоплении «Шангорста»[1] — новых линкоров они сейчас не построят, а одним

[1] Шарнхорст (линкор) — немецкий линкор времен Второй мировой войны. Потоплен силами британского флота 26 декабря 1943 г. у мыса Нордкап в Норвегии.

утюгом меньше — особенно в момент, когда с таким напряжением ждем открытия второго фронта — совсем неплохая вещь.

Наступление Первого Украинского фронта не замедлилось.

28/XII

Все, что отбили немцы, отвоевали обратно. Черняхов, Коростышев, Коростень, Житомир снова в наших руках. Но этого мало, наступление проходит успешно и около 500 н.п.[1] Казатин, Сквира, Погребище, и нет абсолютно никаких данных о утрате темпа наступления. Дыру в 300 км не так легко затянуть, и это может дать очень и очень много. Каждый день жду Витебск.

2/I 43 г.[2]

Два последних дня еще резче изменили положение на Украине — наши войска совсем неожиданно (для нас, конечно), взяв Олевск и Новоград Волынский, вышли вплотную к старой границе. Этот бросок на запад просто великолепен. Второй раз Манштейн эффектно плюхается в лужу. Котельниковская операция еще жива в памяти, а сейчас, вместо взятия Киева, он, пожалуй, скоро отдаст и Ровно. Если на старой нашей границе и есть у них много укреплений, то взятие Новоград-Волынска пробивает в ней солидную брешь. Теперь вся задача в развитии и расширении прорыва, особенно на юг. Днепровская петля занимает то же положение, что и Донбасс до летнего наступления. Что мы уже начали это начали[3] делать, говорит взятие Белой Церкви. Если даже пойдет удачно, то им из южной Украины придется попросту драпать. Но почему до сих пор ничего с Витебском! Неужели они его смогут удержать.

5/I 44 г.

---

[1] Скорее всего, «населенных пунктов».

[2] 44 год, на самом деле.

[3] Так в тексте.

[Таблица городов, взятых Красной Армией]

Мценск	**Орджоникидзеград**	Кричев	Погребище
Болхов	Осипенко	Чириков	Новоград-Вол. — 1944 г.
Кромы	Ногайск	Невель — октябрь	Олевск
Карачев	Миргород	Тамань	**Белая Церковь**
Орел	Лубны	Киршин	Дзержинск
Дмитриев	Хорол	Пинск	**Бердичев**
Рыльск	Пырятин	Добруж	Тараща
Глухов	Прилуки	**Запорожье**	Ржищев
Спас-Деменск	Духовщина	Лоев	Липовец
Ельня	Ярцево	Пятихатка	**Кировоград**
Жиздра	Трубчевск	Мелитополь	Ильинцы
Занков	Велиж	Днепропетровск	Каменка
Таганрог — сентябрь	Синельниково море	Днепродзержинск	Сарны
Дорогобуж	**Чернигов**	Сураж Витебский	Калинковичи
Кролевец	Золотоноша	Геническ	Мозырь
Путивль	Переяслав	Каховка — ноябрь	Костополь
Шостка	Н. Московск	Скадовск	Славута
Горловка	Почен	Голая пристань	**Красное село**
Никитовка	Стародуб	Цюрюпинск	Петергоф
Дебальцово	Мглин	**Киев**	Урицк
Орджоникидзе	Демидов	Васильков	Новгород
Серго	Остер	Фастов	Мга
Артемовск	**Новороссийск**	Радомышль	Слуцк
Харцизск	Анапа	Коростышев	Пугикин
Константиновка	Унеча	Житомир	Гатчина
Макеевка	Полтава	Малин	Тосно
Конотоп	Холбе... [?]	Каганович	Любань
Бахмач	Клинцы	**Речицы**	Н-Сокольники
Сталино	**Смоленск**	Коростень	Волосово
Мариуполь	Клинцы[1]	**Овруч**	Чудово
Гадяч	**Рославль**	Пропойск	Кингисепп — февраль
Нежин	Новозыбков	**Гомель**	Ровно
Дятьково	Злынка	Александрия — декабрь	Луцк
Гуляй-поле	Темрюк	**Знаменка**	Здолбуново
Новгород-Северский	Нижнеднепровск	Чигирин	Острог
Ромны	Мстиславль	Черкасы	
Валки	Градижск	Городок	
Брянск	**Кременчуг**	Казатин	
	Рудня	Сквира	

[1] Повторение.

Школа	Сорьки
Смела	Кременец
Звенигородко	Винница
Канев	Могилев-Подольск
Богуслав	Литин
Апостолово	**Первомайск**
Каменка	Вознесенск
Никополь	Меджибож
Оредеж	Чертков
Шепетовка	Гусятин
Луга	Каменка
Гдов	
Корсунь	
Ст. Русса	
Сольцы	
Холм	
Дно	
Рогачев	
Кривой Рог	
Порхов	
Пустошка	
Новоржев	
Изяслав	
Ямполь	
Шумск	
Збараж	
Староконстантинов	
Кременец	
Н. Буг	
Умань	
Христиновка	
Хмельник	
Борислав	
Гайворон	
Шевченков	
Херсон	
Гатенск	
Бергиады	
Тульчин	
Бобринец	
Вапнярка	
Ямполь	
Жмеринка	
Н-Украинск	
Дубно	

6 января 1944 г. наши войска на ровенском направлении вступили на территорию Западной Украины. Этот день важен как символ. Ведь не так давно был день, когда первые части ступили на правобережье Днепра. Если так будет развиваться и дальше, то войска Первого Украинского фронта не в одном, а во многих местах выйдут к старой границе. Жаль, что гораздо медленнее развивается его наступление на юг. Чем дальше на юг, тем больше предпосылок для ликвидации Днепровской петли, но пока до этого еще очень далеко. Ведь до Черного моря им еще около 300 км, а это ой как много. Вот если пройдут еще километров 100—150 на юг, тогда для немцев будет реальная угроза окружения. Судя по тому, что они еще держатся за район Канева, Богуслава, Корсуни, не так-то легко их вышибить. Это говорит об упорстве отчаяния у немцев. Под Витебском видно опять стоп. Но уж во взятие его мы твердо верим. Кто бы мог подумать, что украинцы вперед нас выйдут к границе. Как далеко она была от них, а от нас — буквально рукой подать, и вот поди же ты, как получается.

7/I

Статья об Уилки[1] говорит много о наших союзниках и их подлинном лице. Это ведь не просто Уилки, а определенные и не маленькие круги. Вот тут-то и видно стремление выиграть войну нашими руками и вдобавок ущемить нас, ибо страх перед усилиями Советского Союза так и прет у них наружу. Как приятно, что мы сейчас снова можем выступать против них твердо и уверенно, как подобает самостоятельной, сильной, побеждающей стране. Не менее знаменательно и то, что даже для выступления против СССР Уилки должен рядится в тогу дружбы к Советскому Союзу и говорить о восхищении победами Красной Армии. Теперь не 41 и не 42 год, и диктовать себе что-нибудь мы уже не позволим ни врагам, ни «друзьям».

Конев снова начал наступление и окружил Кировоград, если он соединится с Ватутиным, как тот соединился с Переяславской группировкой, то наступление на юг и петлю может пойти гораздо быстрее. Близко подошли и к Виннице. Жаль, что не разберешь, где идут бои в Ровенской области. А на нашем

[1] Уилки Уэнделл (Wilkie) (1892—1944), лидер республиканской партии США, соперник демократа Рузвельта на президентских выборах.

фронте остановились и под Невелем, а про Витебск уже давно ни слова. Что за проклятие.

8/I 44 г.

Взят Кировоград и ряд р-н центров. Если после Кировограда не задержатся, то выйдут к Новоукраинке и Умани на соединение с 1 фронтом. Вступили и в Каменец-Подольскую область. Теперь одна Одесская осталась, в которой нет наших войск. В Ровенской области двигаются на Сарны.

10/I 44 г.

Заявление ТАСС о Польше. Это, по существу, платформа Советского правительства, на основе которой может быть достигнуто соглашение. А к нему уже пора приступать, ибо наши войска уже в Западной Украине, и от новой границы их отделяет не бог весть сколько. Если они сейчас не уладят этого вопроса, то как бы не пришлось им об этом жалеть.

11/I

До чего противна вся эта возня с религией, попами и прочим, я и сказать не могу. Я могу понять, объяснить, но принять не могу. Противоядие чересчур сильно действует, и что бы не говорилось и не писалось, но меня это изменить не сможет. Откровенная враждебность ко всему этому вошла, как говорится, в плоть и кровь. Что-то больно высоко подняла голову вся эта обывательская сволочь, как только кончим войну, так ее надо снова прижать. Невольно вспоминается «О дряни» Маяковского, и это особенно гнусно это[1] сейчас.

1[?]/I

Взяты Сарны. В Ровенскую область врезались глубоко, но насколько это можно судить, наступление на юг приостановилось, и соединения Первого и Второго фронтов не выходит. Контратаки и контратаки. Рокоссовский перешел в наступление по Пинской дороге и вышел вплотную к Мозырю и Калинковичам. Их взятия следует ждать не сегодня-завтра. О том, что у нас сейчас решается вопрос о границах, показывают опубликованные во всех газетах справки о линии Керзона с картой. Границы похожи на новые, но Белосток и прилегающие р-ны отходят к Польше. На Украине вся разница, по существу, в Пе-

[1] Повторение.

ремышле. Это, очевидно, уступки, на которые мы идем. Очень удобно, что граница эта установлена не нами, а союзниками в 19 году, а их заподозрить в какой-либо симпатии к нам невозможно. Одни имена — Пуанкаре, Керзон — говорят об этом со всей очевидностью.

Оказывается, на Киев наступали 6 апреля во главе с Манштейном[1]. Ну что же, традиции 6 армии не особенно пострадали, а уж про Манштейна и говорить нечего. Выручка вышла не хуже Котельниковской[2].

Суд над членами Тайного фашистского совета закончился расстрелом отошедших от Муссолини, и главное — во главе расстрелянных — Чиано[3]. Не от хорошей жизни выкидывает Гитлер такие штуки.

Какое дикое, нелепое событие. Какая неожиданная и глупая смерть. Я не чувствую во всей этой истории себя виноватым ни фактически, ни юридически, ни морально. И все же смерть Сопрунченко висит надо мной. Висит, и никуда от нее не уйти. Вот и спорь после этого с судьбой. Человек остался жив на фронте и погиб за ужином в глубоком тылу. Этой смерти я никогда не забуду.

28/IX 43 г.

Прямо приводит в бешенство вся эта история с митрополитами, патриархами, советом всея Руси и прочее. Цели я прекрасно понимаю, но, но все же гнусная история и отступление уж очень велико. Оно может завести черт знает куда.

Что за черт возьми, только вроде началось все налаживаться, как вдруг эта гнусная история. Чтобы сделать это, нужно не иметь ни совести, ни чести, ничего. Теперь все начинается снова. Связь Аксенова с ним несомненна. Как могут подвести

---

[1] Манштейн Эрих фон (Mannstein) (1887—1973), немецкий фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. Сыграл решающую роль в захвате Польши в 1939 г. Выдвинул основную идею плана вторжения во Францию. В 1944 г. был уволен в отставку за постоянные разногласия с Гитлером.

[2] Котельниковская операция, окончившаяся провалом стратегическая военная операция немецких войск против Красной Армии с целью прорыва блокады вокруг окруженных под Сталинградом войск.

[3] Чиано Джан Галеаццо, граф Кортелаццо (Ciano) (1903—1944), итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Муссолини.

люди, которым доверяешь. Теперь снова начинается «хождение по мукам».

14/X

Дело гораздо серьезнее, чем можно было подумать. Вся эта история окончательно вывела меня из равновесия и душевного, и физического. Я как-то стал совсем другим.

17/X

Две этих истории сыграли свою роль[1]. Случись они в другое время, о них скоро бы забыли, а тут они подоспели как раз вовремя, чтобы зачеркнуть всю прошлую работу. Это обидно сейчас, а что будет тогда. Явно не везет мне в этом отношении.

24/X

И даже после всего этого я не сумел увидеть основного: это не временное, а постоянное, и будет в той или иной степени продолжаться до конца. За всю свою жизнь не был в подобном положении и до чего это меня расстраивает, и не скажешь. Плохо, совсем плохо. Вот теперь по-настоящему видно, что пора на фронт от этого. Здесь я, кроме дергания и замечаний, ничего не получу. И все же я выбьюсь из сил, а взвод переломлю. Передовым он, конечно, не станет, но порядок я в нем наведу.

Самое плохое, что подошел срок перехода в члены партии, а с какими глазами я туда сейчас пойду. Теперь, видимо, придется оставить до фронта, и это самое тяжелое из всей истории.

А как подумаешь об Ириной неудаче, так совсем не знаю, что делать. Как нелепо все получается. Видимо, один раз мне повезло, и на этом [можно] поставить точку.

5/XI

Сегодня день рождения Лены. Вспоминается далекое прошлое, и сама она встает передо мной уже не прежней, а новой такой, как я ее видел недавно. Я ничего не сказал, и не скажу Ире, но очень пугает меня ее переезд. Что будет с детьми. Мать каждую минуту может сорваться и уехать в Смоленск. Что тогда с ними будет. А кроме того, мы явно становимся чужими для них, и если о нас помнят, то в силу традиции. А как-то выходит, мы для них, для их души уже почти и не нужны. А что будет с отъездом Иры. Это [чувство] еще больше усилится. Сознаешь

[1] Точные сведения установить не удалось.

неизбежность этого, но это очень больно. Возможно, что на самом деле это не так резко, и после войны все станет на свое место, но сейчас от этого не легче.

5/X

Человек теперь может любить, и он может любить еще лучше, чем раньше. Конечно не потому, что легко развестись, или потому, что девушки «с нами сговорчивее», как у нас думают некоторые. Все это низость! Но жизнь теперь такая тяжелая, такая большая, что и любовь растет. Трудно, очень трудно теперь любить! Наверное, куда труднее, чем раньше. Но зато и любовь эта выше.

И. Эренбург. День второй

Ира наконец получила вызов, и верю, что теперь добьется. Пусть впереди еще 999 шагов, и сделан только первый. Но ведь самое трудное. Это был этот первый шаг, и без него нельзя было сделать остальные. Многое о Викторе продолжает спор, начатый при встрече. Принципиально может быть и права, но практически не то, не то. Вернее, в принципе права, а вообще я во всех этих вопросах запутался и сохранил ясность только для себя. Как я рад, что получил вызов, это даст жизнь Ире. Но это же заставляет очень и очень думать о детях.

28/X

25 лет комсомола — сколько дум и воспоминаний рождает эта дата, сколько светлого и одновременно тяжелого встает перед глазами. Комсомол, Родина, партия, Сталин! Снова составлявшие символ веры с ранних лет и вдвойне радостно, что этот юбилей я встречаю с партбилетом. И что бы не стояло перед глазами, сколько тяжелых и даже отчаянных минут не пришлось пережить — дружная комсомольская семья заслонит все это. МЭТ. Д. Я Ира. Вот помимо всего прочего, кто сделал из меня коммуниста, и им за это глубочайшая любовь и признательность человека, ставшего наконец на свое место в строю. Место, о котором он столько мечтал, которое стоило ему столько страданий и мучительных исканий, занято. Вперед! Сметь, дерзать!

Из писем Иры

Молодцы, наши советские люди. Но советскую, часто малосознательную, крестьянку надо озолотить! Это она, своими ру-

ками, с уставшей от слезы ожидания мужа, сына, душой — это она подняла тысячи га земли.

Тяжела доля солдата, но не легка, ах, как не легка доля солдатки. И вправе ждать твоя солдатка после суровых дней войны тебя, солдата, в дом свой, и вправе прямо заглянуть в любимые родные глаза своими истосковавшимися глазами.

Я осталась совсем одна в темной ночи на ж.-д. пути. Сколько еще таких темных ночей нужно пережить, сколько неведомых, далеких и близких путей пройти, чтоб дойти до тебя навсегда.

Я верила и верю в тебя, а теперь я знаю, что верила не напрасно. Я ни в чем в тебе не обманулась. Верую, верую... в тебя, в твою любовь, в нашу новую встречу.

Я многого не хочу, а вот так бы посидеть с тобой рядом, тебя слегка погладить твою голову, прильнуть к твоему плечу, как тогда...

Когда на сердце любимого видишь малейшие царапины и если знаешь, что их могло и не быть, становится особенно больно.

И ты знаешь, как выглядит женщина, которая любит, и если знаешь, что она любима глубоким человеком, что любит ее человек в истинном значении этого слова? — она похорошела, поумнела, ее осеняет творческое вдохновение; над ней витает спокойная уверенность, что «мы еще увидим небо в алмазах».

В сердце моем ты, руку твою и любовь твою я ощущаю, хотя нас разделяют сотни и сотни километров.

Сегодня я продвинулась к осуществлению своей мечты на 1 шаг. Остается по меньшей мере еще 999 шагов. Буду упорно продвигаться и остановлюсь только на пороге твоего дома и последний 999 шаг предоставляю сделать тебе.

Жил человек с замороженными чувствами и убитой плотью. Никакие страсти не обуревали и не мучали. А теперь... Мучаюсь, страдаю, жду. Тяжелее теперь. Верю в скорое.

Еще напор и враг бежит.

Скоро, скоро, скоро?.. как это звучит реально. Как много в этом сказано.

Привыкла видеть тебя сильным и особенно в критические моменты. Люблю тебя сильным и не могу пройти равнодушно даже мимо 3-дневной слабости.

Замечательное, прямо вдохновенное письмо от Иры. Я так рад, что и в Москве начинается становление. А ждать все труднее, и хотя последние дни были прямо чертовскими по нагрузке, ожидание наполняет всего. После упорных напоминаний о вызове меня начинает пугать, а вдруг она не решится ехать без пропуска. Это будет для меня катастрофой. Но не может, не должно этого быть.

Из письма

Все наше несчастье заключается в том, что мы общались и общаемся в кругу таких людей, и когда судьба выбрасывает нас из этого круга в жизнь, мы с ужасом видим, как много там хлама, о котором и думать забыли... А что же делать? Бороться! Бороться и бороться!

Красиво это, когда на фоне немного московского неба вспыхивают разноцветные ракеты, а отблеск вспышек озаряет улицы, площади, людей!.. Доносится издали гул залпов, и вносит нечто торжественное и святое... Хорошо! И на душе становится ясно и чисто...

Как к солнцу тянется трава,
Как я к тебе тянусь,
Любовь, пока я жив, жива
И я к тебе вернусь.

Большая дружба на слова
Всегда была скупой.
Не все нам в письмах целовать
И называть родной.

Нам будет радостно вдвойне,
Когда окончим путь,
На письма, как в глаза жене,
С улыбкою взглянуть.

Пусть по письмам, пусть по этим строчкам
Голос сердца, как живой, пройдет,
Пусть тебе напомнит этот почерк:
Где-то, кто-то для тебя живет.

Не о смерти думаем в дороге,
Даже там, где горькая зола,
Я живу, родная, чтобы строго
Нашей правды завершить дела.

Наше сердце очищалось вьюгой,
Боем закалялось на огне,
Разве можно потерять друг друга,
Если мы с тобою на войне.

Ст. л-т А. Возняк

Хорошие они у нас были, настоящие.
Желаю боевого и человеческого счастья.

Сегодня пришла открытка. И снова ведь открытка, как я их не люблю. Ира приезжает в промежуток 5—10. Значит, справки разойдутся с ней. Ира приезжает. Это меня совершенно выбило из колеи. Я ничего не могу делать, за что ни возьмусь. Ни читать, ни писать, ни думать. Значит, минимум неделя, максимум две, и мы увидимся. Но что судьба окончательно смеется над нами, что ли. Летом я приехал и метался, тревожась, что ее так и не найдут. А теперь, после того как всю осень и зиму просидел на одном месте, уходим на выход как раз в те дни, когда должна приехать Ира. Что за черт возьми, только этого не хватало. После всего этого я действительно буду вполне подготовлен к Бурашеву. Никогда не думал, что 2 недели — это так много. Будь это до такого неожиданного повышения, а оно мне, признаться, не дает покоя, я бы легко ушел с выхода, а теперь это будет не так легко сделать. Какое-то дикое самочувствие, и нервы начинают отказывать. Вопрос самолюбия — справиться с ротой, но это придет не само и не легко. А сколько подводных камней ждет на этом пути. Кто это знает, плохо, что командиры все новички, и сесть с ними я могу классически. Этого я не должен допустить.

30/I

Ира пишет, что адреса Ани все нет. Совершенно не понимаю, как это может быть — ведь я послал его давным-давно, и почему так совершенно непонятно. Либо письма мои пропали, либо идут они с черепашьей скоростью, хотя и это странно, так как московские письма ко мне идут очень быстро. Это очень плохо. Мне очень хочется, чтобы они встретились. У Иры хорошее чутье на людей, и ошибаться в этом вопросе мне очень не хочется. А ведь я видел ее всего один раз, да и то при таких

необычных обстоятельствах. Чтобы бороться, нужно быть твердо уверенным, а вдруг это не так, и тогда... Не теряю надежды, что они еще увидятся, и мы еще откровенно поговорим об этом с Ирой.

Чудесное письмо Цили Сербенюк. И хорошо оно своей простотой и чувствами, которые не прячут и не выставляют напоказ, а просто высказывают не мудря. Если к письму Бейлин, кстати, она что-то замолчала, и это меня даже радует, было двойное отношение, то это письмо просто обрадовало меня и отвечал я на него с удовольствием. А вот Игорю и Циммельфарб я отвечал, скорее, по обязанности, чем от сердца. Не ответить нельзя — это будет с моей стороны больше чем нетактично, но и отвечать особенно не тянет, хотя и приятно, что пишут совсем разные люди. Война развеяла старых друзей, да и когда у меня их было много, а что взамен — один, правда большой и настоящий. И трудно даже представить себе, что я в армии и без него, а ведь это когда-нибудь случиться.

30/I

На сцене война — это выстрелы, знамена, исторические фразы, труба горниста, мрамор победы. А война — сложное и тяжелое дело, здесь и смерть и сердечная тоска, и хозяйственная забота.

Трудно быть героем один день в бою, но еще труднее быть героем два года, среди врагов и предателей.

И. Эренбург

Фугаски — это еще цветочки. А ягодки придут по земле.

Победа ходит по полям войны
В разношенных пехотных сапогах...
Когда во всей России непокой
Мне не к лицу фунтами мерять кладь:
Ведь Сталин знает, кто я есть такой,
Чего ж солдату большего желать.

А. Сурков

Все мы должны держаться вместе, в противном случае мы, несомненно, будем вместе порознь.

Б. Франклин[1]

---

[1] Франклин Бенджамин (Franklin) (1706—1790), американский ученый, журналист, издатель, дипломат и политический деятель. Один из лидеров войны за независимость США.

Не держаться устава, яко слепой стены, ибо там только порядки писаны, а времен и случаем нет.

Устав Петра I

Есть вещи, которые, будучи заранее известны, поражают все же, как нечто неожиданное, чудовищное, доселе не бывшее.

В. Инбер[1]

Многие люди выдают за идею первую глупость, пришедшую им в голову.

Г. Гейне

Да разве не чудо — человек? Как просты самые сложные машины по сравнению с человеком, который их изобрел. Настает час, рождаются Пушкин, Толстой, рождается Мечников. Кто знает, кем станет этот ребенок, что сейчас играет с пустой жестянкой? Да и не в одних гениях волшебство человеческой жизни. Часто говорят: «обыкновенный человек», а это все равно, что сказать: «обыкновенное чудо», ведь жизнь каждого человека прекрасна, сложна и необычайна. Что может быть выше человека.

И. Эренбург

Где мысль сильна, там дело полно силы...

У. Шекспир

Тот, кто хочет понять войну, тот должен научиться понимать тех, кто ее ведет.

Й. Вартенбург[2]

Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью, держится и держится жизнь.

Молодость! Тебе ни до чего нет дела, как будто бы обладаешь всеми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тешит, даже печаль тебе к лицу, ты самоуверенна, ты дерзка, ты говоришь — я одна живу — смотрите, а у самой дни исчезают без счета, и все в тебе исчезает, как воск на солнце, как снег...

---

[1] Инбер Вера Михайловна (1890—1972), русская советская поэтесса и прозаик.

[2] Йорк фон Вартенбург (York von Wartenburg) Людвиг (1759—1830), граф, немецкий фельдмаршал (1814). Командовал прусским вспомогательным корпусом в Прибалтике во время нашествия войск Наполеона на Россию в 1812 г.

И может быть, вся тайна твоей прелести состоит не в возможности все сделать, а в возможности думать, что ты все сделаешь, состоит именно в том, что ты пускаешь по ветру силы, которые ни на что другое употребить бы не умела, в том, что каждый из нас полагает себя расточителем, не шутя полагает, что он вправе сказать: «О что бы я сделал, если б я не потерял времени даром».

И. Тургенев

Воспоминаний много, а вспомнить нечего, и впереди передо мною длинная, длинная дорога, а цели нет...

И. Тургенев

Я снова начинаю чувствовать себя одиноким. Почему, отчего? Ведь как будто все осталось по-прежнему, ничего не изменилось, и, однако, это так, хотя и объяснить этого я не смогу. Плохо людям с таким характером, как у меня, но переделать его уж нельзя. Таким создали его жизнь, особенно детство и юность, и таким он видно и останется до смерти. Как ни трудно это самому и окружающим.

Продолжающаяся и все развивающаяся история[1] окончательно изменила меня, я снова могу не выдержать и свалиться, и тут еще как с неба упавший класс и годовщина. Все это совсем меня доконало, и писем не получаю и сам не могу писать. И главное сейчас после всей этой возни я для себя не решил, что Колобков главарь шайки, или просто заступавшийся человек. Нет, так дальше нельзя.

18/XI

Прошло 21 ноября и наш праздник, совпадающий с ним. Невольно вспоминаются радости прошлого года, какая разница с нынешним и не сравнить. Я так и не могу решить, подавать сейчас в партию, или я не имею на это морального права. А награды меня совсем не тронули. Больше того, меня даже удивили деньги и благодарность. Мне обидно не за себя, а за Плужника, Килинника, Карлеона, по сравнению с ручкой и Куртом. А мне просто не повезло и все.

24/XI

---

[1] Ситуация на курсах младших лейтенантов, где преподавал М.Т. Белявский.

Юноше, обдумывающему житье,
Решающему — сделать бы жизнь с кого,
Скажу, не задумываясь, — делай ее
С товарища Дзержинского.

В. Маяковский

Я не умею отдавать только половину души,
Я могу отдать всю душу, или ничего не отдам.

И все же я смогу, — необходимо смочь, как смогло вынести огромное множество людей гораздо худшие муки и страдания.

Здесь в тюрьме часто бывают тяжело, временами даже страшно... И тем не менее, если бы мне предоставлялось начать жизнь сызнова, я начал бы ее так, как начал. И не по долгу, не по обязанности. Это для меня органическая необходимость.

Ты знала меня ребенком, подростком, но теперь я уже могу назвать себя взрослым человеком, и жизнь может меня лишь уничтожить, подобно тому как буря валит столетние дубы, но никогда не изменит меня. Я не могу не изменить себя, не измениться. Мне уже невозможно вернуться назад. Течение, которое меня захватило, несет с собой все далее и далее, пока я до конца не изношусь в борьбе, т.е. пределом моей борьбы может быть лишь могила.

Ф. Дзержинский[1]

Жизни годы

Прошли не даром, ясен предо мною
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!
Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
Дитя и муж, и старец пусть ведет,
Чтоб я увидел в блеске силы дивной
Свободный край, свободный мой народ!

И. Гёте

Мы знаем, что такое настоящая жизнь, жизнь во весь рост. Эта жизнь настолько прекрасна, что ради нее каждый готов отдать свою жизнь.

И. Эренбург

---

[1] Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926), советский государственный деятель, основатель ВЧК.

Пусть не осталось ничего
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах.

Э. Багрицкий[1]

Счастлив тот, у кого сердце бьется за Родину.

А. Антоновская[2]

Да здравствует борьба!
Вперед, молодежь чудесной страны!

Н. Островский

Помни, что, кроме личного, у нас есть гораздо большее, это борьба и честь нашей Родины.

Только вперед, только на линию огня, только через трудности к победе и только к победе, и никуда иначе! Вот девиз молодежи нашей страны, девиз прекрасный, девиз мужественный, девиз, завещанный нашими вождями.

Если уж начался бой, то цель одна — разгромить врага.

Н. Островский

Любите свой народ, изучайте его историю, его культуру, его науку, его искусство, гордитесь русским вкладом в сокровищницу мысли, а прежде всего и раньше всего — учитесь защищать свой народ от врага.

Академик В. Комаров[3]

И пускай надо мной кружит мой ястреб...
— Мы еще повоюем, черт возьми!

И. Тургенев

Мы не хотим жить, как трава растет.

Михайлов, секр. УК ВЛКСМ

---

[1] Багрицкий Эдуард Георгиевич (Дзюбин) (1895—1934), советский поэт, переводчик и драматург.

[2] Антоновская Анна Арнольдовна (1886—1967), русская писательница, сценарист, литературный критик и публицист.

[3] Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945), выдающийся русский ботаник и географ. Президент Академии наук СССР (1939—1945).

Настоящий большой советский человек по-настоящему серьезно и глубоко любит, и верность в любви для него нечто само собой разумеющееся — это норма его поведения. Она не «преодолевает соблазнов», ибо они для нее просто не существуют. Она не может изменить своему мужу, ибо это означало бы изменить себе самой, своим взглядам, своему пониманию чувства долга, порядочности.

Из статьи «Жди меня»

Нет, не правда, что счастье лишь в том, что имеешь. Оно и в том, чего еще нет у тебя в страстном его ожидании, в движении навстречу своей мечте.

В. Ильенков

Черт его знает, если по-человечески сказать, как хочется жить и жить.

С. Киров

Поделом тому, кто сдался! Сильным побеждать дано.

Гораздо легче видеть, как умирают герои, чем слушать вопли о пощаде какого-нибудь жалкого труса.

Дж. Лондон

Кто не горит, тот коптит — это закон. Да здравствует пламя жизни!

Н. Островский

Катастрофа с Виктором. Как дико, нелепо, страшно. Только что мы с ним разговаривали, мечтали, спорили и вдруг живой мертвец. Если он выздоровеет, но останется таким, то лучше смерть. Замечательный парень, столько силы и веры, лучший и подлинный представитель офицерства. Как он стал мне близок за этот год. Его утрата может стать катастрофой и для меня, ведь это часть самого меня. Я не могу примириться с этой мыслью. Виктор и смерть, или еще хуже, и это тогда, когда он был сама живая жизнь. Как написать об этом родным и Ане? Я чувствую, что сам становлюсь сумасшедшим.

27/XI

Так тяжело, что ни за что не могу взяться. Горько и пусто в душе. Хочется плакать от злости. Я чувствую что-то огромное, тяжелое, неизвестное навалилось на меня и буквально раздавливает мою душу. Передо мною, как будущее мое, висит призрак Виктора. «Нет правды на земле, но правды нет и выше»...

Ряд писем на имя Виктора. Я кое о чем догадывался, но все же никак не думал, что его домашние дела так плохи, и почему только на бедного мальчика обрушилось все сразу. Это, может быть, сыграло свою роль. Как тяжело, что и он, и я совершенно бессильны помочь своим близким. Нужно написать бабушке, но это еще труднее, чем Ане.

Неожиданное письмо от Бейлин. Двоякое чувство вызвало это письмо. Я никогда не забуду и никогда не прощу последнего выступления, такого гнусного в ее положении. Оно лучше многих слов показало ее настоящее лицо. И когда я вспоминал о нем, мне хотелось бросить письмо в печку и навсегда забыть о нем. С другой, вспоминались 10 лет, проведенные вместе и все, что прошло за эти 10 лет. Я ответил, но если так можно сказать, то я ответил не ей, а прошлому со всем его горем, страданиями, поисками и радостями. Уж очень много места в жизни занял этот школьный период, и забыть о нем нельзя.

Такое же быстрое и внезапное выздоровление Виктора, как и болезнь. Я не знаю, насколько можно верить этому выздоровлению вполне. Во всяком случае, худшее позади и теперь кажется, весь вопрос только в сроках, а они не так уж велики. С нетерпением жду возвращения его.

31/XI

Когда же это, в конце концов, кончится. Я, кажется, не выдержу больше. Только расквитаешься с одним, как навязывается новое, ничуть не легче, и так непрерывно весь выпуск.

То, что сообщила Л.Б. о моих ребятах, так страшно и тяжело, что я никак не могу прийти в себя. Ведь все, весь цвет, вся моя гордость и надежда уже никогда не будут с нами и никогда не услышат великого слова «Победа», ради которого они отдали свою жизнь.

С ними ушла в могилу частица моей души, моего сердца, которую я вложил в них, столько работать над тем, чтобы они стали настоящими Советскими людьми, и так быстро потерять их всех, мальчики мои, товарищи мои, до слез обидно и жалко ваших молодых жизней, верится, что вы немало принесли бы пользы Родине. Вы погибли, не начав еще по-настоящему жить, и пусть ваша смерть будет в счете ненависти и мести.

За вас, жизнь которых так рано оторвала эта сволочь, за тех, кто вас любил и растил, кто ждал и уж никогда не дождется вас. За жизнь — смерть.

Ведь это смерть требует смерти. Как обидно, что ни с кем из них я не мог ни увидеться, ни поговорить хотя бы в письме. И если слова Лени были действительно, то я чувствую себя в чем-то виноватым.

Наверное, много преувеличено в оценке моей личности, но если тут есть хоть частица правды, то тогда я прожил не зря, и если не суждено мне пережить войну, то я знаю, что в грядущей победе есть и моя [доля и доля] моих птенцов.

Я долго думал, почему у меня нет особой охоты отвечать на письмо, а сейчас мне кажется потому, что это письмо не участницы, а посторонней. Если ошибаюсь, буду только рад. Но есть в нем что-то, что меня отталкивает.

18/XII

...Все тяжелее груз наследства,
Все уже круг твоих друзей...[1]

Как быть с письмами Ире? В Медногорск писать, пожалуй, уже бесполезно, а куда писать на Москву, не знаю. Мне никак не хочется, чтобы переезд ознаменовался перерывом. Ведь кажется уже мало времени осталось для регулярной связи и кто знает, что произойдет дальше. Вот расстроил же Иру совсем небольшой перерыв, и черные мысли полезли в голову, а это может совсем выбить из колеи, по себе знаю. И все же мы скоро увидимся. Либо она приедет, либо я заеду перед отъездом на фронт, а это не за горами.

19/XII

1944-й! Вот и прошел целый год. Год Сталинграда, Курска, Днепра, год Туниса и Италии. Год Перелома. Многое вспоминаешь, когда оглядываешься, многое отслеживаешь по-новому. И пусть 43 год не стал, как мы ждали, годом Победы, он ее подготовил. Еще весной, даже после Сталинграда, вопрос о Победе казался нерешенным, особенно это сильно выступало после Харькова. Сейчас вопрос решен твердо и бесповоротно, и весь вопрос только в сроках. Инициатива бесповоротно утрачена не только на нашем фронте, но немцы потеряли ее на всех фронтах.

---

[1] Из стихотворения К.М. Симонова «Смерть друга» (1942).

Харьков, Курск, Житомир показывают полную бесплодность активных действий со стороны Германии. Союз США, Англии и СССР, который был до сих пор скорее символическим союзом, или во всяком случае союзом торгаша с воином, стал наконец настоящим боевым союзом. II фронт из объекта надежд и мечтаний, кажется скоро станет реальным фактом.

Когда вспоминали, что год назад немцы были в Сталинграде, Пятигорске, Воронеже. Ржеве, Гжатске, и когда сейчас мы стоим у Херсона, Винницы, Мозыря, Витебска и Орши. Видно, как много мы сделали за год.

1943 год начался Сталинградом и закончился Житомиром.

1944 год начался наступлением и закончиться должен победой и миром. Действительно, — «земля стосковалась по колосьям, и сердце стосковалось по счастию».

Лично я настоящим командиром стал именно в 1943 г., не училище, не курсы, а именно 1943 год сделал меня командиром, может быть это «баранка, которой я наелся», но это факт. В 1944 г. я должен стать настоящим боевым командиром.

1943 год был для меня годом свидания, так пусть 1944 год будет годом возвращения к жизни. Ждать все труднее, и каждый день промедления переносить все тяжелее и радуюсь успехам наступления наших войск, мы ждем решающего одновременных[1] ударов по стране-душегубке.

Победа, мир, жизнь, счастье — вот что мы ждем от 1944-го.

[Далее по тексту две вклейки — статьи Эренбурга «Помни» и «Пора»]

ПОМНИ!

Каждый день приносит нам новые испытания. Кровью обливается сердце России. Враг топчет нивы Кубани. Он слышит запах нефти. Он видит первые отроги Кавказа. Он уничтожает наши города, наши здравницы. Он рвется к низовьям Волги. Он рвется к мощным нефтяным промыслам. Узнали горе станицы Кубани. Как высказать такую обиду? Не писать хочется — стрелять. Одно чувство объединяет весь наш народ: ненависть. Эту ненависть немцам не вытоптать, не засыпать, не унять. Она с каждым днем разгорается. Она требует выхода: остановить врага, уничтожить, за все отплатить.

---

[1] Несогласованность определений.

Были на карте России зеленые леса, синие реки, рыжие горы. Теперь карта кажется залитой кровью. Многострадальная земля молит: «Очисти меня от немцев!» Можно все стерпеть — чуму, голод, смерть. Нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское и которые проползли от Карпат до предгорья Кавказа по исконно нашей земле. Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады.

Забудем про все на свете, кроме одного: немцы на нашей земле. Пусть эта мысль жжет наше сердце, гложет нас изнутри, не дает ни минуты отдыха. Ты сел обедать? Помни: русский хлеб едят немцы и немки, а наши дети под немцами умирают от голоду. Помни: немцы кормят наших пленных помоями, отрубями, тухлятиной. Ты глядишь на зеленую лужайку? Много у нас цветов — и ромашка, и колокольчики, и гвоздика. Когда-то девушки срывали цветы... Помни: девушек обижает немец. Непотребный, грязный, брезгливый, он издевается над девичьей честью и над девичьим стыдом. Ты получил письмо от матери из далекого мирного села? Помни: прошлой весной мирно жила Белоруссия. Помни: этой весной мирно жила Кубань. Теперь нет тыла, нет покоя. Если мы не перебьем немцев, они пойдут дальше, они дойдут и до твоего села. Ты задремал? Помни: ночь под немцами это — ночь без сна, это ночь пыток, это ночь великого молчания — они не позволят и вскрикнуть.

Нет сейчас ни книг, ни любви, ни звезд, ничего кроме одной мысли: убить немцев, перебить их всех. Закопать. Тогда уснем. Тогда вспомним про жизнь, про книги, про девушек, про счастье. А теперь — сражаться, как одержимые. Жить, как фанатики. Мы не скажем «доброе утро» или «спокойной ночи». Мы скажем утром «убей немца» и ночью «убей немца». Немцы заслонили от нас жизнь. Мы хотим жить. И мы должны убить немцев.

Не будем надеяться ни на реки, ни на горы. Будем надеяться только на себя. Немцы переходили через горы. Они переплывали через моря. Фермопилы их не остановили, Критское море их не остановило. Их остановили люди — не в горах и не на берегу широкой реки — на подмосковных огородах.

Если кто-нибудь тебе скажет, что немец победит, плюнь ему в глаза: это трус, это человек, рожденный для рабства, это не человек — это немецкая пешка. Немец не может победить, потому что мы перебьем всех немцев. Как бы ни было нам тяжко,

на все пойдет наш народ, лишь бы не жить под немцем. Под немцем нельзя жить, под немцем можно только умереть. В Белоруссии девчата идут на немцев с топорами. А у Красной Армии не топоры — у нее минометы, автоматы, замечательная артиллерия. Мы их перебьем, это всякий понимает. Но нужно их перебить скорее, не то они разорят всю Россию, замучают еще миллионы людей. Нужно спасать жизнь. Дети хотят жить — наши дети. Родина хочет жить — наша родина.

Партизаны, взрывайте немецкие поезда! На тихих участках, снайперы, бейте немецкого зверя! На фронтах, где наши подразделения наступают, бойцы, вперед! Прогрызая оборону врага, вы не только освобождаете родимые деревни, вы убиваете немцев. Немец, убитый под Ленинградом, не полезет на Грозный. Немец, убитый у Воронежа, не покажется на Черном море. Есть только один способ отомстить за Кубань: убить немца, того, что перед тобой. Есть только один способ выручить бойцов Юга: убить немца — в Карелии, в Смоленщине, под Новгородом или у Гжатска. Бойцы Юга, держитесь! Каждый выигранный день — это глоток воздуха России. Каждый выигранный день — это столько-то воинских эшелонов. Каждый выигранный день — это тысячи немецких трупов. Немцы гордятся своими заводами, но и на этих заводах нельзя изготовить немцев. Вместо убитого немца нескоро вырастет другой. Есть только один способ спасти Россию — перебить немцев.

Илья Эренбург

ПОРА!

Один трус сказал мне: «Напрасно говорили зимой, что миф о непобедимости германской армии развеян. Ведь немцы идут вперед»...

Никто никогда не говорил, что немцы не могут побеждать. Мы говорили, что немцев можно победить. Зимой это увидели все, и прежде всего сами немцы. Лавры — это лавры, а синяки — это синяки. Только трус может теперь назвать армию Гитлера «непобедимой». Она одержала на Юге ряд побед, но от этого она не стала непобедимой. Мы знаем, что немцев можно бить: мы это изучили на практике.

Наши бойцы остановили немцев возле Воронежа. Если немцы прошли к Ростову, то вовсе не потому, что немцы — вездеходы. Они прошли потому, что нашли брешь в нашей обороне.

Наши бойцы не подпускают немцев к Сталинграду. Вот уже много недель, как немцы тщетно пытаются прорваться к Волге. Что их останавливает? Горы? Доты? Нет, люди.

Где прошлогодние немцы, нахальные и веселые, с лихо набекрень заломленными пилотками, танкисты в майках, беззаботные «организаторы» свиней и кур, нафиксатуаренные к московскому параду? Немцы теперь наступают угрюмо. Их даже не веселят «трофейные» вина Кавказа. Они ждут ответных ударов, и не грех ударить по этим психующим фрицам.

Немецкие газеты много говорят о русском урожае. Они пишут о пшенице, о рисе, о цитрусах. Один из них философствует: «На благодатной кубанской земле мигом все всходит». Немецкие газеты не говорят только об одних молниеносных всходах: о немецких крестах. Они дружно поднялись — от Воронежа до Пятигорска. Ефрейтор Рудольф Каговиц пишет своему брату: «На всем пути от Армавира мы видели немецкие могилы. Это очень печальное зрелище»... Как для кого. Когда мы погоним немцев назад, это зрелище будет веселить наших бойцов. Немецкие кресты — вот урожай Гитлера.

Немцы воюют из последних сил. Они перекинули двадцать две дивизии с Запада в Россию. Они обнажили побережье Атлантики. Они, видимо, рассчитывают на тонкость своих расчетов. Но как здесь не сказать: «Где тонко, там и рвется?» Еще не рвется. Но обязательно порвется.

Немцы нагнали к нам всю свою челядь. У нас теперь воюют девяносто вассальных дивизий. Но ведь солдат солдату рознь. Найдется ли трус, чтобы назвать «непобедимыми» итальянцев? Их били все, включая эфиопов, вооруженных охотничьими ружьями. Неужели мы не расколотим этих шарманщиков с петушиными перьями? Неужели мы не протрезвим венгерских пьяниц, окунув их в воды Дона? Неужели не перебьем вшивое воинство Антонеску? Барин отощал, его теперь слуги возят. Без своих вассалов Гитлер не смог бы добраться до Кубани. Нужно быть справедливым: ударить и по барину, и по слугам.

Немцы зашли далеко от своих баз. Они говорят: «Мы прорвались». Скоро им придется сказать: «Мы зарвались». Тысячи километров должны покрывать немецкие эшелоны по враждебной стране. То и дело взрываются немецкие поезда: партизаны научились закладывать мины. Прошлым летом партизаны убивали немцев в розницу, теперь они их убивают оптом.

Легко немецкому артиллеристу пустить свой снаряд, но нелегко было привести этот снаряд из Бреславля в Пятигорск. Немцы разбрелись, распылились среди необъятных просторов России. Дело идет к хорошей русской метле.

Прошлым летом немцы окружали наши крупные части. Пора им напомнить, что слово «окружение» существует — и по-немецки, и по-русски. Каждый немец в России — в окружении: он окружен русскими. Он окружен, и он должен быть уничтожен.

Прошлым летом немцы наступали по всему фронту. Взяв Смоленск, они тотчас двинулись на Киев. Они одновременно шли на Одессу и на Ленинград. Захватив Киев, они начали поход на Москву. Теперь они наступают только на Юге. Им пришлось даже у Воронежа перейти к обороне. Каждый день бойцы на разных фронтах наносят немцам серьезные удары. Прошлым летом немцы были куда сильнее, но все же они старались выпрямить, укоротить фронт. Теперь у них народу куда меньше, а фронт стал куда длиннее: диагональ от Западной Длины до Кумы, от Ленинграда до Пятигорска. Немцы любят разыскивать прорехи в нашей обороне. Пора им показать, что мы не слепые — у немцев немало прорех и прорух.

Когда немцам хорошо, они стараются скромничать. Когда немцам становится туго, они начинают врать. Прошлой осенью немцы шли на Москву. Германское командование знало, что силы немцев на исходе, что наступление выдыхается. Гитлер решил подбодрить своих солдат. И объявил, что «Красная Армия уничтожена». Два месяца спустя немцы удирали во все лопатки от «уничтоженной» Красной Армии. В июле этого года немцы прибеднялись. Они быстро двигались вперед, но они расписывали, с каким трудом они продвигаются. Теперь их продвижение замедлилось. Наше сопротивление окрепло. И немецкие газеты, пытаясь воодушевить фрицев, пишут: «Красная Армия уничтожена». Это — хороший признак. Значит, они уже идут через силу. Значит, пора их остановить и погнать.

Мы не боимся правды. Мы знаем, что мы потеряли за эти месяцы. Мы знаем, как тяжелы колосья Кубани. Мы видим, как горит нефть Майкопа. Мы помним, что немцы разорили цветущие области, обратили в рабство миллионы наших соотечественников. Трудно нам было после зимних побед снова отведать горечь отступления. Трудно и тошно. Но горе разъело

старые раны, и весь наш народ не может дольше терпеть. Он горит одним: отплатить немцам полной мерой.

Немцы еще наступают. Пора остановить врага! Позади великая река Волга. Позади нефть Грозного. Позади сады Черноморского побережья. Немцев нельзя пропустить дальше. Боец, с тобой идет в бой не только твоя рота. С тобой идут вся армия, весь народ. С тобой идут погибшие герои, солдаты, преграждавшие путь врагу прошлым летом и гнавшие врага прошлой зимой. С тобой идут в бой двадцать восемь гвардейцев. С тобой идет хрупкая девушка Таня и суровые моряки Севастополя. С тобой идут великие мертвецы. Ты их не осрамишь. С отбой идут твои прадеды, сколотившие Россию, витязи Игоря, дружина Димитрия. С тобой идут солдаты двенадцатого года, прогнавшие непобедимого Наполеона. С тобой идут буденовцы и чапаевцы, голодные, босые и победившие наперекор всему. С тобой идут твои дети, твоя мать, твоя жена. Они тебя благословляют. Ты отвоюешь матери тихую старость, жене радость встречи, детям счастье. Боец, с тобой идет Россия. Она идет рядом. Прислушайся к ее крылатым шагам. Она тебя приободрит задушевным словом в минуту боя. Она поддержит тебя, если ты дрогнешь. Она обнимет тебя, если ты победишь.

Илья Эренбург

[Подчеркнуто автором дневника]

Собравшиеся стоя исполнили партийный гимн «Интернационал».

Из отчета о торжественном траурном заседании по случаю 20-летия со дня смерти Ленина

Трудно даже объяснить, почему меня это так обрадовало. С «Интернационалом» связано слишком много, и расставаться с ним было тяжело. А сейчас он все равно наш гимн. И конечно, он больше партийный, чем государственный гимн.

Никак я как следует не разберусь в смысле и целях решения 10 сессии Наркоминдела и НКО в союзных республиках. Вне всякого сомнения, что это решение имеет совершенно исключительное значение и далеко идущие последствия. Сейчас мне далеко не все ясно. Хорошо бы послушать об этом настоящий доклад, или хотя бы поговорить с кем. Будущее, конечно, покажет, но этого мало. В этом нужно разобраться скорее и само-

му. Ну с наркоматом обороны это еще понять легче, а вот с наркоминделом не пойму.

7/II

Среди других ко дню Красной Армии награждены Суворовым старые маршалы — Будённый[1], Ворошилов[2], Шапошников[3]. Это очень приятно услышать. Один из них как ни говори и что ни говори является живым символом Кр[асной] Армии. И отход его на второй план поэтому воспринимался тяжело.

Эйзенхауэр, Александер[4] и некоторые другие генералы союзников награждены нашими орденами. Карьера Эйзенхауэра оказывается просто головокружительная: в 1940 — начальник штаба дивизии, а в 43-м — главнокомандующий союзными армиями. Лицо волевое и умное. Сообщение о финнах. Как было бы замечательно, если бы Финляндия вышла из войны. Это была бы первоклассная победа и политическая, и моральная, и военная, и какая угодно. Как-то легче было бы ждать конца. Неужели события последнего времени не заставят Финляндию прийти к неизбежному выводу. Ведь перспектив у нее сейчас абсолютно никаких нет, а затяжка только усугубит расплату.

3/III

Мозырь и Калиновичи. Очень хорошо, это обеспечивает фланг Ватутина[5], и если развить наступление на этом направлении, то обход Белоруссии с Полесья может сильно облегчить наступление Белорусского и Западного фронтов, а дела у них идут здорово туго. И Витебск снова не взяли.

15/I

---

[1] Буденный Семен Михайлович (1883—1973), советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

[2] Ворошилов Климент Ефремович (1881—1969), советский военачальник, государственный и партийный деятель.

[3] Шапошников Борис Михайлович (1882—1945), Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба в 1937—1940, 1941—1942 гг., выдающийся советский военный теоретик, автор труда «Мозг армии».

[4] Александер Тунисский Гарольд (Alexander of Tunisia) (1891—1969), граф, британский военачальник, фельдмаршал (1944).

[5] Ватутин Николай Федорович (1901—1944), генерал армии (февраль 1943), Герой Советского Союза, принадлежит к плеяде основных полководцев Великой Отечественной войны.

Очень помогло бы развитие наступления в сторону Жлобина...

Под Винницей ожесточенные контратаки, очень напоминающие Житомир. Если бы конец был у Винницы такой, как у Житомира, то трудно желать лучшего.

На Западе Первый Укр[аинский] фронт медленно, но упорно продвигается. Славута обрубает Шепетовку с Запада, недалек черед и Шепетовки. Рокоссовский остановился, но Ленинградский неожиданно начал. Кажется. Решительно все решили обогнать нас. Это просто стыдно.

19/I

Кроме Ленинградского фронта, а он уж добился в своих условиях многого. Красное село, Петергоф, побережье Финского залива очищается. Между Ораниенбаумом и Ленинградом, начал наступление и Волховский фронт. Сейчас еще нельзя ничего сказать о том, как там разовьется успех, как у нас под Новосокольниками. Ясно одно, что Волховский фронт, год стоявший на месте двинулся с места. Если север даст такой удар, как Первый Украинский фронт, то мы окажемся в Прибалтике непосредственно у немецких границ, и хотя на это трудно рассчитывать, но всякое облегчение положения Ленинграда радует, и радует очень сильно.

20/I

Ленинградский фронт добился больших успехов: Пулковская и Ораниенбаумская группировки соединились. Наступление перекинулось и на Ю.-В. Взята Мга. Место, где столько раз решалась судьба Ленинграда. Шансы окончательно пропереть немцев от Ленинграда повышаются. Это будет замечательное дело, и как здорово, что город Ленина наступает как раз в ленинские дни. Волховский фронт неожиданно смелым маневром освободил Новгород. Новгород — сколько в этом слове. Новгород, Смоленск, Киев — это живая история великой Руси. Там все дышит историей и славной новгородской выносливостью. Новгород — отец городов русских, снова стал советским. Только бы на этом не останавливались на Юге, кажется, начинается затишье.

22/I 44 г.

Ленинградцы продолжают успешное наступление. Вчера — Пушкин и Слуцк, чем бы ни кончилось наступление, но немцев от ворот Ленинграда вышибли и борьба, как два с лишним

года тому назад, перенеслась на подступы. Как хорошо было бы, если б их вышибли за полукольцо. Для этого нужно взять Гатчину и Тосно, а и до того, и до другого остались считанные километры. Плохо, что развить новгородский успех удалось, правда в новгородских лесах и болотах, да еще в такую погоду это совсем не легкая вещь.

25/I 44 г.

В итоге боев решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады, и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

...город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

...Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город... Слава трудящимся города Ленина!

Из приказа Говорова[1] *Жданова*[2]

324 орудия ударили 24 раза и ни один голос артиллерийской тревоги [не] отозвался на эту стрельбу. И затем наступила странная, непонятная, блаженная, долгожданная тишина Победы.

Тишина! Такой тишины, оглушающей и радостной, город не знал с августа 1941 г. Победа! Ленинград победил Гитлера. Это достигнуто ратным трудом, достигнуто нечеловеческой выдержкой, исполинской энергией, силой ненависти и любви. Это достигнуто ленинградцами, всеми без исключения, молодыми и старыми, женщинами и мужчинами, составляющими гарнизон города. Память о твоих героях будет жить в песнях и легендах. Но самая глубокая, самая правдивая, самая любимая и грозная легенда — ты сам. Враг принял твою сосредоточенность за слабость, и ты выпрямился во весь богатырский рост и одним ударом разбил всю коричневую паутину, которой тебя опутали немцы.

Н. Тихонов

---

[1] Говоров Леонид Александрович (1897—1955), советский полководец, Маршал Советского Союза (1944), Герой Советского Союза (1945), кавалер ордена «Победа» (1945).

[2] Жданов Андрей Александрович (1896—1948), советский государственный деятель. В годы Великой Отечественной войны член Военного совета Северо-Западного направления и до 1944 г. — Военного совета Ленинградского фронта.

Прошедшая декада — это декада Ленинграда, его Славы и Победы. Победы, сверкающей и достойной Ленинграда. Его легендарной стойкости и выдержки. Это совершенно изумительный подвиг, и самое замечательное в нем, что это не порыв, продолжающийся часы и минуты, а 28 месяцев. Только сейчас, когда все это осталось позади, представляешь, что вынес город-герой за это время.

30/I

Ленинградское наступление стремительно разрастается и на Запад, и на Юг. Вот уже ведутся бои в Кингисеппе, и сегодня уже можно ждать приказа за него, а ведь Кингисепп — это почти граница с Эстонией, Луга форсирована в нескольких местах, наступление идет тоже хорошо, и Ленинградский фронт быстро стягивает дугу. Скоро все пространство между Финским заливом и Ильменем должно быть очищено. Беспокоит Винница — хорошо, если это будет повторение Житомира. Лучшего желать не приходится, но пока об этом говорить еще рано.

Закончился Январь, первый месяц 1944 г. Месяц стремительных и неожиданных ударов на Украине и под Ленинградом. Если и остальные месяцы будут достойны этого, то 44 год безусловно будет годом полной победы. Теперь только остановка за Западом.

3/II 44 г.

Февраль оказался еще более чудесным месяцем, чем январь. Украина буквально чудеса делает. Пока были 5 дней на выходе, все перевернулось. Вместо контратак под Винницей, разгром и окружение Каневской группировки 1 и 2 фронтами. Котел получается довольно значительных размеров. Годовщина Сталинградского побоища ознаменована прекрасно. Стоит ликвидировать окруженные 10 дивизий, и столько освободится наших сил. И какой новый удар по престижу Германии. 10 дивизий, ведь это не шутка.

Но ведь прошел всего один день, и вот новая весть — наступление в Днепровской петле, сопровождающееся разгромом никопольской группировки, ликвидацией левобережного плацдарма на Днепре и окружением новой группировки немецких войск.

И наконец, великолепный рывок 1 Украинского фронта на Запад и взятие Ровно и Луцка. И куда вытянулась — ведь всего какая-нибудь сотня километров осталось до новой границы.

Теперь только нужно расширить клин на юг, и фрицы вполне могут еще раз узнать прелести огромного котла. Несколько таких ударов, и немецкий фронт может затрещать по всем швам.

Особенно замечательно, что мы бьем немцев именно там, где они чувствуют себя особенно прочно, как под Ленинградом, и там, где они пытаются взять реванш, как на юге. На Ленинградском фронте, где наступление приостановлено, но на юг еще двигаются, и подошли к Луге и Нарве и вышли к Чудскому озеру, а давно ли немцы стояли у стен Ленинграда.

[Далее по тексту — вклейка из газеты]

МОСКВА, МОСКВА!

На всех фронтах — на севере и юге,
На всех путях, что с боем мы прошли,
И в летний зной, и среди зимней вьюги
Мысль о Москве мы в сердце берегли.
В огне войны столица боевая
Во много раз нам сделалась родней,
И даже вслух ее не называя,
Мы постоянно думаем о ней.

Москва, Москва! — коротенькое слово,
Но на войне проверены слова,
И все, что есть на сердце дорогого,
Вошло в два слова:
Сталин и Москва!

Когда в ночных атаках мы бывали
И шли в дыму по вражеским тылам, —
Мы никогда о ней не забывали,
И мысль о ней давала силы нам.
Как билось сердце, если нам случалось
Привет Москвы по радио поймать!
Молчали мы — и всем бойцам казалось, —
Вошла в землянку ласковая мать.

Москва, Москва! — коротенькое слово,
Но на войне проверены слова,
И все, что есть на сердце дорогого,
Вошло в два слова:
Сталин и Москва!

Горит война, земля гудит от боя,
Но по врагу мы все сильнее бьем
И под огнем, как самое святое,
Мысль о Москве мы в сердце пронесем.
Пускай в золе и в мареве горячем
Столетний лес ложится как трава, —
Мы победим — не может быть иначе!
Мы победим! Привет тебе, Москва!

Москва, Москва! — коротенькое слово,
Но на войне проверены слова,
И все, что есть на сердце дорогого,
Вошло в два слова:
Сталин и Москва!

СМЕХОМЕТ

Рисунки *Бор*[*иса*] *Ефимова*[1]
Стихи *Демьяна Бедного*

ВЕСЕННИЕ МОТИВЫ

1

Испробовав советскую
Карающую длань,
Идет в ремонт немецкая
Коричневая рвань.

2

Как дело с результатами?
Понять весьма легко.
Эйнс, цвей! С эрзац-солдатами
Уйдешь недалеко.

3

Разъярился доктор Лей[2],
Дуролобый водолей,
Хмурых немцев он корит:
«Сучьи дети», — говорит.

---

[1] Ефимов Борис Ефимович (Фридлянд) (1900—2008), советский художник-график, мастер политической карикатуры, народный художник СССР (1967).

[2] Лей Роберт (Ley) (1890—1945), политический деятель нацистской Германии, заведующий Организационным отделом НСДАП и одновременно руководитель Германского трудового фронта.

От ругни его «трудфронт» —
Кто в ворота, кто под зонт:
«На кой чорт твоя вода!
Вот войне конец когда?»

Обращение к болгарскому народу. Ну, что же, поскольку оно подкреплено действиями авиации союзников, то это не просто слова. Груда битого кирпича, в которую превращена София не даст об этом забыть, и будет заставлять думать очень о многом. Здорово просчиталась Болгария объявлением войны. Забыла, что если от Софии до Америки очень далеко, то от Америки до Софии совсем близко. И за эту ошибку сейчас расплачиваются. Только, к сожалению, как и всегда расплачиваются не те, кому следует расплачиваться, а маленькие люди. Но с этим уж ничего не поделаешь?

24/I

Массированный налет на Хельсинки. Даже трудно сказать, как нас всех обрадовало. Это расплата за Ленинград, за все муки, разрушение и горе; которые вынес этот город за 2 с половиной года блокады. Но это еще не настоящая расплата. Это только начало, прообраз будущей расплаты. Пусть этот проклятый город, принесший нам столько бедствий, узнает в полной мере то, что уже узнали Берлин, Киль и другие города Германии, а долбают их, к слову сказать, сейчас классически. И пусть после этого кто угодно говорит о сепаратном мире с Финляндией[1]. Ясно, что она чувствуют себя не особенно приятно, когда осталась под Ленинградом одна на один с Красной Армией. Ну что ж, «любишь кататься, люби и саночки возить». И если сейчас вопрос о «Великой Финляндии» попал в одну кучу рухляди вместе с болтовней о Великой Румынии, то этого и стоило ждать. 41 год и ужасы блокады остались далеко позади, и сейчас на повестке дня расплата за все, о чем мы никогда не забудем и никогда не простим.

8/II 44 г.

К тем залпам, которые я когда-то записал, прибавилось по 20 залпов:

Бердичев,

Житомир,

---

[1] Финляндия вышла из войны 19 августа 1944 г.

Кировоград,
Ленинград,
Новгород,
Ровно, Луцк.
Соединение Первого и Второго Украинских фронтов.
Прорыв Третьего Украинского фронта.

И все это за какие-нибудь 2—3 месяца. И как самое большое и величественное прогремели над страной, залпы из 324 орудий в честь Киева и Ленинграда. И радуясь и ликуя с Киевом, я отдаю предпочтение городу Ленина. Городу стойкости и славы.

После налета на Хельсинки и опровержения ТАСС о Финляндии во всех газетах резкая и определенная статья, написанная по одному плану и в одних выражениях. «Финским захватчикам не быть на Советской земле». Либо последует решительное наступление на Карельском фронте, либо решается вопрос о выходе Финляндии из войны, и подкрепляют его весьма внушительные аргументы. Во всяком случае, заявление о нашей готовности защищать границу Советского Союза под Хельсинками говорит о многом, и на этом участке следует ждать больших событий. Сегодня налет на Котку.

Взята Шепетовка. Наконец-то! Для нее давно все сроки прошли. А карта колечка выглядит очень хорошо. Теперь уж оттуда (12/II) не вырваться, и хотя это не Сталинград, но все же подобие его. Похоже на то, что очень скоро либо они должны будут капитулировать, либо их уничтожат. Схема так и просится, как иллюстрация к статье БУН'а о руководящей роли боя.

10 дней я ничего не писал. Что произошло за это время? Ленинградский фронт (Его уж сейчас и неудобно так называть) взял Лугу, Гдов, Сольцы, и стоит вплотную у Дна, Пскова и Нарвы. Неожиданно, без приказов и салютов, в наших руках оказались Старая Русса и Холм, и судя по тому, как идет отступление немцев, до полного очищения Ленинградской области теперь не так далеко. Псков и Нарва — снова у их стен Красная Армия, как и 26 лет назад в день своего рождения.

Корсунская группировка немцев уничтожена, и от окруженных дивизий немцев осталось 56 тысяч трупов и 18 тысяч пленных. Вся техника и вооружение в наших руках. Жаль, что генералам и значительному числу офицеров удалось улизнуть.

В годовщину Сталинграда мы повторили его, хотя и не в таких масштабах. Канны, о которых столько говорила германская военщина, второй раз обернулась против них. И не даром Коневу[1] присвоено звание Маршала Сов[етского] Союза. При наличии значительного ударного кулака, гвоздившего по нашей обороне, мы ни его не пустили на выручку окруженным, ни окруженных не выпустили из кольца.

Это огромная победа на Украине, и результаты ее не замедлили сказаться. Вот уж сегодня наступление под Кривым Рогом говорит о многом, и чревато большим наступлением.

22/I 44 г.

Бывало день прожив в разлуке,
Как тосковать умели мы,
Как ты протягивала руки
Навстречу мне из полутьмы.

Неделям счет давно потерян!
Вновь прошумев издалека,
Твой старый дом, как чудный терем,
Укроют жаркие снега.

Потом за первою порошей
Пройдет метель, в свой рог трубя...
Ты снишься мне такой хорошей
Какой я выдумал тебя.

Какой солдатскою судьбою
Ты мне обещана давно,
Там за последним смертным боем
Твое мне светится окно.

Стоишь ты, гордая в разлуке,
Меня от смерти заслоня,
И я протягиваю руки
К тебе из пепла и огня.

Вл. Жуков[2]

Письмо от Иры. Кажется, вырвалась. Мечта 2-х лет, хотя и с опозданием, сбывается. Это ей необходимо, сидеть сейчас

---

[1] Конев Иван Степанович (1897—1973), советский полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

[2] Жуков Владимир Семенович (1920—1997), русский поэт, участник советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

там — бессмыслица. Но девочки, девочки... Я так рад успеху Иры, что даже как-то не могу поверить, что это правда. Неужели не мечта, что мы скоро увидимся снова.

6/XII

У тебя жена сумасшедшая. Ты, когда ее увидишь, то должен перед ней 2 часа на коленях стоять и руки целовать.

К. Симонов

Травой зарастают могилы, давностью зарастает боль. Ветер зализал следы ушедших, время залижет и кровяную боль и память тех, кто не дождался родимых, и не дождется, потому что коротка человеческая жизнь, и не много всем нам суждено истоптать травы...

М. Шолохов

Как бедна у мира слова мастерская
Подходящее — откуда взять...

Чем дальше мы на Запад,
Тем ближе ты домой.

С. Кирсанов

Если все идет нормально, то как раз сейчас Ира заканчивает все дела, и готовится к Москве. Мне и сейчас не верится, что я ее увижу. Да ведь и так считать, если она к новому году будет в Москве, то едва ли раньше годовщины Красной Армии будет здесь, так что осталось два месяца, и вышло не сто дней, а полгода. Вот и сейчас уже пролетело 4 месяца, а давно это кажется было. Более того, ведь 2 с половиной года прошло войны, и хотя кажется, что всегда так и было, но с другой стороны, как будто это было вчера. Если мне присвоят звание к выпуску, то быть мне здесь осталось считанные дни, и думается, что скоро буду вспоминать Москву декабря 41 и тыл Сев.-Зап. фронта. Давно пора. А то после войны стыдно в глаза будет смотреть. Кто поверит, что я не по своей охоте просидел здесь целых почти 2 года. А там, как говорится, либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

23/XII

Ира пишет, что 20-го выезжает, а это значит, что к 1-му она будет в Москве... А об этом нужно писать либо много, либо ничего не писать. Очень тронуло меня то, как Ира восприняла из-

вестие о болезни Виктора. Жаль больно, если ее не застало письмо, где я говорю о его выздоровлении.

27/XII

Ира в Москве, и пришла ее московская открытка. Теперь мечта вполне может стать реальным фактом, и к концу января я буду ее ждать здесь. А там можно и уехать на фронт в феврале. Плохо, что воевать придется в самую распутицу.

Вторая открытка от Иры. Пишет о жутком разгроме в квартире, и плохом впечатлении от Москвы. Значит, наше с Виктором [предположение] не было ошибкой. Хочется прочесть не открытку, а большое письмо, но ясно, что ей сейчас не до этого. Тревожит то, что она пишет о феврале. Этак может и не дождаться и уехать снова на долгие месяцы разлуки.

7/X

Когда же будет большое письмо, я об нем совсем соскучился.

Так дальше нельзя: я снова становлюсь психом. Снова бессонница, думы последующее. Вот сейчас я ясно чувствую, что начинаю по-настоящему сдавать. Этого никак нельзя. Ведь скоро — фронт. Если только к годовщине нам присвоят звание, то мы уедем к марту. А если нет? Здесь становится все хуже. Летом было тяжелей, и злость бессилия мучила, а здесь другое. Что-то не ладится, и не у меня лично, а вообще. Не ладится — и апатия ко всему. Засиделись мы здесь чересчур долго. Никогда не думал, что так томительны могут дни ожидания. Сейчас, когда Ира скоро будет рядом, труднее прождать эти 20—30 дней, чем те, что прошли.

11/I

Если бы я верил снам, то я должен был предположить, что либо Леня скоро отпишется, либо я еще скорее отправлюсь к нему. Так часто и настойчиво он стал являться ко мне во сне, и все яснее и явственнее его зов. А как учащенно забилось сердце, когда среди награжденных украинских партизан мелькнула фамилия Белявский, но увы не Леонид, а Борис. Видно, только конец войны окончательно скажет нам, жив ли он, или погиб еще в первые дни войны. Что касается Андрея, то обстоятельства его исчезновения таковы, что не оставляют даже маленькой надежды на то, что мы когда-нибудь увидим его снова.

Видно, то, что разбилось, уже не склеить, и кровь не стереть.

15/I

Вот и прошел выход и позади осталась тревога о том, что Ира приедет без меня. Я был твердо уверен в ее приезде в эти дни и с трепетом брал очередное донесение Виктора, ожидая увидеть желанные слова. Сейчас все это позади — тревога, ожидание, желание — возросли, но ее все нет, и все ни слова. Нет, я летом хотя и ожидал, что уеду, а писал каждый день. Правда обстановка была другая, от этого молчания и неизвестности мне не легче. От срока осталось два дня, а в голову уже лезет всякая белиберда, и сами собой складываются истории. Пришло письмо от Ани, и встреча их с Ирой наконец состоялась, мне очень хочется узнать подробности, и, вообще, мне очень трудно стало ждать. Легче прошло почти полгода, чем эти несколько дней. А вдруг у нее вышли недоразумения по дороге, и она вернулась. Тогда она приедет ой как не скоро. И снова ждать и ждать. Как это мучительно, и как это надоело. Действительно, сердце соскучилось по счастью.

Аня весьма определенно говорит о скором приезде Иры, все это так, но ее-то все нет. Когда же исполнится это «скоро... скоро...»?

8/II

Письмо от Гаррика и совсем неглубокое, или оно мне таким кажется. Нужно ответить на него, да и Игоря Полоцкого письмо давно лежит без ответа. Но у меня решительно нет ни времени, ни настроения отвечать. И знаю, что нехорошо, если не сказать больше, не ответить на их письма, но не могу, никак не могу.

Как все это навалилось сразу — прием роты, выход, а сейчас эти неожиданные испытания, да и притом с такой комиссией. Вот приедет Ира, и некогда будет и побыть с ней, и все же понимаю, все это я больше не могу ждать. И сейчас, когда устал и чувствую себя опустошенным и разбитым, поздней ночью сижу без сна и думаю, думаю о ней.

Приехала Ира!!!..

10/II 44 г.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь[1].

Что сюда прибавить, да и нужно ли это? Лучше-то все равно не скажешь.

Мне кажется, что у любви правдивой
Чем меньше слов, тем больше будет чувств.

У. Шекспир. Сон в летнюю ночь

11/II 44 г.

У тебя большая, но малословная любовь. Вижу ее, чувствую по тебе, по всему ,что с тобой связано. А бережность твоя трогает до слез. Мне хорошо, что я с тобою рядом, мне хорошо от ласкового взгляда твоего...

А из-за того, что мало писала из Москвы, мне очень больно. Тебе от этого было очень тяжело, и причинил это я — своими руками!

Ты говоришь: была рядом и не верила, а теперь далеко и веришь.

Я скажу: любовь не только ласкает, но и ранит, это радость и страдание.

---

[1] Стихотворение А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...»

Можно развить трактат на тему: Диалектика любви.
Это шутя, чтобы посмеяться, когда меня здесь не будет[1].

Вот уехала Ира, и незаметно проскочило еще две недели разлуки, третьей по счету. Но почему-то совсем другое чувство у меня сейчас, чем было тогда, когда уезжал я из Медногорска. Тогда было: даль, тысячи километров, ночь тьма поезд, Ира, идущая за поездом и уплывающая в эту тьму, казалось, навсегда. А сейчас мне все кажется, что она где-то совсем рядом и со дня на день я ее увижу, и только по недоразумению дело обходится письмами. Летом я действительно не успел снова к ней привыкнуть, а сейчас, несмотря на занятость и то, что видел ее урывками, кажется, что о всем переговорил, все запомнил, понял, все ясно и светло, и Ира здесь рядом. Хорошо, что Ира, так просто и хорошо, вошла в нашу тройку. Я даже не ждал, что ее последние прощальные письма так подействуют. В[иктор] хоть и стесняется, но написать так пожалуй никому не смог бы. Сколько же может длиться еще. Похоже становится, что лето еще не кончит. Как это отодвигает все. Ждать становится все труднее. Так зачем были наши надежды и мечты? Неужели 44-й не будет годом Победы? Нет, рано терять в это веру.

Как хорошо, что у нас все-таки произошел этот разговор. Иначе были бы недомолвки, недоговоренности, сомнения. Теперь все стало на свое место. И все же война сделала меня лучше. То, что хотя и не было, все же могло произойти. Сейчас это абсолютно невозможно и без мучений, самопожертвования и прочих красивых слов.

1

Весенний дождь хлестал кусты
И над землянкой ветер злился...
Мне этой ночью снилась ты
И городок далекий снился.

В какой бы ни был стороне,
Какой бы ни свистел мне ветер,
Не надо больше счастья мне,
Чем то, что ты живешь на свете.

2

Опять весна над русскими полями.
Ты писем ждешь, недели торопя.

[1] Запись от 11/II 44 г. Сделана И.М. Белявской.

Их много, с фронтовыми штемпелями,
Скопилось за два года у тебя.

Пускай у писем далека дорога
От обжитых землянок фронтовых,
Но эти письма я руками трогал
И ты, читая, будешь трогать их.

Я о тебе не разучился думать.
Сегодня бой и завтра будет бой.
Течет песок в землянке от обстрела.
Мы за войну не виделись с тобой —
Наверно, изменилась, постарела.

Но в мыслях вижу и сейчас тебя
Еще красивую и молодую,
Пусть жестче, строже сделались черты.
Так на плакатах Родину рисуют,
Немного на нее похожа ты.

Горячи дни, ночами отдых краток,
Кругом воронки и следы огня.
Бойцы ждут писем от своих солдаток.
Ну, что ж, и ты солдатка у меня!

В дымах разрывов небо голубое,
Свистит свинец у самого виска.
Ты далеко. Но в этом пекле боя.
Как никогда, ты стала мне близка.

И то, что пули пролетают мимо
Мне верить хочется среди огня,
Что ты со мной присутствуешь незримо,
Своей любовью бережешь меня.

Пускай в боях проходят дни и ночи,
Не сдам, сумею все перенести.
И обо мне ты не тревожься очень.
О дочках думай — береги, расти[1].

Ветер кружил над Москвой, рвал полы моего пальто, и частыми комьями шел снег, и из снежной мглы вырисовывался гордый силуэт любимого кремля. Потянуло на Красную площадь. Пошла. Двигалась в потоке людей, стихийно по побуж-

[1] Вклейка из газеты. Образец фронтовой лирики. Первое стихотворение принадлежит, по-видимому, Н.Н. Асееву. Авторство других определить не удалось, в разных источниках указываются разные авторы.

дению сердца своего идущих туда. Салют. Яркие вспышки ракет. Возбужденная толпа. Мне хотелось и петь, и плакать навзрыд. Думала о тебе и себе, о твоих добрых друзьях, о Мишке, о наших дочках, о встречах, о победе, о славе неумирающего советского воина...

Тихо и медленно шла назад, и ветер бил в лицо.

Ира. 26/II 44 г.

Даже гибель лучших людей наших будет стимулом к жизни, ибо их смерть — смерть ради жизни и только жизнь, светлая, свободная может быть лучшим памятником им.

Сербенюк. 23/II 44 г.

Виктор и Саварин уехали, и я, наверное, до конца месяца один. Главное, они не просто уехали, а дважды проедут через Москву. Вот, что завидно. Не будь я командиром роты, я, наверное, поехал бы с Виктором, а сейчас об этом и думать не приходится. Не знаю, как пойдет это одиночество, сейчас из-за зуба я в полузабытье.

7/III

Наконец-то я ответил на эти 2 письма. Кто знает, если бы не болезнь, сколько бы они еще пролежали. Не ответить я не мог, а отвечать не хотелось. Что-то в них, несмотря на все хорошие слова и обо мне, и обо всех, фальшивое, неискреннее, искусственное, и потому я отвечаю сразу на простые письма Серха, Броунштейн и других, с большим удовольствием читаю такие хорошие письма Сербенюк и с то же время заставляю себя против воли отвечать на письма Б. и З. Если я ошибаюсь, тем лучше, но так и чудится мне это гордое самомнение, пусть даже и прячущееся под личиной скромности, ставящие себя в центр вселенной, на три головы выше окружающих.

Если письма неискренни, а сейчас льстить им нет ни пользы, ни смысла, то конечно хотя все они и явно преувеличивают, но та оценка, которую дают мне, может обрадовать. Пожалуй, можно сказать, что действительно: годы жизни прошли не даром...

Московские открытки Виктора и Ивана и письмо Иры. Такие радостные и взволнованные строки и радостные с одновременно проскальзывающими грустными нотками письмо Иры конечно ближе мне по настроению. И как понятно это страстное желание встречи, большой и настоящей встречи, во время которой после слова «здравствуй» не нужно будет думать о

«прощай». И я даже не могу сказать, очень ли мне хотелось хоть на несколько дней в Москву. Во всяком случае, никакого сравнения с тем, как я рвался и стремился в Медногорск, с тем, как я считал дни и часы, ждал приезда Иры в К-н. Конечно, пройдет несколько времени, и она, эта тоска, засосет с новой силой, и тогда снова будешь хотя бы о дне и часе. И все же я им завидую.

Опубликованы трофеи под Ленинградом за месяц. Цифры просто колоссальные. Захвачено и уничтожено пушек около 4000, минометов около 50 000, пулеметов ок. 80 000, и только убитых ок. 90 000. Ленинградский фронт неудержимо катится к Дну и Пскову. На окраины Дно ворвались, и следует ждать приказа. А через недельку, смотришь, подойдут и к Пскову. На юге Кривой Рог.

24/II

Дно взято, все ближе к Пскову. Рокоссовский взял Рогачев и очистил Левобережье южнее Рогачева, если разовьется наступление на Бобруйск, то это будет как нельзя более кстати, а то Белоруссия оказывается наиболее выгнутым местом огромной дуги, на флангах которой Луцк и Нарва. Плохо, что скоро вовсю разойдется распутица, и тогда в Белоруссии все снова надолго остановится. Но до чего хамелеонское заявление Черчилля: я не говорю этого, но я не говорю и другого, я ничего не знаю и ничего не обещаю, я сочувствую и тем, и другим. Так все-таки нельзя.

Ленинградское наступление, по всей видимости, затухает. Нарву еще должны взять, а в остальных местах, наверное, остановка. Да оно и понятно. Удивительно не это, а то, как ленинградцы смогли в лесах и болотах, да еще в такую погоду столько пронаступать. Зато, как всегда, неожиданно начал Первого Украинский фронт. Острие клина круто повернулось на юг. За два сообщения свыше 700 населенных пунктов. И ряд городков Каменец-Подольской и Тарнопольской областей. То, что фронт принял Жуков, говорит о том, что от наступления можно многого ждать.

7/III 44 г.

Острее южного клина прямо на Тарнополь, до которого осталось всего каких-нибудь 30 км. Если удастся овладеть Проскуровым и Тарнополем, то положение в р-не Винницы будет далеко не блестящее. Глубокий клин Первого Украинского

фронта, помимо всего прочего, имеет то огромное значение, что он фактически разрубил связь между немецкими войсками в Прибалтике и Белоруссии, и немецкой армией на Украине. Теперь бы в наши руки еще Львов, и путешествовали бы они тогда только через Румынию.

А Ленинградский совсем замолчал, даже под Нарвой ничего хорошего. Теперь на этих фронтах, верно, остановка до лета.

Никак не пойму, для какого ляда мы печатали комментарии финской печати о наших условиях. Будь в них хоть какой-нибудь намек на соглашение, или его возможность — понятно, но ведь все они резко враждебные. Так зачем же это нужно. Но ведь делается это не зря. А я вот не могу разобраться, зачем. Это плохо. Значит, не умею смотреть правильно на события.

Наступление всех трех Украинских фронтов (четвертый, наверное, ушел в резерв). Просто невероятная вещь наступление в самый разгар весеннего бездорожья. И это на Украине, где такая непролазная грязь, в разгар ледохода. Даже для Красной Армии это совершенно непонятно. И именно сейчас — Херсон, на флангах — Винница, вышли к Бугу, но с Тарнополем и Проскуровым явная заминка. Хорошо бы сейчас очистить Украину по Бугу. Ведь если летом решался вопрос — кто будет убирать в Левобережной Украине, от сейчас решается — кто будет сеять в Правобережной. От старой Украины осталось теперь не так уж много: Одесская, да половина Николаевской, Винницкой, Каменец-Подольской, а от Кировоградской останутся пустяки, и надо думать, в ближайшие дни ничего не останется. А области Западной Украины, хоть их и 7 по счету, но они очень малые. Год назад это были дни хотя и частичного, временного реванша немцев, а сейчас дни ошеломительных ударов.

Статья в «Правде» о Финляндии — это, по существу, ультиматум. Но судя по обстановке, едва ли они его примут, странно только, почему прекратить визиты в Хельсинки и т. п. Думается, они могли бы действовать крепко. Наступление в Карелии едва ли будет. Что мне понравилось, так это суд над Пюше[1]. Это

[1] Пюше Пьер (Pucheu) (1899—1944), французский государственный деятель. Высоко оценивал итальянский фашизм и Б. Муссолини, член Французской народной партии Ж. Дорио. После поражения Франции в 1940 г. активно поддержал создание правительства А. Петэна. Занимал высокие посты в правительстве Виши, 4 марта 1944 г. арестован в Алжире и приговорен военным трибуналом к смертной казни. Расстрелян.

не то, что дарлановская история, это же, по существу, суд не над Пюше, а над всем режимом Виши и его деятелями, так же, как харьковский процесс был судом не над каким-то оберлейтенантом, а над всей Германией и ее армией. Смертный приговор Пюше, даже если его и заменят тюрьмой, говорит о решимости де Голля[1], и хочет или не хочет он, а если собирается стоять во главе, то его может удержать только левизна.

В этом отношении показательно, что правительство Бадольо никак не пользуется поддержкой, а в то же время Северная Италия вся кипит. Видно, ничему еще не научила союзников Дарлановская история. И снова они делают ставку на нового Дарлана. Черт его знает, думают ли они, в конце концов, наступать в Италии, вот уже скоро толкутся на одном месте, и даже десант очень уж напоминает Дьепп, который в первую очередь был направлен не против Германии, а против общественного мнения своих же стран. Теперь все зависит от того, что будет в мае—июне. Это должны быть месяцы открытия второго фронта, и если его в эти месяцы не будет, тогда на них хоть совсем махни рукой, вопреки всем декларациям и заверениям, кто бы и где бы их ни давал.

14/III

Не боясь впасть в преувеличение, можно смело заявить, что ставки на весну и связанное с ней бездорожье были самой крупной ставкой германского командования после ряда поражений, которые понесла немецкая армия в зимних боях.

«*Красная Звезда*». 12/III

Южный Буг форсирован южнее Винницы на 100 км фронте, и наша армия стоит совсем близко от Днестра. Никто сейчас этого не ждал, мало что, пожалуй, останется от Украины у немцев. Вот только у 1-го — заминка: под Проскуровым контратака, а про Тарнополь совсем замолчали. Новое окружение под

---

[1] Голль Шарль де (Gaulle) (1890—1970), президент Франции в 1959—1969 гг. В 1940 г. основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция» (с 1942 г. «Сражающаяся Франция»), примкнувшее к антигитлеровской коалиции. В 1943 г. — глава Французского комитета национального освобождения, созданного в Алжире. В 1944 — январе 1946 г. де Голль — глава Временного правительства Франции.

Снигиревкой. Вот тебе и Канны, и Шлиффен[1], и все прочее. А от Николаева, Винницы, Первомайска совсем близко.

15/III

События на Украине развиваются черт знает какими темпами. Давно ли мечтали о выходе к Бугу, а сейчас он форсирован в стольких местах, и не останавливаясь на этом, выскочили к Днестру и, форсировав его, взяли Сороки. 20 марта — начало освобождения Молдавской ССР, и можно ли было думать об этом всего неделю назад. И если для Антонеску[2] бои с Красной Армией были вопросом, по которому можно опровергать, спорить, торговаться, то теперь много не поговоришь. Думается, что Манштейну не посидеть, если события будут и дальше так развиваться и в Яссах. А как хорошо выглядит разгром 1 армии 3 Украинским фронтом. 3 раз. Лупят [?], одни потери ее за каких-то 10 дней просто чудовищные. Совсем непонятно, на что они надеются, сидя в Виннице — так можно досидеться до нового колечка.

Как это можно наступать в такое время, такими темпами, на таком фронте — это совершенно непонятно. От Старой Украины осталось совсем мало: Одесская, да половина Каменец-Подольской области. А Киевская, Днепропетровская, Кировоградская области очищены [от врага] полностью.

А что если к лету Украина будет очищена полностью.

20/III

Потери в армии: убитых и пленных 50 000 человек, орудий 1215, минометов 1000, пулеметов 3000, танков 275, самоходных орудий 192, автомашин 16 000.

Взята наконец Винница, и от области осталось целое ничего. Взятие Винницы — это победа исключительной важности. Движение в Бессарабии продолжается и одна из последних магистралей вдоль фронта, Бельцы—Черновицы, перерублена нашей армией.

---

[1] Шлиффен Альфред фон (Schlieffen) (1833—1913), граф, прусский генерал-фельдмаршал (1911), начальник немецкого Генерального штаба с 1891 по 1905 г. Получил широкую известность благодаря разработанному им к 1905 г. плану Шлиффена по разгрому Третьей французской республики и Российской империи.

[2] Антонеску Ион (Antonescu) (1882—1946), румынский государственный и военный деятель, маршал, премьер-министр и кондукэторул Румынии в 1940—1944 гг., союзник нацистской Германии.

Из речи М.И. Калинина

Чтобы быть глубоко партийным человеком, нужно партийное поведение в политической, общественной и даже в личной жизни.

Воспитывать гораздо труднее, чем учить, давать образование, ведь воспитание влияет на воспитуемых не только тем, что дает им определенные знания, но и главным образом своим отношением к обыденным явлениям.

Поспорим. Почему нельзя поспорить? Боитесь, как бы ошибку не допустить. Ну, что же, если и ошибетесь. У нас карают не за ошибки. Карают тех, кто защищает свои ошибки, кто настаивает на них, отходит от линии партии.

Какой же это настоящий коммунист, если он немножко не пофилософствует? Мы глядим далеко вперед в далекую перспективу. И мне кажется, что уж больно вы стали все практиками, все под нос смотрите, как бы не споткнуться.

Марксизм — единственно верный метод...

[*Далее страничка обрывается*]

«Радуга» — очень хорошо. Правда, кажется неполно, но ведь «Радуга» создана почти 2 года назад, и мы сами стали за эти 2 года гораздо богаче, и поэтому уже «Непокоренные» гораздо глубже «Радуги». Кое-что выпало из того, что было в повести, как пропали, вполне понятно почему, заложники, а ведь это одни из лучших страниц в книге. Хороши многие места: самолет, пленные, собрание, похороны мальчика и ровные шаги детей, утаптывающих могилу брата, дети, самое хорошее — простые образы людей, в них веришь. Это и Олена, и Тяпкина со своей замечательной заключительной речью (как выгодно она отличается от подобных речей Боголюбова, Ужвий, Марецкой, в ней очень много силы, страсти и простоты). Дунайский (№ 412) Пуся и немец даны неплохо, это живые люди. Гораздо ближе образы «борцов» и Ольга и партизаны где-то за сценой. Сила их гораздо меньше, чем рядовых людей. Совсем зря взята сцена с карточкой — это дешевка. Музыка хороша, а вот песня не запоминается.

[*Страничка обрывается на обратной стороне*]

Тетрадь № 4

6 июня 1944 г.

Совершилось! И хотя еще осенью 1943 года я уверенно говорил о втором фронте, как о вещи, которая произойдет в мае—июне 1944 г., но все равно это такое желанное, показалось неожиданным[1]. Ведь о нем мы с досадой и горечью думали в тяжелые дни 1941—1942 годов, часто махали безнадежно рукой, а многие вовсе потеряли веру в него: и вот, в дни наших побед мы думали: Мы гоним, да и как гоним, а если бы был второй фронт. И вот наконец он есть. Наступление в Италии, которое всего два дня назад привело к блестящей победе под Римом, оказалось действительно началом большого и, думается, настоящего и последнего удара. Возможно, что эти мастера создания «предмостных укреплений» и не возьмут сразу подходящих темпов, но сейчас уже виден конец войны, и 44 год уже реально может стать годом победы. В Италии едва ли они долго удержатся. На это у них сейчас нет ни сил, не ни возможностей, и война действительно приближается к своему дому, тому, откуда она началась. Теперь в ближайшее время в пределах не дольше месяца следует ждать и нашего наступления. Лето 1944 года началось 6 июня, и оно должно решить все. Узенькая полоска зари Сталинграда теперь занялось все небо, и скоро брызнут горячие лучи солнца.

И. Эренбург. Весы Истории

Один старый немец писал своему сыну: когда забудутся все страдания этих дней, бомбардировки, потери близких, надежды, разочарования, твои дети все еще будут повторять одно название: “Сталинград”.

Поражение под Москвой их рассердило, но не обескуражило. Вместо фюрера они высекли природу. Летом они снова двинулись на восток. Они шли день и ночь. Они дошли до Сталинграда и в Стали[2].

Мы в Румынии. Румыния это только сени, это только передняя или коридор. Мы идем в Германию, и мы туда придем. Напрасно Гитлер надеется на румынских дворников и венгерских

---

[1] 6 июня 1944 г. произошла высадка союзных войск в Нормандии.

[2] На этом текст обрывается.

вахтеров. Вор льнет к вору. Но вор не умирает за вора. Мы говорили: гитлеровцам не жить, когда отступали, когда захватчики смеялись над нашим суровым обетом. Теперь им не до смеха. Пусть знают: мы идем на Запад с той же клятвой — «им не жить».

И. Эренбург. 4/IV 44 г.

В настоящее время Красная Армия производит очищение Советской территории от всех находящихся на ней вражеских войск, и уже недалеко то время, когда вся советская граница с Румынией будет восстановлена полностью.

Верховным Главнокомандующим Красной Армии дан приказ наступающим советским частям преследовать врага до его разгрома и капитуляции.

В. Молотов. 2/IV

Железо убивает, но побеждает человек.

Румыны скоро узнают, что умирать можно не только в Севастополе[1], но и в Бухаресте.

За Севастополем последуют новые победы. Напрасно фрицы принимают короткий антракт за конец представления. Красная Армия [наступает прежними] темпами и по своему календарю. Может быть, немцы рассчитывают, что мы успокоимся, дойдя до моря, гор, той или иной реки? Нет, мы придем к немцам. Там мы рассчитаемся за все: за июнь сорок первого, за Севастополь, за три года горя России. Над прахом потерянного и возвращенного Севастополя мы клянемся: мы будем в Берлине.

И. Эренбург. 11/V 44 г.

Армия смерти — вот немецкая армия. Прежде они несли миру смерть, теперь смерть в ней самой. Эта поздняя весна насыщена электричеством. В мае 1943 года еще спрашивали друг друга, что будут делать немцы. Это кажется далекой историей. Теперь спрашиваем другое: «Что будут делать с немцами».

И. Эренбург. Из «Мыслей о будущем». 27/V

Они стали воинами, но не вояками: побеждая на войне, они не влюбились в войну. Они рвутся в Берлин, потому что думают о Киеве, о Саратове или о Барнауле — они хотят строить чудесные города и нянчить счастливых детей. На войне никто себя не страхует. На войне люди жертвуют собой.

---

[1] 7—9 мая 1944 г. Севастополь был освобожден от немецко-фашистских захватчиков.

В нашем молодом обществе мораль была скорее чувствующей, чем писаной. На войне не только думают о морали, они ее создают.

Я ничего не хочу приукрашивать. Я знаю, что есть в нашем тылу воры и спекулянты, есть и женщины, променявшие красоту верности на сомнительные побрякушки. Преступление всегда заметнее добродетели. Мы замечаем одну легкомысленную женщину, которая променяла мужа-воина на другого. Мы замечаем тучность и румянец недавно еще худого зав. столовой. Мы замечаем чиновника жилотдела, выселяющего семью фронтовика. Но посмотрите на тысячи других женщин, на тысячи других работников, и мы увидим, что люди тыла тоже приподнялись, их возвышает жертвенность и величие фронта. Преступление странно, когда оно становится массовым, когда его перестают замечать, а у нас это бросается в глаза.

Прошлая жизнь каждому воину кажется счастьем, забыты невзгоды, тяжесть, обиды. Он вспоминает труд, любовь, дыхание ребенка и вечер в сиреневом саду. Но если спросить его: о чем ты мечтаешь? О твоей прежней жизни? Он ответит: Нет, о завтрашней, лучшей. В этом наша сила. Другие народы хотят восстанавливать. Мы хотим идти дальше. Мы будем отважнее, чище и добрее, может быть, строже, но добрее. Дети, за счастье которых мы воюем, о довоенном времени без зависти. Герои Сталинграда и Днепра, вернувшись домой из побежденного Берлина, вторично изумят мир благородством своей души.

Всякий, кто хочет построить свое индивидуальное счастье, тот должен быть кузнецом счастья всех рабочих и крестьян, а когда он будет кузнецом счастья всех, то он будет и кузнецом собственного счастья.

М. Калинин

Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, что бы пересилила русскую силу.

Гоголь

Слово — полководец человечьей силы.

В. Маяковский

В годы мира газета — это часть жизни, ее подробности, газету читают вечером, она развивает и поучает. В годы войны газета — лично письмо, от которого зависит судьба каждого.

Нужно съесть с войной пуд соли, чтоб разгадать войну, а соленая у войны соль...

И. Эренбург

Только пустой человек не найдет в жизни места для подвига.

М. Горький

Вперед! Над нами бог. Перед нами разбитый неприятель. Да будет за нами тишина и спокойствие.

Вы ищете побед, а я ищу в них смысла.

Между тем временем, когда человек увидит правду и тем временем, когда она восторжествует, порой не хватает человеческой жизни.

Из Кутузова

Единственным верным другом является тот, кто знает все самое плохое о Вас и все же уважает.

Американская поговорка

Кто хочет добиться окончательной победы, тот найдет ее в маневре.

«Красная Звезда»

Страх — это тоже вроде уважения, только пополам с ненавистью.

Леонов

Симонов. Дни и ночи

Два фронта, как две руки, сходившиеся по карте, двигались в эту зимнюю ночь, все приближаясь друг к другу, готовые сомкнуться в Донских степях далеко позади Сталинграда.

В этом, еще охваченном ими пространстве, еще были сотни тысяч немецких солдат, были корпуса и дивизии, со штабами, генералами, дисциплиной, орудиями, полками, посадочными площадями и самолетами, были сотни тысяч людей, еще справедливо считавших себя силой, и в то же время бывших уже ничем иными, как завтрашними мертвецами.

А в газетах в эту ночь еще набирали на линотипы как всегда сдержанные, не желающие предупреждать события, сводки Информбюро, и люди перед тем, как ложиться спать, слушая «Последние Известия по радио», все еще тревожились за Сталинград и в последний раз, еще ничего не зная о наступлении, говорили: «Только бы продержались». Эта ночь сделала вдовами многих русских женщин и сиротами многих русских детей. Еще

не знавших, что их мужья и отцы, сраженные в бою, упали уже лицом на землю, став искупительной жертвой того великого военного счастья, которое начиналось в эти часы для России.

* * *

Дом... Что такое дом? А, между прочим, дом это много, почти все, Россия. Ну, что дом. Чистые стены и даже не стены. Развалины. Но сердце скажет: вот, как этот дом. Возьмем обратно и все, что потеряли. Главное начать. Начать хоть с дома, с полверсты, но почувствовать при этом, что так будет и дальше. И так будет дальше до тех пор, пока не будет кончено все. Все...

В Италии началось все-таки настоящее наступление, началась борьба за Рим и борьба наконец в подобающих размерах. Хотят этого немцы или нет, но часть сил им туда оттянуть придется и это только нам на руку. Что скажет ближайший месяц. Ведь май окончился и занят Севастополь, да и то это по существу продолжение апреля, не по числам, а по операции.

Все заявления всех говорят за то, что второй фронт будет открыт.

2/VI 44 г.

Говорят, что все дороги ведут Рим. Мы скажем сегодня, что все дороги ведут из Рима. Путей много. А мы теперь говорим: все пути ведут в Берлин.

И. Эренбург. 7/VI 44 г.

* * *

Началось. *И. Эренбург*. 9/VI 44 г.

Они перед нашими глазами, знаменательные даты:

2 февраля 1943 года — победа в Сталинграде.

7 мая 1943 года — победа в Тунисе.

12 июля 1943 года — начало нашего великого наступления.

6 ноября 1943 года — наша армия в Румынии.

Теперь к этим датам прибавилась еще одна: 6 июня 1944 г. На песчаном побережье Нормандии началась великая битва.

Мы столько раз повторяли: «Если бы», мы столько раз слышали «накануне решающих боев», как хорошо, что это позади! Как хорошо, что решающие бои начались, то, что мы ждали, совершилось.

Мы узнали все: и горе, и смерть друзей, и пепел родного гнезда. Кровь России разъела кольцо европейской крепости.

Часто говорят: «Переполнилась чаша». Да, переполнилась чаша нашего горя и горя Европы. Три года терзает враг нашу землю. Три года мы отдаем победе наших близких и нашу кровь. Время кончать с немцами! Наши танки рвутся к мостовым Берлина. Наши глаза летят на Запад. Довольно немцы топтали нашу землю, скоро русская пехота пройдет по немецкой земле. Гнев и надежда ширят наши сердца. Вот она перед нами наша сестра, наша любовь — победа.

* * *

Возможно, что операции в Нормандии играют лишь вспомогательную роль и направление главного удара союзных войск выяснится позже. Не исключена возможность, что новые крупные десанты прорвут также и в других местах вражеские прибрежные укрепления и образуют обширные плацдармы на еще более опасных для Германии направлениях. Хотя бои в Нормандии пока не вышли за рамки тактических масштабов, они имеют явную тенденцию в ближайшее время перерасти в крупные сражения. Бои в Нормандии — пролог мощных ударов англо-американских вооруженных сил по Германии.

Толченов[1]. «Красная Звезда». 10/VI обзор

Эти фразы заставляют задуматься очень о многом, а главное если это пролог, то какой продолжительной будет антракт между прологом и главным действием. Призрак Кассино[2] чудится мне в воздухе. Как я буду рад, если ошибаюсь, но цифра в 10 дивизий, высадившихся в Европе, меня никак не устраивает.

Кажется, начали расчет с финнами. Прорваны укрепления на Карельском перешейке и взяты Терioки[3]. Перед глазами снова встает зима 1939—1940 гг. А впереди опять эта проклятая линия Маннергейма[4]. Как-то с ней будет этот раз. Во всяком случае, лето начинаем мы.

11/VI 44 г.

---

[1] Толченов М. — полковник, в годы войны — редактор газеты «Красная Звезда».

[2] Кассино, город в Италии, возле которого в январе — марте 1944 г. шли упорные бои между союзниками и немецко-фашистскими войсками.

[3] Терийоки — до 1948 г. название города Зеленогорск.

[4] Линия Маннергейма (финск. Mannerheim-linja) — комплекс оборонительных сооружений на Карельском перешейке, созданных на границе с СССР.

Можно без колебаний сказать, что широкое форсирование Ла-Манша и массовые высадки войск союзников в Северной Франции — удались полностью. Это, несомненно, блестящий успех наших союзников. История войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения. История отметит это дело, как достижение высшего порядка.

И. Сталин. 14/VI

* * *

[Далее М.Т. Белявский приводит таблицу городов, взятых Красной Армией]

апрель
Подгайцы
Косов
Фрущовая
Хотин
Раздольная
Оргеев
Одесса
Армянск
Джанкой
Керчь
Тирасполь
Феодосия
Евпатория
Симферополь
Бахчисарай
Карасурбазар
Алушта
Судак
Овидиополь
Тарнополь
Дубосары
Григориополь
Балаклава

<u>май</u>
Севастополь

<u>июнь</u>
Терриоки
Конквисто
Выборг
Повенец
Медвежьегорск
Свирьстрой
Чаусы
Сенно
Жлобин
Витебск
Дубровно
Олонец
Бешенковичи
Толочин
Горки
Орша
Лепель
Крупки
Старые Дороги
Осиповичи
Могилев
Кричев
Быхов
Шклов
Глусск
Петрозаводск
Кондопога
Унзани
Ветрино
Бобруйск

<u>июль</u>
Слуцк
Дисна
Борисов
Тищеницы
Березина
Вилейка
Столбцы
Глубокое
Несвиж
Червень
Старобин
Минск
Логойск
Молодечно
Полоцк
Томковичи
Пуховичи
Сморгонь
Туров
Ковель
Воложин
Дзержинск
Негорелое
Барановичи
Слоним
Новогрудок
Сушинец
Давид-городок
Столин
Лида
Свенцяны
Браслав
Поставы
Ошмяны
Утена
Идрицы

* * *

Окончился март — месяц Украины, Конева и Жукова, месяц, который можно сравнить только с сентябрем 1943 г. по стремительности наступления и результатам. Месяц привел к почти полному очищению старой Украины, от которой остался один только Одесский угол, и все остальное свободно от немцев. А ведь кроме того значительная часть Тернопольской, Черновицкой, Станиславской[1]. Взяты Черновцы и главное то, о чем думали и в дни отступления и под Москвой и во дни Сталинграда. То, чем определяли близость победы и конца, то, о чем мечтали и до чего мерили, произошло. Конев вышел на новую границу. Это было 26 марта 1944 г. Пусть это воскресенье останется одним из важнейших переломных дней войны. Армия стоит на наших границах и пусть это еще пока только маленький кусочек нашей новой границы. Пусть остались еще тысячи. Важно начало. Важно, что начинает сбываться долгожданное, заветное. Как нарочно, этот день я встречал в Москве и незабываемо прекрасный салют 324 орудий 24 раза прогрохотавших над столицей мне не забыть никогда. Сегодня опубликованы итоги наступления Жукова за месяц. Ведь всего месяц и всего 1 фронт, итоги поистине потрясающие. 42 тыс. км^2, 46 тыс. населенных пунктов, 180 тыс. убитых и 25 тыс. пленных, 54 тыс. автомашин, 4,5 тыс. пушек, 8,5 тыс. пулеметов и снова кольца вокруг 15 немецких дивизий в районе Скалат. Сейчас будто наступление за Прутом и в Молдавии малость замедлилось, но не может же это чудо длиться вечно. А наше весеннее наступление, это, конечно, просто чудо. Если еще немного — недели две сохранились бы темпы наступления, Украина целиком стала бы советской. Хочется, чтобы если в Западной Украине не удастся дойти до конца, то Одессу, во всяком случае, освободили.

11/IV

* * *

Только что отгремел салют в честь войск Жукова, вышедших на 200 км к границам Румынии и Чехословакии. Четвертый раз ударили 324 пушки по 24 раза, и я с особой радостью вспоминаю сейчас, что видел первый Коневский салют в честь границы. От верховьев Днестра и до нее мы стоим там, где началась

[1] Станиславская область, до 1962 г. — название Ивано-Франковской области.

война, там, откуда к нам началось это грозное тысячедневное сражение, а на юге наша подкова охватила Одессу, единственное, что осталось от старой Украины. Подкова охватывает ближние подступы Одессы. У Скалы в огромном котле западнее Скалы докипают остатки 15 немецких дивизий и теперь уже их очень не надолго хватит. Бесплодно рвутся на выручку к Тарнополю танковые колонны немцев и словно для того, чтобы обеспечить непрерывность севернее Раздельной, попала в кольцо новая группа фрицев. Одним словом, «бирюзовые мои колечки раскатились по полю лужку», и каждое колечко несет смерть десяткам тысяч фрицев и невероятное количество трофеев. Вот когда к полном объеме торжествует наша стратегия и мне сейчас вспоминается почему-то фраза первых сводок: «Наши войска прочно удерживают границу от Черного моря до Перемышля». Что ж, до этого не так далеко. И верится в салют в честь полного освобождения Украины и Молдавии. Вот когда наступит по-настоящему «на нашей улице праздник», о котором так прекрасно написал в очередном отрывке из «Дней и ночей» Симонов. Вернее, не о самом празднике, а об ожидании этого праздника. Теперь очередь наших фронтов и тогда победа будет совсем близка.

И чудится, что совсем не за горами полный развал блока, который и так трещит по всем швам и практически существует уже наполовину условно. Лето 1944 г., ты даолжно стать летом Победы, летом мира и начала жизни. Уж очень не хочется еще одной зимы.

8/IV 44 г.

* * *

Одесса! Этим сказано все. Хотя ее ждал каждый, но никто не ждал так быстро. Одесса, наша любовь, красавица, гордость. Одесса вдвойне дорогая нам после своей героической обороны. Одесса, о которой в дни ее неволи мы пели и «Мишка одессит» и «Шаланды»[1]. Одесса, город солнца и моря, — наша! Одессой мы закончили очищение нашей старой Украины. Теперь — Молдавия и Западная Украина.

---

[1] «Мишка-одессит», песня из репертуара Л.О. Утесова на стихи В.А. Дыховичного и музыку М.П. Воловаца; «Шаланды, полные кефали», песня из репертуара М.Н. Бернеса на стихи В.И. Агатова и музыку Н.В. Богословского.

Как всегда неожиданно и еще более стремительно, чем всегда, — Крым. Видно по темпам наступления, Толбухин собирается повторить очищение Донбасса за неделю. Только позавчера одновременный удар Толбухина по Перекопу и Чонгару и временно по Керчи, а уже сегодня не только взяты Джанкой и Керчь, а и полностью очищены Керческий полуостров и наши войска находятся в каких-нибудь 20 километрах от Симферополя. При таких темпах наступления организовать настоящее сопротивление, по существу, невозможно, и если к этому деморализующему противника темпу прибавить, что отступить можно только в Румынию, т.е. за три с лишним сотни км, то едва ли это обстоятельство прибавит особо стойкости войскам, обороняющим Крым. Во всяком случае, верится, что к 1 мая над всем Крымом будет реять Красное знамя. Стратегические и политические выводы из этого ясны. Не сейчас и не нами сказано: «Кто владеет Севастополем, тот владеет Черным морем» и недолго, пожалуй, осталось немцам им владеть.

12/IV

Жуков и Василевский[1] награждены орденами «Победы». Трудно судить о Василевском. Его работа не видна для нас. А Жуков больше, чем кто-нибудь, достоин этого ордена. Все сколько-нибудь значительное в той или другой степени связано с ним: Москва, Сталинград, Украина.

Крым очищается просто невероятными темпами: сегодня первый раз за все время 3 приказа: Феодосия, Евпатория, Симферополь. В руках немцев остался только Южный Крым да и теперь совершенно ясно, что вышибут их оттуда, как миленьких, и очень скоро вышибут. Крым и Одесса — наш юг — как брат и сестра, разом становятся свободными.

13/IV 44 г.

* * *

Крым быстро очищается, от него остался только район Севастополя и то от него всего 7 км, так что сегодня можно ждать полного очищения Крыма. Едва ли они много отуда успеют увести. Во всяком случае, число пленных подходит под 40 тысяч. Вот что-то Второй Украинский замолчал, ни в Румынии,

---

[1] Василевский Александр Михайлович (1895—1977), советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943), дважды Герой Советского Союза.

ни в Бессарабии ни с места. Честно говоря, меня больше бы устраивало, если бы Второй Украинский вместе с Первым заворачивали не на юго-запад, а на северо-запад. Ведь там ключ к решению войны, а не в Румынии. На Румынию бы и одного Малиновского хватило бы. Но, впрочем, кто знает, какие стратегические планы у нашего командования. Ведь и Крым для нас был хотя и ожидаемым, но неожиданным успехом. После взятия Одессы наступление в Крыму было вполне естественным и его все ждали. Но что оно начнется буквально на второй день после взятия Одессы и будет развиваться такими темпами, этого, конечно, никто не ожидал. Очень мне хочется наступления Малиновского за Днестр и Прут. Жуков и Конев упираются в Карпаты, а Малиновский, дойдя до границы, будет стоять у ворот к сердцу Румынии и экономическому и политическому. И Бухарест, и Констанца, и Плоешти будут в непосредственной близости. Правда, на пути Дунай, но это не две дуги Карпат, а, кроме того, у нашей армии большой опыт форсирования рек. Наконец взят Тарнополь, вот только Скальская группировка, вернее остатки ее, вырвалась из кольца. Взятие Тарнополя может резко толкнуть Первый Украинский снова на запад. Пусть это будет в память Ватутина, дошедшего со своим фронтом от Волги и Дона до Днестра. Он много сделал для освобождения нашей Родины.

16/IV

* * *

Вчера взят Севастополь и Крым весь свободен. Город нашей славы — город-герой и город-мученик — снова вернулся в нашу семью. И политическое, и стратегическое значение этого события слишком очевидны, чтобы о них писать. Флот Черноморья снова получил свою основную базу.

Здравствуй город славою венчаный —
Севастополь величавый!
Сыны твои к тебе вернулись вновь,
Недаром за тебя была пролита кровь.
Три раза над тобой — военная гроза,
И мира вновь к тебе прикованы глаза.
Легендою стало Нахимово время,
Хранит их традиции новое племя,
Весь мир поразила твоя оборона,

Когда до последнего дрались патрона,
Последней гранатою танк подорвав,
моряк черноморский и сам погибал.
И так восемь месяцев ад грохотал,
И подступы трупами враг устилал.
Медаль ведь недаром страна учредила
И ей севастопольцев всех наградила.
Тебя мы оставили в сорок втором,
Но верили твердо — обратно придем
И целых два года обратно нас ждал,
Своими руинами к мести нас звал,
Толбухин по Крыму промчался как смерч,
Еременко путь свой начал через Керчь
И лишь в Севастополе через неделю,
Пока еще немцы в Крыму усидели,
Но долго не смог удержаться там враг
И Красный опять в Севастополе флаг!
Сегодня столица салютом своим
Свободный советский поздравила Крым.
Так славься навеки, наш город-герой,
Всегда мы и всюду гордимся тобой.

10 мая 1944 г.

* * *

Вот и подходит к концу май. Месяц затишья перед бурей, ибо хотя Севастополь — большая и славная победа, но это только эпизод, хотя и имеющий важное значение. Снова, как и в прошлом году, ждем бури, которая верится будет последней. Кто начнет, где она начнется и сольется ли наш удар с настоящим полновесным ударом с Запада, а следовательно окончится ли война в этом году — вот вопросы, которые сейчас занимают всех. И все эти вопросы должны решиться в ближайший месяц. Все это должно произойти не позже июля. Сейчас началось наступление в Италии и, судя по всему, это решительное наступление. Правда, темпы его внушают серьезные опасения, но все же едва ли союзники остановятся на тактических успехах. Теперь весь вопрос в том, что это за наступление: начало общего удара по Германии с юга, востока и запада, или борьба за Италию и только там события могут начать развертываться очень быстро. А нужен конец в этом году, и хотя боюсь, что

придется нам воевать еще одну зиму, но все же надежда на конец не потеряна. Интересное положение с левизной в Комитете освобождения. У де Голля решительная чистка петеновцев и 2 министра-коммуниста. У Бадольо заместитель Эрколи[1]. Рибар[2] с красноармейской звездочкой. Бенеш[3] отходит от Англии к Советскому Союзу. Чем все это кончится, конечно, трудно и гадать, ясно, что ситуация создалась интересная и очень сложная и распутывать ее будут ближайшие месяцы.

* * *

У тебя в Москве

Не день, не два, и много сотен дней
Я был с тобой, Москва, в разлуке,
Но не забыл твоих ни улиц, ни людей
Во сне и наяву я простирал к ним руки,
Ловил я всюду о тебе слова
И каждую, хоть маленькую, новость
И замирал, услышав: «Говорит Москва»,
Ведь это был моей любимой голос.
Бывало время — мучила тоска,
Душа, как скрипка, под смычком рыдает,
Я вспоминал тогда — на свете есть Москва
И, словно солнце, душу озаряет.
Сейчас я вновь стою на Комсомольской
Вокзалы, площадь, темнота, народ.
И тротуар, покрытый коркой скользкой,
И радио на поезда зовет.
А вот и дом, такой во всем знакомый,
За сквером притаившийся, стоит.
Взбежать наверх по лестнице по темной
И дверь рукой дрожащею открыть.
Я не был в комнате без малого три года,
Но очень мало изменилось в ней,

---

[1] Эрколи — псевдоним Тольятти Пальмиро (Togliatti) (1893—1964), итальянский коммунистический лидер.

[2] Рибар Иван (Ribar) (1881—1968), югославский политический деятель, поддерживал И.Б. Тито.

[3] Бенеш Эдвард (Bene) (1884—1948), государственный и политический деятель Чехословакии, руководитель чехословацкого зарубежного Сопротивления в годы Второй мировой войны.

Лишь стены облупила непогода,
Да стало будто бы еще тесней.
И вот молчим и смотрим друг на друга,
Откуда, где, какие взять слова?
Не нужно слов. Без слов поймет подруга,
Что значит вместе: я, она, Москва...
И бродим мы по улицам московским,
Идем в кино, катание в метро
Стоим задумчивы у стен Кремлевских
И вспоминаем мы, как жили здесь давно.
Любовь, семья, работа, дети, школа
И лучшего не нужно и желать,
Но счастье все казалось нам неполным,
О многом с Ирою любили мы мечтать.
Каким прекрасным, сказочным, далеким
Нам кажется минувшее сейчас,
Тогда нигде я не был одиноким,
Хотя и ссорился по глупости подчас.
В дыму войны былое счастье скрылось,
Запретной стала для меня Москва.
Мы с близкими навеки разлучились,
Меж мной и Ирой выросла стена.
Кипело всюду за Москву сраженье,
Враг рвался к Химкам, Тулу окружал,
Но Сталин им готовил пораженье
И силы грозные к удару собирал.
В те дни Москву я издали увидел,
Она была другой: сурова и темна,
За скорбь Москвы я немцев ненавидел,
В те странные для нас, лихие времена.
На улицах темнели баррикады,
И дуло выставив, виднелся пулемет,
Гранат и мин повсюду были склады,
И что ни день, то вражеский налет.
Совсем иной была сейчас столица:
Взлетали в небо тысячи ракет,
Войсками нашими достигнута граница,
Гремели залпы пушек в честь побед.
Я любовался вспышками огней,
И на зарю победы у стены Кремлевской,

Когда я вновь чрез много сотен дней
Стоял с тобой на площади московской.
Я вспоминал своих друзей убитых,
Со мной кто дрался вместе на фронтах,
Я вспоминал о городах разбитых
И о заплаканных несчастных матерях.
О тех, кто насмерть дрался в Сталинграде,
О нашем Сталине, который здесь живет,
Что он провел нас через все преграды
И к окончательной победе приведет.
Я жду теперь последнего салюта,
Что прогремит над всей моей страной,
Придет же эта наконец минута,
И жизнь начнем мы новую с тобой.

30/III—2/IV 44 г., г. Калинин.

* * *

Трубка (шутка)

Однажды я трубку для смеху закурил,
И так раз за разом ее полюбил
И в школе, и дома сижу и дымлю
И трубку ложу лишь тогда, когда сплю.
Но трубки я часто ломал и терял
И новую трубку себе покупал:
Я в трубке курил «Золотое руно»,
Его не забыть мне нигде все равно,
К одной напоследок я трубке привык,
За трубку меня называли «старик».
Под поезд на фронте ее уронил,
И взвод ее целый бывало курил,
Чтоб новую трубку себе раздобыть,
Пришлось мне фрица в бою уложить
И стала та трубка вдвойне дорога,
Ее у убитого взял я врага.
Но трубку мне эту Алешка разбил,
Его за ту трубку я чуть не убил,
Не скоро себе я другую добыл,
И ту, как назло, я в Москве позабыл,
Без трубки меня загрызает тоска,
И адрес известен: Грузинка, Москва

Туда я приеду и трубку возьму,
А с ней хорошо б захватить и жену.
Теперь я признаюсь, что трубка предлог,
Без трубки легко обойтись бы я мог,
Но хочется мне поглядеть на жену
И с ней заодно на родную Москву.
И верю, придется в Москве мне побыть,
Вот только бы трубку опять не забыть.
Ведь как поцелует, обнимет жена —
Зачем же тут трубка мне будет нужна.
И если в Москве еще разик побуду,
Боюсь, что еще что-нибудь позабуду,
И если чего я бы страстно желал,
Так это чтоб с трубкою сам бы лежал.

апрель 44 г.

* * *

Цветок

Когда-то давно ты прислала цветок,
В письме написав, чтоб его я берег,
Что если сберечь не сумею цветка,
Любовь моя, значит, не очень крепка.
С тех пор с партбилетом ношу я цветок,
И Маечкин вышитый детский платок.
Цветку ни пропасть, ни помяться не дам,
Покуда я жив, никому не отдам.
Вот так и шагаю по жизни с цветком:
В казарме, на марше, в бою под огнем,
Мне этот цветок, как любви талисман,
На жизнь и на счастье тобою был дан.
И нежный и ясный цветок полевой
Мою и твою знаменует любовь.
Поэтому помню всегда о цветке,
Что в левом кармашке, завернут в платке.
И знаю, что он сохранится таким,
Ведь свято и чисто любовь мы храним.
Когда же окончится эта война,
Увидев цветок, улыбнется жена.

6 апреля 1944 г., г. Калинин

* * *

1001 ночь

Когда-то в юности давно
Шахерезаду я читал,
Я книгу брал, чуть свет в окно,
И до полночи не бросал
И ночь за ночью предо мной
Полны волшебства и чудес
Друг друга сменяли чередой
И уносили до небес.
А эта тысяча ночей
На землю возвратила мрак,
Закрыли тысячи очей,
И счастье превратилось в прах.
Там витязи и джины дрались,
И было все так просто и легко,
Иные судьбы нам достались
Былое счастье очень далеко.
Все эти ночи — ночи горя, боли,
Отчаянья, страданий и надежд.
Мы в них рекой горячей нашей крови
Лишили Гитлера его былых побед.
Сейчас к концу подходит эта ночь,
И с нетерпением мы ждем рассвета.
С земли советской тьму мы гоним прочь,
И утренней зарей для нас встает победа.
На запад в бой идут богатыри,
Звезда Кремля — как лампа Аладдина,
Сияет им, и что враги теперь не говори,
А наша родина вовек непобедима.
Устали мы за эти ночи битв,
И ноют раны в сердце и на теле,
И хоть судьба пока что нас хранит,
Мы все душой намного постарели.
Покой и счастье все мы заслужили,
И сердце ждет их, время торопя,
Мы жить хотим, как до войны мы жили,
Под светом звезд московского Кремля.
Вставай, победы солнце над страною,
И тьму зловещую навеки разгони,

Дамоклов меч над вражьей головою,
Его мы в этот раз обрушим не одни.
Шахерезада, стой, нас миновали беды,
Теперь уж нам судьбы не изменить,
Сорок четвертый год — я верю, год победы,
Год мира, возвращений и любви.

апрель—март 1944 г.

* * *

Началось!

Сегодня сбылось то, что мы три года ждали,
О чем мечтали в тягостные дни,
Когда врага на Волге мы держали,
Сражаясь с немцами без помощи одни.
И в дни побед с досадой говорили,
Конец войны насколько б ближе стал,
Кода бы фронт второй открыли
И вихрь войны в Европе бушевал.
О чем друг с другом мы ни говорили,
Началом и концом была у нас война,
К второму фронту разговор сводили,
О нем ведь думала три года вся страна.
И вот свершилось, фронт второй открылся,
Армия свободы в Европу приплыла,
Десантниками берег весь покрылся
И знамя вольности Европа подняла.
У всех сердца учащенно забились,
Заря победы встала над страной,
На запад наши мысли устремились,
Где закипел сейчас горячий бой.
И верится, теперь уже не много
Конца войны осталось ожидать,
И на крыльцо у старого порога
Жена бойца выходит пусть встречать.

8—11 июня 44 г.

* * *

«Жалость» написана после долгого раздумья, так и не послана. Об этом нужно было говорить в Москве, а сейчас, когда это займет месяц и может вызвать только обиду, недомолвки, раз-

брод в мыслях, обиду и горечь, пусть и скрываемую, нет, лучше не нужно. Буду верить, что и так все будет хорошо. А после тех писем вдохновенных и красивых, нежных и простых, что ждут сейчас от Иры, это и вовсе невозможно. Ведь если здесь разлука, то ведь и там тоже и не верю, что та может победить. Так пусть все идет так, как должно идти. На время закроем клапаны и пусть неожиданная горечь спрячется по мне до новой встречи, а может быть и там отпадет необходимость открыть ее, да и открыв ее верю, что все скоро разъяснится. так значит будем ждать.

Мне самому нравится только «Цветок» и отдельные строчки из «Разлуки», но все это конечно страшно слабо и может быть признано только как попытка выражения хороших чувств, попытка явно шумная, но искренняя.

7/IV 44 г.

«Трубка», пришедшая от Иры, — это прекрасное стихотворение в прозе, полное любви и романтизма. В нем столько теплого, хорошего, что я буквально всеми своими чувствами ощущаю любовь. Как жалка моя «трубка» по сравнению с этим. Ну, что ж каждому свое. «Песнь о счастьи» по воле случая этим началась наша любовь и сейчас своей «трубкой» ты пропела сильную и красивую песню о любви. В ответ я посылаю свою «Разлуку», но как и она бледна по сравнению с тем, что хочется сказать ей в этот день новой разлуки, в день надежд, побед и ожиданий. Странно, откуда взялась эта новая, неведомо откуда явившаяся страсть к стихам. Ведь я прекрасно знаю, что хороших стихов мне никогда не написать, а плохие я всегда переносить не мог. Так откуда же это взялось — почему. Говорят, влюбленные пишут стихи, но я когда-то, когда все данные для этого были налицо, стихов не писал, а сейчас они лезут сами в голову на каждом шагу.

8/IV 44 г.

* * *

1001 ночь прошла. Ведь это только подумать, сколько времени отняла у нас война. Прямо странно становится, тысяча дней ожидания, надежд, разочарований, радости и горя и чудится там где-то конец. Конец полный и решительный. Но все труднее ждать и этого конца. А посмотришь, так, несмотря на все наши темпы, еще много осталось. 1000 дней разлуки и лишь

как неправда на последних сотнях крупицы счастья. Словно поняли судьба, что надо быть немного пощедрее. Три встречи — Медногорск, Калинин, Москва. Далекая и непривычная — Медногорская — встреча, когда мы после стольких месяцев разлуки вновь увидели друг друга и, отвыкшие смотрели, какие мы стали за время войны. Смотрели, узнавали, привыкали друг к другу и узнавали знакомое в забытом. Дети — новые и неожиданные, — для которых отец стал чистой абстракцией.

Калининская большая долго ожидаемая встреча, когда все стало на свои места и счастье стало уже ближе, труднее и неожиданнее. Скоропалительная Москва. Когда все стало еще ощутимее и глубже, ближе: прежнее, довоенное былое счастье. Дома, где прошли годы счастья и жизни, так глупо и нелепо омрачавшиеся недоразумениями, эти прежние годы счастья, казалось, стали такими возможными. Встреча с редкими уцелевшими друзьями и с Москвой, через которую я до сих пор только проскакивал мимоходом. Эти три чудесных дня, как дивный сон стоят перед глазами. Две недели уже прошло со дня приезда в Москву и мне все не верится, что я там был. И хочется теперь не мимолетной встречи, за которой снова начнется новая разлука, а встречи, после которой не нужно будет никуда уезжать, и можно будет снова жить.

13/IV

Незаметно прошло две недели четвертой разлуки, сколько писем я ей написал, а от Иры все приходят письма, в которых она гадает о причинах моего молчания. Меня начинает беспокоить, а что будет если Ире не удастся получить пропуск для мамы. Это для нее будет трагедия. Как тогда быть в этом случае. Снова особенно сильно чувствуешь свое бессилие.

16/IV

* * *

Ирина 30/III—3/IV 43 г.

Ты уехал, а на столе осталась трубка. Она сохранила совсем еще свежий пепел твоего табака, запах твоего дыма... Пусть лежит. Пусть напомнит о твоем таком еще недавнем пребывании здесь у этого стола, где лежит теперь трубка.

Она может поведать о многом, бесконечно большом, дорогом и сокровенном... Она с тобой была там, где ты оставлен

был на смерть. Ты курил ее тогда. Она успокоила тебя. Мысль приобрела ясность, остроту, решительность. Ты был спокоен и тверд. Ты знал все. Ты был готов на все. За тобой была страна, партия, твой дом, твоя любовь. Ты победил. Вышел к большой земле один из многих... В твоих руках была трубка, та самая, что лежит теперь на столе.

Она была с тобой там, где в светлых и высоких палатах залечивают раны, дают заслуженный покой натруженному искалеченному воину.

Ты поправлялся, думал о доме, о друзьях... О наших неудачах и победах. Все пело в тебе, когда радио доносило добрые вести и все сжималось, когда были они горькими.

Ты радовался письмам. Ты тосковал, когда их не было. Ты горел ненавистью и презрением к грязи и пошлости белых палат и бережно лелеял свою большую любовь. В думах твоих, в вере твоей тогда, в эти самые дурные дни родины нашей с тобой была трубка. Ты много курил тогда. Очень много...

Она была с тобой в старом русском городе, сохранившем еще и теперь следы немецких разрушений. Ты стоял у братской могилы на городской площади. ты думал о самых молодых и красивых, о самых умных и талантливых, о тех, что пали в этой борьбе, ты думал о мщении. Ты дал обет бороться до конца. Ты был коммунистом по убеждению. Ты стал им по принадлежности. В сокровенном уголке кармана твоего лежит пурпурная книжечка, на душе твоей ясно и чисто. Ты снова курил трубку, ту самую, что лежит теперь на столе...

Однажды ты получишь письмо. Тяжкое письмо. От той, которую любил, которой верил... Что-то не так было у нее. Ты почему-то подумал, что теряешь ее. Ты написал ей «остановись, подумай, взвесь». Ты курил трубку за трубкой, ты писал и рвал написанное, советовался с другом, снова писал, думал, убеждал себя и ту, что была от тебя далеко, далеко. Горе и сомнения терзали твою душу. Успокоения не было и даже твоя трубка как-то по-особому курилась. Она выбрасывала неровными и частыми толчками целые облака дыма. Может потому, что вместе с своим владельцем мучилась незнанием того, что происходит там, за тысячи км, что творится с той, чье письмо ты получил. И мысли твои, подогретые трубкой, роняли сомненье за сомненьем. Пришло еще одно письмо. Все становилось на

место. Кризис миновал. Трубка попыхивала ровнее, стали приходить письма, полные веры и любви. Отходили сомнения, невозмутимо спокойно курилась трубка, та самая, что лежит теперь на столе.

Она была с тобой в роте среди добрых друзей твоих и товарищей. И не раз из этой трубки делились вы закуркой. Не раз согревала тебя трубка на строевых, когда от холода застывали слова на устах и когда от ее теплоты слова команды твоей звучали четко и бодро...

Поздний вечер. Большой стол. Самовар. За столом офицеры. И ты среди них, попыхиваешь трубкой. Они папиросами. Дым кружит над столом. Льется теплое дружеское слово. И вдруг заспорили с ожесточением и упорством. Резким диссонансом звучит голос диктора: «Товарищи, будет передано по радио»... Тише, тише! Спор упал на ваших напряжение — все внимание к репродуктору... И может быть, ты впервые за много лет чувствуешь себя так просто, ясно и жизнеутверждающе и, может, поэтому слишком уж спокойно попыхивает трубка. Ведь может она поведать о глубокой и бескорыстной дружбе «трех», об их тепле и любви друг к другу, о горечи утрат и радости встречи...

Но были дни, когда трубку ты почти не курил. Это было тогда, когда приехала она. Трубка безмолвно ждала своего часа. Час этот пришел. Любимая твоя уехала. У тебя на душе было особенно ясно: исчезли даже тени сомнений. Забытая трубка опять в зубах. Ты думаешь о том кусочке счастья, что подарила тебе военная судьба. Ровно и тихо попыхивает трубка. И вдруг ты остался один. Занятий нет. Друзья уехали на Москву. Ты завидовал им. Но ты был благородно справедлив. Им эта поездка нужна больше, чем тебе... И все же завидовал...

Ты в Москве. Дома. У себя за столом. Куришь трубку, как бывало прежде. Тебе не хотелось бы быть гостем в этом доме, ты хотел бы, чтоб было как прежде. Ты думаешь об этом и трубка попыхивает в такт твоим мыслям. Рядом с тобой сидит подруга твоя. Она любила тебя всегда, но много мучилась от своей любви прежде. Теперь иное. Любовь стала богаче и чище и не приносит больше мучений. Сомнений нет. Их не может быть, так как «то, что могло бы быть», просто невозможно. Невозможно было тогда. Невозможно теперь тем более.

Ты уехал. Трубка осталась на столе. Ты ее больше не куришь. Пусть же лежит! Пусть напоминает о днях былых, о думах и мучениях, о дружбе и любви, что перенес ты за эти годы. Пусть напоминает о том бесконечно большом, дорогом и сокровенном, что составляет нашу жизнь в эти тяжелые годы борьбы. Пусть же лежит и пусть напоминает мне о тебе, о твоем, таком еще недавнем пребывании здесь у этого стола...

Трубка ждет своего часа. И он придет. Вместе с победными салютами придет он. Ты будешь дома, сядешь за знакомый столом. Как прежде, закуришь трубку, ту самую, что лежит теперь на столе... Но о чем ты, ты будешь думать? Сейчас не скажешь. Но о жизни, что начнется, наверно!

* * *

Не может сын смотреть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой.
Ему нет горше укоризны
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь недаром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.[1]

Н. Некрасов

Вопрос в том, как умереть? Нельзя умереть пассивно без отчаянной борьбы.

М. Калинин

Умирать надо хорошо!

Н. Островский

Так умри, чтоб от смерти твоей была польза.

Д. Фурманов[2]

Есть высшее из всех гражданских прав
Во имя жизни встретить ветер боя.
И, если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие героя.

А. Сурков

---

[1] Отрывок из поэмы «Поэт и гражданин» (1856) Н.А. Некрасова.

[2] Фурманов Дмитрий Андреевич (1891—1926), советский писатель, автор романа «Чапаев».

Авторитет коммуниста, его передовая роль, складывается из ряда условий. Тут и личный пример бесстрашия и умение связаться с массами воспитывать их, и мастерство, и поведение в общежитие в тылу. Кое-кто считает, что на войне, на фронте, не до вопросов быта, не до морали: «Война-де все спишет».

Коммунист на то и коммунист, чтобы всегда и во всем оставаться человеком высокой идейности, подлинного благородства, незапятнанной чистоты всех дел своих и помыслов. Наша падшая не считает никогда личную жизнь своих членов только их личным делом. Живи так, чтобы твоя жизнь была примером для окружающих беспартийных. Не позорь своим поведением партию, не отталкивай своими поступками от партии беспартийных, не заставляй их осуждать партию из-за твоего недостойного поведения — живи так и только тогда и ты будешь истым большевиком.

Партийность должна определять все твое поведение в любой обстановке.

«*Красная Звезда*» (передовая). 9/VI 44 г.

Человек после смерти живет только на земле.

Анри Барбюс

Солдат идет в бой не умирать, а жить. Победа кается до боя.

И. Панфилов[1]

Родина — это ты! Убей того, кто хочет убить! Кому это надо? Тебе! Твоей жене, твоему отцу, твоим детям. Родине. Это ты сам, твоя семья, твоя жена и дети. Но ты спросишь, чего я беспокоюсь о тебе, зачем я стараюсь, чтобы ты остался жив. потому что я тоже хочу жить.

Жестокая правда войны не в слове «умри», а в слове «убей».

Самое главное — настойчивость. Не исполняй, накажи, никогда не спускай! Хорошо сделано — поощри.

Готовность армии, это прежде всего готовность солдата.

Смех — это самое серьезное на фронте.

Б. Момыш-улы[2]

---

[1] Панфилов Иван Васильевич (1893—1941), советский военачальник, генерал-майор (1940), Герой Советского Союза. Погиб в ходе боев под Москвой.

[2] Момыш-улы Бауыржан (1910—1982), участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза, панфиловец, участник битвы за Москву, писатель.

Солдата нужно не муштровать, а воспитывать.

М. Драгомиров[1]

* * *

С нежностью и снисхождением мы вспоминаем 21 июня 1941 г. Так вспоминает мать свои девичьи грезы. Мы еще не знали, что нам предстоит, и если бы кто показал нам будущее, кто бы ему поверил?

Вспомним все: память нужна человеку, как корни дереву. В то утро Москва проснулась беспечной, по-летнему истомленной. Мысли шли к сирени, к лесу, к голубому, легкому отдыху.

Говорят, что три года не три века. Но мне кажется, что мы прожили сотни лет. Покрылись морщинами лица и поля. Пепел в волосах и на земле. Скольких близких и друзей мы потеряли за три года.

Горе-жадное и горе-щедрое: много оно отнимает и много дает. Будем беспощадными к себе, вспомним наши потери. Много погибло чистых, смелых, благородных. Не с неба свалились наши победы. Они взошли на земле и политы кровью мучений.

Они украли у нас мечты, доверчивость, доброту. Они показали нам такую низость, такую свирепость, что мы стали мудрыми до молчания, нелегко жить с этой мудростью, она как камень.

Есть простота начала и простота понимания, мудрости. Между ними часто лежит вся жизнь. Кто знает, как далеко мы шагнули за эти три года. На минных полях мы поняли то, что не было в книгах . Жизнь оказалось сложнее и проще.

Счастье добывается из сердца, как огонь из кремня.

Слова условны, а кровь вязка.

Есть связь между тончайшими душевными переживаниями и оперативными сводками.

Это только начало, но как это начало близко к концу.

Последние четверть часа будут тяжелыми, но после немцев под Химками, после голодной ленинградской земли. После камней Сталинграда ничто не остановит Россию. Если немцы будут грозиться, мы усмехнемся, мы ведь били тех первых, до-

---

[1] Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), русский военный теоретик и педагог, генерал от инфантерии (1891).

бьем и последних. Если они будут хныкать, мы им ответим: Москва слезам не верит. Мы будем в Берлине: это было предрешено 22 июня 1944 г. в тот самый час, когда немцы на нас напали.

Три года мы страдаем, и только безумец мог бы говорить о радости. Невольно мы вспоминаем последний довоенный день... Мы никогда не увидим той жизни, мы стали другими. После победы мы создадим новую и, наверно, мирную жизнь. Но как взрослый человек не может забыть детства, мы не забудем довоенных мечтаний. Мы не забудем и страшного утра.

И. Эренбург. 3 года. 22 июня 1944 г.

* * *

В разлуке

Так знай же, что в суровый час разлуки
Лишь тверже закаляются сердца.

К. Симонов

Разлука у нас наступила сейчас,
По счету четвертая это у нас.
И долгой, короткой ли будет она,
Не знаю то я, не знает жена.
С разлуки когда-то начал я войну,
Покинув надолго родную семью,
И разве я мог бы подумать тогда,
Что я из Москвы ухожу на года.
Мы в комнате долго сидели вдвоем
И думали молча о счастье своем,
У школы простились, и Ира ушла,
Хоть не было слез, но рыдала душа.
За время войны я везде побывал:
В Рязани служил, под Москвой воевал,
Лежал в лазаретах, сражался в тылу,
И в мыслях с собою носил я жену.
И только на фронте, в разлуке, в бою,
Как следует понял любовь я свою.
И всюду мечтал я тогда о письме,
Об этом я думал и днем, и во сне.
Но только в Калинин надолго попав,
Я письма твои, дорогая, узнал.

Ласкали те письма и грели меня,
Меня ободряла ты даже браня,
Без мыслей твоих я б, наверное, пропал,
И в то, и в другое болото попал.
И все же не может письмо заменить
Того, с кем хотелось мне вместе побыть
Все чаще и чаще я стал тосковать:
Уж очень хотелось тебя увидать.
Хоть время в разлуке и медленно шло,
А так незаметно два года прошло.
Ну как рассказать, как я ехал к тебе
Метался и рвался как будто в огне
Как жил в Медногорске два дня без тебя,
Ругаясь и злясь, все на свете кляня.
На станции ночью тебя как встречал,
И губы шершавые как целовал,
А как от волнения голос дрожал,
В забытом любимое как узнавал.
И как мы на кухне сидели с тобой,
Всю ночь просидели, очнулись с зарей.
И как без конца мне хотелось ласкать
За то, что два года сумела прождать.
Как только начавши к тебе привыкать,
Я должен обратно был вновь уезжать.
И первая встреча как быстро прошла,
И как в темноте ты за поездом шла.
Вторая разлука была тяжела,
Теперь-то мы знали, что значит она.
И только одно заглушало тоску,
Я ждал, что ты скоро приедешь в Москву.
Ты к новому году в Москву перебралась,
И рядом со мною теперь оказалась,
Тебя я теперь с нетерпением ждал,
И сроки приезда на пальцах считал.
В Калинин зимою приехала ты,
И сбылись заветные наши мечты,
Но как неудачно попала ты к нам,
Мы были свободными лишь по ночам.
И все ж за четырнадцать этих ночей
Ты вновь стала ближе, понятней, родней,
Ведь скоро три года мы в письмах живем
И больше нигде не бываем вдвоем.

В Калинине ты увидала друзей,
С какими делю я раздумье ночей,
С которыми радость и хлеб пополам,
Которым я сердце и дружбу отдал.
И верится мне, что с тех пор как узнала,
Ты «Троицу» нашу не раз вспоминала.
Но время бежит, и разлука пришла,
Одна без меня на вокзал ты ушла,
И все мне казалось, ты рядом со мной,
Тебя я увижу, вернувшись домой.
И я не метался в жестокой тоске —
Ведь знал, что ты близко, в родимой Москве.
А это же рядом — рукою подать,
Ну как тут о встрече опять не мечтать.
Чудес не бывает — известно давно.
А тут вот как раз и случилось оно.
С отъезда Ирины лишь месяц прошел,
И в гости я к ней на Грузинку вошел.
Был там я, откуда три года назад,
Простившись с женой, отправлялся солдат.
Чудесны и сказочны этих три дня,
Что пробыл в Москве я в гостях у тебя.
Куда ни посмотришь, кругом все родное,
Знакомое, близкое сердцу такое.
Как старым друзьям улыбаюсь домам,
Метро, мавзолею, кремлевским часам
И тысячу вижу ракет над Москвой,
Любуюсь салютом я вместе с тобой,
И шепчемся мы до утра меж собой,
На грудь мне склонившись своей головой,
Ты шепчешь и ищешь, где губы мои,
Чтоб с ними слились в поцелуе твои...
Кто думал, что время умеет так мчаться,
Что скоро придется так пора расставаться,
Что снова вокзал, поцелуй на прощанье,
Гудок паровоза и снова молчанье.
Хоть встречи коротки и долги разлуки,
Я вижу глаза твои, нежные руки,
Чудесную вижу твою простоту,
И что всех дороже — души красоту.
Сейчас целиком у войны мы у власти,
Сурово и скупо солдатское счастье.

Хоть счастья кусочек порой попадет,
Но как же он быстро, Ируся, пройдет,
А дальше опять вспоминать и мечтать,
И снова во сне лишь с тобою бывать.
Я счастья делить на куски не хочу,
Довольно разлук, о войне я молчу,
Такое мне хочется «здравствуй» сказать,
Чтоб больше не нужно было уезжать.
Чтобы новая жизнь начиналась потом,
Всегда чтобы всюду мы были вдвоем,
Но если так нужно, еще подожду,
Хотя и питаю к разлуке вражду.
Большая проверка была у любви,
Но чувства сберечь мы сумели свои,
Ни время, ни верстам любви не разбить,
Тебя ни на миг не смогу я забыть.
В разлуке, в боях закалились сердца,
Война — до победы, любовь — до конца!

апрель 44 г.

* * *

И. Эренбург награжден орденом Ленина. Мы все восприняли это как большую радость. В дни войны он стал нашим сердцем и совестью и если бы к этому прибавили Симонова и Горбатова и, пожалуй, Гроссмана, то было бы совсем хорошо.

А из майской статьи Эренбурга узнал о смерти Крылова, Гайдара, Олендера[1]. А на днях умер Новиков-Прибой[2]. «Цусима», «Танкер», «Тимур» — их не забыть.

Левитан, голос которого стал популярнее и желаннее голоса любого певца, как мелодия настройки, стал, по выражению Вишневского, «самой популярной мелодией страны», награжден орденом Трудового Красного Знамени.

---

[1] Здесь речь идет о военных корреспондентах, погибших в годы Великой Отечественной войны. Крылов Петр (нет сведений об обстоятельствах смерти), батальонный комиссар, корреспондент «Красной Звезды», Гайдар Аркадий Петрович (Голиков) (1904—1941), выдающийся советский детский писатель, в годы войны — корреспондент «Комсомольской Правды»; Олендер Петр (погиб в 1944), корреспондент «Красной Звезды», погиб в схватке с бандеровцами.

[2] Новиков-Прибой Алексей Силыч (1877—1944), русский, советский писатель-прозаик. Автор эпопеи «Цусима», посвященной русско-японской войне 1904—1905 гг.

Снова атмосфера становится совершенно нестерпимой и получается «снаружи броня из изумительной стали, а внутри дерьмо». Внешне красиво, на деле — бардак. Такие дела прямо отбивают охоту работать. Хочется бросить все ко всем чертям и уехать отсюда.

2.VI

Город на скалах — он сам в двух оборонах стал как скала. Город у моря — он сам несет в себе душу моря бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца, он сам сияет в веках ослепительным блеском военной доблести.

И вот что осталось от него: скалы, море до солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней.

Л. Соболев

Говоров — Маршал Советского Союза. 2 [прорыва] его настолько неожиданны и стремительны, что трудно даже поверить, что это же прорыв укреплений, сооружавшихся в течении 34 лет, а не обычное наступление на наспех составленную оборону.

Думается, что за Финляндию воевать осталось не дольше, чем до 1 июля.

* * *

Застольная

Мы сегодня выпили, как дома,
Коньяку последний наш запас.
Хоть ребята с Вами незнакомы,
Но с охотой выпили за Вас,
Пили мы за свадьбы золотые,
Еще будут, будут чудеса,
Пили мы за Ваши голубые,
Дай мне Бог увидеть их, глаза.
Может быть, они у Вас другие,
Но ведь у солдат во все века
Что глаза у женщин голубые,
Принято считать издалека.
Мы не все вернемся, так и знайте,
Но ребята просят в трудный час,
Заодно со мной их вспоминайте,
Даром, что ли, пьют они за Вас.
Мы вас просим, я и остальные,
Лучше, чем напрасная слеза.

Пейте, пейте за стальные
Наши, смерть видавшие, глаза.
Может быть, они у нас другие,
Но ведь у невест во все века,
Что глаза у всех солдат стальные,
Принято считать во все века.

К. Симонов

Переезжаем... Наконец. Ну, мог ли я подумать, что в этом городе мне суждено прожить два с лишним года и это в дни войны, после того, как меня судьба бросала с места на место в первые месяца войны, а здесь приехал на несколько дней и застрял. Не жаль покидать его. Несмотря на то, что пробыл так долго, так все и считал его временной, хотя и затянувшейся обстановкой. Сейчас меня безмерно волнует только одно. Увижу ли я ее? Ведь это теперь до конца. До конца в буквальном смысле слова, если не повезет и до конца, плюс самое меньшее полгода, если повезет, это не дает покоя ни днем, ни ночью, и когда шел с выхода, то я угадывал ее в каждой женской фигуре. Мне так и казалось, что это она.

* * *

Побег

Сегодня я пускаюсь в авантюру,
Своей слепой вверяюсь я судьбе,
Используя такую конъюнктуру,
Когда смогу я вырваться к тебе.
И верю, и не верю, что буду в Москве,
Сидеть на диване смотреть на тебя,
Последнее время метаюсь в тоске,
Далеко за полночь сижу у огня.
Один не решился б, поедем втроем,
Нам вместе не страшен контроль и патруль,
Не верю, что мы там втроем пропадем,
Не бегали ж мы от снарядов и пуль.
Я знаю, что быстро промчатся часы
Лишь только придешь — и день пролетит,
И все же бросаю судьбу на весы
Тебя чтоб увидеть, с тобой говорить.
Когда не идет к Магомету гора —
Шагает навстречу горе Магомет.

Так я: раз не едет в Калинин жена,
Пускаюсь в свой первый опасный побег.

17/VI 44 г., г. Калинин

* * *

На вокзале на прощенье
Торопливый поцелуй
Хоть и снова расставанье —
Дорогая — не горюй.
Верю я — теперь немного
Нам осталось воевать.
Разобраться если строго,
То уже пора кончать.
Маннергейма бьем мы всюду,
И сегодня Выборг наш,
Впереди сраженья, штурмы,
И на Запад твердый марш.
И от мысли, что полгода
Лишь осталось воевать,
Лучше кажется погода,
И душе спокойней ждать.
Ты меня совсем не ждала,
Зная, что я далеко,
Растерялась, увидала —
Добираться нелегко.
Мы втроем к тебе ввалились —
Угощенье доставай! —
На редиску повалились
Ну и с водкой не зевай.
Все ушли, а мы остались,
Как уж не было давно,
И шептали, целовались...
Хоть завесили б окно.
День кончался, к Маяковской
Повернули мы свой руль,
И на улице московской
Все шутили про патруль.
Небо мы Москвы смотрели
Сорок первый год вставал,
Рядом мы с тобой сидели,
И тебя я обнимал.

Улица знакомая
Привела домой,
Только ночь короткую
Мне побыть с тобой.
Ночку ту минувшую
Нам не воротить,
Мне б тебя уснувшую
Целовать, любить.
На груди прильнувшую
Утром не будить,
Как с тобою шепотом
Хорошо мечтать,
Но ведь с первым поездом
Нужно уезжать.
На вокзале к поезду
Двинулся народ.
Я к тебе приехал
Твой теперь черед.
И хочу в поле я
Увидать тебя.
Приезжай любимая!
Радость ты моя!

К-н 20—24/VI 44 г.

* * *

1. Будут ли немцы пытаться наступать летом 1944 г.:

Саварин — не будут,

Карлеон, Белявский — могут и должны бы попытаться наступать, но на узком фронте, район Белоруссии или Ленинграда.

2. Будет ли второй фронт:

Саварин — не будет,

Карлеон, Белявский — будет не позже июля 1944 г.

3. Масштабы и цели наступления в Италии:

все — цель очищение всей Италии, но темпы пока очень медленные.

4. Когда и где будет наше наступление:

Саварин — не позже июля Первый Украинский и Белорусские,

Карлеон — не зависит от немецкого наступления, срок связи со вторым фронтом не позже июля на тех же направлениях,

Белявский — постараемся опередить немцев, в остальном согласен с В. Карлеоном.

5. Где будет второй фронт:

Саварин — район Ламанша п-ва,

В. Карлеон — основной удар район Ламанша и юг Франции,

М. Белявский — комбинированный удар по Франции с трех направлений (Дюнкерк, Бретань, Марсель)

6. Будет ли десант прямо на немецкую территорию:

Саварин — будет,

Карлеон — возможно будет на северо-западном побережье,

М. Белявский — не будет.

7. Будет ли война на немецкой территории:

Саварин — обязательно,

Карлеон, М. Белявский — война кончится раньше, чем наши войска вступят на территорию Германии.

8. Конец войны:

Саварин — война кончится летом 1945 г. с открытием фронта,

Карлеон, М. Белявский — к концу 1944 г., или даже неожиданно раньше.

22/V 44 г.[1]

* * *

Началось наступление на всех белорусских фронтах и потом наступают 6 фронтов. Финны оказались упорнее, чем можно было ожидать.

Все белорусские фронты осуществили прорыв, теперь весь вопрос в том, как удается этот прорыв развить и где определится направление главного удара. Неужели это начало летнего решающего наступления? По времени пора, что только не нравятся мне темпы во Франции. Это прошлогоднее повторение итальянской истории. Май был месяцем Крыма, июнь — высадки в Карелии, июль должен стать месяцем Белоруссии и Прибалтики. Если мы добьемся здесь таких успехов, как украинцы за весну, война будет окончена в 44 году.

25.VI

События у нас развертываются успешнее, чем можно было ожидать. Все Белорусские фронты наступают прекрасно. Вчера Витебск. Витебск — это второй Ржев нашего фронта, а сегодня

[1] Конспект разговоров М.Т. Белявского со своими сослуживцами.

уже 50—60 километров за Витебском, обтекли Оршу, вышли на Днепр под Могилевом и взяли Жлобин. А цифры наступления напоминают лучшие времена прошлого лета, — прорывы Рокоссовского и Ватутина: за один день свыше полутора тысяч населенных пунктов. Теперь пожалуй до Березины. Если не потеряем темпа, что обычно режет наши фронты, то так и будет. Надо догонять Украину, а то ведь от нас-то до Германии ближе. Вот бы еще вывести скорее из игры финнов, сразу освободилось бы сколько, что за черт за Выборгом? Ничего не пойму. По всем предположениям это должно было стать концом и вдруг пожалуйста. Ведь для них чем дальше, тем хуже, неужели они этого не понимают.

27/IV

Прошло всего 2 дня и черт его знает, что происходит: за 5 дней 6 тысяч с лишним населенных пунктов и взяты Орша, Могилев, Бобруйск, Осиповичи, обойден Полоцк. Около 50 тыс. пленных. Трофеи потрясающие. Так даже в лучшие времена бывало за месяц, а это за 5 дней. Бобруйская группа окружена и уничтожена. Мы на Березине, а на юге далеко за Березиной. До Минска меньше сотни км, взяли Петрозаводск и очищена Кировская дорога. Трудно, чтобы от всего этого не закружилась голова. За эти дни 4 пленных генерала, этого не было никогда с начала войны. При таком темпе наступления не закрепишься, и, главное, Белоруссия имеет все шансы уцелеть, ее меньше других мест разрушили немцы, наступая, меньше разрушат и сейчас. Вот сейчас им не до того, чтобы жечь и взрывать. Трудно даже высказывать какие-нибудь предположения: действительность, оказывается, идет дальше самых смелых предположений. Если бы такой силы удар был с Запада. Конец стал бы вплотную на повестку дня. Ведь мы от Латвии меньше 100 км и всего 400 км от самой Германии. Украину мы догоняем весьма стремительно, и Рокоссовским звание маршала вполне заслуженно получено, как и Черняховским[1] — Генерала Армии. Там Шербург. Теперь нужно не теряя времени выбить оттуда и высаживаться в новых местах. Надо довести

[1] Черняховский Иван Данилович (1906—1945), выдающийся советский военачальник, генерал армии, дважды Герой Советского Союза. Погиб в ходе боев в Восточной Пруссии.

Германию до паники. Сдачи генералов, и особенно быстро генерала из Греции, где пока что все спокойно, показывают, что почва для этого вполне готова. Неужели близок конец. И хочется, и боишься поверить, что бы еще раз не обмануться. Вот финны опять меня подводят. Леший их знает, на что они рассчитывают. Замечательная статья Эренбурга о наступлении этого года и снова как [?] звучит: «Мы придем в Берлин».

29/VI

В путь

Победы пришли к нам одна за другой,
Салютом Москва ежедневно нас дарит,
Мы вышли в последний решающий бой,
Чтоб нашу отчизну навеки прославить.
Уж дышит с надеждой моя Беларусь,
Свободны и Витебск, и Орша,
Сегодня вернул Рокоссовский Бобруйск,
А там недалеко и Польша.
Полки наши вновь в Березинских лесах,
Где предки громили французов,
Немецких побед мы развеяли прах,
Не будет краснеть за нас старший Кутузов.
Пусть Минск ожидает гостей дорогих
И к Вильнюсу сборы недолги,
Все ждут возвращенья хозяев своих,
Победу начавших на Волге.
Но мы не задержимся долго у вас,
Куда тут стоять, раз пошли мы «нах вест»,
Спешить нас заставит вперед Каунас,
И спать не позволит нам Брест.
И все же не в Брест, не в Варшаву наш клин
Об этом мы помним и ночью и днем.
Мы вышли в поход на проклятый Берлин
В дороге не сядем, пока не дойдем.

30/VI 44 г., г. Калинин

* * *

Всего неделя отделяет от этого стихотворения, и то, что казалось мечтой, и не только мечтой, не только сбылось, но и сбылось с лихвой. Борисов, Молодечно, Вилейка, Минск.

Минск! Каким он далеким был всего неделю назад, а наши войска заняли его всего через 3 дня после того, как это написано. Старая Белоруссия свободна целиком, осталось всего 4 города, да и то осталось ли, ведь мы живем на два дня позже. И от Прибалтики нас отделяет ок. 100 км, но уж, наверно, ничего не отделяет. Эх, если бы удержать этот темп.

Не знаю новостей в Белоруссии, но на Украине — Ковель, Первый Украинский фронт взял Ковель. Он давно нас привлекал выгодностью своего положения для удара на Варшаву. Если там получится что-нибудь походящее на Белоруссию, то через неделю мы будем в Польше. Факты приводимые Платоновым и Павленко[1], говорят о том, что немцы 1 раз по-настоящему деморализованы. Если десант союзников приблизил победу меньше, чем ждали, то наше наступление похоже меняет это. Вперед!

7/VII 44 г.

Еще пять дней, маленький срок, а как они изменили обстановку. Мы в Литве. Вильно окружен. И мы уже на линии Украины. А сегодня начал наступление временно на Втором Прибалтийском. Если так будут развиваться события, то грандиозный котел Прибалтики заработает во всю. Тот факт, что в Вильно уже 4 дня — уличные бои, (факт невиданный в нынешнем наступлении) показывает, что идет ожесточенный бой за подступы к границам Германии. Немцы это прекрасно понимают. И если мы возьмем Вильно, то следующая остановка на Немане, а это, по существу, — граница с Германией. Железная линия, работавшая весну на Украине, май в Крыму. За 2 недели [вытеснение] немцев из Белоруссии может проделать эту же работу и в Прибалтике. Эх, если наконец [нанесут] удар такой силы на западе.

12/VII

---

[1] Речь идет об известных писателях, работавших в годы войны военными корреспондентами. Платонов Андрей Платонович (Климентов) (1899—1951), русский советский писатель, прозаик, один из наиболее самобытных по стилю русских литераторов первой половины XX в.; Павленко Петр Андреевич (1899—1951), советский писатель, бригадный комиссар, лауреат Сталинской премии.

Тетрадь № 5

Сегодня, ровно в 3 годовщину 1 разлуки, ты уехала вновь и снова долгие дни разлуки. 3 год войны, нам повезло: сентябрь 43 г., февраль, март, июнь, июль 44 г. И вот 2 июльских дня и снова впереди тьма. Я так и считаю, что это не меньше, чем на год. Если 4 предыдущие встречи, особенно 3 последних, рождали и укрепляли уверенность в том, что мы совсем рядом, близко, и каждая встреча рождала уверенность и веру в следующую встречу, то сейчас это уже до конца войны. Твердо и бесповоротно. Вот сейчас снова, та же тяжесть разлуки, и тоска, тоска. Как жаль, что эта, может быть, последняя встреча была такой короткой и как раз в дни стольких неприятностей. Кто знает, когда теперь будет новая встреча, и будет ли она еще. Нужно думать, что сиденье наше подходит к концу. Одна теперь надежда на общий скорый конец, но ведь это на воде вилами писано.

Как жаль, что девочек так и не удалось увидеть, и им даже не удалось пока перебраться в Москву. Хотя если бы им это удалось, то я бы уж обязательно их увидел. Какое-то смутное чувство живет во мне сейчас, и кажется, что это навсегда.

Хочется верить в близкую окончательную встречу и начало новой жизни. И рядом с этим кажется, что всегда была эта проклятая война, и всегда она будет, и нет ей ни конца, ни края.

Не знаю, как кому, а мне сейчас даже трудно себе представить довоенное время и тем более будущее, а в ушах звучат памятные слова, с которых начались эти три года: «Наше дело — правое». И «К вам обращаюсь я, друзья мои». Они стали нашим символом веры, нашим законом и с ним мы прошли сквозь все невзгоды, и с ними пройдем до конца.

18/VII

СВЕТЛЫЕ ДНИ

18 марта 1942 г. — Москва
22—28 августа 1943 г. — Медногорск
10—20 февраля 1944 г. — Калинин
25—28 марта 1944 г. — Москва
18—19 июня 1944 г. — Москва
16—18 июля 1944 г. — Калинин
1—4 августа 1944 г. — Москва и вокруг.[1]

[1] Даты встреч И.М. и М.Т. Белявских.

АТТЕСТАЦИОННЫЙ ЛИСТ

на присвоение очередного воинского звания

Командиру 1-й роты Курсов мл. Лейтенантов Первого Прибалтийского фронта, ст. Лейтенанту БЕЛЯВСКОМУ Михаилу Тимофеевичу

1. В занимаемой должности с 28.1.44 номер приказа о назначении 46 2. Год рождения 1913 3. Партийность член ВКП/б с 1943 г. № 5831475

4. Национальность русский

5. Военное образование Курсы Мл. Лейтенантов КБ, 42 г.

6. Общее образование 3 курса Пединститута, 1936 г.

7. С какого года в РККА 1941 8. С какого времени в действующей армии с 26.6.41 по 3.4.42 г.

9. Награды за время отечеств. войны (когда, какие) орден "Красная Звезда" 2.6.44 г., ПП № 0443.

10. Ранения за время отечеств. войны ранен 2.7.41 и 13.1.42 г.

11. Дата присвоения предыдущего звания 6.3.43 г. КБ № 0258.

АТТЕСТАЦИЯ

За время прохождения службы на Курсах мл. Лейтенантов Первого Прибалтийского фронта с 13.6.42 г. в должности зам. командира взвода, с 11.4.43 г. в должности командира взвода и с 28.1.44 - командира роты, ст. Лейтенант БЕЛЯВСКИЙ М.Т. показал себя грамотным инициативным офицером. Дисциплинирован, требователен к себе и к подчиненным. Имеет хорошие преподавательские и инструкторско-методические навыки. Работает над повышением своих знаний. Пользуется авторитетом среди офицерского и курсантского состава.

Достоин присвоения звания "КАПИТАН".

Командир батальона
Гв. Майор Мелентьев

"12" июля 1944 г.

Рис. 4. Аттестационный лист на присвоение М.Т. Белявскому звания капитана

Странная она, эта последняя встреча в Москве. Неожиданная, негаданная, начавшаяся с неудачи и кончившаяся неудачей.

Суматошная и неопределенная, и, несмотря на все, самая домашняя из всех. Может быть, потому, что столь малый срок отделяет ее от предыдущей. Может быть, потому, что строились подразделение и дом, и из одного в другой можно было добраться за какие-то 15 минут. Может, поэтому исчезло тяжелое чувство, которое сопровождало калининскую разлуку. Сейчас совсем другое. Кажется, что все рядом, доступно, близко. И что это ненадолго. Разум говорит другое, а сердце, вопреки ему, настаивает на своем. Так и запомним: «Последняя разлука».

7/VIII 44 г.

Минул месяц. Как быстро и незаметно он прошел. Мне все кажется, что это было вчера, и будет завтра. Как хорошо, что произошла эта московская встреча. После Калинина у меня было очень тяжелое чувство. Сейчас я еще не ощущаю разлуки, и нет той гнетущей тоски, которая появлялась у меня с такой силой, особенно летом 43. Тогда я буквально больше не мог. Все прощанье и первое письмо непрерывно себя ругаю. Ну сейчас-то до Иры дошло первое письмо, и она успокоилась до этого. Никакой занятостью не оправдать этого молчания. А выдохся я здорово. Это я чувствую на каждом шагу. Письмо с Виктором задевает очень и очень многое, о чем временами думаешь, о чем догадываешься, и что пока откладываешь до конца войны. Если этот моральный и политический «НЭП» продлится недолго, хорошо. Только бы он не сломал нас прежде. Вот сейчас, может быть, начинаю понимать Нагульнова[1] и ему подобных. Не легким, ой, не легким будет наше возвращение. И какая моральная ломка впереди. И все-таки не могу, не хочу, и не буду отказываться ни от чего, хотя в деталях, а порой и в крупном многое и пришлось пересмотреть. Крен мне никак не нравится, и не верится, что это всерьез и надолго.

5/IX 44 г.

Сегодня первый раз основательно бродил по Витебску. Что же это такое. Никогда не думал, что большой город можно так разрушить. Ну, можно разрушить городок, еще легче стереть

[1] Нагульнов — герой романа М.А. Шолохова «Поднятая целина» (1930—1959).

с лица земли деревню, но так разрушить большой город. Это в буквальном смысле слова мертвый город. Не отдельные дома, как в Калинине, а целые кварталы и районы лежат в развалинах. Груды кирпича и бурьян без конца везде, начиная от огородов, кончая площадями и центральными улицами. Кое-где случайно уцелевшие домишки и подвалы, убежища, блиндажи в оврагах. Это даже не Средневековье, а пещерный век. Куда нас вернула эта проклятая война, и где же, в конце концов, предел. Какими деньгами можно заплатить за все это: за груды развалин и разбитые жизни, за отнятое счастье и лишенье без конца и края, за искалеченные души и ставших стариками детей.

Разве имеют тут какую-то власть деньги. И ведь в таком состоянии не один Витебск, а сотни больших и тысячи малых городов. Проклятье и смерть «новому порядку». Эти слова звучат с особенной силой.

Из писем Иры

Ни одна разлука не была столь противоречивой, как эта. Душа кричит и рвется от новой разлуки, и голос молчит — кричать нельзя. Нужно нести ожидание. Я знаю ты прожил его. Но еще ни разу не было так трудно, так по-особому трудно.

Что-то будет за этими словами — «ведь это в последний раз»...

Июль 44 г.

Мое сокровенное — рука об руку работать с тобой, идти по жизни во всех ее проявлениях, рядом вместе. И за разлукой последней я вижу это. Этим живу, этого жду.

Август 44 г.

О, приди, приди поскорей
Еще столько дней без тебя впереди.

Август 44 г.

Если умела с оптимизмом смотреть в 41—42 гг., то теперь и говорить не приходится.

Сентябрь 44 г.

Я за этот год так привыкла бывать с тобой, говорить с тобой, что и сейчас не укладывается в моей голове, что не смогу, как совсем недавно, направиться к тебе, рискуя только «энной» суммой.

Сентябрь 44 г.

Ноябрь

Два месяца и ни одной строки, ни одного слова. Только в эти сумасшедшие дни, когда готов убить кого-нибудь со злости, или заплакать от бессилья, можно выдержать это. Снова, как в сорок первом. Но тогда это было оправданно и понятно, а сейчас... Чувствую, что долго еще не выдержу, снова кризис, как летом 43 года, перед Медногорской поездкой. И именно сейчас, когда я привык в буквальном смысле этого слова, привык не только к письмам, но и к встречам, вдруг — полная темнота. Такой резкой перемены я выдержать не могу. Я чувствую, что пройдут эти сумасшедшие дни, и я буквально на стену полезу с горя и тоски. Нет, пусть это сумасшествие, риск и что угодно, но я попробую добраться до Москвы, уехав в командировку за людьми. Но тут еще резче встал вопрос о будущем. А вдруг сейчас, или никогда. Я начинаю все больше думать о том, что если я сейчас не уеду из курсов, то я никогда не уеду из [название населенного пункта]. А ведь это для меня смерть. Не только потому, что я не живу в ней, а существую, но и в первую очередь потому, что это личная смерть. Ира не будет колесить со мной, или сидеть в какой-нибудь дыре, да и кто может даже ставить такой вопрос. Ведь это значит зачеркнуть ее жизнь, ее путь, надежды, цель. Тупик.

Значит, нужно уезжать, но как? Так просто меня не отпустят. Объявлять войну, или нет. Нужно начинать; там если убьют, то на то и война, а жив останешься — будешь по-настоящему жить, а здесь и жив будешь, и все равно будешь не рад этой жизни. Хотя бы можно было посоветоваться с Ирой, но ни одного письма, ни одной строчки. Я уже сам не могу писать. Пустота, тоска. Вот только пройдет выпуск, и ближайшие дни принесут решение этого вопроса. А прятать, заминать его нельзя.

Я славлю штык, вонзающийся в тело,
Которое мне заслоняет жизнь.
Неотделимы красота и смелость;
Отвратен трус, пусть и красив с лица.

Он во всем народе многоликом,
Рвущемся на подвиги вперед,
Сталин! В этом имени великом
Родина вместилась, весь народ!

Часто длинною была дорога
От письма до нового письма,
И тебя ссутулила немного
Прошлая жестокая зима.

Но я знаю, после нашей встречи,
(Словно силой поделились мы)
Худенькая, не согнешь ты плечи
Перед вьюгами второй зимы.

Я, обняв тебя, глядел в глаза,
Новые ремни на мне скрипели,
Да, друг другу многое сказать
За двенадцать лет мы не успели.

Степан Щипачев

Совершилось. Уехали курсанты, и пришли письма. Эти два долгожданных события совпали не только в днях, но и в часах.

Сразу другое настроение стало. «И стоило жить, и работать стоило».

Странно. То не бывало письма недели две, и уж лезет в голову всякая небылица, а тут 2 месяца не было, и ни разу не было тревожного чувства, что случилось что-то, плохое, нет, была только большая досада и тоска ожидания. Тоска, доводившая буквально до сумасшествия, а тут еще эта карусель с выпускниками, которая выматывала все жилы.

Сейчас все позади. Правда, газеты пришли за 17/XI, а письма за октябрь, но это уже «прорыв блокады», а будет время, и она совсем будет снята.

Итак, все, кроме меня, в Москве. Нужно и мне как-то вырваться туда, хоть на пару дней. Хоть бы командировка какая на пару дней подвернулась, что-ли. Интересно, удалось Силко и Хромову попасть в Москву, или нет. И где шлындрает Саварин[1]. Как хорошо, что так подробны письма о девочках, будто я с ними, любил их, видел. Мне только стыдно, что так редко писал.

А надоело все жутко, и ничего не хочется делать. А ведь еще год, не меньше. А может быть, даже больше. Тут есть от чего с ума сходить.

---

[1] Товарищи М.Т. Белявского по училищу.

До чего отвратительно и подло то, что происходит в Греции. «Освободители», «борцы за свободу» стреляют и убивают тех, кого они освобождали. Воюют с народом во имя восстановления старого. Каких договоров не заключай, и сколько деклараций не подписывай, а сколько тяжких разочарований принесет мир, и сколько миллионов людей в глубине души, а может быть и открыто, подумает, что кровь лилась напрасно. Социальная, национальная несправедливость и угнетение трудящихся выступает особенно ярко после войны.

Уже сейчас завязано столько узлов, что об этом даже говорить трудно, и каждый из этих узлов чреват либо новым морем крови тех, кто попытается доказать, что они шли в бой и на смерть не для того, чтобы все оставалось по-старому, либо наступлением реакции сверху в победивших «демократ. странах», либо новым туром революций сверху и снизу.

В самом деле: Польша, Балканы, Индия, Бельгия (а бельгийские события мало отличаются от греческих) — все это узлы, да еще какие узлы.

А империализм останется империализмом, независимо от того, кто его возглавляет, — Уилки, Рузвельт, Дьюи[1], Ллойд-Джордж, или еще кто из них.

13/XII 44 г.

Письма идут и идут. Но тут я сам себя наказал и поделом, так и надо. В ноябре я, по существу, не писал, и теперь пожинаю плоды. Ира тоже не выдержала, и перестала писать между письмами тоже почти месяц. И вот, может быть, не будь этого последнего письма, было бы лучше. Это очень больно, когда долго отсутствуют письма, и вдруг приходит такое отписочное письмо. Как хотелось бы сейчас получать регулярно новые письма. Сейчас я даже просто не понимаю, как я мог не писать так долго. Сейчас можно признаться, что рухнула всякая надежда попасть в этот карантин куда-нибудь с тем, чтобы хотя на короткий срок заскочить домой. Я об этом не говорил, но мечты такие были, а сейчас все рухнуло. Все погубил прокля-

[1] Дьюи Томас Эдмунд (Dewey) (1902—1971), американский политик-республиканец, 51-й губернатор штата Нью-Йорк. Кандидат в президенты США от республиканцев, проигравший на выборах президента США 1944 и 1948 г.

тый карантин. И путаться еще с ним очень долго. В общем, как всегда — не везет.

25/XII 44 г.

Рана душевная, как и физическая, заживает только изнутри, выпирающею силой жизни.

Л. Толстой

Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли, но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку.

А. Чехов

Главное в нас —
и это
ничем не заслонится, —
главное в нас,
это — наша
Страна советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце![1]

В. Маяковский

Из Чехова и о Чехове

Боже мой, как богата Россия хорошими людьми!

Говорят, что истинные философы и мудрецы равнодушны. Неправда, равнодушие это паралич души, преждевременная смерть.

Главное — перевернуть жизнь.

Какое наслаждение — уважать человека.

Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле.

Он пишет сжато и строго, как Пушкин, поэтично и нежно, как Тургенев, строго и правдиво, как Лев Толстой, и все-таки пишет, как Чехов.

К. Станиславский[2]

---

[1] Отрывок из стихотворения В.В. Маяковского «Мы» (1929).

[2] Станиславский, Константин Сергеевич (Алексеев) (1863—1938) — русский театральный режиссер, актер и преподаватель, один из основателей Художественного театра в Москве.

Можете быть уверены... Еще настанут лучшие времена! Воссияет заря новой жизни, восторжествует правда, и — на нашей улице будет праздник. Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Приветствую их от всей души, и радуюсь, радуюсь за них.

(и это слова из «Палаты № 6»!..)

Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли, но ведь три аршина нужны не человеку, а трупу. Человеку нужно не три аршина земли, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа.

Все хорошее — народ, и все хорошее, что есть у нас и в наших делах — народное.

Есть в душе человеческой одно чувство, которое можно назвать чувством «встречи». Оно не похоже ни на какие другие. Состояние души и возникает из ожидания после разлуки и тем острее, чем ближе минута, когда исполнится наше желание, мы можем утолить жажду глаз и жажду сердца смотреть, не отрываясь, и чувствовать радость во всем своем существе.

Л. Первомайский

Как можно больше требовательности к человеку, и как можно больше уважения к нему.

А. Макаренко[1]

Берегите наш язык, наш прекрасный язык — это клад, это достояние, переданное нашими предками. Обращайтесь почтительнее с этим могущественным орудием, в руках умелых оно в состоянии творить чудеса.

И. Тургенев

Если ты потерял дорогу, иди с народом. Море не высохнет, народ не заблудится.

Казахская пословица

Из стихов о «Последней разлуке»

Так уже в жизни ведется,
Вслед за горем счастье поет,
Если уж горевать доведется,
Не робей, знай, что радость придет.

---

[1] Макаренко Антон Семенович (1888—1939), советский педагог и писатель.

И наступит нежданно, негаданно,
Чтобы счастье полнее было,
Чтоб сомнение было наказано,
Чтобы горе в туман уплыло.

★

Дни разлуки, встреч, волнений
Подарила нам Москва,
Тот подарок, без сомнений,
Мы запомним навсегда.

Ведь в Калинине прощались
Мы не меньше, чем на год.
И вот снова повстречались
На своем пути вперед.

★

Ночь, прошедшая в вагоне,
И гулянье по путям,
Поцелуи на перроне
При мерцающих огнях.

От вокзала дом наш рядом,
Разве можно утерпеть?
Это ж лучшая награда —
Нам с тобою посидеть.

★

Ласки торопливые
Ты дарила мне,
Руки терпеливые
Тянутся к тебе.

Поцелуй же ласково
Не раз и не два.
Наша жизнь солдатская
Снова ты одна.

★

Мне сейчас обидно за тебя,
Я себя ругаю и кляну,
Не на шутку злюсь я на себя,
На прощанье наше как взгляну.

Был тогда взволнован опозданьем,
И не смог быть ласков, как всегда.
Я забыл, что этим вот прощаньем,
Я прощусь, быть может, навсегда.

Если б смог я все вернуть обратно,
Как тебя б сейчас я целовал.
Не толкуй лишь этого превратно,
До гудка домой не отпускал.

Но не сердись на меня, родная,
И плохое обо мне забудь.
Я за все стократно рассчитаюсь,
Встретившись с тобою как-нибудь.

★

Мы с тобою сидим, как три года назад,
Перед новою долгой разлукой.
Думы, мысли и все невпопад
И дрожат от волнения руки.

Словно мозг мой оковами скован,
Знаю, будет тяжелой разлука,
Нынче нас баловала судьба,
Мы друг другу входили без стука...

2—20 августа 1944 г. Москва—Витебск

★

Я тебя ограбил,
Деньги обобрал,
Без копья оставил,
Все с собою взял.

Пиво пил с Ванюшкой,
Папиросы брал,
И на пива кружку
Денежки забрал.

Все, что оставалось,
Ночью отдала,
С чем сама осталась
И на что жила.

Так и не истратил
Денег тех твоих,
Как в карман запрятал,
Так не тронул их.

Звени бокалом, жизнь моя,
Гори, любовь и хмель!
Нет, только не сейчас, друзья,
В морозную постель...

Из Ирландской застольной Бетховена[1]

В ожидании

Вижу тебя я днем
И ночью с тобой говорю,
Тебе шепчу я об одном:
Если так я тебя люблю,
Буду терпеть и ждать,
Сомненья и думы я буду гнать,
Как грусть от себя гоню.
Если люблю я, то как разлюблю
Тебя, в ком счастье и жизнь для меня,
Если ты в сердце и думах моих,
Любовь наполняет и этот пусть стих,
О будущем нашем хочу помечтать,
Мы верить не будем, что скоро страдать,
И будем жить вместе с тобою мы снова
Счастливо и тихо, как прежде мы жили.
Если ж победа наступит не скоро,
Руки в кулак ты и зубы сожми,
Далекий Сезам нам разлуку смягчит.
Царство небесных алмазов горит.
Ему, чтобы мог он наш путь осветить,
Мы будем надежды и мысли дарить.
С тобою три года победы мы ждем,
Теперь уж недолго, теперь мы живем.
Овеяны славою наши полки,
Бои на Дунае, у Вислы-реки.
Оденься ж, увидев вдруг море огня,
И выйди к воротам, чтоб встретить меня.

Витебск. 19—26/VIII 44 г.

[1] «Ирландская застольная», песня Л. ван Бетховена. Перевод текста на русский язык осуществил А. Глоба.

Писать надо только тогда, когда каждый раз, когда обмакиваешь перо, оставляешь в чернильнице кусок мяса.

Л. Толстой

Вспоминай, как мы вместе бывали,
Как ходили из края в край,
Как мы горе видали,
Как песни певали,
Как мечтали мы жить, вспоминай...

Служба — это служба,
Подвиг — это долг.

А. Твардовский

Это потому, что добрые забывают зло злых, а злые помнят доброту добрых.

Восточная пословица

Это не поединок, а единоборство.

О. Берггольц[1]

Сестра, поцелуй меня в губы. Меня за всю жизнь никто в губы не целовал...

Бред умирающего солдата

Из «Зои» Алигер

Человеку нужно очень мало,
Чтобы счастье встало в полный рост.

Нам для счастья нужно очень много,
Маленького счастья не возьмем.

Есть одно, заветное, большое, —
Как бы только путь к нему открыть?
До краев наполненной с душою
Обо всем с другими говорить.
Это очень много, понимаешь?
Силой сердца, воли и ума
Людям открывать все то, что знаешь,
И во что ты веруешь сама.
Заставлять их жить своей тревогой

[1] Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975), русская поэтесса, блокадница.

Выбирать самой для них пути.
Но откуда, как, какой дорогой
К этому величию прийти?

Встать бы так, чтоб слышны стали людям
Сказанные шепотом слова.
Этот путь безжалостен и труден,
Да, но это счастье.

Когда страна узнала о войне,
В тот первый день, в сумятице и бреде,
Я помню, я подумала о дне,
Когда страна узнает о победе.

Теперь, среди военных буден,
В часок случайной тишины,
Охотно вспоминают люди
Свой самый первый день войны.
До мелочей припоминая
Свой мир,
Свой дом,
Свою Москву,
Усмешкой горькой прикрывая
Свою обиду и тоску.

Ну что ж, друзья!
Недолюбили,
Недоработали,
Не так,
Как нынче хочется, дожили
До первых вражеских атак.
Но разве мы могли б иначе
На свете жить?
Вины ничьей
Не вижу в том, что мы поплачем,
Бывало, из-за мелочей.
Мы все-таки всерьез дружили,
Любили, верили всерьез.
О чем жалеть?
Мы славно жили,
Как получилось, как пришлось.

И больше нам взносы платить не рублями,
А может быть, кровью и собственной жизнью[1].

Ненависть — не слово,
Это — сила,
Бьющий безошибочно огонь.

Ненависть — не слово, это — сила,
Гордость и презрение к врагу.

Шаг к победе —
Это очень много.
Оглянись, подумай в свой черед
И ответь обдуманно и строго,
Сделал ли ты этот шаг вперед?

Близкие,
Товарищи,
Соседи,
Все, кого проверила война,
Если б каждый сделал шаг к победе,
Как бы к нам приблизилась она!

Пускай наступит в мире тишина.
Без пышных фраз,
Без грома,
Без парада
Судьба земли сегодня решена.
Не надо песен.
Ничего не надо.
Снять сапоги и ноги отогреть,
Поесть, умыться и поспать по чести...
Но мы не сможем дома усидеть,
И все-таки мы соберемся вместе,
И все-таки, конечно, мы споем
Ту тихую,
Ту русскую,
Ту нашу.
И встанем и в молчанье разопьем
Во славу павших дружескую чашу.

[1] В оригинале — а может быть, собственной жизнью и кровью.

За этот день отдали жизнь они.
И мы срываем затемненье с окон.
Пусть загорятся чистые огни
Во славу павших в воздухе высоком.
Смеясь и плача, мы пойдем гулять,
Не выбирая улиц,
Как попало,
И незнакомых будем обнимать затем,
Что мы знакомых встретим мало.

Помните: подлинная культура идет с вами. Это любовь к человечеству. Это муки наши, принятые за него, это мечты о справедливости, о дружбе народов, о счастьи для всех, кому живется трудно и плохо. Это жизнь, непобедимая жизнь, рожденная в нашей стране, силой удерживающая кровавую руку фашизма, занесенную над миром.

Кончится бой, и вы вернетесь на родину из чужих стран, пройденных вами в боях. Вновь заживут там чужие народы, всяк по-своему. Но там, где прошли вы, навсегда останется след в сердцах, ибо с вами прошла там высокая человеческая культура — великая душа советского народа, кровью своей омывшего мир в боях за свободу и счастье миллионов.

Л. Соболев

Тактика — только деревянная рукоятка оружия, а нравственная сила — благородный металл, блестящее острое лезвие.

К. Клаузевиц

Бьет не оружие, а человек.

М. Драгомиров

Стреляет не ружье, а душа солдата.

Поговорка

Когда мне говорят — вперед, я не знаю, что такое усталость.

А. Суворов

Растет страна ступеньками,
Растут года, товарищи,
Мы сами по строительству
Равняем жизни срок.
А молодость, товарищи,
Уходит вниз по лесенке

И на прощанье дарит мне
Седеющий висок.
К другим идет веселая,
А мне еще не верится,
Что молодость, как ласточку,
Нельзя зажать в руке.

Друзья мои, товарищи,
Еще мы будем молоды
Хоть и висок седой.

А. Афиногенов

Погиб Иосиф Уткин...

Какое у меня к нему было неприязненное чувство до войны, и как жалко сейчас.

Ночью

Минувшее встает передо мною...

Огонек колышется в коптилке,
О тебе я думаю сейчас.
Дым табачный, словно как в курилке,
Где ты, что ты в этот поздний час;
Я не сплю, сижу один, задумчив,
Вспоминаю дни разлук и встреч.
Я тебя немало в прошлом мучил,
Как теперь хочу тебя беречь.
Только вот беда. Теперь ты так далёко,
Что во сне лишь вижу я тебя.
И тебя сейчас в дали широкой
Силюсь увидать я, сидя у огня.
Я смотрю назад, к началу круга,
Радостно об этом вспоминать,
Как тянулись оба мы друг к другу,
Но не смел никто из нас начать.
С «квадратуры круга» начинали.
Помнишь, Ира, «тайну ковыряя»,
Мы с тобой по улицам гуляли,
Обо всем на свете говоря.
Помнишь, Ира, робкий и неловкий
Поцелуй на улице ночной.

В сквере у трамвайной остановки,
Там, в тени, под липою густой,
Как морозным вечером зимою
Первый раз домой к тебе пришел,
Как о всем беседовал с тобою
И лишь поздно ночью я ушел.
Ты дивана в школе не забыла,
Как сидели рядом до утра.
И свои мне ласки ты дарила
И на грудь склонялась мне, устав.
Помнишь, ночь среди большого зала,
Ведь за нею встал наш первый день,
В эту ночь ты мне женою стала.
Помнишь ли бульвары и сирень,
Как совсем к тебе переселился,
Чемоданчик тощий захватив,
Я как будто вновь тогда родился,
Как с тобой судьбу соединил.
Многое встает передо мною,
И видений хватит до утра.
Помнишь, как купались мы с тобою
В чистых водах вольного Днепра.
И так ярко все воспоминанья
Предо мною встали в образе твоем.
Но напрасно вспыхнули желанья,
Я — в ночи с коптилкою вдвоем.

12—25 сентября 1944 г., г. Витебск

Шесть часов вечера

Друг другу встретиться мы обещали
В шесть часов вечера после войны.

Е. Долматовский

Мы были другими, сейчас улыбнемся,
Как вспомним прощальное слово жены:
— На этом же месте мы вновь соберемся
«В шесть часов вечера после войны».

И фразу из Швейка не в шутку, всерьез
По всяким военным дорогам страны
Чрез все неудачи и битвы пронес:
«В шесть часов вечера после войны».

И выпив с друзьями законных сто грамм,
Когда, захмелев, становимся шумны,
Я думал о том, что на стол им подам,
В шесть часов вечера после войны.

Собравшись втроем, говорим мы о всем,
Но вот что ни день, все реальней мечты,
Что скоро конец и наступит потом
Шесть часов вечера после войны.

И письма, одно что другого нежней,
Сейчас ожиданьем до края полны.
Пускай наступает, приходит скорей
Шесть часов вечера после войны.

И хоть не в тот вечер, а все же сойдемся
Со всех уголков необъятной страны.
Откуда мы начали, вновь соберемся
В шесть часов вечера после войны.

Мы знаем. Не будет средь нас очень многих,
Жизни отдавших за счастье страны.
Вспомним в словах их суровых и строгих
В шесть часов вечера после войны.

После всего пережитого каждым
Мы до предела все в жизнь влюблены,
И не скрывая об этом всем скажем
В шесть часов вечера после войны.

Так пусть же грохочет последний салют
И голос вождя к нам летит из Москвы.
И мир весь услышит, что то настают
Шесть часов вечера после войны.

25—27 сентября, г. Витебск

Радость и горе с тобою
Мы уж привыкли делить.
И коль сейчас пред судьбою
Нам суждено отступить,
Знаю, что силы найдутся,
Верить, работать, любить.
Тучи ведь вновь разойдутся,
Небо в алмазах горит.

Верю, что ты не отступишь
В начатой с жизнью борьбе.
Верь, что счастье добудешь,
Не изменивши себе.
Верю и знаю, подруга
Будет достойной тебя.
Ну а пока что для друга
Побереги-ка себя.

29 сентября 44 г., г. Витебск

«Можно шутить любя,
Но нельзя любить шутя».

В пути

Я привык к сожженным деревушкам,
К бурьяну, покрывшему поля,
К временным, малюсеньким избушкам,
К раненым и стуку костыля.

И скажу, по совести, обидно
По земле латвийской проезжать,
Где трех лет войны не видно,
Где про горе тоже не слыхать.

Только временами на дороге
Встретится разрушенный вокзал.
Не таких я разрушений много
На своей родной земле встречал.

И живут, не тронуты войною,
В аккуратных тихих хуторах.
Долг у них большой перед страною,
Перед теми, кто их спас в боях.

Ведь за всех Россия пострадала,
Белорусь была огнем объята,
Украина горя много увидала,
Но за все и всех придет расплата.

И расплата та такая будет,
Что сметем с лица земли врагов.
В дни расплаты Латвия забудет
Эту тишь спокойных хуторов.

5 октября 44 г., Полоцк—Двинск

II

Голос Москвы долетел до меня —
Рейзен[1] поет Годунова.
Грусть разбросала свои семена,
Приступ тоски начинается снова.

Слышишь ли ты, и тоскуешь ли ты
В нашей далекой, любимой Москве?
Я же свои схоронивши мечты
В клетке метаюсь и мучусь в тоске.

Если б одно хоть письмо долетело,
Снова ожил бы и сильным я стал,
Сердце в восторге звенело и пело,
Строчку за строчкой твою б целовал.

Видно, судьба рассчитаться решила,
Встречи припомнить в Москве и в тылу.
И жестоко чересчур отомстила,
После свиданий вдруг бросив во тьму.

Жизнь у солдата трудна и проста,
И незатейливы наши мечты.
Мне не уйти, не покинуть поста,
И далеко-далеко где-то ты.

13/XI 44 г., г. Двинск

III

Сегодня день рождения,
А писем нет и нет.
И вместо поздравления
Коптится тусклый свет.
Жить в этой неизвестности
Я больше не могу.
И чувствую, из крепости
Я скоро убегу.
Тепла и ласки рук твоих
Я жду, как никогда.
Измаялся в тоске без них,

[1] Рейзен Марк Осипович (1895—1992), русский певец (бас); в 1921—1930 гг. — солист оперных театров Харькова и Ленинграда. В 1930—1954 гг. — солист Большого театра.

В душе метет пурга.
В твои такие умные
Хочу взглянуть глаза.
Побег. Пусть мысль безумная,
Я голосую «За»!
Тебя, дочурок, матери
Не видел так давно.
Сижу сейчас, как взаперти,
Над Западной Двиной.
Но сегодня ж день рожденья,
А письма все нет и нет.
И когда конец мучениям
Не дает никто ответ.

21 ноября 44 г., г. Двинск

Нивы победы, которые заколосились на Западе, орошены советской кровью. Если Париж восстал и победил, то это потому, что Ленинград не сдался. Если союзники в несколько дней прошли от Парижа до Лотарингии, пересекли Бельгию и проникли в Голландию, то это потому, что несколько месяцев длились страшные бои за «дом Павлова»[1] в Сталинграде. С легким шумом падает на землю спелое яблоко сентября. Пусть, надкусив его, друг вспомнит, как медленно росло дерево. На войне много превратностей, и нелегко дается победа, но Россия идет, и Россия придет.

И. Эренбург. 6/IX 44 г.

В Германию приедут суровые солдаты Справедливости. Теперь это не пророчество, не предсказание, не надежда. Теперь это справка о близком будущем. Мне хочется сказать им от всего сердца, вон там за тем лесом, за той рекой, за тем городом — счастье, большое человеческое счастье.

23/VI 44 г.

Наши союзники окружили Аахен, они грозят Руру, они находятся в 530 км от Берлина, героическая Красная Армия, которая теперь уничтожает последние силы Гитлера, находится

[1] Дом Павлова (Дом Солдатской Славы) — 4-этажный жилой дом в центре Волгограда, в котором во время Сталинградской битвы держала оборону группа советских бойцов под командованием старшего лейтенанта И.Ф. Афанасьева и старшего сержанта Я.Ф. Павлова.

в 510 км от немецкой столицы. О падении М[осквы] забыли самые глупые немцы. На очереди нечто другое: падение Б[ерлина].

23/IX 44 г.

Польша

Бяла Подляцкая,
Люблин,
Холм,
Замостье,
Ярослав,
Красник,
Седлец,
Грубежев,
Сандомир,
Остров Мазовецкий,
Остроленко,
Прага,
Кросно.

27-го июля 1944 г. — этот день войдет в историю Отечественной войны, как один из самых замечательных дней. Это день блестящих побед Красной Армии. За один день 1600 населенных пунктов, и что самое замечательное, — это день пяти салютов. Пять салютов, и каких салютов! Львов, Белосток, Шауляй, Двинск, Станислав. Каждый из этих городов вполне достаточен, чтобы отметить день, а здесь 5, а назавтра — Брест и Перемышль. На Украине осталась одна Дрогобичская область, а Белоруссии — западная часть Белостока. Свободна половина Литвы и наши войска стоят всего в 30 км (ведь это только подумать — в 30 км) от Варшавы, 10 км от Каунаса и 40—50 км от Риги. Прибалтика — под непосредственной угрозой того, что в самые ближайшие дни она будет полностью отрезана от Восточной Пруссии. И вновь закипит огромный котел, невиданного доселе размера. Весь вопрос в том, что произойдет на границах Германии, потому что вопрос полного очищения Советской земли — это вопрос очень недалекого времени. А совсем недавно это могло показаться лишь мечтой. И как законный итог всего встает награждение — Сталина и полководцев — в первую очередь Жукова и Василевского, а также командующих фронтами — Рокоссовского, Конева, Еременко и

Баграмяна[1]. Сталин, Жуков, Василевский — это тройка, о которой трудно даже подобрать подходящие слова. Это те, кто привел нашу армию к победе.

Итак, Прибалтика вся отрезана. Наш фронт вышел на побережье Балтийского моря. Котел получился грандиозных размеров, и в силу этого ликвидировать его очень нелегко. Кроме того, это не Крым, где немцы были в силу отдаленности своих баз обречены, а во-вторых, они прекрасно понимают, что как только будет ликвидирована прибалтийская группировка, так 4 фронта всей своей силой ударят по Германии, к границам которой вышли вплотную, этим и объясняются ожесточенные танковые и воздушные бои, которые идут за Каунасом и под Ригой. Взятие Дорогобыча, Самбора, Стрыя и Борислава выводят войска непосредственно к Карпатам, а ввод туда Четвертого Украинского фронта говорит о том, что тут пожалуй налицо подготовка удара по Южной Германии и Венгрии через Чехословакию. В общем, обстановка создается классическая для удара с запада. Те скудные сведения, что у нас есть, не позволяют говорить об этом с полной ясностью, но как будто налицо наконец наличие большого удара союзников. Если этот удар приобретет настоящие масштабы, то положение немцев станет катастрофическим. Одно странно — почему де Голль не высаживается в Южной Франции. Это обеспечило бы в полной мере возможность разгрома во Франции и еще больше ухудшило положение немцев в Италии.

8/VII 44 г.

Прошел десяток дней, и сейчас уже ясно, что август стал месяцем Франции. Решительное наступление на севере Франции отдало в руки союзников всю Бретань и вывело их непосредственно на ближние подступы к Парижу — к сердцу Франции, а если к этому прибавить высадку де Голля в Южной Франции и довольно стремительное движение его вперед, то думается, что Южная, Северная, и Западная Франция скоро будут очищены полностью, а это выведет войну непосредственно к западным границам Германии и в случае успеха выводит союзников на фланг и в тыл Итальянской армии немцев. Все дело

[1] Баграмян Иван Христофорович (1897—1982), советский военачальник, дважды Герой Советского Союза, кавалер семи орденов Ленина, Маршал Советского Союза, член ЦК КПСС.

теперь в том, чтобы перемолоть попытки контрнаступления немцев с целью выручить прибалтийскую группировку и не допустить наши войска в Пруссию. Если мы их пустим, последует новый удар.

20/VII 44 г.

Сколько дел, сколько событий и абсолютно некогда подумать, осмыслить, записать. Август стал месяцем триумфа союзников. Они одержали блестящую победу во Франции и добились крупнейшего стратегического успеха на Западе, в корне изменив существовавшую там обстановку. Война с Запада идет к границам Германии, вводя в дело нетронутые резервы Франции и миллионные армии союзников. И если Германия не смогла остановить нашего наступления летом 43, зимой 44, то что же будет сейчас. Молниеносный вывод Румынии из войны превзошел все ожидания. Ведь только подумать, что 20 наши войска начали наступление под Яссами и Кишиневом, а вчера вступили в Бухарест. Болгарская паника и заявление о нейтралитете и то, что мы признаем его неудовлетворительным, говорит о том, что налицо все предпосылки для превращения Балкан в огромных размеров фрицеловку. Либо они должны бросить Балканы, либо они там и останутся. Может это и не так скоро, но обязательно произойдет.

Непонятна остановка в Италии. У нас должен где-то подготавливаться удар в направлении непосредственно Германии. Мне упорно кажется, что это будет в районе Варшавы, вернее на ее флангах. 2 месяца должны решить, будет зима зимой войны, или зимой мира. Если это не решится сейчас, то едва ли решится до новой осени. Сейчас уже нащупываются звенья той цепи, которая должна стальным кольцом охватить Германию с 3 сторон. На Западе на днях должны сомкнуться Северная и Южная группа. С юга приближается армия в Италии, на Балканах армия Тито, которой мы идем навстречу через Румынию, ну а дальше наш фронт от Карпат до Балтийского моря, правый фланг стоит вплотную у границ Германии. Вот еще ликвидировать бы прибалтийский мешок. Хотя и ждал, что они будут цепляться за Прибалтику, но все же таких ожесточенных контратак не ждал. Правда, сейчас будет труднее, так как силы Германии собираются в кулак. И бить их труднее, но морально и политически гораздо легче.

В связи с последними событиями очень интересна позиция Венгрии. Ведь ее положение очень и очень фиговое, и она не может не понимать этого. Румынско-венгерская драка должна разгораться во всю, они союзниками чуть не дрались, а что будет сейчас. А в общем, мне кажется, что возможности окончить войну в этом году есть, и если этого не произойдет, то очень жаль. Это будет стоить бессчетного количества страданий и крови.

Ну и, наконец, чем дальше, тем все труднее и труднее становится ждать.

2/IX 44 г.

Какими семимильными шагами приближается к нам победа. Последняя неделя — ПАРИЖ, БУХАРЕСТ, БРЮССЕЛЬ!.. Капитуляция финнов. Дело явно идет к развязке и так быстро, как этого было даже трудно ожидать. Ведь только вдуматься: Париж свободен! Сейчас, после статьи Эренбурга я это особенно остро почувствовал. Это не просто один из величайших городов мира, не просто столица Франции — это Париж.

Это было самым блестящим успехом Гитлера. Теперь это его самое решающее поражение. Франция, по существу, свободна, а сегодня-завтра это можно будет сказать в отношении Бельгии. Шаг за Карпаты и взятие Браилова говорит, что то же скоро будет с Румынией, а выход союзников через Альпы в тыл Италии прямо к ее сердцу говорит, что и для Италии это вопрос ближайшего будущего и для Италии[1]. Безуспешные попытки хоть как-нибудь сманеврировать со стороны Болгарии и капитуляция финнов, самых упрямых союзников Германии, говорит о том, что Германия теперь по существу предоставлена сама себе. Венгрию можно не принимать в этом отношении в расчет. Это уже всего-навсего соломинка — не больше и не поймать и выручать Германию. Кольцо с каждым днем становится реальнее и срок тоже приобретает все больше реальности. Победа, победа идет к нам. И если июль был месяцем разгрома немцев на советско-германском фронте, то август стал месяцем решающих ударов на всех фронтах. Думается, что в сентябре должен последовать шаг решающий, удар по Польше на Германию. А сейчас много думается о том, что сегодня происходит на Карельском и Ленинградском фронте, и о том дне,

[1] Ненамеренное повторение.

когда это будет происходить на всех фронтах, во всех городах и селах. Как все его ждут.

5/IX 44 г.

Иосиф Броз Тито[1] награжден орденом «Суворова I степени». Это хорошо, и особенно хорошо, что это именно в те дни, когда мы стоим на границе Югославии накануне соединения с героическими армиями Тито.

Наши войска дерутся в северной Трансильвании, т.е. фактически в Венгрии. Румыния накануне полного очищения от немцев. Болгария начала и кончила войну с СССР, и уже воюет с Германией, а декларация нового болгарского правительства столь решительна и энергична в демократическом и антигерманском направлении, что этого даже трудно было ожидать. Красная Армия стоит на границах Югославии и выходит в тыл венгерской равнине. За одну неделю военно-политическая обстановка на Балканах диаметрально изменилась. И Балканы стоят перед перспективой полного разгрома и изгнания немцев. Итоги разгрома Ясско-Кишиневской группировки немцев проведенного Тимощшенко, говорят о том, что там у немцев нет и быть не может больших сил и резервов. То есть Южный бастион Гитлеровской крепости трещит по всем швам и накануне полного крушения. **Войска союзников вступили в Бельгию и Германию. Германия**, наконец-то война пришла к себе домой, туда, откуда вышла на горе и проклятье людям.

Конечно, обидно, что вступили не мы, а они, но не будь нас, они бы никогда и не вступили бы, а во-вторых, я верю в готовящийся сокрушительный удар на нашем фронте. До «срока» осталось 55 дней, и, может быть, он совсем не так нереален, как это может показаться.

Июль стал месяцем Белоруссии и Литвы, август — Франции и Румынии, Бельгии. Сентябрь начался с Болгарии и перехода германской границы. Прошлогодний сентябрь был месяцем сокрушительного удара по гитлеровцам на Украине. Думается, что скоро должен быть удар, и большой удар.

13/IX 44 г.

---

[1] Тито, Броз Тито (Broz Tito) Иосип (1892—1980), деятель югославского и международного рабочего движения, лидер антифашистского коммунистического Сопротивления, государственный и политический деятель СФРЮ, маршал (1943), дважды Народный герой Югославии (1944, 1972).

Прошла шестидневка, и пока решающих событий не произошло. На Западе хорошо, там во всю идут бои за линию Зигфрида[1], за первый немецкий город Аахен, а что за ерунда у нас, не пойму. Там единодушно начали отмечать, что Гитлер не может противопоставить союзникам сколько-нибудь значительных сил, а у нас снова и снова сумасшедшие контратаки в Прибалтике. Трудно понять, на что он рассчитывает, расходуя свои резервы на контратаки у нас. Что за чертовщина, и все же хотя даже в Румынии сейчас остановка, правда не полн. Я жду со дня на день решающего удара. Толбухин и Малиновский[2] стали за разгром южного крыла и вывод Румынии и Болгарии МАРШАЛАМИ. И своими блестящими победами они вполне этого заслужили.

Тито очень хорошо сказал: Не выпустить живыми с Балкан насильников, три года разорявших страну.

19/IX 44 г.

Гитлеровцы убили ЭРНСТА ТЕЛЬМАНА[3].

«*Правда*». 15 сентября 44 г.

Германия проиграла войну тогда, когда напала на Советский Союз. Сталин разгромит Гитлера.

Эрнст Тельман

Наши все три прибалтийских перешли в наступление. Кажется, на повестку дня встал вопрос о ликвидации Прибалтийского мешка. Пока он еще не завязан, но это, думается, вопрос не такого уж далекого будущего. Тройной удар, сразу на трех направлениях должен раздробить оборону немцев на части, и тогда наши фронта, выйдя на берег Балтийского моря, закончат этап войны, который носит название «изгнание оккупантов

---

[1] Линия Зигфрида (Западный вал, позиция Зигфрида (нем. Westwall, Siegfriedstellung) — система германских долговременных укреплений, возведенных в 1936—1940 гг. на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше. Протяженность около 600 км, средняя глубина 35—100 км.

[2] Малиновский Родион Яковлевич (1898—1967), советский военачальник и государственный деятель. Полководец Великой Отечественной войны, Маршал Советского Союза, министр обороны СССР.

[3] Тельман Эрнст (Th lmann) (1886—1944), лидер немецких коммунистов, один из главных политических оппонентов Гитлера. Погиб в концлагере Бухенвальд.

с нашей земли» и присоединятся к фронтам, штурмующим берлогу. Я чувствую, мы досидимся до того, что и Двинск окажется на положении Витебска. Второй вопрос, насколько серьезно наступление к Чехословакии, если это разовьется, то может иметь большое значение как удар с 2-х сторон по Венгрии. Кстати, статья Таленского[1] прямо называет Румынскую операцию самой блестящей за всю войну.

20/XII

Так недавно это началось, и вот, сегодня — Таллин. Если до сих пор то были бои за Прибалтику, то сейчас с полным основанием можно сказать, что кажется начинаются бои за полное изгнание немцев из Прибалтики и, следовательно, сентябрь или начало октября станут месяцем полного освобождения Советской земли. Как это казалось далеко весной. Следовательно, сейчас во весь рост встает решение важной задачи. В связи с очищением Прибалтики все острее становится вопрос — куда денутся наши фронты, а следовательно, куда, на какой участок сократившегося фронта, отправимся и мы. На юг, или в сердце. А на юге Румыния подходит к концу, или нынешняя Румыния фактически окончена, так как Северная Трансильвания находится фактически у Румынии. Проклятое отсутствие газет выводит из себя. Сейчас они снова особенно нужны. А до срока осталось 40 дней. Но вестимо, это не основной удар. Он еще впереди.

23/IX 44 г.

Задача состоит в том, чтобы держать Германию и впредь в тисках между двумя фронтами.

В этом ключ к победе.

Отныне и навсегда наша земля свободна от гитлеровской нечисти. Теперь за Красной Армией останется ее последняя заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы. Есть основание рассчитывать, что эта задача будет выполнена Красной Армией в ближайшем будущем.

И. Сталин. Доклад. 6/XI 44 г.

---

[1] Таленский Николай Александрович, генерал-майор, ответственный редактор газеты «Красная Звезда» (1945—1949).

Трудовые подвиги советских людей в тылу, ровно как и неменкнущие ратные подвиги наших воинов на фронте, имеют своими источниками горячий и животворный патриотизм.

Теперь, когда идет к победоносному концу Отечественная война, встает во всем величии историческая роль советского народа.

Наш народ по праву стяжал себе славу героического народа.

Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжелой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своем единоборстве с гитлеровской Германией и ее сообщниками одержали экономическую победу над врагом.

Задача состоит не только в том, чтобы выиграть войну, но и в том, чтобы сделать невозможным возникновение новой агрессии и новой войны, если не навсегда, то, по крайней мере, в течение длительного периода времени.

И. Сталин. 6/XI 44 г.

Советская граница, вероломно нарушенная гитлеровскими полчищами 22 июня 1941 г., восстановлена на всем протяжении от Черного до Баренцева моря. Дни гитлеровского кровавого режима сочтены. Завершается окружение гитлеровской Германии. Логово фашистского зверя обложено со всех сторон и никакие ухищрения врага не спасут его от неминуемого нового разгрома.

Красная Армия и армии наших союзников заняли исходное положение для решающего наступления на жизненные центры Германии.

Задача сейчас состоит в том, чтобы стремительным натиском армий Объединенных наций в кратчайший срок сокрушить Гитлеровскую Германию.

И. Сталин. Приказ № 220. 7/XI 44 г.

Сабуров[1] вспомнил ту, первую речь Сталина во время войны, — ту, которую в последний день перед отъездом на фронт он слышал в своей одинокой комнате в Москве.

К вам обращаюсь я, друзья мои, — сказал тогда в июле Сталин голосом, от которого Сабуров дрогнул.

---

[1] Сабуров Максим Захарович (1900—1977), советский партийный и государственный деятель.

Кроме обычной твердости, была тогда в этом голосе какая-то интонация, по которой Сабуров почувствовал, что сердце говорящего обливается кровью.

Это была речь, которую он потом неизменно вспоминал. В минуты самой смертельной опасности. Причем вспоминал даже не по словам, не по фразам, а по голосу, каким она была сказана, по тому, как в длинных паузах между фразами булькала наливаемая в стакан вода. И хотя в то утро он был один на один со своим репродуктором, но ему неизменно казалось, что именно тогда, слушая эту речь, он дал клятву сделать все, что в его силах. Он думал, что Сталину было тяжело, и в то же время он решил победить во что бы то ни стало. И это соответствовало тому, что чувствовал тогда сам Сабуров, потому что и ему тогда тоже было тяжело, и он тоже решил победить во что бы то ни стало.

Говорят, что помнить — это значит жить.

Культура — не рента, а процесс созидания.

Истинный патриотизм скромен и не имеет ничего общего с национализмом.

Патриотизм это братство, а национализм — резня и смерть.

Если до Треблинки[1] антисемитизм мог казаться бытовым уродством, теперь это слово пропитано кровью и справедливо говорят, антисемитизм — международный язык фашистов.

Нельзя освобождать народы от фашистов одной масти, и отдавать в руки фашистам другой масти. Фашизм — страшная раковая опухоль. Ее нельзя лечить на минеральных водах. Ее нужно удалить. Народы, узнавшие тиранию фашистов, поймут нас без долгих слов: на дворе вес народов, а не дипломатов.

Велики раны народов мира, но они слепотой не страдают. Они помнят все. Они вспомнят все в зале суда. О страшных годах они не забудут и после победы. Мы должны помнить: это наш долг и перед мертвыми героями, и перед детьми.

Пусть неустанно стоят перед нашими глазами жестокие видения: этой ценой мы спасем мир. Я знаю, что легче забыть, но мы не забудем. Мы даем клятву: помнить, помнить и помнить.

И. Эренбург. Помнить. 18/XII 44 г.

---

[1] Треблинка (*Treblinka*), нацистский лагерь смерти у польской деревни Треблинка.

Сорок месяцев Родина ждала этого. Сорок месяцев, глядя на развалины наших городов, на пепел наших сел, мы в тоске думали, когда же? Теперь этот день наступил: Красная Армия вступила в Германию.

С 22 июня 41 года, с того воскресенья, с того репродуктора, с тех слез матери или жены, и вот то сегодня, сорок месяцев, тысячи двести дней, и столько же ночей, отступая. Наступая в Калмыкии, у Волги, возле «дома Павлова», переплывая на плащ-палатке Днепр, в Карпатах, в Эстонию, где бы и когда бы мы ни были, мы ждали этого дня. И он пришел, мы на немецкой земле!

Теперь — дальше. В глубь! Мы еще только в сенях на пороге. Дальше Кенигсберг. Там Кох[1]. Там мразь. Нужно туда, нужно и дальше — в Берлин. У тигра еще есть клыки, пусть вставные, пусть подержанные, но клыки. Еще есть у них и танки, и артиллерия, и солдаты, еще труден путь. Но мы дойдем. Вторая пара крыльев вырастет за плечами у каждого, ведь мы в Германии! Граница позади, а впереди то счастье, о котором и другу не рассказать, и матери не написать: победа, и полная, чтобы отставить винтовку, сесть за стол и слабой улыбкой большого пережитого горя большой выстраданной радостью улыбнуться меньшому.

И. Эренбург. 25/X 44 г.

Право командира вытекает из двух вещей, из двух его обязательств перед бойцами. Первое обязательство, моральное, что ли, — это делить с ними всю тяжесть похода и всю опасность боев. Второе — обязательное безупречное воинское умение. Воюй так, чтобы из 20 возможных ты находил единственное правильное решение.

Это разные вещи: дисциплина и внутреннее душевное поведение. Командиру и нужно добиться, чтоб эти разные вещи в одно слились, чтоб в основе железной дисциплины лежала вера в своего командира. Учить других — это значит самому учиться. Работать много. И многое нужно знать. Вначале до войны мне казалось просто все.

Моральное воздействие плотного оглушающего огня большое. Поди разберись во время боя, когда пули свистят и воюют

[1] Кох Эрих (Koch) (1896—1986), гауляйтер Восточной Пруссии, рейхскомиссар оккупированной Украины.

вокруг, целится по тебе противник, или нет. Все равно хлопочешься, жмешься к земле. Единственный вывод: находишься в бою, веди огонь, плотный, напряженный, подавляй им противника, жми его к земле.

В. Гросман. Сын народа

На наших глазах сражаются и умирают герои. Мы хотим знать их душу, а зачастую мы видим условные изображения. Если бы Зоя Космодемьянская оказалась впереди нас, может, ее не узнали бы...

Мы видим победу, нужно разглядеть победителей. Тогда станет ясно, что героика этих лет не случайна, не свалилась с неба, что она предопределена развитием человека, и вместе с тем, что она не феномен, не исключение. Она может ярче сказаться в одном, остаться в другом неприметной, но она заложена в природе нашего общества.

Если мы побеждаем, это означает, что не одиноки были Олег Кошевой и его друзья — за ними шли миллионы, а за дезертирами, или за теми двурушниками, которых прозвали «коленками», и немецкими овчарками, не оказалось никого, кроме теней на панели.

И. Эренбург. 5/XI

Настоящая, горячая жизнь, она где-то там, она есть, но сколько нужно пройти трудностей, чтобы не жизнь вела меня по своему пути, а я двигала ее, только тогда я вправе называться человеком.

Нина Константинова[1]

Итак, да здравствует упорство: побеждают только сильные духом. К черту людей, не умеющих жить полезно, радостно и красиво.

Жить сегодня — это значит трудиться для завтрашней победы. Победить — это значит завоевать свободу и счастье для человечества.

Это будет народная война. В этой последней схватке судьбу мира будут решать мужество, отвага, беззаветная преданность революции, молодых людей нашей страны.

Н. Островский

---

[1] Не удалось определить, о ком идет речь.

Мы хотим молчания, холодной ненависти и презрения, которое должно встать над поверженной Германией. Мы хотим суд, и этот суд будет. Тому порукой наша страна и наш народ. Я уважаю американскую добропорядочность и английское правосудие. Но нужно много пережить, чтобы все понять, и когда я думаю о справедливости, я вижу ее не в парике судьи, не во фраке дипломата, а в выцветшей, помятой от дождя гимнастерке с ленточками тяжелых ранений и сухими от жажды губами — вместе с бойцами она идет на Запад.

И. Эренбург. 27/IX 44 г.

До чего тяжело все это читать. Видно, наши друзья снова начали мудрить и снова проклятая возня за кулисами войны, а ведь это происходит в то время, когда продолжается гром орудий и кровь льется рекой, когда развалины городов и сел, кровь тысяч и миллионов погибших людей зовет к мести. Гнусно и обидно слушать об этом.

Мы с каждым днем ближе к цели. Одно чувство омрачает рассвет победы: тревога, понесут ли детоубийцы заслуженное наказание. Мир знает имя Лидице, но кто, кроме жителей Псковской области знает имя Добровидки? Там 27 ноября 1943 года немцы согнали крестьян в церковь и церковь взорвали. Кто знает имена Заболотье, Пустошки, Васильки, Лосна, Щелкуново, Селяево? Там тоже женщины рожали, росли дети, и коротали век старики. Там немцы кидали детей в колодцы, жгли девушек и привязывали старух к конским хвостам.

Чем вызвана тревога, омрачающая наши победы? Мы не боимся укреплений в Восточной Пруссии, линий Зигфрида, Рейна или Одера. Мы знаем, что Красная Армия и армии союзников преодолеют все барьеры. Мы опасаемся другого. Трагического водевиля.

Будет мир, будет жизнь, будут будни жизни, но как мы сможем жить, если страшные злодеяния не будут наказаны. Мы не будем убивать детей, это понимает каждый, — мы люди. Мы не станем душить газами, отрезать груди у девушек, закапывать живых, мы не отдадимся инстинкту мщения. Но мы хотим знать, что все преступники понесут наказание. Мы хотим знать, что Смоленск и Варшава, Руан и Белград будут отстроены до того, как немцам позволят отстроить Любек и Кёльн.

Партия —
рука миллионопалая,
сжатая
в один
громящий кулак...
Партия —
это миллионов плечи,
друг к другу
прижатые туго.
Партией
стройки
в небо взмечем,
держа
и вздымая друг друга[1].

В. Маяковский

Нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию и партия ответственна за всякого члена.

В. Ленин

Мы, большевики, люди особого покроя... Большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами... Нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе.

И. Сталин

Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивает партии своевременное проведение исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма.

С. Киров

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте высокое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту заповедь.

И. Сталин

Я готов и впредь отдать делу рабочего класса все свои силы, все свои способности, а если понадобится, всю свою кровь, капля за каплей.

И. Сталин

---

[1] Отрывок из поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1925).

Большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антея. Они, так же как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с массами, которые породили, вскормили и воспитали их. И когда они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы остаться непобедимыми.

И. Сталин

Держись, ребята, за руль, режь волны, наша возьмет!

И. Сталин

В трудные времена 1941—1942 годов в партию шли те, кто решил навсегда связать свою судьбу с партией. Теперь, когда победа уже близка, наш партийный дом вместе с тысячами достойных, действительно передовых людей могут проникнуть случайные, карьеристские люди, чуждые и враждебные элементы, которые пытаются использовать принадлежность к партии в своих корыстных целях.

Генерал-майор М. Дребеднев[1]. 17/IX 44 г.

Жизнью мы не играем. Жизнь дорога каждому из нас, но раз борьба началась, значит для того, чтобы победить — ничего нельзя жалеть, нельзя жалеть и самой жизни.

М. Калинин

Участь Германии решена. Война проиграна Германией окончательно.

В. Молотов. Нота Болгарии. 5/IX 44 г.

Армии СССР, Великобритании и США со всех сторон штурмом пробивают себе дорогу к важнейшим жизненным центрам Германии, и не за горами время, когда будет возвещено о торжестве этих усилий. Вот теперь [война] идет к концу.

Совинформбюро. 22/VI 44 г.

Сталин возглавляет нашу борьбу.
Сталин победил, значит победим.
Правда, потому что Сталин — правда советского народа.

Н. Тихонов

В десятках крупнейших битв она не только повторила, но и далеко превзошла классические Канны. Наполеоновское «солн-

---

[1] Дребеднев Михаил Федорович (р. 1905) генерал-майор, в 1942—1943 гг. — начальник политуправления Калининского фронта.

це Аустерлица» померкло в свете таких ее замечательных побед, как Московская, Сталинградская, Днепровская, Белорусская и множество других. Патриотическая гордость — горячее и животворное чувство. Каждый воин Красной Армии, проникнутый этим чувством, всегда и везде помнит, что его долг — и в большом, и в малом — быть достойным представителем могущества, величия, культуры нашей Родины, ее благородства, ее моральной силы.

«*Красная Звезда*». 26/XI 44 г.

Всякий кризис одних надламывает, других закаляет.

В. Ленин

Война — бедствие, решительная победа — конец войны.

А. Суворов

Страшнее всего для человека — сделка со своей совестью.

Л. Соболев

Они жили в Ленинграде

Я сегодня пережил с тобою
Все твои страданья, Ленинград!
И с тяжелым гневом, болью и тоскою
Я смотрел в минувшее — назад.

Видел дни тяжелые блокады,
Голод, холод, смерть и нищету.
Ты же, опрокинув все преграды,
Стоек оставался на посту.

Кулаки сжимаются до боли,
И слеза сползает с влажных век....
Небывалым напряженьем воли
Победителем здесь вышел человек.

И хоть брежу я всегда Москвою,
И теперь любить тебя я рад.
Я сегодня пережил с тобою
Все твои страданья, Ленинград!
Ночь, 5—6 декабря 44 г., г. Двинск

Ночное

Думы мои, думы,
Тяжко мне с вами...

Ты сегодня ночью
У меня была,
Мне глядела в очи,
За руку брала.
Я с той лаской нежной
Ночь провел без сна,
И зимою снежной
Ворвалась весна.
И рука так ласково
На плечо легла...
Радужными красками
Ночь вдруг расцвела.
И коснулись губы
Моего лица,
Лишь белеют зубы,
Да стучат сердца.
И рукой любимую
Я хочу обнять[1]

Крепко целовать.
Сладкою истомой
Весь наполнен я.
В темноте укромной
Снова ты моя.
Волосы рассыпались
Прямо мне на грудь...
Ну, куда торопишься?
У меня побудь!..
Вот мечта ночная,
Но пришел рассвет.
Комната пустая,
И тебя уж нет.
Что ж, до новой ночи
Ты придешь опять,
Поглядишь мне в очи,
Будешь целовать.

29—30 декабря 1944 г., г. Двинск

[1] Пропуск текста.

Новогодний вальс

Я новый год в четвертый раз
Встречаю без тебя,
Так вдалеке в полночный час
Ты вспоминай меня,
Не так встречал я новый год
В былые времена
Война на запад нас ведет
И ты опять одна
Бывало тысяча огней
Пылало под Москвой,
А я ловил огни очей
Любимой, дорогой....
Сейчас далек я от Москвы
И от ее огней,
Давно не видел ни жены,
Ни милых дочерей...
Сижу в фортеции сейчас,
Потушены огни
Народу много вокруг нас,
Но мы с тобой одни.
Вот бьют часы двенадцать раз
И Новый год настал
А в этот миг в полночный час
Тебя я вспоминал.

Декабрь 44 — январь 45 г.

На час запомнив имена,
Здесь память долгой не бывает,
Мужчины говорят «война»...
И наспех женщин обнимают.

Спасибо той, что так легко,
Не требуя, чтоб звали милой,
Другую ту, что далеко,
Им торопливо заменила.

Она возлюбленных чужих
Здесь[1]
В недобрый час согрела их
Теплом неласкового тела...

[1] Пропуск текста.

А им, которым в бой пора,
И до любви дожить едва ли
Все легче помнить, что вчера
Хоть чьи-то руки обнимали.

Я не сужу их, так и знай
На час дозволенных войною,
Необходим нехитрый рай
Для тех, кто послабей душою.

Пусть будет все не так, не то
Не вспомнишь в час последней муки
Пускай чужие, но зато
Вчерашние глаза и руки.

Это то самое Симонова, о котором мы говорили с Ирой и так совсем до конца не поняли, но согласились друг с другом. Пожалуй, самое откровенное стихотворение об этом за войну и именно эта откровенность, что может показаться грубым и вульгарным, и передает подлинное положение вещей. Мужчины говорят «война»... к сожалению, чересчур часто это говорят, и далеко не всегда это оправданно. Слишком часто этим словом прикрывают всякую гнусь, не имеющую с войной ничего общего. А вот эти строки против — это и мое отношение к этому. Может, для тех, кто «послабей душой», и действительно подходит этот нехитрый рай, только бы это не становилось во главу угла, и к этому не сводилось все. Чтобы не заполнять эту жизнь.

В другое время, может быть,
И я бы прожил час с чужою,
Но в эти дни не изменить
Тебе ни телом ни душою.

Как раз от горя, от того,
Что вряд ли вновь тебя увижу
В разлуке сердца своего
Я слабодушием не унижу.

Случайной лаской не согрет,
До смерти не простясь с тобою
Я милых губ печальных след
Навек оставлю за собою.

К. Симонов. 1941

Вот в этом всё. Именно [война] и определяет мое поведение. «В другое время может быть»... Чем на тех, кто «послабей душой», война подействовала именно в том направлении, что все позволено, то «как раз от горя от того, что вряд ли вновь тебя увижу»... Именно поэтому я себе раз и навсегда все запретил и нет у меня в этом ни желаний, ни страстей, кроме ее.

Она и только она.

27/XII 44 г.

«Гордый человек»[1] *Симонова*

Прочел два куска, сейчас еще трудно говорить обо всем, так как не ясен замысел, но очень интересно, правдиво и жизненно. Так могло быть вполне и история с Зинаидой К. и Никольском написана. Хорошо, и в это верится. И становление новой семьи, разрушенной войной, совершенно понятно. И в то же время понятно и даже больше чем понятны чувства Маркушева и его ревность за убитого друга к новому мужу. Это близко, мне тоже, кажется, трудно было бы первое время подавить неприязненные чувства к этому, вполне понятному и правильному поступку.

Никогда не исчезающая у женщины потребность составить счастье человека, который ее любит.

В нем всколыхнулась вся горечь трех с половиной лет ожидания встречи, все тревоги и сомнения. Хотя где-то в глубине души он бесконечно верил в то, что в его семье — ничего не переменилось, но как это часто бывает с фронтовиком, говорил об этом гораздо грубее вслух, чем думал про себя.

В эту минуту он отдал бы, кажется, все на свете, чтобы перенестись через час туда, к себе, увидеть ее и детей, какие они стали, стряхнуть с себя все мучительные сомнения и по одним глазам ее без вопросов убедиться, что то, во что он в глубине души верил все эти годы, правда.

Много смертей принесла война, но эта смерть особая и прямо резанула по сердцу: умер Ромен Роллан.

Этот человек был хозяином многих моих мыслей, и «Кола Брюньон» входит в число самых любимых книг моих. Он рядом с «Войной и Миром», бальзаковским «Отцом Горио» и еще

[1] «Гордый человек» — рассказ К.М. Симонова (1945).

двумя — тремя книгами. Такого чудесного языка, который не утратил своего аромата даже в переводе, такого оптимизма и любви к жизни мало в литературе. И вот о нем всего несколько строчек мелкого шрифта. Я помню смерть Барбюса, Горького, Станиславского и поэтому эти мелкие строчки кажутся просто личной обидой. Нехорошо.

Наверно, все это связано с позицией, занятой им во время войны, но Лев Толстой, несмотря на Толстовство, велик в веках, так и здесь, он не стал от этого меньше.

11/I 45 г.

Горе и счастье

В четвертый раз мы встречаем Новый год в разлуке с нашими близкими. Не вино жжет нам небо — соль слез, желчь обид. Но теперь мы вправе сказать друг другу: самое страшное позади. Розовеет небосвод, и впереди победа, первое утро глубокого мира.

Рис. 5. Фронтовая фотография М.Т. Белявского. 1945 г.

Мы не забудем годы горя. Встречая 1942 год, мы улыбались первой надежде: освобождена Калуга. На пороге 1943 года мы радовались: немцы окружены у Сталинграда. Да и год назад мы не думали о Будапеште, мы говорили: наши в Житомире. И вот новые цифры: 1945... Теперь мы можем смотреть на карту без горечи. Мы выбрались из заколдованного леса, мы на опушке, и мы уж видим конец.

На картинках жизнь кажется подстриженной, гладкой, одинаковой. А была у каждого из нас своя жизнь, теплая и косматая, как пусть были свои привычки, свои привязанности, свои увлечения.

Закрыв глаза, вспомним: улица, дома и в новогоднюю ночь светились все окна и можно было заглянуть в окно и увидеть разное.

Нужно все помнить, посыпать солью раны сердца, чтобы не зарубцевались. Забудем ли мы прошлое? Нет! Напрасно немцы рассчитывают на нашу забывчивость. Они ворвались к нам. То лето, то воскресенье, то утро мы вспомним в Берлине. Сорок пятый ответит за сорок первый.

Человеческое сердце устроено так, что тяжелее всего в последнюю минуту перед развязкой. Можно пройти сто верст, а самые трудные последние сто шагов.

Прежде говорили: с Новым годом, с новым счастьем. Может быть, мы не знаем, что такое счастье. Нужны были годы в окопах, в блиндажах, в окопах[1], в грязи, в снегу, в крови. Нужно было хлебнуть горя, потерять братьев, сына, друга, чтобы понять простое слово «счастье». Мы говорим теперь: счастье будет, большое человеческое счастье, когда солдат, вернувшись с победой, обнимет жену, возьмет на руки сына, оглядит знакомые с детства дома, деревья, увидит родные лица. Счастье будет настоящее счастье, когда вспыхнут огни городов, когда перестанут женщины в тоске спрашивать: «Есть ли письмо?». Счастье будет, счастье победы. И теперь мы скажем: С Новым годом, с годом победы!

И. Эренбург. 1/I 45 г. «Сов. Латвия»

Эта неделя перевернула все. Началось, да как началось. Такого не было за всю теперешнюю войну, а она знает разные наступления. Даже после лета 44 г., которое поразило нас темпами, размах и темпы наступления, которое идет от Балтийского моря, до Карпат и идет прямо необычайно, просто поражает своей грандиозностью по масштабам и темпам. Неделя наступления коренным образом изменила ход войны и наступление на фронтах. Какая-нибудь неделя наступления, и вот Варшава, Лодзь, Краков, Ченсотхов и тысяча населенных пунктов. Короче говоря, со средней и южной большой конец. Вопрос о западной и северной. С Сандомирского плацдарма наши сразу оказались у Силезии. Война пришла сразу к Германии. Да и к какому месту Германии. Сроки конца приближаются семимильными шагами. Теперь до Германской границы.

20/I 45 г.

---

[1] Неумышленный повтор.

Рис. 6. Профессора И.М. Белявская и М.Т. Белявский у здания исторического факультета МГУ. 1965 г.

В твой простенький портрет,
Что-то в нем непривычно ново,
И чего-то прежнего нет.

И снова на миг единый
Опять мы с тобой вдвоем...
Это война морщины
Положила на лбу твоем.

Взгляд незнакомый строже,
Складка горечи вокруг рта
И любовь твоя верно тоже
Та и уже не та.

Стало сердце нежней и чище,
Хоть сурова войны печать
Только те, кто душою нищи,
Не умеют верить и ждать.

Вера Любви.

Именной указатель

А

Алейников Петр Мартынович 131, 148, 204
Александер Тунисский Гарольд (Alexander of Tunisia) 277
Александр Ярославич Невский 93, 237
Александров Георгий Федорович 151
Алигер Маргарита Иосифовна 42, 185, 192, 347
Алиев Мирза Ага Али оглы 202
Анджапаридзе Вера Ивлиановна 203
Антонеску Ион (Antonescu) 274, 296
Антоновская Анна Арнольдовна 267
Апанасенко Иосиф Родионович 205
Асеев Николай Николаевич 98, 217, 291
Афиногенов Александр Николаевич 119, 351
Ашрафи Мухтар 201

Б

Бабочкин Борис Андреевич 247
Бабушкин Иван Васильевич 35
Баграмян Иван Христофорович 358
Багрицкий Эдуард Георгиевич (Дзюбин) 267
Байрон Джордж Гордон Ноэл (Byron) 97, 117
Бальзак Оноре де 82, 131, 375,
Баратов Леонид Васильевич 203
Барбюс Анри 95, 244, 321, 376
Батурин Александр Иосифович 202, 203

Бачелис Илья Израилевич 85, 101
Бедный Демьян (Е.А. Придворов) 196
Безыменский Александр Ильич 97, 98
Белинский Виссарион Григорьевич 98, 105, 116, 121, 215
Беляев Василий Николаевич 203
Беляков Александр Васильевич 174
Бенеш Эдвард (Beneš) 310
Берггольц Ольга Федоровна 347
Бисмарк Отто фон (Bismarck) 149, 174
Благинина Елена Александровна 99
Боголюбов Николай Иванович 131, 148, 297
Браун Николай Леопольдович 129

В

Ванин Василий Васильевич 147, 203
Варламов Леонид Васильевич 109, 203
Варынский Людвиг Северинович 118
Василевская Ванда Львовна 41, 109, 148, 158, 171, 172, 182
Василевский Александр Михайлович 307, 357, 358
Васильев Сергей Александрович 241
Ватутин Николай Федорович 251, 255, 277, 308, 332
Вахрушев Василий Васильевич 218
Верещагин Василий Васильевич 242
Вернер Макс (Шифрин) 166
Верхарн Эмиль 161
Вильямс Петр Владимирович 202, 203
Вишневский Всеволод Витальевич 133, 223, 326
Воронов Николай Николаевич 187
Ворошилов Климент Ефремович 55, 148, 277

Г

Габрилович Евгений Иосифович 203, 238, 245
Гайдар Аркадий Петрович (Голиков) 326
Ганди Мохандас Карамчанд 150
Гарриман Уильям Аверелл 150, 154
Гашек Ярослав (Hašek) 120
Геббельс Йозеф Пауль (Goebbels) 165, 222
Гегель Георг Вильгельм Фридрих (Hegel) 237
Гейдрих Рейнхард (Heidrich) 100

Гейне Генрих 105, 107, 108, 130, 233, 264
Герасимов Александр Михайлович 202, 204
Герцен Александр Иванович 5, 6, 124, 195
Гете Иоганн Вольфганг (Goethe) 93, 219, 237, 238, 266
Гитлер Адольф (Hitler) 16, 44, 49, 86, 95, 100, 102, 114, 125, 126, 165, 167, 172, 175, 177, 182, 189, 190, 222, 228, 242, 247, 257, 269, 273, 274, 279, 298, 314, 356, 360, 362
Глинка Михаил Иванович 105
Говоров Леонид Александрович 279, 327
Гоголь Николай Васильевич 131, 159, 300
Голль Шарль де (Gaulle) 295, 310, 358
Голубов Сергей Николаевич 233
Голубев Константин Дмитриевич 125
Горбатов Борис Леонтьевич 89, 146, 148, 217, 220, 221, 241, 244, 245, 249
Горький Алексей Максимович (Пешков) 17, 89, 91, 96, 97, 98, 105, 124, 134, 145, 149, 159, 161, 179, 185, 196, 212, 215, 234, 301, 376
Грибков Владимир Васильевич 243
Громов Михаил Михайлович 125
Громова Ульяна Матвеевна 235
Гроссман Василий Семенович 134, 147, 167, 180, 183, 218, 219, 326, 367
Гуртьев Леонтий Николаевич 187, 205
Гусев Виктор Михайлович 165

Д

Давыдов Денис Васильевич 105
Дарлан Франсуа (Darlan) 167, 168, 177, 295
Дегтярев Василий Алексеевич 142
Державин Гаврила Романович 116, 196
Дзержинский Феликс Эдмундович 266
Добролюбов Николай Александрович 233
Долматовский Евгений Аронович 90, 109, 133, 352
Драгомиров Михаил Иванович 322, 350
Дребеднев Михаил Федорович 370
Дьюи Томас Эдмунд (Dewey) 341
Дэвис Джозеф Эдвард (Davies) 174

Е

Еременко Андрей Иванович 216, 309, 357
Ермилов Владимир Владимирович 159
Ефимов Борис Ефимович (Фридлянд) 282

Ж

Жаков Олег Петрович 245
Жаров Михаил Иванович 243
Жданов Андрей Александрович 279
Желябов Андрей Иванович 118
Жуков Владимир Семенович 285
Жуков Георгий Константинович 187, 293, 305, 307, 308, 357, 358
Жуков Николай Николаевич 202
Жуковский Василий Андреевич 109, 123

З

Заславский Давид Иосифович 175, 176
Захаров Ростислав Владимирович 202, 203
Земнухов Иван Александрович 235

И

Иванов Всеволод Вячеславович 219
Иванов-Радкевич Николай Павлович 201
Иден (Eden) Энтони 33, 236
Ильенков Василий Павлович 158, 220, 268
Ильичев Леонид Федорович 171, 172
Инбер Вера Михайловна 264
Иннокентий — Иосиф Федорович Дубровинский 33
Иогансон Борис Владимирович 204
Исаковский Михаил Васильевич 217

К

Калинин Михаил Иванович 85, 100, 102, 215, 297, 300, 320, 370
Каминка Эммануил Исаакович 134
Каплер Алексей Яковлевич 185
Караваева Валентина Ивановна 203
Карлеон Виктор 8, 20, 21,43, 45, 46, 50, 52, 69, 70, 71, 73, 74, 178, 179, 184, 210, 212, 239, 240, 259, 263, 265, 268, 269, 287, 288, 292, 330, 331, 337

Карлеон Анна 45, 46, 52, 212, 240, 262, 268, 269, 288
Кармен Роман Лазаревич 147
Киров Сергей Миронович (Костриков) 88, 102, 131, 147, 171, 268, 369
Кирсанов Семен Исаакович (Кортчик) 111, 235, 239, 286
Клаузевиц Карл фон (Clausewitz) 233, 237, 350
Клейст Эвальд фон (Kleist) 161
Климов Михаил Михайлович 180
Клочков (Диев) Василий Георгиевич 94
Книпович Евгения Федоровна 158
Князев Василий Васильевич 92
Коваль Мариан Викторович 201
Кожевников Вадим Михайлович 185
Коллонтай Александра Михайловна 122
Колчак Александр Васильевич 87, 102
Комаров Владимир Леонтьевич 267
Кон Феликс Яковлевич 118
Конев Иван Степанович 250, 255, 285, 305, 308, 357
Корнейчук Александр Евдокимович 18, 41, 44, 103, 149, 170, 247
Коробов Павел Иванович 218
Короленко Владимир Галактионович 94
Костиков Андрей Григорьевич 142
Кох Эрих (Koch) 366
Кошевой Олег Васильевич 234, 235, 367
Кригер Евгений Генрихович 164
Кругликова Елена Дмитриевна 202, 203
Кружков Ник. 196
Крылов Иван Андреевич 121
Крылов Петр 36, 326
Крючков Николай Афанасьевич 158, 243, 247
Кубе Вильгельм (Kube) 222
Купала Янка (Иван Доминикович Луцевич) 119
Кутузов Михаил Илларионович 17, 91, 92, 105, 233, 301, 333

Л

Лебедев-Кумач Василий Иванович 94, 124, 243
Лей Роберт (Ley) 282
Ленин Владимир Ильич (Ульянов) 88, 89, 90, 91, 92, 94, 95, 103, 104, 105, 111, 119, 122, 131, 132, 149, 155, 163, 179, 214, 215, 237, 247, 276, 278, 279, 284, 326, 358, 369, 371

Леонов Леонид Максимович 147, 175, 301
Лепешинская Ольга Васильевна 243
Лермонтов Михаил Юрьевич 117, 123, 171, 196, 204, 219
Лидов Петр Александрович 42
Линкольн Авраам 149
Литвинов Максим Максимович (Валлах Макс) 86
Ллойд Джордж Дэвид 92, 341
Любимов-Ланской Евсей Осипович (Гелибтер) 180
Людендорф Эрих (Luedendorff) 183

М

Макаренко Антон Семенович 343
Максакова Мария Петровна 244
Маленков Георгий Максимилианович 218
Малиновский Родион Яковлевич 308, 362
Манизер Матвей Генрихович 202
Манн Генрих (Mann) 247
Маннергейм Карл Густав Эмиль 303, 329
Манштейн Эрих фон (Mannstein) 252, 257, 296
Марецкая Вера Петровна 147, 204, 297
Маркс Карл (Marx) 90, 99, 118, 121, 237
Маршак Самуил Яковлевич 217
Маяковский Владимир Владимирович 91, 93, 95, 99, 104, 111, 116, 123, 137, 159, 162, 266, 300, 329, 342, 369
Мелик-Пашаев Александр Шамильевич 202, 203
Менделеев Дмитрий Иванович 204
Мерабишвили Константин Михайлович 202
Меринг Франц (Mehring) 50, 197
Микоян Анастас Иванович 218
Михалков Сергей Владимирович 141, 184
Молотов Вячеслав Михайлович (Скрябин) 17, 75, 97, 113, 218, 236, 299, 370
Момыш-улы Бауыржан 321
Мухина Вера Игнатьевна 202, 204

Н

Некрасов Николай Алексеевич 98, 116, 120, 131, 159, 162, 163, 164, 320
Немирович-Данченко Владимир Иванович 179

Неру Джавахарлал 150
Нестеров Михаил Васильевич 119, 179
Никулин Лев Вениаминович (Ольконицкий) 197
Новиков-Прибой Алексей Силыч 326

О

Оборин Лев Николаевич 201
Ойстрах Давид Федорович 201
Олендер Петр 326
Остапенко Семен Маркович 234, 235
Островский Николай Алексеевич 105, 163, 267, 268, 320, 367

П

Павленко Петр Андреевич 193, 334
Павлов Иван Петрович 105
Пазовский Арий Моисеевич 202, 203
Панфилов Иван Васильевич 170, 321,
Паулюс Фридрих Вильгельм 40, 44, 217
Паустовский Константин Георгиевич 205
Пельтцер Татьяна Ивановна 204
Первомайский Леонид Соломонович (Гуревич) 242, 343
Перовская Софья Львовна 118
Петров Евгений Петрович (Катаев) 119, 184, 219
Печуров 174, 180, 208
Пичета Владимир Иванович 5, 6, 72
Платонов Андрей Платонович (Климентов) 334
Плеханов Георгий Валентинович 105
Пожарский Дмитрий Михайлович 97
Поляков Александр Филатович 179, 196
Попков Петр Сергеевич 147
Попов Алексей Дмитриевич 202
Поспелов Петр Николаевич 171, 172
Прокофьев Александр Андреевич 48, 141, 182, 208
Прокофьев Сергей Сергеевич 201
Пушкин Александр Сергеевич 96, 97, 98, 103, 104, 105, 131, 224, 264, 289, 342
Пырьев Иван Александрович 147, 203
Пюше Пьер (Pucheu) 294, 295

Р

Райзман Юлий Яковлевич 203
Раскова Марина Михайловна 179
Репин Илья Ефимович 105, 131
Реглер Густав (Regler) 122
Рибар Иван (Ribar) 310
Родимцев Александр Ильич 187
Рокоссовский Константин Константинович 55, 56, 187, 229, 256, 278, 293, 332, 333, 357
Роллан Ромен (Rolland) 98, 108, 122, 375
Роммель Эрвин (Rommel) 115, 167, 181, 188
Рузвельт Франклин Делано 55, 162, 200, 216, 236, 255, 341
Руставели Шота 17, 86, 196, 202, 220
Рыленков Николай Иванович 197

С

Сабуров Максим Захарович 364, 365
Саварин Иван 292, 330, 331, 340, 345
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 149, 220, 221
Саянов Виссарион Михайлович 89
Свердлин Лев Наумович 243
Свердлов Яков Михайлович 34
Святослав Игоревич 106
Сельвинский Илья Львович 127
Серго — Георгий Константинович Орджоникидзе 35
Серова Валентина Васильевна 37, 246
Сеченов Иван Михайлович 105
Симонов Константин Михайлович (наст. имя Кирилл) 15, 37, 41, 80, 87, 99, 103, 104, 105, 106, 130, 134, 135, 140, 147, 157, 158, 159, 174, 175, 181, 243, 244, 246, 249, 270, 286, 301, 306, 323, 326, 328, 374, 375
Симонов Рубен Николаевич 202
Соболев Леонид Сергеевич 148, 185, 327, 350, 371
Соловцов Валерий Михайлович 203
Соловьев-Седой Василий Павлович 201
Софроницкий Владимир Владимирович 201
Сталин Иосиф Виссарионович 15, 17, 29, 33, 35, 36, 39, 42, 44, 51, 82, 86, 88, 91, 92, 93, 94, 95, 100, 102, 105, 113, 114, 122, 137, 141, 142, 150, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 169, 182, 183,

200, 209, 210, 214, 215, 216, 217, 218, 225, 226, 229, 231, 235, 236, 243, 259, 263, 281, 282, 304, 311, 312, 339, 357, 358, 362, 363, 364, 364, 365, 369, 370
Стендаль (Анри Бейль) 233
Суворов Александр Васильевич 17, 103, 121, 137, 143, 167, 216, 237, 350, 361, 371
Суриков Василий Иванович 105, 133, 134
Сурков Алексей Александрович 106, 146, 147, 155, 160, 178, 219, 263, 320

Т

Таленский Николай Александрович 363
Тарле Евгений Викторович 41, 232
Твардовский Александр Трифонович 42, 193, 207, 347
Тевосян Иван Федорович 218
Телешева Елизавета Сергеевна 180
Тельман Эрнст (Thälmann) 362
Тито, Броз Тито (Broz Tito) Иосип 310, 359, 361, 362
Тихонов Николай Семенович 85, 93, 133, 147, 163, 168, 170, 196, 221, 223, 235, 279, 370
Тоидзе Ираклий Моисеевич 131
Толбухин Федор Иванович 229, 307, 309, 362
Толстой Алексей Николаевич 91, 105, 106, 109, 110, 163, 175
Толстой Лев Николаевич 100, 105, 116, 117, 122, 159, 192, 202, 237, 264, 342, 347, 376
Толченов М. 303
Томпсон Дороти (Thompson) 165
Тренев Константин Андреевич 192
Тургенев Иван Сергеевич 121, 233, 265, 267, 342, 343
Тюленин Сергей Гаврилович 234, 235
Тютчев Федор Иванович 164, 184
Тяпкина Елена Алексеевна 243, 246, 297

У

Ужвий Наталья Михайловна 297
Уилки Уэнделл (Wilkie) 255, 341
Утесов Леонид Осипович 134, 306
Уткин Иосиф Павлович 107, 351
Уэллес Сэмнер (Welles) 166

Ф

Федюнинский Иван Иванович 125
Фейхтвангер Лион (Feuchtwanger) 17, 110
Фигнер Вера Николаевна 118, 119
Франклин Бенджамин (Franklin) 263
Фрунзе Михаил Васильевич 92
Фуллер (Fuller) Джон Фредерик Чарлз 236
Фурманов Дмитрий Андреевич 320

Х

Хачатурян Арам Ильич 201
Хвыля Александр Леопольдович 148
Хорава Акакий Алексеевич 203
Хэлл (Халл, Hull) Корделл 33, 142, 236

Ч

Чайковский Петр Ильич 105
Чапаев Василий Иванович 87, 109, 148, 159, 320
Черевков Василий Дмитриевич 205
Чернышевский Николай Гаврилович 131, 195, 221
Черняховский Иван Данилович 55, 332
Черчилль (Churchill) Уинстон 17, 33, 92, 115, 150, 154, 160, 166, 174, 176, 180, 200, 216, 236, 293
Чехов Антон Павлович 96, 105, 134, 145, 159, 342
Чиано Джан Галеаццо, граф Кортелаццо (Ciano) 257
Чиаурели Михаил Едишерович 203
Чирков Борис Петрович 131, 148, 247
Чуйков Василий Иванович 187

Ш

Шапошников Борис Михайлович 277
Шебалин Виссарион Яковлевич 201
Шевцова Любовь Григорьевна 234, 235
Шевченко Тарас Григорьевич 136
Шекспир Уильям (Shakespeare) 93, 142, 264, 289
Шестаков Николай Яковлевич 100
Шлиффен Альфред фон (Schlieffen) 296
Шмаринов Дементий Алексеевич 202
Шолом-Алейхем (Соломон Наумович Рабинович) 149

Шолохов Михаил Александрович 110, 115, 147, 194, 286, 337
Шпиллер Наталья Дмитриевна 202, 203
Шубин Павел Николаевич 87

Щ

Щербаков Александр Сергеевич 58, 214
Щипачев Степан Петрович 108, 133, 340

Э

Эйзенхауэр Дэвид Дуайт (Eisenhower) 214, 277
Эренбург Илья Григорьевич 16, 17, 38, 41, 49, 58, 92, 94, 95, 100, 103, 109, 110, 118, 120, 125, 126, 130, 137, 145, 147, 148, 153, 158, 162, 164, 174, 175, 176, 189, 190, 194, 195, 197, 199, 200, 213, 214, 216, 217, 219, 221, 222, 223, 227, 259, 263, 264, 266, 271, 273, 276, 298, 299, 301, 302, 323, 326, 333, 356, 360, 365, 366, 367, 368, 377
Эрмлер Фридрих Маркович 204
Эррио Эдуар (Herriot) 176

Я

Языков Николай Михайлович 133
Яковлев Борис Николаевич 202
Ярославский Емельян Михайлович 88, 163, 218

Содержание

Введение 3

Письма 28

Дневник И.М. Белявской 75

Дневники М.Т. Белявского 85

Тетрадь № 1 85

Тетрадь № 2 161

Тетрадь № 3 214

Тетрадь № 4 298

Тетрадь № 5 335

Именной указатель 379

ДНЕВНИКИ И ПИСЬМА
Ирины Михайловны
и Михаила Тимофеевича Белявских
(1941—1946)

Редакторы *Н.А. Любимов, И.Е. Новикова*
Художественный редактор *Ю.М. Добрянская*
Художник *В.А. Чернецов*
Технический редактор *З.С. Кондрашова*
Корректор *кто?*
Компьютерная верстка *Ю.В. Одинцовой*

Подписано в печать 00.00.2010 г. Формат 60 90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Ньютон. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 0000 экз.
Заказ № . Изд. № 9081

Ордена «Знак Почета»
Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел.: 629-50-91. *Факс*: 697-66-71,
939-33-23 (*отдел реализации*).
E-mail: secretary-msu-press@yandex.ru